

Анна Стриковская

Бегом за неприятностями

2

Приключения Лиссы и Беттины в разных мирах продолжаются.

Эверард Савард, архимаг и профессор Академии Магии, проснулся ранним утром, не вставать не торопился. Ему было хорошо, как никогда в жизни. Если бы сейчас его увидел кто-то из студентов, то не поверил бы своим глазам. Рот сурового преподавателя растянула совершенно идиотская счастливая улыбка. Причина счастья тихо спала рядом, приткнувшись к его боку.

Его жена Беттина Комин. Или теперь она тоже Савард? Он приподнялся на локте чтобы удобнее любоваться своей единственной. Длинная золотистая коса, обычно аккуратно свернутая и заколотая на затылке, растрепалась, темные ресницы бросают тень на округлую щеку, пухлые губы приоткрыты, выражение всегда серьезного личика такое расслабленное...

Нежный цветок, никогда не подумаешь что дракон.

После вчерашней бурной ночи оба не стали одеваться, сраженные сном, и теперь Савард не мог отвести глаз от нежных округлостей груди своей жены, от восхитительного изгиба талии и бедра, слегка прикрытого легкой простынкой.

Под его жарким взглядом Бетти зашевелилась. Сначала слегка потянулась, затем запрокинула голову и зевнула как котенок, открывая розовое небо и ряд мелких, но ровных зубов. Только после этого ресницы наконец вздрогнули и поднялись.

Увидев любующегося на нее мужа, Беттина залилась краской и стыдливо натянула простынку повыше. Савард протянул руку и погладил ее по плечу.

— Доброе утро, моя девочка.

— Доброе..., — прошелестела смущенная Бет.

— Ты такая красивая...

Он привлек ее к себе и зашептал горячо:

— Ты смущаешься, да? Стесняешься меня? Не надо, не стоит... Теперь я твой муж, а значит просто часть тебя. Ведь ты же не стесняешься своей руки или ноги?

Бетти захихикала и ткнула его пальчиком в живот. Кажется, слова Саварда ее приободрили.

— Ну вот еще, рука или нога! Выдумаешь тоже... Все! Встаем и пора за работу.

Вер хотел удержать ее, чтобы получить утреннюю порцию ласки, но услышал, что колокольчик у входной двери надывается.

Бетти тоже его услышала и, не выпуская простыни, легко вспорхнула с кровати, мигмом облачилась в пушистый махровый халат и стала ожесточенно драть гребнем свою косу. Не в ее привычках было появляться на людях неприбранной.

Савард натянул рубашку, штаны и сапоги, набросил камзол на плечи и быстро спустился в лавку. Для покупателей было безбожно рано, но это были явно не они. Кто успел прослышать про их женитьбу? Эмилис с Алессой? Соседи — драконы пришли поздравить Бет с обретением истинной ипостаси?

За дверью его ждал сюрприз. Там стояла Лисса, опирающаяся на руку своего дорогого Джимми. Парень казался невероятно взволнованным. Его всегда ровная челка растрепалась, голубые глаза сверкали, и было видно, что он вот только что сумел закрыть разинутый в восхищении рот.

— А мы к вам, — весело пропела Лисса, — поздравить и пожелать счастья. Вот,

подарки принесли!

— Заходите, заходите, — пригласил их внутрь профессор, — Сейчас завтракать будем. Вот Бетти обрадуется!

Лисса была готова сразу бежать наверх, поздороваться с подругой, но Джеймс залип у витрины с амулетами. Удивление его выразилось в том, что брови зажили на лице собственной жизнью, они то поднимались, то опускались, то складывались домиком, то съезжались на переносице. Кажется, парень был не готов поверить в реальность окружающего. Почему-то унылый мир Лиссиного отца он воспринял легче.

Савард тронул его за руку и поманил за собой.

— Не переживай, — шепнул он, — То ли еще будет. Миров много и все они разные. Этот еще очень ничего, уютный.

Математик пожал плечами и произнес задумчиво:

— Как-то я не представлял себе, что мои теоретические выкладки могут обернуться вполне осязаемыми результатами. Этот городок похож на старый европейский, но вот люди здесь внешне совсем другие. Я не говорю об одежде, у нас нечто подобное носили примерно в тридцатых годах прошлого века. Лиц таких я нигде раньше не встречал. Сразу видно, что мы не на Земле.

— Ты прав, мы на Кариане. Милый мир, тут живут люди, эльфы и драконы. Тебе понравится. А сейчас давай поднимемся к девочкам, а то знаю я их: будут обниматься и поливать друг друга слезами на ровном месте.

Как в воду глядел! Посреди гостиной стояли обнявшись Беттина и Лисса и плакали. Савард, несмотря на то, что его предсказание сбылось, выглядел обескураженным и крутил головой, прикидывая, куда смыться. Он, как всякий разумный мужчина боялся женских слез. Как ни странно, Джимми воспринял сцену легче.

— Ну, девочки, заканчивайте слезоразлив. Мы не за этим сюда из другого мира притащились. Давайте я уже познакомлюсь с уважаемой миссис Савард, принесу поздравления и будем дарить подарки.

Девушки отклеились друг от друга, Лисса подвела Беттину к своему мужчине и представила их друг другу. Вежливый блондин выразил восторг от того, что познакомился с лучшей подругой своей возлюбленной, и протянул Бетти коробку.

— Это от нас с Лизой. Не знаю, что там, но догадываюсь, что вам должно понравиться. Лиза сама выбирала, а она уверяет, что знает ваш вкус.

Внутри оказалась красивая вышитая скатерть с салфетками и комплект штор на окна, все в приятных горчичных и бронзовых тонах.

— Ой, — всплеснула руками Бет, — Вот кстати. А я только вчера думала, как мне переделать гостиную. Теперь буду знать, к чему подбирать обои.

— Это не все, — капризным тоном сказала Лисса, это только часть подарка. Так сказать дар вашему общему хозяйству. А теперь я сделаю подарок профессору и пусть он только попробует не принять!

— О чем речь, Авенар? — по старой памяти по фамилии обратился к ней Савард.

Лисса вытащила из своей сумочки сложенный в несколько раз листок плотной бумаги, взмахнула им, расправляя, и положила на стол. В ее руке возникло изящное перо, которым она расписалась, не макая его в чернильницу. Подпись вспыхнула золотым светом и погасла.

— Магический контракт?

— Дарственная. Я отказываюсь от своей доли в доме и деле в вашу пользу, профессор.

Мне не нужно, а у вас теперь семья. Неправильно будет, если вы станете жить в доме жены. Он должен быть общим.

Савард оторопел. Он стоял молча, не зная, что сказать. Надо было бросаться к Лиссе и благодарить ее, а с другой стороны, принимать такие дорогие подарки как-то... Хвала Богам, Бетти снова повисла на шее у подруге и облила ее новой порцией слез.

Затем вытерла глаза передником и, смущаясь, произнесла:

— Простите, я все плачу, как дурочка. Никогда раньше не плакала, а теперь... Но это от радости. Лис, ты меня так тронула... Ой! Подожди!

Она вдруг бросилась по лестнице вверх, туда, где спальни.

Савард, пользуясь отсутствием жены, проговорил смущенно:

— Ну что ты, Лисса, зачем... Но я не отказываюсь, — добавил он, увидев, что девушка готова разгневаться, — Спасибо тебе. Теперь у нас с Бетти будет настоящий дом, а ты и твой друг здесь всегда самые дорогие и желанные гости.

На этих словах сверху спустилась Бет, подскочила к столу и высыпала на него горку золотых монет из вышитого кошелька.

— Вот! Это твоя доля, Лис! Твоя и Джимми. Пусть ты отказалась быть моим компаньоном, но осталась моим поставщиком и я всегда буду честно делить с тобой доходы. Здесь твоя часть денег за то, что я успела продать.

Лисса оглядела порядочную кучку золота и с сомнением спросила:

— Ты, небось, все пополам поделила? Знаю тебя!

— Нет, то, что получено за мою работу, я оставила себе. Здесь доходы от продажи того, что ты притащила из мира своего друга.

— Так много?

— А что ты хочешь? Здесь это ценится и хорошо идет. Наша лавка оказалась очень популярной. Ой, да садитесь же! Я сейчас поставлю чайник и приготовлю завтрак.

Бетти, дождавшись, когда мужчины расположатся за столом, двинулась на кухню, Лисса, махнув Джимми рукой и подмигнув профессору, отправилась за ней.

— Пусть девочки поболтают, — сказал Савард, — А у нас свои мужские разговоры.

Джеймс с ним согласился, а затем взял из кучи пару монет и поднес к глазам.

— Фантастика! Никогда таких не видел.

Попробовал на зуб и констатировал:

— Золото высокой пробы. У нас такое стоило бы..., при цене за тройскую унцию..., — Он поднял глаза к потолку, затем стукнул себя по лбу и вытащил откуда-то сафьяновый чехол, а из него толстую линейку со странными шкалами, — Сейчас посчитаем. Сколько здесь монет? Ах, простите, я сейчас сам...

Но Савард уже привычным движением сортировал монеты и строил в столбики по десять.

— Сорок семь золотых. Каждый весом примерно в полтора нида. В нидах у нас драгоценные металлы измеряют. А в ваших мерах... Не знаю. Забери в свой мир и взвесь, тогда и посчитаешь. А что это у тебя за линейка интересная?

Джеймс протянул открытый футляр Саварду:

— Логарифмическая. Сейчас немодно такими пользоваться, для вычислений есть калькуляторы. Но я привержен к этому полезному устройству: оно работает без электричества и дает достаточно точные результаты. Такой линейкой можно пользоваться где угодно и когда угодно, не подведет. Ее, кстати, я хотел подарить вам. У меня дома другая

такая же.

— Спасибо! — умилился профессор, — Не откажусь. А как этой штукой считать?

— После завтрака могу научить вас минут за двадцать, — пообещал Джимми, она не только умножает и делит, но и в степень может возвести, корень извлечь и многое другое.

Профессор никогда не видел ничего подобного, но идея ему понравилась.

— Здорово! Слушай, парень, бросай уже мне «выкаты»! Наши женщины — подружки, так что мы на равных.

— Э — ээ, хорошо. Но мне как-то неудобно. Ты меня настолько старше...

— Брось. У долгоживущих не принято возрастом считаться, а то спятить можно. Ко мне так обращаются только ученики, а ты уж никак не ученик, скорее учитель. Я на «вы» только одного эльфа знакомого зову, и то не за возраст, хоть лет ему порядочно, а из уважения.

Девушки на кухне тоже не молчали.

— Бет, ну как? Ну как? — теребила подругу Лисса.

Ей было так интересно! Бетти уверяла в прошлый раз, что профессор нежный и ласковый, но поверить в это было выше ее сил. Столько лет она наблюдала за «бешеным» Савардом, грубияном, драчуном и ругателем, которого боялись не только студенты, но и преподаватели. С ней самой он был суров, как северное море. И вдруг подруга характеризует его словами, которые ну никак с ним не монтируются! Не мог же он за короткое время так измениться?

Бетти же сделала вид, что не понимает вопроса.

— Что «как», ты можешь объяснить?

— У вас же было... это... ну... еще раз? И как?

Беттина отвернулась, чтобы достать яйца из корзинки, и проговорила задумчиво:

— Ты знаешь, мне кажется, что он меня любит.

После этого заявления спрашивать о чем-либо было уже неловко. Конечно, хотелось узнать, а любит ли Беттина Саварда, но злить подругу в такой день не хотелось. Тогда Лисса стала с упоением рассказывать о том, чему ее учит прабабушка.

— Бет, если ты теперь золотой дракон, у тебя должна появиться сила почти как у меня. Хочешь, я кое-что тебе покажу? То, что ты сможешь повторить?

Беттина от радости расцвела:

— А можно? На тебя за это не рассердятся?

Лисса задрала свой и без того вздернутый носик и сказала с апломбом:

— Стандартная магия золотых драконов во многом повторяет магию демиургов, просто некому было тебя научить. Так что ничего недозволенного мы делать не будем. Вот например: как ты разжигаешь огонь?

Бетти достала из кармана зажигалку и показала Лиссе. Та засмеялась.

— Ну хорошо, можно начать с другого. Я подумаю.

Она погрузилась в размышления, а Беттина в это время ловко крошила овощи с ветчиной на огромную сковороду и ставила противень с кусочками теста в печь.

Когда же Лисса отмерла наконец и сказала:

— Я посоветуюсь с Актеллией относительно тебя, —

Бетти уже вытаскивала из печи сдобные булочки и снимала с огня пышный омлет. Всучила подруге корзинку с выпечкой и кипящий чайник, сама взяла другую, с маслом, вареньем, сыром и другими вкусностями в одну руку, сковороду со шкворчащим омлетом в другую, и направила стопы в столовую, где мужчины, забыв о завтраке, с головой ушли в

решение глобальных проблем магической науки.

Но наука наукой, а еду они встретили взрывом восторга. Профессор, хоть и привык уже к утренним трапезам, приготовленным золотыми ручками Бетти, все равно обмирал от счастья: это первый завтрак, приготовленный не просто так, а женой для мужа. То, что при этом присутствовали гости, придавало событию размах, не умаляя значения.

Бетти же воспользовалась моментом, чтобы выспросить мужа о том., что вчера произошло в Академии. Накануне у нее не нашлось на это ни времени, ни сил, ни желания. Теперь же, в присутствии Лиссы, она чувствовала, как ее снedaет любопытство. Подруга тоже не отставала, задавая наводящие вопросы. Джимми, не знакомый с проблемой, прислушивался, но комментариев не вставлял, хотя по лицу можно было догадаться: ему тоже интересно.

История с отправкой наступающих отрядов на дальние рубежи империи через портал вызвала у девчонок ликование.

Лисса аж завизжала от восторга, а Бетти произнесла тихо:

— Вер, какой ты молодец. Спас Академию и этих бедных парней не дал убить.

Саварду эта похвала была как маслом по сердцу. Крики Герулена о том, что он гений, на фоне тихих слов Бетти были пустым ветром в сравнении с теплом домашнего очага. Он придвинул стул к жене поближе, обнял ее за плечи и вздрогнул от радости, когда она положила голову к нему на грудь.

От растворения друг в друге их оторвал Джимми. Математик выслушал все и теперь желал составить свое мнение.

— Как я понимаю, ваша императрица желает столкнуть магов и простых людей? Зачем ей это?

— Честно? — задумался Савард, — чтоб я так знал! Понятия не имею. По — моему это глупость несусветная. До сих пор простые люди и магические расы, хоть и не дружили особо, но жили мирно и неплохо взаимодействовали. Маги нужны всем. Это и урожай, и тепло, и освещение, и безопасность, и многое другое. Это у вас без магии люди справляются. У нас они сразу потеряют по всем направлениям, станут жить очень плохо. Зачем императрице портить жизнь своим подданным, я в толк взять не могу.

Лисса заметила между делом:

— Может, она просто дура?

Общий хохот был ей ответом.

— Да уж, умом она никогда не блистала, — подтвердил Савард, — Дура и есть. Но это и внушает подозрения.

— Да, — согласился Джимми, — Дуре самостоятельно такое не придумать. Глупая женщина скорее бы занялась нарядами и оставила политику советникам, а, как ты говоришь, она сама лезет во все дела и нападает на магов. Кто-то должен за ней стоять.

Ответа на это у Саварда не было. Сейчас он жалел, что не разговорил Герулена и не узнал подоплеку дела. В том, что старых пройдоха во всем разобрался, у него не было сомнений.

Тут снова вылезла Лисса.

— Профессор, а можно мне принять участие в обороне? Все-таки это моя родная Академия, а я сижу в безопасном месте и дохну от скуки.

Только Вер собирался сказать, что девчонкам на войне не место, Бет поддержала подругу.

— Да, я тоже хотела бы... Хотя еду вам готовить, хоть амулеты делать... Раз я теперь дракон, от меня может быть большая польза.

Савард попытался возразить:

— А в лавке?

Бетти тут же ответила. как будто готовилась заранее:

— В лавке и Морис с Этель справятся. Заказы мне все равно где выполнять. А наша Академия... Теперь, когда отец и Эгелен мне не страшны, я хочу получить диплом. Зря что ли столько лет на него убила?

Профессор в душе начал метаться. С одной стороны ему было спокойней, когда Бетти сидела на безопасной Кариане. С другой... Иметь жену под боком, всегда видеть где она, что делает, защитить в случае чего... А здесь полно драконов, каждый из которых спит и видит, как бы заполучить его женщину. Далеко ходить не надо: Гентар!

Эмилису присматривать за Бет не поручишь, у него своих дел хватает. Так что взять ее с собой в Академию не такая уж плохая идея. Но только не сегодня! Сначала он все организует, чтобы для его девочки не было никакой опасности! Он так и сказал:

— Бетти, я все понимаю... Но давай не сегодня. Позволь мне сначала все выяснить и организовать получше. К тому же надо посоветоваться с ректором, он придумает, чем вас занять так, чтобы и польза была, и опасность свести к минимуму.

— О, — восхитился Джимми, — А можно тогда и мне с Лизой? Я уже был на вашей базе, посетил Кариану, мир Академии будет третьим. Конечно, я понимаю, от меня немного толку, я не маг и никогда им не буду...

— Ну, не знаю... Не уверена, — отозвалась вдруг Лисса, — в тебе явно есть кровь эльфов, а они маги просто поголовно. Так что спящая в твоём мире магия может в тебе проснуться рядом с источниками.

— Но Лиза, она пока ничем себя не проявила, поэтому я склонен полагать, что ее просто нет, — возразил математик.

Девушка легкомысленно махнула рукой.

— Ну и что?! Пока не проявила. Может, еще проявит. С магией никогда заранее не угадаешь. Я возьму тебя с собой в Академию. Там есть артефакт для определения способностей. Вот и посмотрим.

Савард с интересом прислушивался к словам своей ученицы. С одной стороны, какая была такая осталась. А с другой... В ней появилась уверенность и даже некая властность. Единственный, к кому она ее не рискует применять, это ее обожаемый Джимми. Да и то надолго ли?

Сила демиурга меняет девочку, и с этим ничего не поделаешь. Указать ей ее место теперь проблематично. Так что лучше привлечь ее к защите Академии, так остается шанс сдерживать ее авантюризм и присматривать, не нарываясь на конфликт.

Они дружны с Бетти, вот пусть вместе чем-нибудь полезным, но безопасным и занимаются! Приглядят друг за другом, а ему будет спокойнее. Бет очень ответственная, так что и сама на рожон не полезет, и подруге не даст.

Есть еще один аспект проблемы. Иметь на своей стороне демиурга, пусть молодого и необученного — это здорово! Ну, держись, Матильда!

Во дворе Академии все кипело. Преподаватели и студенты бегали туда — сюда, таскали какие-то тюки, доски, инструменты... Транспортники левитировали тяжелые грузы в сторону полигона: там сейчас развернулось строительство временного городка для сбежавших от Матильды магов.

Савард шагнул с порталной площадки и чуть ногу себе не сломал, запнувшись о груды мусора.

От души выругавшись, он поймал за полу мантии первого встречного. Им оказался студент — выпускник факультета магии Жизни.

— Что тут происходит? — загремел архимаг, — Почему на территории мусор кучами?

— Это не мусор, — проблеял перепуганный парень, — это стройматериалы. Наши маги — строители велели вынести все негодное с чердаков во двор, будут превращать в жилье для беженцев.

Вер вспомнил, сколько энергии требует такое строительство, отпустил парня, махнул ему рукой и шагнул обратно в порталный круг. Ему срочно понадобилось в мир Лиссиного отца. На базе должна быть целая горсть заряженных накопителей. Беттино изобретение раз в десять эффективнее тех, что имеются в распоряжении Академии, так что нужно их забрать и использовать по назначению. Его девочка не обидится на то, что он единолично распорядился ее собственностью.

Савард совсем забыл, что на базе его встретит Эсгейрд. Лиссин папочка сидел с тоскливым видом на веранде и, судя по виду, предавался раздумьям. Вер об заклад готов был биться, что парень размышляет о том, какой он несчастный и какие все бессердечные. Появление Саварда взбодрило младшего демиурга. Наконец кто-то, кому можно предъявить претензии и поплакаться на свою злую судьбу.

Он поднялся с плетеного кресла и собрался уже открыть рот, но Савард заметил его маневр и тенью метнулся в сторону источника. Накопители он оставлял там.

Не повезло. В чаше ничего не было. Теперь придется их разыскивать в доме. Бетти всегда держала накопители в шкатулке, а ее ставила на полочку у печки. Если Эсгейрд положил их туда же, через пару минут Савард вернется в Академию с необходимыми ему предметами. А если нет...

Ну что ж, придется усилить мировую скорбь этого зануды.

Он вернулся к дому. На веранде никого не было. Савард толкнул дверь и вошел на кухню. Демиург расположился там. Свернулся калачиком на диване и изобразил из себя несчастное дитя, преследуемое роком.

— Привет, — сказал профессор.

Эсгейрд не ответил, только подтянул коленки поближе к подбородку.

Профессор не стал обращать на это внимание, просто подошел к печке и открыл знакомую шкатулку. Там ничего не было.

С дивана раздалось тоненькое хихиканье. Эсгейрд явно намекал, что знает, куда делись накопители. Демиургу они без надобности. Гад припрятал их, чтобы иметь возможность поиграть, помучить того, кто за ними придет.

Но это глупо! Савард и сам может их почувствовать, не обязательно задавать вопросы и вязываться в дискуссии. Он напрягся, ловя волны силы. Фоңило со второго этажа.

Не обращая внимания на Эсгейрда, он повернулся и открыл дверь на улицу.

— Ты куда? — жалобно заверещал демиург, — Н смей тут шастать, слышишь? Если что нужно, скажи, я тебе дам. Или не дам.

— Если что нужно, я и сам возьму. Тем более вещи моей жены. Не хватало, чтобы ты мне указывал.

Бедолага пропустил высказывание насчет жены мимо ушей, даже не уточнил, на ком Савард женился. Вдруг он теперь его зять? Его волновало другое: желание поцапаться и отвести душу.

— Это мой мир!

Савард ответил спокойно, но чувствовалось, что еще немного и он применит силу.

— А это мой дом! Ты здесь живешь из милости. Будешь выпендриваться — никто к тебе сюда больше не зайдет и еды не принесет. Понял?

— А ты принес мне еды? — поинтересовался Эсгейрд.

— Нет. Мне некогда было. В следующий раз. Ты, кстати, зря тут прячешься, ты на хрен никому не нужен. Мог бы сам куда-нибудь наведаться за жратвой.

С этими словами Савард вышел на веранду. Поднялся на второй этаж и отыскал-таки мешочек с накопителями под подушкой в спальне Лиссы. Папаша присвоил комнату дочки: белье на кровати было смято, по стульям валялись мужские вещи, на полу у изголовья стояла немытая посуда с остатками пищи и пованивала.

Бетти бы всплеснула руками и тут же взялась все мыть и чистить. Савард выругался, но ничего трогать не стал. Забрал накопители и ушел в Академию.

* * *

Там его уже встречали. У самого порталного круга метался сердитый Герулен, а какой-то незнакомый тип его успокаивал:

— Не переживайте. Он скоро вернется. Студент сказал, что профессор Савард пришел, услышал, что идет стройка, хлопнул себя по лбу и ушел. Значит, что-то вспомнил.

— Вспомнил я, что строителям нужна сила, вот и сходил за накопителями. Добрый день, Гер! — произнес Савард, выходя за круг.

Эльф моментально успокоился и сделал вид, что это не он метался тут как безумный.

— День добрый! Накопители — это хорошо. Проверь, как идут дела на стройке, а потом зайди ко мне, есть разговор.

На полигоне творилось нечто невообразимое, как всегда бывает на масштабных стройках. Все бегали, суетились, казалось, никто не знает, что делает, но каким-то образом на пустом поле появлялись дома. Их стояло уже несколько десятков, а вокруг копошились те, кому предстояло там поселиться. Стоящий на строительной лестнице как на трибуне Марульф вещал:

— ...И не думайте, что вы тут навеки, а дома отданы вам в собственность! Мы предоставили вам убежище на время! Как только все утрясется, вы вернетесь к себе, а эти временки будут разобраны! Они принадлежат Академии, как и все здесь.

Хорошо излагает. А то некоторым кажется, что они теперь тут вечно жить будут. Но у каждого мага где-то есть дом, из которого он убежал, боясь действий Матильды, а еще больше — агрессии со стороны соседей, лишенных магических талантов. Это подсказывал опыт предыдущих поколений. Поэтому маги и не стали дожидаться, когда их начнут бить и резать. Не раз в истории гонения на них начинала власть, а население радостно подхватывало инициативу начальства, устраивая такое, что потом страшно было вспомнить.

Это случалось не впервые, и все знали, что оно никогда еще не приводило ни к чему хорошему. Но вот поди ж ты...

Грустно.

Когда-то империя была создана как государство, в котором смогут дружно жить все расы, как магические, так и лишённые дара. Первый император Эркелад издал самый первый эдикт о том, что все равны перед законом. Тогда он пытался защитить тех, кто не мог использовать магию. Поэтому вторым законом империи был запрет на использование магии друг против друга. Получалось, что дубиной выяснять отношения можно, а вот заклинаниями нельзя.

Сейчас это оборачивалось против магов. Их избивали, поджигали их дома, а они не могли ответить так, как требовала их природа. Тот, кто бил мага дубиной, отделялся тюрьмой. Для магов нарушение закона значило мучительную смерть. Поэтому им оставалось только бегство. Здесь, на территории Академии, они были в относительной безопасности, но не могли же все маги собраться тут и поселиться навсегда?

Надо было искать выход из создавшейся ситуации, а пока суд да дело — приютить беженцев, но не сажать их себе на голову.

Полигон предназначен для практических занятий, под жильё отдан временно. Значит... Значит, надо как можно быстрее решать вопрос с Матильдой.

Савард прошелся по стройплощадке, отдал кое — какие распоряжения, вручил главе бытовиков горсть накопителей и напомнил, что разрядившиеся нужно будет сдать ему лично для зарядки. Потом к нему подскочил Марульф и вручил списки беженцев.

— Вер, домов на всех не хватит.

Ага, все красноречие Лингеи перед беженцами вызвано нехваткой места для расселения.

— Будем селить по две — три семьи в один дом.

— Они будут возражать!

Савард привычно пожал плечами.

— Не нравится — пусть возвращаются к Матильде. Императрица с ними разберется. Что она там магам посулила? Вечное рабство?

Лингеи мрачно возразил:

— Вер, это жестоко.

Сказав так, он разозлил Саварда, который признавал благотворительность в отношении существ беспомощных, но не терпел лентяев и нахлебников.

— Это разумно. Мы не можем тут принять весь мир. А те, кто бежали, бросив свои дома, вместо того, чтобы противодействовать произволу, пусть будут благодарны хотя бы за безопасность и еду. Кстати, надо организовать общественные работы и приставить большинство к делу, а то мы огребем лопатой.

— У нас тут работают студенты, — пояснил ситуацию Марульф, — На добровольной основе.

Савард фыркнул сердито:

— На добровольной... На что угодно пойдут, лишь бы не учиться! Загоняй студентов в аудитории, а работают пусть сами беженцы.

Лингеи был растерян.

— Но учебный год еще не наступил!

— А они все здесь? Я имею в виду и учеников, и учителей.

— Все. Вчера последние прибыли.

— Ну и отлично. Объявим, что в этом году в связи с политическим положением в стране учебный год начнется раньше. Зато каникулы в следующий раз удлинятся.

Марульф не сдавался.

— Это должен подписать ректор.

Савард чуть не засмеялся: Мар такой перестраховщик!

— Подпишет, куда денется. В общем так. Иди собери преподавателей в большой аудитории, а мы с Гером часа через два подойдем и он сделает объявление.

— Хорошо. Вер, последний вопрос: ты нашел свою жену?

— Думаешь, я бы сюда явился, если бы не нашел? Она дома, ждет меня с ужином. Предваряя твой следующий вопрос: у нас с Бетти все отлично. Просто лучше не бывает.

— Ты счастливчик, Вер. Из тех, кто никогда не покупает лотерейные билеты, случайно получает один в подарок и выигрывает главный приз.

Главный приз? Мар Беттину имеет в виду? Тогда он прав. Савард приосанился.

— Да, я такой. А теперь иди ищи нашу профессуру, меня Герулен ждет.

В предбаннике кабинета ректора Вера встретил радостный Грант:

— Профессор Савард! Как хорошо, что вы пришли! Господин ректор уже о вас спрашивал.

— Как тут без меня дела, Грант?

— Отлично, господин профессор! Все просто великолепно. После того, как вы отправили войско Матильды в портал, а госпожа Авенара полетала над лагерем песчаников и подышала немножко огнем, они утихомирились.

Савард представил себе эту картину и довольно хмыкнул. Теща у него боевая! Грант же предупредительно распахнул перед ним дверь в кабинет.

В эту самую минуту в секретарскую влетел юноша с широко раскрытыми синими глазами, прижимающий к груди большой голубой конверт.

— Послание от императрицы ректору Герулену Эстальскому!

Савард отстранил Гранта и взял у юноши конверт.

— Не волнуйся, я сейчас иду к ректору, отдам. Ты вообще кто?

— Я Силиан, аспирант. Может вы меня помните? Я должен был защищать диплом после Лиссы Авенар, вашей ученицы.

Синие глаза, облик типичного сильфа...

— Менталист? Как же, как же, тебя не забудешь. Ты еще первый сказал про расщепление. Молодец, — он потрепал юношу по голове и добавил, — И кончай уже трястись от страха. Ты теперь один из нас, скоро сам станешь студентов учить.

Заметив, что парень перевел глаза на конверт, добавил:

— Матильды тоже не бойся. Кто эта сучка дешевая, и кто мы! Все! Иди и помоги Марульфу. Он там преподавателей оповещает: через два часа собрание.

Окрыленный юноша вылетел вон, а Савард тяжелой поступью направился к Герулену. Душа его ожидала неприятностей.

Эльф сидел за тем же столом, что и его предшественник, но в другом кресле. То, на чем сидел Марульф, напоминало приспособление для изощренных пыток, а сейчас под Геруленом красовалось сидение истинного сибарита: мягкое, удобное, обитое сафьяном лучшей выделки.

— Вот, — похлопал эльф по подлокотнику, — С утра заскочил Эмилис, принес из дома.

Хороший у меня зять, уважительный. Заботится о старике.

Он явно ждал от Саварда опровержения, чего то вроде: «Да какой вы старик», но не дождался. Вер усмехнулся, поклонился и занял кресло напротив. Герулен же продолжил свою игру:

— Ты знаешь, что когда-то нравился моей Алессе? Нет? Ну и отлично. Не представляю себе, что бы я делал, если бы она вышла за тебя. Удавился бы наверно. А Мила я очень люблю.

— Еще бы, — поддакнул Савард, — Вы должны быть ему благодарны за то, что он женился на вашей внучке. Парень снял с ваших плеч и взвалил на свои обязанность ее терпеть.

Эльф недовольно сморщился.

— Ну вот, все испортил. Я хотел спросить тебя про твою жену. Нашел ее?

— Нашел.

— Ну и где была наша красавица?

— Дома, где же еще? Она и сейчас там, а меня отправила сюда помогать Академии. Да, чуть не забыл. Бетти хотела повидать свою бабушку. Я могу с ней поговорить об этом?

Не можешь, — отрезал Герулен, — Видишь ли, сегодня утром Авенара провела небольшой воздушный рейд по тылам противника... Сейчас она устала и спит.

Последнее слово эльфа произнес так, что стало ясно: драконица заняла его спальню с его полного согласия и он не потерпит никаких инсинуаций по этому поводу.

Савард пожал плечами.

— Хорошо. Надеюсь, вы мне сообщите, когда она проснется. Но я пришел не за этим. Во — первых, вот письмо от Матильды. Прочтите, может, что важное.

Старый интриган положил конверт на стол лицевой стороной вниз и продолжил расспрашивать профессора:

— А во — вторых?

— Во — вторых я прошелся по территории. Сумасшедший дом! Пожар в борделе во время наводнения! Студенты бегают, таскают какие-то доски, палки, тряпки, а беженцы сидят без дела, причитают и жалуются. С этим надо что-то делать.

Ректор хитро прищурил глаза и спросил лукаво:

— Есть предложения?

— А как же! Начнем занятия на месяц раньше! Пусть студенты займутся своим непосредственным делом. Потом компенсируем им во время следующих каникул.

— Хорошая мысль. А с беженцами что делать?

Савард стукнул кулаком по ручке кресла так, что она чуть не отвалилась.

— Заставить работать для разнообразия! Они маги и могли бы все делать для себя сами! Пусть не жалуются, а обихаживают свои семьи. Им тут никто ничего не должен! Я понимаю, у них несчастье... Но лучший способ отвлечься в этой ситуации — труд. Работы на всех хватит, гарантирую.

Герулен с довольным видом кивнул.

— Согласен. Мы им ничего не должны, пусть трудятся. Какой порядок действий ты предлагаешь?

— Сейчас собрать преподавателей и объявить им, что послезавтра начинаем учебный год. Можно бы и завтра, но уж больно громко орать станут. Затем деканы донесут информацию до студентов и всем станет некогда фигней страдать. Беженцам сообщим о

новой политике вечером. Вы же сумеете им речь сказать?

— Будь уверен, сумею. Ну что ж, мне пока все нравится. Не зря я тебя на это место поставил. А теперь поглядим, что там пишет Матильда...

Герулен надел тонкие лайковые перчатки, достал из стола костяной ножичек и одним ловким движением вскрыл конверт. Затем, не поднимая клапана, поводит над ним рукой, щелкнул пальцами, присвистнул, и только после этого достал оттуда лист дорогой бумаги с золоченым обрезом. Пояснил свои действия:

— Если в конверте содержалось что-то, призванное причинить мне вред, то его там больше нет.

Затем встряхнул послание, поднял его двумя пальцами за углы и, повернув так, чтобы на него из окна падал свет, зачитал вслух.

«Господин ректор! Если вы желаете сохранить за собой свой пост, то вы обязаны немедленно исполнить подписанный мною закон, а именно: выдворить с территории Академии Магии всех, кто укрылся там от исполнения своего долга перед империей.

Магам приказываю явиться по месту жительства и зарегистрироваться, чтобы получить государственное назначение.

На выполнение этого приказа вам даются сутки. Те маги, которые в течение этого срока покинут территорию Академии и явятся, чтобы приступить к службе на благо государства, будут прощены. Остальных ждет показательная казнь. Я не могу допустить, чтобы мои приказы не исполнялись.

В случае немедленного исполнения вами данного повеления, я прощу руководство Академии, мне противодействовавшее. В противном случае Академия лишится всех своих привилегий и будет расформирована.»

— И подпись императрица Матильда, — огласил Герулен, складывая листок и возвращая его обратно в конверт.

— Ого, как она круто забирает, — не выдержал Савард.

Законник пожал плечами.

— Это всего лишь сотрясение воздуха. Сделать она ничего не может.

— А расформировать Академию?...

Герулен хлопнул ладонью по столу.

— Я сказал: ничего. Своими свежеезданными законами и эдиктами она может подтереться. Хотя бы потому, что де — юре императрицей наша Матильда не является с момента смерти императора Юстина, и вся ее власть призрачна.

— Она вроде короновалась...

— Чем? Подделками? Императорские регалии ее не слушаются, для этого в ее жилах должна течь магическая кровь потомков Эркелада. А то, что она так упорно суетится, наводит на мысль, что этой крови нет ни капли не только в ней, но и в ее сыне, который считается наследником.

Савард в обалдении уставился на великого юриста. Он вспомнил историю с Бетти и браслетами подчинения. Вот значит как? Теперь кое-что становится понятным. Но об этом надо поразмыслить отдельно. Стряхнув с себя оцепенение, он спросил:

— Так что вы ей ответите?

— Как всегда. «Ваша фраза такая-то противоречит закону империи такому-то в части такой-то», и цитата. В конце сожаления, что я не могу выполнить незаконный приказ. Рад бы, но не в состоянии: я поклялся блюсти закон даже ценою жизни.

Тут было не поспорить: маги — юристы приносили такую клятву, это была часть профессии. Но вот Омерз... Он же явно действовал в обход закона, и ничего. Савард намекнул об этом своему визави и услышал в ответ дробный смешок:

— Милый мой, каждый из нас в течение жизни обходит законы не раз и не два. Все зависит от того, как это делать. Если какой-то закон мне что-то строго — настрого воспрещает, я или упрусь и откажусь действовать на основании того, что это запрещено, или найду другой, который приоткрывает калиточку. Все зависит не от закона, мой друг, а от его применения. Но Омерз — это особый случай. Он никогда не был действующим юристом и никогда не приносил клятву. Кстати, насколько мне известно, он сейчас во дворце, консультирует Матильду. По — моему, это письмо — его рук дело.

Савард искренне возмутился.

— Он же вроде маг! Как он может идти против своих?!

Старый интриган развел руками:

— Я удивляюсь тебе, дорогой. Как можно в твоём возрасте, с твоим опытом быть таким наивным? Ради власти некоторые готовы предать мать родную, не то что своих коллег. Если у Омерза будет возможность остаться единственным магом в империи и личным советником императрицы, он на это пойдет с радостью. Советник из него, правда, как из туалетной бумаги гербовая, и маг он никакой... Но кого и когда это останавливало? Знаешь, почему я тебя выбрал в мои заместители? Какой бы ты ни был грубиян, ты честный. В случае чего дашь в морду, но никогда не будешь строить козни за спиной. А вот Омерз в лицо всегда будет мил и любезен. Так он втерся в свое время в доверие к этому лопуху Лингеи, так он стал советником Матильды. Наверное надо иметь мой опыт, чтобы все это видеть и не даваться в обман, — самодовольно заключил он.

Вер прервал поток самовосхвалений, заговорив о том, что явилось для него откровением.

— Я все думаю о том, что вы сказали. Если сын Матильды не от императора, то... то надо что-то делать!

Герулен выбросил руку вперед в чисто императорском жесте, а затем вернул ее и поднес кисть к губам, как будто сомневаясь:

— В принципе да, но у нас недостаточно фактов, чтобы ее обвинить. С другой стороны, если мы сейчас сковырнем Матильду с ее ребенком, то кто взойдет на трон? И третий вопрос: кто за ней стоит? Не похоже, что она сама все придумала. Когда курица вдруг начинает летать, как орлица, можно спорить на что угодно: она не сама это делает, ей кто-то помогает. Если это действительно сильный маг, да еще и не связанный клятвой... Не будет ли попытка равносильна самоубийству? Так что я предпочитаю не торопиться и выяснить все досконально.

— Наверное вы правы. Я нетерпеливый, уже ввязался бы в драку...

— И проиграл! Драка — не выход. Можно было заметить на примере Матильдиной военной операции. Ты не обратил внимание: юридический путь обычно небыстрый, но всегда достигает нужного результата? Я предпочитаю подождать, а затем ударить один раз, но в самое уязвимое место!

Профессору не хотелось слушать, как Герулен поет дифирамбы самому себе и он перевел разговор.

— Я хотел спросить... Бетти собирается сюда, прямо рвется на помощь родной Академии.

Эльф тут же переключил внимание:

— И что ты хотел узнать? Безопасно ли это? Относительно безопасно.

— Я про другое. Про ее диплом.

Жест примадонны, уверяющей, что не может петь спектакль из-за того, что вторая скрипка в одной ноте сфальшивила, был ему ответом.

— Вер, дорогой мой! Я бы выписал его хоть сию минуту, но в учебной части сказали, что все ее документы таинственным образом исчезли, равно как и документы ее подруги. Ей бы я тоже с удовольствием выписал диплом, тем более что она его, кажется, успела защитить. Вот если они таким же таинственным образом вернуться...

Савард кивнул:

— Хорошо, я понял. Она может сюда прибыть?

Герулен аж подпрыгнул на кресле:

— Она должна, и как можно скорее! Бабушка желает ее поздравить с освобождением от заклатья и законным браком! В общем так. Вы мне нужны оба на любых условиях. Хотите уходить каждый день домой — пожалуйста. Нет — живите здесь, покои в башне свободны и ждут вас, — откинувшись на спинку, он продолжил уже про другое, — Должен сказать, с женой тебе повезло. Даже я впечатлен. Красивая, умная и с характером.

— Мне тоже нравится.

Эльф хмыкнул:

— Еще бы тебе не нравилась! На вашей так называемой свадьбе я насмотрелся. Ты мечешься, места себе не находишь, заикаешься от волнения, глазеешь на нее с восторгом и ужасом, а она... Спокойная, рассудительная, четкая. Голос твердый, решения принимает разумные. Причем не по принципу: «Ах, мне некуда деваться!», а взвешенно, с прицелом на будущее. Потрясающая девчонка. Ты ее не стоишь, конечно, но с другой стороны, а кто стоит? Я лично таких не знаю, по крайней мере среди современной молодежи.

Тут уже хмыкать пришлось Саварду. Гер имел в виду себя, конечно, только вот Бетти такие ископаемые вряд ли интересуют, разве что ее бабушку. Кстати, когда эта бабушка проснется, надо с ней поговорить без свидетелей. Пусть будет гарантом безопасности внучки.

* * *

После того, как завтрак закончился, Бетти проводила мужа в Академию, а Лисса с Джимми остались.

Девушки хотели бы поболтать между собой, но математик им не дал, прицепившись к Бетти с расспросами. При Саварде он стеснялся общаться с его женой, да и видел, что это может быть неправильно понято. Сейчас же перед ним открылась возможность получить новые знания, и он ею тут же воспользовался.

Для начала уточнил, что из товаров его мира требуется в лавку Бет. Он готов вкладывать деньги, если они тут так хорошо продаются. Горка золота на столе произвела на него впечатление, а если у Лизы появится свой источник дохода, он будет только рад.

Затем он уточнил у Бетти то, что не понял из рассказа об ее семье и замужестве.

Девушки в два голоса изложили ему все, что знали о песчаных демонах, их традициях, истории Коминов, подлости Ансара Эгелена и том, как и почему они бежали с защиты

дипломов. Джимми задавал наводящие вопросы и часа за два сумел построить в уме картину, имеющую некоторое сходство с реальностью.

Рассказ о Беттиной бабушке и о песчаниках произвел на мужчину огромное впечатление. А известие о том, что Бетти дракон, поразила в самое сердце.

— Беттина, а можно вас просить... если это не трудно... Я мечтаю увидеть дракона. Для моего мира это сказка. В детстве я верил в драконов, потом понял, что их не существует, а теперь уже не знаю, что и думать.

Девушки хором рассмеялись, затем Бет предложила подождать. Вот она уберется в доме, откроет лавку, проверит тетрадь заказов. Тогда можно будет прогуляться до дома Авессалома и там она попробует обратиться. Все равно в городе это запрещено.

Так как время уже подходило к моменту, когда обычно приходили Морис и Этель, все спустились в лавку и устроились за столом Беттины. Она взялась проверять книги, чтобы уразуметь, что и сколько было продано за время, пока она занималась личной жизнью.

Это занятие было прервано появившимися на пороге детьми. Увидев хозяйку, Морис закричал:

— Госпожа Беттина, а правду говорят, что вы теперь умеете обращаться в дракона?

Она тяжело вздохнула и попыталась изобразить суровость:

— Морис, ты забыл поздороваться. Во — первых, здравствуйте.

Мальчишка смутился, а его сестра присела в книксене и пропела:

— Добрый день.

— День добрый, — милостиво кивнула Беттина, — А теперь марш за прилавок и наведите в книгах порядок. Кажется мне, что вы вчера половину не записали или записали неправильно. Сейчас я поднимусь вместе с моими друзьями в дом. Если кто придет и будет спрашивать, позовете. Дракон я или нет мы будем обсуждать после работы.

— А ты суровая хозяйка, — констатировал Джеймс, когда они вернулись в гостиную.

Бет тряхнула головой.

— Иначе нельзя, все прахом пойдет. Ребята хорошие, но если дать слабину...

Тут вступила Лисса:

— Бет, а ты и вправду собираешься в нашу Академию?

— Конечно. Думаю, что смогу принести пользу. А тебе, Лис, лучше пока туда не ходить из-за бабушки. Актеллия же назвала тебе миры, куда не надо соваться.

Лисса надула губы.

— Опять я пропущу все самое интересное. Вечно ты перестраховываешься. По — моему, всякая опасность давно уже закончилась. Вряд ли бабушка сидит и меня караулит, у нее других дел по горло.

Бетти переглянулась с Джеймсом. Ее лицо, казалось, говорило: «Поддержи меня! Видишь, как с ней трудно?» Мужчина вздохнул и бросился грудью на амбразуру.

— Лиза, твоя подруга права. Не торопись, на твоём веку будет еще много интересного. А сейчас идти в мир этой вашей Академии небезопасно. Если твоя бабушка злопамятная, а я думаю, что это так, то она могла приготовить для тебя ловушку.

— Ты хочешь мне запретить?

Он улыбнулся широко и беспомощно.

— Нет, радость моя. Как я могу? Я только хочу тебя просить, как просит любящий человек у любимой. Я слишком долго тебя искал и слишком недавно нашел, чтобы вот так потерять из-за глупого упрямства.

Но Лисса все еще не сдавалась.

— Ты считаешь, я дура?

Джимми взял ее за руку, погладил запястье.

— Ты очень умная девочка. Умная и талантливая. А вот упрямство твое детское, дурацкое. Ты и сама это знаешь.

Лисса уже готова была сдаться, но хотела, чтобы последнее слово осталось за ней, поэтому ответила недовольно:

— Хорошо, я посоветуюсь с прабабушкой, и тогда решу.

И Джимми, и Бетти вздохнули с облегчением. Оба надеялись: Актеллия не допустит чтобы девочка рисковала свободой. Добившись от подруги уступки, математик постарался перевести разговор в безопасное русло, поэтому признался:

— Знаете, Бетти, после встречи с Лиссой моя жизнь очень изменилась. До сих пор все интересное в ней происходило на бумаге или в компьютере: гипотезы, расчеты, исследования, теории, доказательства... Я жил в воображении, нудный, никому не нужный мечтатель. У меня даже девушки не было!

— У такого красивого парня? — не поверила Бетти.

Джимми махнул рукой.

— Понятно, что я не девственник, в моем возрасте это было бы странно. Но все мои подружки меня очень быстро бросали. Им было со мной скучно, мне, честно говоря, с ними тоже. А с Лиссой моя жизнь окрасилась такими яркими красками, подарила столько невообразимых впечатлений! Оказалось, то, что я воображал себе, выводя формулы, существует на самом деле! Для ученого это венец, предел мечтаний! Но, как оказалось, не предел для познания и удивления. Знакомство с вашим мужем и с вами открыло передо мной новые горизонты. Так что я счастлив.

За время этой речи Лисса приободрилась и задрала нос, как будто лично создала все эти миры чтобы потрафить своему возлюбленному. Бетти ласково улыбнулась подруге. Пусть они теперь живут далеко друг от друга, но это все та же Лисса, ее любимая подруга, фантазерка, выдумщица, авантюристка, милое и искреннее дитя.

Только она задумалась, как лучше ответить на восторженную речь нового друга, как с лестницы раздался голос Этель:

— Госпожа Беттина, к вам господин Гентар.

* * *

Сиявшая интересом и доброжелательностью Бетти сразу вдруг погасла. Встала и пошла на выход. Было заметно, что она не рада визиту и рассматривает его как малоприятную повинность.

Она предполагала увидеть Танкреда, но в лавке ее ждал старый дракон. Он сидел в кресле для посетителей и поднялся навстречу:

— Дорогая моя девочка, как я рад!

Бетти ответила без энтузиазма:

— Добрый день, господин Гентар!

— Ну вот, сразу «господин Гентар»! Надеюсь, ты скоро станешь звать меня «дедушка»! Ну как, ты догадалась, зачем я пришел?

— За первой партией заказанных амулетов? — с невинным видом предположила девушка, — Но еще рано, я обещала их сделать только к следующей луне.

Дракон выглядел недовольным.

— Девочка моя, не пытайся выглядеть глупее, чем ты есть. Не думаешь ли ты, что у нас не может быть других тем для беседы, кроме товаров и лавки? Я получил вчера интересное известие. Теперь ты полноценный дракон, я прав?

Бетти подняла голову повыше и постаралась держаться еще прямее, если это было возможно.

— Да, вас не обманули. Я обрела вторую ипостась.

Дракон пустил довольный смешок.

— Истинную, истинную ипостась! А раз так, тебе пора замуж. Я, как глава драконьей общины нашего города, предлагаю тебе стать женой моего внука. Ты Танкреда знаешь, расхваливать его не нужно. Просто скажи «да».

Бетти отступила на два шага к лестнице на второй этаж.

— Это абсолютно невозможно. Я уже вышла замуж, так что любые брачные предложения запоздали.

— Как?! — подскочил на сиденье Гентар, — Как это могло случиться?! Когда?! И за кого?!

— За профессора Саварда, — гордо ответила Беттина, — Позавчера. Обретение мною драконьей ипостаси как раз и связано с этим браком, так что не пытайтесь меня убедить, что это с моей стороны было ошибкой.

— Но он же не дракон!

— Он дракон частично, также как и я.

— Но у него нет!..

Голосом Беттины можно было продукты замораживать. Ее совершенно не интересовало, чего такого не хватает ее мужу. А вот что кто-то лезет не в свое дело злило страшно.

— Это неважно. Меня все устраивает. А если что-то не устраивает вас... Сожалею, но это ваши трудности.

Старый дракон медленно поднялся со стула, опираясь на трость. Мрачно окинул взором фигурку артефакторши и заявил:

— Ты еще пожалеешь о своем нахальстве. Я глава здешней драконьей общины и я решаю, как она будет жить, по каким правилам. Пока что ты их нарушаешь. Тебе будет очень трудно, девочка. Подумай и не пренебрегай теми, кто желает тебе добра.

Он не ожидал, что тихая домашняя Беттина так сверкнет глазами и спросит с сарказмом:

— Добро, вероятно, это ваш внук Танкред?

А она еще и добавила, выпроваживая незваного свата:

— Прошу меня извинить, у меня сегодня много дел, — она махнула рукой, — Морис, проводи гостя.

Стоило двери за драконом закрыться, как со второго этажа слетела Лисса.

— Бет, кто это был? Гентар? Что он хотел? Чтобы ты вышла за его внука?

— Лис, зачем спрашивать, если ты и так все слышала.

Недовольная Беттина топнула каблучком. Разговор вышел неприятным, а последствия могли быть еще неприятнее. В сущности, ей только что пригрозили, что ее торговля

закончится, не успев толком начаться. Хоть беги! Только она так хорошо устроилась, как на тебе!

Этель осторожно подергала ее за рукав:

— Госпожа Беттина, вы правда вышли замуж?

— Правда...

— Это же здорово! Господин Савард — он классный и бабушка его одобряет! Я ей скажу, она вам пирог испечет! Свой фирменный! А что господин Гентар говорил... Не переживайте! Он больше говорит, чем делает. Крови, конечно, попортит, нервы подергает... Он с бабушкой десять лет воевал, и ничего. Она жива — здорова.

Беттина усмехнулась.

— Знаешь, Этель, я собиралась здесь жить, а не воевать. Как раз от такой войны и сбежала. Но если тут начнется то же самое, я вернусь.

— А лавка, дом?

— Продам. Как купила, так и продам. Новых заказов брать не буду, оставшиеся выполню и прости — прощай. С моей профессией я нигде не пропаду. Тем более что Вер теперь опять будет работать в Академии.

Говорила она, обращаясь к Этель, но ясно было, что сказано это для Лиссы. Подруга же молчала, глядя на Беттину во все глаза, будто хотела понять, что здесь правда, а что сказано для красного словца. Она будто забыла, что Бетти никогда ей не врала, да и вообще считала, что надо либо молчать, либо говорить то, что думаешь.

Обстановку разрядил Морис.

— Госпожа Беттина, — затараторил он, — Пожалуйста! Пожалуйста, не торопитесь! Не продавайте лавку прямо завтра. Нам тут так нравится! Я попрошу бабушку, пусть она с вами поговорит. Может быть вы вместе что-то придумаете... Я не хочу, чтобы лавка закрылась.

Беттина повернулась к мальчику и одарила его теплой улыбкой.

— Хорошо, Морис, я так и сделаю. Дождусь вашей бабушки. Совет госпожи Брунгильды мне не помешает. А пока давайте работать. Вон, я вижу, к нам посетитель идет.

Вошедшая дама отвлекла на себя внимание Мориса и Этель. Пока она выбирала амулеты для хозяйства, Бетти взяла подругу за руку и вернулась с ней в гостиную, где в одиночестве коротал время Джимми. Он нашел книжку, по которой училась Бетти, и сидел рассматривал картинки, тяжело вздыхая. Увидел девушек и спросил с энтузиазмом:

— А можно научиться читать на вашем языке? Амулет — переводчик поможет?

Бетти закивала утвердительно, а Лисса пояснила:

— Надо алфавит выучить, а тогда уже по звучанию слов все будет понятно. Только поначалу лучше читать вслух, так скорее выйдет освоить грамоту.

Мужчина протянул Лиссе книжку и спросил:

— Ведь это о путешествиях между мирами, я правильно понял?

— Абсолютно, — подтвердила девушка.

Затем захихикала:

— Представляешь, я только что сообразила. Наша Бетти никогда не открывала портал на местности, а между мирами уже шмыгает. Нас ведь учили, что это дело надо осваивать постепенно: сначала перемещения в пределах одной комнаты, потом одного здания, потом одного города... В общем, пока до пределов одной вселенной дойдет, наступает глубокая старость, — она повернулась к подруге, — А ты раз — и сходу из мира в мир скачешь.

Бетти в ответ сдержанно улыбнулась.

— Действительно, местные порталы я пока не освоила. Думаю, это не слишком трудно.

— Раз уж смогла между мирами переместиться... Говорят, драконы пронзают пространство на автомате, стоит только задуматься и представить себе конечную точку. В учебнике написано, что им и учиться не надо. Одна тонкость — они это проделывают только в своем чешуйчатом виде.

Маленькая артефакторша задумалась.

— А я не изучала особенности порталов у драконов. Я вообще про магию пространства мало что знаю. Только то, что у тебя между делом вслух проскакивало. На специальности это прошло мимо меня. С моими силами амулеты переноса делать было бессмысленно.

— Почему? — удивилась вдруг Лисса.

— Как ты это себе представляешь? Сначала привязываю заклинание и все такое к предмету, а потом два года в него силы вливаю? Поэтому мэтр Гросвен меня этому и не учил. С другой стороны, он был уверен, что я справлюсь, для меня любое заклинание к амулету привязать не проблема. А уж сконструировать и рассчитать... Нашла бы кого-нибудь Вот хоть тебя.

— Это точно, — согласилась великая путешественница, — Слушай, давай сходим прогуляемся до порталной площадки магистра Авессалома. Ты покажешь нам с Джимми своего дракона, да мы домой отправимся. А через денек ты к нам прилетишь. У Саварда есть наши координаты.

Беттина задумалась, затем сказала с сомнением:

— В мире Джеймса нет магии. Я боюсь там появляться. Вдруг застряну в какой-нибудь ипостаси или не смогу уйти... Конечно, я золотой дракон, но лучше не рисковать. Встретимся у магистра Сарториуса или на базе.

— О! — обрадовалась Лисса, — Давайте все к Сарториусу. Старичок будет рад, ему одному скучно, а я смогу познакомить тебя и Джимми с Актеллией. Его она давно хочет видеть, думаю, и ты ей понравишься.

— Хорошо, — согласилась Бетти, — Тогда давай через два дня у Сарториуса. Я пока тут с делами разберусь, да и Вера надо подготовить. Я хочу, чтобы он тоже там был. А то если я начну ходить по гостям у него за спиной... Боюсь, что из нашей семейной жизни ничего не получится.

Лисса хотела что-то возразить, но Джеймс вовремя дернул ее за рукав и сделал большие глаза. Она поняла, что следует промолчать и согласиться, но последнее слово оставила за собой.

— Договорились, через два дня. И пусть Савард тоже приходит, Джимми интересно с ним общаться.

Погода стояла солнечная, поэтому Бетти не пришлось переодеваться, чтобы проводить друзей. Оставив указание Морису, она вышла вслед за Лиссой и ее другом из лавки и они все вместе направились мимо ратуши к дому Эмилиса и Алессы.

На ратушной площади по раннему времени народу было мало, поэтому Беттину насторожил стук каблуков по брусчатке: кто-то их догонял. Она не стала оборачиваться. Если это знакомый — окликнет, если чужой... Пусть идет своей дорогой. Через несколько секунд раздался знакомый голос:

— Беттина, куда вы так торопитесь?

Она бы не остановилась, но Джимми при этих словах встал как вкопанный. Вероятно так он представлял себе вежливое поведение. Пришлось тоже останавливаться,

обращиваться и отвечать:

— Господин Танкред, какая встреча.

— Бетти, дед сказал, что ты замужем теперь.

— Совершенно верно.

Вместо разочарования в глазах молодого дракона сверкнул хищный огонек:

— А твой муж — этот здоровяк профессор не знаю уж каких наук.

— Мой муж — профессор магии, архимаг Эверард Савард.

Танкред не обратил на ее слова ни малейшего внимания, а продолжал гнуть свое.

— И он каждый день куда-то отправляется, а ты сидишь в лавке одна, бедняжечка.

Ничего, я зайду тебя развлечь.

Приглашение к адюльтеру было сделано совершенно недвусмысленно, но Бетти сделала вид, что не поняла намека, хотя стоявшие рядом Лисса и Джеймс ахнули от возмущения. В ее ответе были только факты, но холодный тон не оставлял сомнений: ухаживания Танкреда она отвергает.

— Мой муж работает в Академии Магии. Естественно, он ходит на работу. А в лавке я не одна. Со мной мои сотрудники Морис и Этель.

Дракон самодовольно усмехнулся и нагло подмигнул. В ответ на это она прищурила глаза и проговорила отчетливо и напористо:

— Если вы случайно забыли, как нужно вести себя с порядочными женщинами, я найду способ напомнить. Надеюсь, с вами не случится то же, что с Риккардом Эги. Вы тогда мне очень помогли, и мне бы не хотелось, чтобы вы повторили его судьбу. Прощайте.

Затем она повернулась, и, подхватив под руки своих друзей, заторопилась прочь, к дому Авессалома. Всю дорогу друзья шли так быстро, что почти бежали. Остановились только на порտальной площадке.

Лисса спросила:

— Бет, как ты будешь возвращаться? Этот красавчик может тебя подстеречь... Ты конечно золотой дракон, но он тоже дракон, а обращаться в городе, насколько я помню, запрещено. Даже если он тебя спровоцирует, виноватой будешь ты.

Беттина упрямо тряхнула головой.

— Он не посмеет ничего мне сделать. А если... Если попробует... Ты меня знаешь: скандал будет на весь город.

Лисса с сомнением хмыкнула. За всю жизнь Бет раза два устраивала скандалы, но это было нечто. Она не орала, не визжала, просто четким, хорошо поставленным голосом выговаривала вызвавшему ее гнев все, что о нем думала, ничем себя не стесняя. А если он не понимал, тогда била. Ее маленький кулачок был на редкость сильным и крепким, его действие она подкрепляла ловкими пинками. Не ожидающий нападения наглец становился легкой добычей. В обоих известных Лиссе случаях, когда он приходил в себя и пытался ответить, набегали студенты и преподаватели и оттаскивали незадачливого от разъяренной фурии. Лисса еще удивлялась, почему Бет не побила тогда Ансара Эгелена, ведь хотела. С другой стороны, драку в присутствии преподавателей студентам затевать не стоило.

Но вот сработает ли тактика Беттины здесь, в чужом городе, где она никто, а Танкред — уважаемый гражданин, внук еще более уважаемого мастера Гентара? Ее же могут и в тюрьму забрать за хулиганство.

— Бет, пообещай мне, — затянула она плаксиво, — Пообещай, что когда нас проводишь, зайдешь к магистру Авессалома и попросишь тебя проводить.

Беттина вздохнула и дала обещание. Видно было, что она делает это через силу, но Лисса успокоилась. Если Бет сказала, значит можно быть уверенной: так она и поступит.

Затем настал момент, которого дожидался Джимми. Золотоволосая красавица отошла от них на приличное расстояние, остановилась, задумалась... легкий радужный вихрь и вот уже перед ними дракон. Не очень большой, отметила Лисса, но потрясающе красивый. Она такого и не видела.

Джеймс открыл рот и медленно опустился на песок. Его не держали ноги, так сильно было впечатление. Увиденное никак не хотело вписываться в его представления о том, что может быть, а чего не может. Он думал, что все уже принял и теперь его ничем не удивить, но зрелище просто потрясло. Дракон Бетти был сама красота и изящество, и в то же время страшный, опасный, непредсказуемый зверь. Добродушное выражение морды и прищур золотых глаз с вертикальным зрачком говорили о том, что конкретно Джимми и конкретно сейчас бояться нечего. Но если бы тут появился враг... Ему не позавидуешь.

Новый радужный вихрь, и вот уже Бетти идет к ним прощаться. Она обняла свою старую подругу и ее возлюбленного, сказала, что очень за них рада, отдельно шепнула Джимми на ухо, что довольна: Лисса нашла себе того, кто сможет хоть немного ее обуздать, а затем ее гости исчезли в сиреновой дымке портала.

Бетти вздохнула и пошла просить помощи у Эмилиса, раз уж обещала.

Магистр Авессалом был дома, но не пришел в восторг от визита артефакторши. Алесса последнее время стала капризной и все время хотела видеть его рядом. А тут только она задремала после позднего завтрака и Мил устроился поработать немного, почитать новые статьи, как вдруг появляется нахальная девица и просит ее проводить. Авессалом уже было собрался ей отказать, сославшись на неотложные дела, но, присмотревшись к ауре Бетти и заметив в ней сполохи драконьей магии, изменил свое решение. Он никогда не отказывался от новой информации.

— Хорошо, дорогая, я тебя провожу до лавки. Кстати, посмотрю, нет ли чего новенького. Очень хочется знать, что у вас такое приключилось.

Девушка тяжело вздохнула:

— Поздравьте меня, магистр, я теперь дракон. А еще... Еще я вышла замуж за Вера.

— Поздравляю, — машинально произнес Мил, затем глаза его расширились и сделались большие, словно плоски, — Что ты сказала? Я не ослышался?

— Я сказала, — членораздельно повторила Беттина, — Что вышла замуж за профессора Саварда и стала драконом. Золотым, — добавила она на всякий случай.

— Отлично, девочка, — закричал Эмилис шепотом, чтобы не разбудить жену, — Сейчас я тебя провожу и ты мне все расскажешь.

Бетти испустила очередной тяжелый вздох. Она не хотела никому ничего рассказывать, но понимала, что в данной ситуации это ее плата за безопасность. Кроме сиюминутной защиты от Танкреда, Мил и Алесса разнесут весть о ее новом семейном положении по всему городу. Вряд ли тогда кто-то посмеет на нее посягнуть.

До ратушной площади дошли спокойно. Мил расспрашивал ее про подробности и дивился: буквально три дня назад Вер приходил к нему за советом, и вот уже он женат на любимой женщине. Оказалось, ее не надо ни уговаривать, ни завоевывать. Доверия оказалось достаточно. Ну что же, тут можно засчитать себе плюс как психологу: он правильно во всем разобрался.

Но Герулен! Тестюшка просто сам себя перещеголял! Авессалом знал о

многочисленных талантах старого эльфа, но что тот сможет сыграть роль шамана песчаных демонов просто в голове не укладывалось. Мил подозревал, что девушка рассказала не все, и положил себе обязательно расспросить Вера подробнее.

Затем Бетти перешла к рассказу о визите Гентара и встрече с его внуком. Тут Эмилис напрягся. Вступать в конфликт драконьей диаспорой не входило в его планы. Он уточнил у Бетти, верно ли то, что ее муж сегодня обязательно вернется. Услышав утвердительный ответ, Мил успокоился.

Сейчас он просто помешает разгореться скандалу, а вечером встретит Вера и поговорит с ним. Если Танкред вздумал, невзирая ни на что, сделать Бетти своей, то теперь в отсутствие мужа она беззащитна. Так что Веру надо брать девочку и тащить с собой на Ардайю. Главное чтобы она не стала упираться. Но раз Савард уговорил ее выйти на него, то уж переменить место жительства убедит легко.

На площади откуда ни возьмись снова возник Танкред. Он не стал подходить и здороваться с Авессаломом, просто пристроился сзади шагах в двадцати и пошел следом.

Это ни Бетти, ни Милу не понравилось и они ускорили шаг. В лавку буквально ворвались. Бетти упала на свой стул и, задыхаясь от волнения, выдавила из себя:

— Магистр, все в порядке, мы на месте.

Эмилис выглядел огорченным.

— Не вижу, что тут в порядке. Дракон может ворваться сюда в любую минуту. Да он так и сделает, как только я уйду. А я не могу остаться: Алесса проснется, увидит что меня нет и будет волноваться.

Беттина ответила твердо:

— Ничего, Эмилис. Идите. Я справлюсь. Мы справимся, — она обвела рукой лавку и показала на замерших за прилавком Мориса и Этель, — Не заставляйте жену ждать и беспокоиться.

Ее последние слова попали в цель. Мил побродил пару минут между витринами, выбрал пару амулетов для беременных и зажигалку, расплатился и ушел.

— Ой, — запищала перепуганная Этель, — Что теперь будет? Этот противный Танкред все время тут крутится. А вдруг он ворвется? Мы же не можем закрыть лавку!

— А почему нет? — задумчиво протянула Бетти, — Очень даже можем. Кто нам запретит? Морис, Этель, собирайтесь и быстро домой! А я запру за вами дверь и повешу табличку «закрито». Хотя... Стойте, мы опоздали!

Она метнулась к двери и заперла прямо перед носом Танкреда, который уже брался за нее, намереваясь войти. Повернулась спиной и прислонилась к косяку в полном изнеможении.

— Ф — ффууу, еле успела. Этель, достань табличку и давай ее сюда, надо вставить в гнездо. Пусть все знают, что мы сегодня больше не работаем.

Табличка нырнула на свое место в тот момент, когда Танкреду надоело стоять под дверью и он начал стучать и требовать, чтобы его впустили.

Морис оттер хозяйку от двери и завопил как можно громче:

— Вы читать не умеете? Написано же: «Закрито»!

— Только что было открыто!

— Ну и что! А теперь нет.

— Позови хозяйку, я должен с ней поговорить.

Бетти подала голос:

— Если хотите поговорить, приходите в другое время, сейчас мне некогда.

— В какое?

— Вечером. Когда мой муж будет дома. Тогда и поговорим. Втроем.

— Поговорим, — угрожающе молвил дракон, — заодно выясним, где и как вы поженились и можно ли считать такой брак законным и имеющим силу здесь, на Кариане, в нашем городе.

Бетти было что ему сказать, но она слишком устала, чтобы спорить.

— Вот и хорошо, все выясним, а теперь идите. Магазин закрыт.

Когда шаги молодого Гентара затихли за окном, дети бросились к Бетти и обняли ее с двух сторон.

— Вы не бойтесь, он ничего не сделает, — шептала в одно ухо Этель.

— Не волнуйтесь, мы не дадим вас в обиду. Будет нужно, бабушку призовем. Вот уж она ему задаст.

— Спасибо, мои дорогие, — чуть не расплакалась Беттина, — вы у меня такие хорошие. Я вас тоже очень люблю. А теперь пойдем попьем чаю, раз все равно не работаем.

Дети восприняли это предложение с радостью. Еще бы: у Бетти все такое вкусное. Они устроились не в гостиной, а на кухне и с любопытством глядели, как хлопочет по хозяйству их милая госпожа. Когда же Бетти выставила на стол яблочный пирог и булочки с корицей, восторгу не было предела. Морис даже намекнул: вот бы все дни были такие. Бетт рассмеялась:

— А на что бы мы тогда пировали? Все надо заработать, дорогой, уж тебе ли не знать, раз с малолетства трудишься?

Время подходило к тому, когда она обычно отпускала ребят домой, и тут зазвонил колокольчик. Звук его был тревожным и настойчивым. Бетти подхватила и бросилась к окну гостиной глянуть кто пришел. Идти сразу открывать она побоялась.

Ей сразу бросилась в глаза каштановая макушка Саварда. От сердца тут же отлегло и она птицей полетела открывать. Распахнув дверь, не удержалась, бросилась к мужу на грудь, прижалась и всплакнула.

Он подхватил ее на руки и внес в дом.

— Постой, Бет, я ничего не понял. На двери объявление, мол закрыто, двери заперты, окна темные... Я уж думал случилось что. Звонил для проформы, собирался идти тебя искать.

— А мы с ребятами закрыли лавку и устроились на кухне чаевничать, — робко объяснила Бетти, — Раз уж ты так рано пришел... Давай я их отпущу, а мы с тобой сядем и поговорим. Заодно и поужинаем.

Савард ничего не имел против. Она сама нарочно сегодня пораньше вернулся. Надо же рассказать Бетти все новости и подумать, как ей скорее перебраться в Академию.

Когда заметившие его Морис и Этель спустились в лавку, он ласково потрепал их по головам и велел попросить бабушку зайти сюда завтра пораньше. Лучше всего не менее чем за час до открытия.

Понятливые ребята покивали головами и удалились в сторону рыночной площади. Когда дверь была снова заперта, Бетти спросила:

— Зачем ты пригласил Брунгильду? Я сама хотела ее видеть, но тебе она зачем?

— Затем что твоя бабушка настаивает, чтобы ты явилась к ней. Она так и осталась в Академии, летает дозором вокруг и выглядит довольной. Герулен на нее не надышится. Но

ты же не захочешь оставлять лавку без присмотра. Вот я и думаю договориться с Брунгильдой. Мне кажется, она порядочная и вменяемая тетка.

Беттина подняла на него сияющие глаза:

— Бабушка? Авенара хочет меня видеть? Вер, это так чудесно. Я по ней очень соскучилась... А про Брунгильду это ты здорово... Знаешь, я сама подумывала о том, чтобы лавку продать. Но если ее будет пока вести Брунгильда... Так даже лучше. А я могу клепать амулеты в любом месте, мне все равно. Наведываться раз в декаду, отдавать готовое, забирать заказы, проверять счета.

Савард не выдержал, схватил жену на руки и понес вверх по лестнице.

— Милая моя умница. Ты так хорошо все продумала. Значит, ты тоже собралась со мной в Академию? А я не знал как об этом сказать.

Руки Бет обняли его за шею, ее тонкие пальчики зарылись в его волосы на затылке. Она прижалась щекой к его груди и мурлыкнула:

— Что ты хочешь мне сказать, Вер?

— Я хочу, чтобы ты была со мной. Всегда, везде. Хорошо приходит вечером и видеть, что ты меня ждешь, но еще лучше если ты все время будешь рядом. Просто чтобы я мог в любой момент к тебе прикоснуться и удостовериться, что это не сон, что ты действительно моя жена.

Бетти рассмеялась.

— Дотронулся? Теперь поставь меня на пол. У меня еще ужин не готов.

— Ты хочешь сказать, что мы идем не в спальню, а на кухню?

— Именно.

— Жестокая! Но я лучше тебя туда отнесу!

В ответ Беттина только крепче обхватила его шею.

За ужином они наперебой рассказывали друг другу то, что случилось за день. История с Гентаром и его внуком произвела на Саварда огромное впечатление. Конечно, он был подготовлен встретившим его на порталной площадке Милом, но подробности узнал только от жены. Они ему очень не понравились.

— Я этому Танкреду уши оборву! Какого демона он к тебе пристает?! Вот встречу... Как думаешь, он сегодня появится?

Бетти пожалала плечами:

— Обещал, но при трезвом размышлении...

— Думаешь, побоится?

— Я бы на его месте побоялась. Ты у нас неполноценный дракон...

— Но почти полноценный огненный демон, а с ними даже драконы связываться не рискуют.

— Ну вот, ты у меня просто слова с языка украл. Только я хотела сказать...

И тут раздался звон дверного колокольчика.

— Пришел-таки, — произнес Савард, поднимаясь со стула, — ты сиди, я сам открою.

Он ожидал увидеть молодого Гентара, но за дверью стоял старик. Савард посторонился, пропуская его внутрь и спросил сухо:

— Чем обязан?

— Я пришел к вашей уважаемой супруге. Не к вам.

— Если по поводу амулетов, то лучше вам выбрать другое время. У нее рабочий день закончился.

— Я по другому вопросу. По личному.

— Тогда говорите со мной. По всем вопросам, не связанным с ее работой, я вполне могу заменить мою жену.

Несколько минут мужчины стояли друг напротив друга и играли в «кто кого пересмотрит». На стороне Гентара был возраст и терпение дракона, но на стороне Саварда играл многолетний опыт преподавательской деятельности. Его тяжелый взгляд просто пригибал оппонента к земле.

Дракон не выдержал первым.

— Хорошо, господин...

— Савард, Эверард Савард к вашим услугам.

Профессор всегда считал, что вежливость с врагом делает удар сильнее. Он показал Гентару на стул, куда Бетти усаживала своих заказчиков, сел на ее место за столом и произнес:

— Итак...?

— Господин Савард, вы в курсе, что ваша жена дракон?

— Еще бы я не был в курсе.

— Я имею в виду настоящий, полноценный дракон, с обеими ипостасями и магией?

Вер широко и нахально улыбнулся, глядя прямо в глаза дракону.

— Я, чтоб вы знали, архимаг, профессор Академии магии, мне ли не знать, кто такие золотые драконы? Это самые волшебные существа в мироздании, живая магия. Так что не надо мне объяснять очевидное, расскажите лучше, с чем вы явились.

Гентар заговорил так, как будто читал лекцию.

— Вы находитесь на Кариане, родной планете драконов, мы ее исконные обитатели...

Да, сейчас ее заселили люди и всяческие полукровки, вытеснили драконов откуда только можно. Нас и так осталось мало, а уж женщин — дракониц и совсем единицы. Поэтому был принят закон: та, что имеет две полноценные ипостаси, может выйти замуж только при одобрении семьи. Если семьи у нее нет, то это одобрение должна дать диаспора в лице ее главы.

Все изложенное Саварда совершенно не впечатлило.

— И какое все это имеет отношение ко мне и Бетти?

— Ну как же?! Она поселилась здесь будучи девицей, наняла дом и получила лицензию, а значит стала полноправной гражданкой и членом нашей общины. Семьи у нее нет, значит, она не имела права выйти за вас без моего разрешения. А я его не давал.

— Кто вам сказал, что у Бетти нет семьи? У нее есть бабушка, и она меня одобрила.

Гентар вдруг встрепенулся:

— Бабушка? Где эта бабушка и кто она?

Саварду было что сказать по этому поводу.

— Она стопроцентный чистокровный золотой дракон! Хотите познакомиться? Я вам устрою, только потом не жалуйтесь. А Бетти... Она ведь не только золотой дракон, но и демон. Мы поженились по законам ее клана и связаны магическим браком, а он, как вы знаете, нерасторжим. Нас разлучит только смерть.

И тут старый дракон нехорошо усмехнулся.

— Смерть? Ну — ну. В общем так, господин Савард. Я настаиваю чтобы вы представили меня этой самой бабушке. Что-то не верится мне в ее существование.

Он поднялся со стула и вышел не прощаясь. Тут же с лестницы слетела Бетти и

бросилась к мужу. Она явно подслушивала чуть ли не с начала разговора, но ничем не выдала своего присутствия. Сейчас же ее прямо трясло от возбуждения.

— Вер! Вер, что он собирается делать? Тянет время? Но зачем?

Савард в очередной раз порадовался, какая умная у него жена. Ничего объяснять не надо, разве что самую малость.

— Думаю, он решил расторгнуть наш брак единственным доступным способом, но еще не придумал как. Вовремя мы решили отсюда убираться.

Беттина грустно покачала головой.

— Да, после этого разговора я в этом окончательно убедилась. А поначалу казалось, что мы наши свой дом. И вот приходится опять все бросать и уходить. Лучше бы сделать это прямо сейчас, но... мне нужно два дня, чтобы завершить все дела.

Профессор сел перед ней на корточки и заглянул жене в лицо. Увидев несчастные глаза, погладил округлую золотистую щеку и сказал, желая утешить и успокоить:

— Знаешь, есть идея. Сейчас идем спать, а перед рассветом я отправлюсь в Академию и пришло тебе сюда Авенару. Пусть она с тобой побудет. Насколько я успел ее узнать, она любого раскатает в тонкий блин.

Он потрепал жену по волосам, она в ответ вцепилась в его рукав:

— Вер, я здесь одна не останусь. Лучше пойду с тобой и вернусь с бабушкой. Я тут перед Лиссой храброю из себя строила, упиралась, не хотела никакой охраны, а теперь боюсь.

* * *

Вернувшиеся домой с Карианы Джеймс Хеддлтон со своей подружкой сидели на диване и чаевничали. Пирожные из супермаркета по всем статьям уступали булочкам Беттины, но не это беспокоило обоих.

Не успев вернуться, Лисса снова завела разговор о том, что она хочет в Академию. Ее мужчина терпеливо, как малому ребенку объяснял ей, как она неправа.

— Джимми, ну Джимми, — ныла Лисса.

Математик спокойно, так, как будто его совершенно не раздражало ее нытье, отвечал:

— Лиза. девочка моя, мы же уже все обсудили и обо всем договорились. До встречи с твоей прабабушкой и ее санкции ты в Академию ни ногой.

— Ты такой вредный! Мне скучно тут сидеть!

— Пошла бы погуляла. В нашем студенческом городке очень красиво, там есть кафе и магазинчики, а если пойти от дома вправо, будет настоящий лес.

Девушка упрямо замотала головой.

— Здесь я ничего не знаю и боюсь.

— Какая ты смешная! Здесь, где тебе практически ничто не угрожает, боишься, а туда, где опасно, тебя словно магнитом тянет. Ну подожди немного, завтра встретишься со своей знаменитой Актеллией и решишь вопрос. Кстати, ты знаешь, сколько золота заработала?

Лисса тут же отвлеклась от нытья и засверкала своими синими как сапфир глазами:

— Сколько?

— По здешним меркам очень и очень неплохо. Я тут пересчитал по биржевым данным... Ваши сорок семь золотых потянули почти на пять тысяч американских долларов.

В наших, канадских, побольше будет.

Эти цифры Лиссе ничего не говорили.

— А это много или мало?

— Ну, не богатство, но вполне приличная сумма. И это только золото.

— Только золото? — удивилась Лисса, — А что еще?

Джимми задумчиво откинул со лба челку.

— Они уникальные. Ты понимаешь, что в нашем мире ничего подобного нет и не было?

Я попробую продать парочку коллекционерам. Есть у меня бывший школьный приятель, он такими делами занимается. Если удастся, у тебя будут свои карманные деньги.

Ничего не понявшая из этих объяснений Лисса радостно закивала. Своих карманных у нее никогда не водилось, и мысль о них была приятной. А еще сработало ее коронная любознательность: захотелось выяснить, чем американские доллары отличаются от канадских и что это вообще такое.

Девушка начала задавать вопросы, после чего Джеймс усадил ее за компьютер и наоткрывал сайтов по истории. Затем сходил в спальню, порылся там под кроватью и достал старый, кожаный, совершенно неподъемный чемодан. Внутри оказались книги.

— Моя бабушка преподавала историю. Тут учебники, по которым она учила детей, а еще романы, которые она им советовала читать.

— Романы — это же неправда, выдумка! — возмутилась Лисса.

— По большей части да, — согласился математик, — Но во многих историческая канва передана правильно. Именно такие отбирала моя бабушка. Она была хорошим педагогом и часто говорила: «История — это роман, который случился на самом деле».

Лисса из сказанного сделала свой вывод:

— Значит, когда-нибудь напишут роман о том, как мы боролись против императрицы Матильды?

— Вполне возможно. Но я мысль не закончил. Еще история помогает ориентироваться в окружающем мире. Так что если ты в ближайшее время не собираешься меня покидать, то тебе полезно со всем этим ознакомиться. Тогда и гулять бояться не будешь.

Девушка серьезно кивнула и принялась копаться в чемодане. Затем, выбрав пару книг потолще, махнула другу рукой:

— Можешь идти на свою работу. Мне есть чем заняться.

Джимми отобрал среди валявшейся на тумбочке у кровати кучки монет две попригляднее, сунул в карман пиджака и, чмокнув Лиссу в нос, отправился в университет. Лисса сгребла остальные в ящик, чтобы не отсвечивали. Все-таки это ее деньги, надо о них позаботиться. Кошелек, что ли, сшить. Но это потом. Сейчас ее ждут знания о мире, где она временно поселилась, да еще в увлекательной форме.

Она переместилась на диван в гостиной и открыла первый том...

Вернувшийся вечером Джеймс выглядел как-то непривычно. Этот всегда спокойный и выдержанный парень, казалось, получил чем-то тяжелым по башке и еще не пришел в себя. Бросившаяся ему навстречу с радостным визгом Лисса даже затормозила.

Он все же схватил ее и прижал к себе. Затем похлопал по спине и спросил задумчиво:

— Лисса, скажи, а эти твои сорок семь золотых... В твоём мире это много или мало?

Она улыбнулась.

— Я повторю твои слова: не богатство, но вполне приличная сумма. Для короля гроши, а крестьянин за десять лет столько не заработает. Для горожанина средней руки это доход за

три месяца, а то и за полгода.

Джимми выдохнул:

— За твои две монеты мне предложили по три тысячи долларов за каждую. И это первая цена.

— Что значит «первая цена»?

— То и значит. Мой приятель, как глянул, сходу мне их предложил. Готов был выплатить немедленно. Если бы я никогда не читал романов и не смотрел бы кино, обрадовался бы как маленький.

— Почему?

— Потому что это значит, что он планирует их продать гораздо дороже. В разы. И тут возникает сразу два вопроса: сколько они стоят на самом деле и нужно ли их продавать.

Лисса надула губки.

— Здесь же с ними за покупками не пойдешь. А это мой заработок. Что ты ответил этому своему приятелю?

— Сказал, что подумаю. Посоветуюсь со своей девушкой.

— А он?

— Он сфотографировал монеты на телефон и обещал тоже подумать. А потом спросил откуда они у меня.

Лисса широко распахнула глаза. Дать правдивый ответ невозможно: здесь просто не верят в существование других миров.

— И что ты ему ответил?

— Сказал, что это наследство моей девушки. Она получила их после смерти какого-то родственника. Родственник жил где-то в Европе. Пришлось врать, а ты даже не представляешь, как я это ненавижу.

— А еще что спрашивал?

— Много ли у тебя таких монет? Я сказал, что всего пять.

— А здесь почему ты соврал?

Джимми горестно вздохнул, так, что Лиссе захотелось его утешить.

— Поверь, так правильнее. Пять уникальных монет у нас купят, а за сорок семь могут и голову оторвать.

Лисса вспомнила нравы, которые царили на Ардайе не так давно, еще при отце императора Юстина, когда за меньшее могли вырезать целую семью, и промолчала. Она такого не застала, но в учебнике по истории приводились факты, да и слухами земля полнилась. Здесь могло быть то же самое. Навлекать на своего мужчину опасность никакого желания у нее не было.

— Может, мы зря все это затеяли?

— Наверное, но теперь уже поздно. Информация просочилась, ее не остановишь.

Как бы подтверждая его мысли, в кармане у Джимми зазвонил телефон.

Он отвечал кратко: «Да, нет, нет, да, хорошо...», но слов собеседника девушке слышно не было.

Дав отбой, он снова привлек к себе Лиссу.

— Девочка моя, нас ждут завтра в одном месте. Поедем вместе. Ты молчи и улыбайся, разговаривать буду я. Они хотят купить все, что у тебя есть.

— Все сорок семь? — удивилась Лисса.

— Все пять. Думаю, предложение будет неплохим. Мой приятель намекнул, что только

его комиссионные больше, чем то, что он мне сулил. Мы выправим документы на твоё имя, откроем тебе счёт и оформим карточку. Тогда я буду спокоен. Этих денег тебе надолго хватит.

Эта идея не пришлась Лиссе по душе. Хотя она уже освоила оплату карточкой и представляла себе, что это, но мысль о том, что золото исчезнет, превратившись в кусочек пластика, была неприятна. Инстинктивно она опасалась доверять свои деньги банку, оформлять документы она тоже не рвалась.

Почему-то мысль о том, что это проделает Джимми, не вызвала отторжения.

Забарабанив тонкими пальчиками по широкой и твердой груди своего возлюбленного, она спросила:

— А если мы из положим на твой счёт? А вот карточку ты дашь мне, чтобы я пользовалась?

— Ты не хочешь оформить документы? — удивился мужчина, — Знаешь, здесь это и впрямь будет непросто. Будь мы в Британии... Ты знаешь, что я англичанин и только живу в Канаде?

Для бедной Лиссы, которая только сегодня усвоила, что на земле государств целая куча и пока не запомнила их названия, это было слишком.

— Джимми, не морочь мне голову, — заныла она, — просто скажи, что согласен.

— На что? — удивился он.

— Положить мои деньги на свой счёт. Мне кажется, так безопаснее. В случае чего... Я вполне могу себе позволить потерять пять золотых. Тем более что ты меня кормишь, поишь, одеваешь, обувашь.

Её логику математик так и не понял, но сообразил, что лучше уступить. Тем более что так для неё будет действительно безопаснее. Он представить себе не мог, как получить для Лиссы легализующие документы, несмотря на то, что искренне собирался это сделать. Но если обойтись без государственных инстанций... Вряд ли ей, как демиургу, что-то угрожает.

Есть у него счёт, которым он практически не пользуется. Туда переводят деньги за разовые выполненные работы. Вполне подойдет для этой цели, не надо новый открывать.

* * *

Бетти проспала чуть не в первый раз в жизни. Вчера после визита Гентара они с Вером долго разговаривали. Обсуждали все, происшедшее с ними за последнее время, рассказывали друг другу то, чем до сих пор не удосужились обменяться.

Ей было приятно после бурных ласк тихо лежать на плече мужа и обсуждать все на свете. Вер не доставал её разговорами о любви, и это ей тоже нравилось.

Только вот общение затянулось далеко за полночь, и утром Бетти просто не смогла открыть глаза, да и Вер тоже спал как убитый. В результате оба вскочили тогда, когда в дверь лавки стали звонить Морис и Этель.

Бетти впопыхах надела халат и ринулась вниз по ступенькам. Впустила детей и их великолепную бабушку, усадила последнюю на стул, извинилась и бросилась обратно. Надо было одеться пристойно, прежде чем вести переговоры.

Когда она, уже умытая, причесанная и нарядная, спустилась в лавку под ручку с мужем. Брунгильда болтала с внуками, весело смеясь.

Завидев молодую хозяйку, старая дама нацепила на лицо серьезное выражение:

— Госпожа Беттина, внуки сообщили мне, что вы хотите со мной поговорить о деле.

— Все верно, госпожа Брунгильда, — ответил ей Савард, — Мы с женой хотели бы вам кое-что предложить.

Пожилая дама одарила профессора сияющей улыбкой.

— Слышала я, что вы с Гентарами сцепились. Поздравляю. Месяца не прошло. Я с ними поругалась на пятый год работы лавки.

— Ну так у нас и повод другой, — заметила Бетти.

— Хорошо сказано, девочка. Все обратили внимание, как этот Танкред с самого начала на тебя глаза пялил. Можно было предсказать, чем это закончится. У драконов порядки суровые: цоп девушку и утащил. А тебя не смогли, вот и злятся.

— Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить, — снова стал гнуть свою линию Савард, — Мы не хотим быть причиной конфликта, да и дела призывают меня туда, откуда я родом. Не бросать же здесь молодую жену? Вот мы и подумали... Может, вы согласитесь приглядывать за лавкой?

— Так я и знала, что этим кончится, — стукнула кулаком об стол Брунгильда.

— Вы отказываетесь?

— Нет, я согласна. Но с условием. Беттина не отходит полностью от дела, а продолжает поставлять сюда свои уникальные амулеты и брать заказы. Тогда я согласна. За половину прибыли.

Бетти вдруг весело рассмеялась.

— Госпожа Брунгильда, нельзя же так! Вы думаете, я спросонок ничего не соображаю? О половине прибыли не может быть и речи. Давайте так: если мы в принципе договорились, то будем считать, что на сегодня деловые переговоры окончены. Распределение доходов обсудим завтра, хорошо? А сейчас приглашаю вас выпить чаю с булочками.

— Согласна, а потом?

— Потом оставайтесь здесь, пообщайтесь с внуками, посмотрите, как идут дела. После завтрака я должна буду вместе с мужем отправиться в одно место... Но надеюсь вернуться до закрытия.

Оставив Брунгильду с внуками в лавке, Савард с Беттиной прошли через весь город до портальной площадке Авессалома. По дороге на них не глазел только ленивый. Прохожие останавливались, люди высовывались из окон, всем была интересна девушка, отшившая молодого Гентара и мужчина, которого она ему предпочла.

На площадке за домом их подждал Эмилис. Савард поздоровался и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я взял тебя в гости к Геру?

— Нет, хочу спросить, что вы собираетесь делать. Конфликт с драконьей диаспорой — это не шутка, Вер.

Бетти прижалась к мужу, как бы ища у него защиты, а профессор произнес с великолепной небрежностью:

— А, пусть другие боятся. У нас с Бетти такие дела в Академии закручиваются... Тут с местных драконах думать некогда. Ладно, Мил, увидимся. Может, что-нибудь тестю передать?

— Передавай, что у Алессы все в ажуре.

Он ждал, что Вер, как обычно, обнимет Бетти и скроется в портале, но на этот раз увидел другую картину. Рассыпавшись радужными бликами, Бетти обернулась драконом.

Савард тоже впервые видел эту ее ипостась, поэтому они с Эмилисом дружно разинули рты.

Вер первым подобрал челюсть и выдохнул:

— Бет, ты просто совершенство! Никогда не видел дракона красивее.

Столб сиреневого света сигнализировал, что Бет уже отправилась в Академию, надо и Саварду поторопиться. Он тут же открыл свой портал.

— Мастерство не пропьешь, — произнес он довольно, когда вывалился на порталную площадку на мгновение раньше своей жены.

Молодой, неопытный дракон не мог тягаться с мастером своего дела. Вер поймал Бетти в объятия как только она вынырнула из своего портала, в момент перемещения сменив ипостась.

— Девочка моя, ты потрясающая, — зашептал он ей на ушко, — Я и не думал, что у тебя все получится с первого раза, да еще так здорово. Ты самый красивый дракон на свете.

Он хотел добавить еще пару милых фраз, но тут с крыльца к ним бросился Герулен, который явно их поджидал.

— Здравствуйте, Беттина. — поздоровался он, — Идемте скорее, ваша бабушка в нетерпении. Привет, Савард. Помнишь, где для вас готовы покои? Потом отведешь туда свою жену. Пусть обживает.

Не успел профессор глазом моргнуть, как Герулен увел Бетти, что-то втолковывая ей по дороге. Пришлось себя уговаривать, что Беттине ничего не грозит, это временно и в конце концов все утрясется.

* * *

Авенара ждала внучку в кабинете ректора. За три дня она успела серьезно потеснить Герулена: заняла его кресло и стала гонять его секретаря по своим поручениям. Никому другому великий законник этого не позволил бы, но прекрасная драконица живо прибрала его и все его хозяйство к своим изящным ручкам. В первый день Герулен уступал ей, боясь спугнуть, на второй попытался восстановить свое главенствующее положение, но сдался на милость победительницы. Сейчас же он расслабился и получал удовольствие, тем более что в его сложные махинации на государственном уровне Авенара не лезла, предпочитая командовать работами по хозяйству.

Все это время она потихоньку зудела о том, что хочет как можно скорее видеть свою внучку. Поэтому Герулен поторопился втолкнуть Беттину в кабинет и заявить во всеуслышание:

— Ты хотела видеть свою внучку, дорогая? Она перед тобой.

Сказал и смылся.

Сидевшая с комфортом в кресле Авенара вскочила. В первую минуту она смотрела на Беттину, пытаясь соотнести чахлое, тщедушное дитя и стоящую перед ней красивую молодую женщину. Затем выбежала из-за стола и распахнула объятия:

— Иди же ко мне, моя девочка, дай я тебя поцелую.

Бетти же во все глаза смотрела на бабушку, не решаясь открыть рот. Да, она любила свою бабушку, та была единственным светлым пятном в ее беспросветном детстве, но сейчас Беттина не находила в себе прежних чувств. Жизнь для нее не стояла на месте, и теперь вид красавицы вызвал в душе теплоту, но не более. Казалось, за годы, прошедшие с того

момента, как Авенара покинула дом песчаников, она ни на йоту не изменилась. Но Бетти-то не осталась прежней! Она больше не маленькая забитая девочка, боявшаяся слово лишнее сказать. Она взрослая, самостоятельная, замужняя женщина, артефактор с высшим образованием. В ее жизни теперь много хорошего и любовь бабушки не единственное, что она ценит и чем дорожит.

Она позволила себя обнять и поцеловать, сама расцеловала драконицу и сказала ласково:

— Ты все такая же красавица, бабушка. Ничуть не изменилась.

— А ты очень изменилась, Бетти. Могла ли я ожидать, что то замороженное дитя вырастет в такую очаровательную девушку? Твоему мужу можно только позавидовать. Жалко, конечно, что он неполноценный дракон...

Ну вот, она никак не может отвязаться от полноценного дракона в лице Гентара — младшего и тут бабушка сходу спешит растравить ее раны.

Бетт потрянула головой, как норовистая лошадка, и заявила:

— Бабушка, давай не будем это обсуждать. Караван уже ушел. Я очень рада тебя видеть. Все эти годы очень по тебе скучала, жалела, что не знаю, где тебя искать. И сейчас мне хочется говорить только о хорошем.

— О, — удивилась Авенара, — Ты не только красавица, ты еще и умница. Тогда я согласна с твоим выбором: этот малосимпатичный тип твой муж, которого тут все боятся, у тебя наверняка с рук ест.

Беттина усмехнулась. Ей Савард никогда не казался малосимпатичным. Или казался? Она с удивлением констатировала, что не может этого вспомнить. А ведь когда-то они с Лиссой обе его терпеть не могли. Сейчас он был ее Вером, мужем, единственным мужчиной в ее жизни. А что его другие боятся... Значит поделом! Вер умный и справедливый, бояться его стоит тем, кто сделал что-то нехорошее.

Примерно так она и ответила. Авенара расхохоталась.

— Да ты образцовая жена в лучших традициях песчаных демонов.

Реакция на ее слова была не та, на которую рассчитывала Драконица. Не было ни слез, ни криков, ни упреков. В глазах девушки блеснул огонь, губы зло искривились.

— Не говорите мне о них, а то я разнесу пол — Академии. Вряд ли это понравится господину Герулену.

Драконица была удивлена:

— Ты настолько их ненавидишь?

— Я вычеркнула их из своей памяти и не желаю, чтобы о них хоть что-нибудь напоминало. Я поклялась, что больше никому не позволю портить мне жизнь, и сдержу клятву.

— Дорогая, жизнь мы в большинстве случаев портим себе сами.

Бетти отчеканила:

— Хочу заметить, что не я связала мою магию и не я лишила себя выбора. Мне не за что себя винить. А если неприятности будут связаны с моими действиями, что ж... Это тот риск, на который я согласна.

Авенара разглядывала внучку, любовалась и недоумевала. Бетти была удивительно похожа на нее внешне, но вот характер совершенно другой. Не драконий. Где фонтан эмоций? Есть сила, но сдержанная, страсть, но не напоказ. Если бы разговор задел ее, Авенару, она бы такой крик подняла! А девчонка глазами сверкнула и все. Может, это и к

лучшему?

Налюбовавшись Беттиной, драконица вдруг вспомнила, что девочка только — только научилась обращаться.

— Бетти, дорогая, я еще не видела твоего дракона. Я тут собиралась делать облет Академии, может, присоединишься?

От такого предложения отказаться было невозможно. Но Бетти заявила:

— Бабушка, давай в другой раз. Сегодня я пришла сюда ненадолго. Прежде чем я смогу остаться в Академии, мне надо закончить мои дела на Кариане.

— Кариана? Один из изначальных драконьих миров? — заинтересовалась Авенара, — Никогда не была. А какие у тебя там дела?

— Лавка, торгующая артефактами.

— Твоя собственная?

Бетти удивилась вопросу.

— А чья же? Только... С ней получились проблемы. Вернее, не с ней, а с Карианой, то есть с драконами...

Ей неловко было просить о помощи. Она всегда справлялась сама, на крайний случай вместе с Лиссой. А тут... Чуть ли не впервые в жизни Бет смешалась настолько, что не могла членораздельно объяснить ситуацию. К ее счастью в этот момент в кабинет всунул голову Савард:

— Можно?

Не дожидаясь разрешения промылился внутрь, уселся на подоконник и заявил:

— Уважаемая Авенара, у нас с Бетти к вам дело. Не могли бы вы помочь внучке?

Дама обернулась к нему всем корпусом:

— Да, могу. А что нужно делать?

Савард взял быка за рога и живо представил бабушке проблему. В отличие от Бетти, он не потерял способность к связному изложению.

— Бетти передает управление лавкой в чужие руки, чтобы не быть связанной. Она должна будет пару дней провести на Кариане, заканчивая дела. Но ее там домогаются, грозя неприятностями, некие драконы. Ссылаются на закон, по которому она может выйти замуж только с разрешения семьи, а за неимением оной — с разрешения главы драконьей общины. Так как по их мнению, у Бетти нет родных...

— Как это нет! — возмутилась Авенара, — А я тогда кто? И что это за закон такой? Так. Мне все ясно, — повернулась она к Бетти, — Ничего откладывать не будем. тебе нужно тренироваться быть драконом. Сейчас делаем облет, а после этого идем вместе к тебе домой на Кариану. И пусть только попробуют!

Она не стала уточнять, кто и что должен пробовать, но по глазам было видно, что «им» не поздоровится.

Бетти переглянулась с мужем, а он тайком показал ей большой палец. Мол, все удалось.

Через полчаса все могли наблюдать феерическую картину: над Академией парили два золотых дракона. Один был побольше, потемнее и массивнее, Он летел солидно и плавно. Второй был значительно меньших размеров, изящный и очень шустрый. Его более светлая чешуя сверкала на солнце, по гребню бежали радужные блики. Вышедший во двор Савард, вместо того, чтобы отдавать распоряжения, застыл, любясь. Он впервые видел, как летит дракон Бетти, от этой картины в груди у него что-то расширилось и начинало петь.

Рядом откуда ни возьмись появился знакомый силф. Кажется, он принес какие-то

бумаги на подпись. Увидел драконов, замер, а потом спросил:

— Профессор, это и вправду Беттина Комин, которая стала драконом?

— Это Беттина Савард, моя жена, — гордо ответил Вер, тряхнув головой.

* * *

Авенара отвела внучку на башню, велела лететь за собой и обернулась драконом. Беттина старательно выполнила указание, и вот уже в небе над Академией появились два сверкающих чешуйчатых чудовища. Сейчас девушка могла сравнить себя с бабушкой и осознала, что ее дракон маленький, значительно меньше Авенариного. То ли от молодости, и он еще вырастет, то ли это признак того, что она не чистокровный дракон.

Зато ловкости и изящества ей не занимать.

Пока Авенара, как большая баржа, медленно и плавно движется по большому кругу вдоль стен Академии, сама Бетти, как юркий катерок, успевает нарезать круги помельче вокруг собственной бабушки, да еще выделять при этом фигуры высшего пилотажа. А как это приятно — летать! Нет ничего прекраснее! Сейчас она не помнит ни о чем, только о том, как восхитительно купаться в воздушных потоках.

Все те, кто остались внизу, на земле, отсюда кажутся такими маленькими и жалкими.

Но вот Бетти повернула голову и в поле ее зрения попала высокая крепкая фигура темноволосого мужчины. Что-то с ним было связано... Что-то важное... Она напряглась, стараясь вспомнить. От этого сознательного усилия человеческий разум выскользнул из-под власти драконьего и Бетти все осознала. Это же ее муж, Вер! Тот, кто столько для нее сделал! Почему же дракон о нем ничего не помнит?

Тут в ее голове прозвучал голос Авенары:

— Ну что, налеталась? Вспоминай, куда ты собиралась отправиться.

— На Кариану?

— Молодец, девочка. Есть у тебя там маячок или координаты? Отлично! Лети скорей, я за тобой!

В следующий момент два дракона над Академией растаяли в радужной дымке, а на порталной площадке у дома Авессалома появились две женщины.

Старшая драконица огляделась, довольно фыркнула и спросила:

— Это твой дом?

— Нет, бабушка. Это порталная площадка у дома, принадлежащего другу Вера, магистру Авессалому. Она здесь, потому что дом стоит на самой окраине, дальше только лес. В городе телепортация запрещена.

— Даже драконья? — не поверил дама.

— Любая. Поэтому отсюда мы пойдем пешком.

Эта перспектива Авенару не обрадовала. Но раз нет других вариантов... Тем более что внучка уверила ее: город небольшой, устать она просто не успеет. Еще драконицу волновало, насколько ее платье соответствует местной моде. Выглядеть экстравагантной она была согласна, но старомодной...! Ужас! Это просто недопустимо!

По большому счету равнодушная к моде Бетти попыталась успокоить бабушку, уверив, что тут все по — разному одеваются. Заметив, что ее усилия не приносят плодов, она предложила зайти в гости к магистру и проконсультироваться у его жены Алессы. Уж она-то

знает о моде все!

Мил с женой сидели на веранде и обрадовались гостям. Жизнь в провинциальном городе была скучна, а Беттина последнее время стала предметом местных сплетен, так что залучить ее в свой дом было для Алессы большой удачей.

Эмилиса же интересовали дела в Академии, где до сих пор трудились его друзья. К тому же он надеялся через несколько лет вернуться к преподавательской деятельности. Кариана — глубоко провинциальный мир, тихий, спокойный, безопасный, который он выбрал для того, чтобы там родились их с Алессой дети. А вот когда они подрастут... Надо позаботиться, чтобы было куда их отдать учиться.

В общем, и Беттину, и Авенару приняли как родных. Драконица даже растрогалась. А ее внучка впервые увидела, как скукожилась и отступила на второй план Алесса. Авенара выяснила, что хозяйка дома полудракон, но без второй ипостаси, и стала держаться с ней снисходительно — покровительственно. Самое удивительное, что Алесса не решилась протестовать, а приняла это как должное.

Супруга Мила угнетала нашу героиню своей бесцеремонностью, самодовольством и неумным любопытством сплетницы. Но на фоне Авенары она вдруг стала выглядеть скромной серой мышкой. Непререкаемый апломб золотой драконицы мог вогнать в ступор даму и покруче Алессы.

Глядя, как бабушка царит за столом, Бетти подумала, что тут видно внутреннее превосходство чистокровного дракона над полукровкой, да еще не имеющим второй ипостаси. Она сама была этого напрочь лишена.

Алессе удалось отыгаться только на обсуждении платья гостя. Она дала понять, что роскошный винно — красный наряд Авенары давным — давно вышел из моды, чем смутила драконицу и заставила вести себя скромно — дружелюбно.

На теме нарядов дамы сдружились и удалились в комнату хозяйки, чтобы на примере выяснить, в чем заключается здешняя мода.

Бетти осталась за столом с Эмилисом. Грустным голосом он расспрашивал ее о том, что творится в Академии, а она по большей части не знала, что отвечать, потому что пробыла там настолько недолго, что ничего не успела понять. Пересказывать же то, что поведал ей Савард, она считала неправильным. Вдруг она что-то неверно истолкует? Если Эмилис хочет знать новости Академии из первых рук, пусть заходит в гости сегодня вечером. Вер точно будет дома.

А завтра? Она не знает, потому что завтра она собирается завершить все дела в этом мире и отбыть на Ардайю на долгий срок.

Эмилис забеспокоился:

— Но ты же не закрываешь свою лавку?

— Нет, ею снова будет заниматься госпожа Брунгильда. Теперь она мой управляющий. А я буду выполнять отдельные заказы.

— А как можно будет заказать тебе что-то?

— Через Брунгильду. Это неудобно, согласна, но я поставлена в такое положение...

Тут наконец Милу предоставилась возможность узнать что-то из первых рук.

— Бетти, я не очень понял, что произошло. Тебе кто-то угрожает?

— Драконы.

Эмилис удивился. Небольшая, но очень влиятельная драконья община была здесь скорее источником закона и порядка, чем неприятностей. Древнейшие жители этого мира

славились как чисто драконьей хитростью и изворотливостью, так и своей суровой законопослушностью. Угрожать девушке... Это не вмещалось в представления Авессалома о миропорядке, поэтому он заметил:

— Ты сама дракон!

Бетти его удивление совершенно не поняла, но ответила развернуто:

— Я имею в виду местных. Господин Гентар желает выдать меня за своего внука. А то, что я уже замужем, он даже не желает брать в рассмотрение. Ссылается на какие-то местные законы, мол, мужа мне должна выбирать община. Насколько я знаю, у золотых драконов закон один: драконица свободна в выборе. А если даже если отбросить все прочие обстоятельства, Танкред Гентар меня совершенно не привлекает.

Эмилис удивился еще больше: к Алессе никаких требований никто не предъявлял, при том что он сам дракон в гораздо меньшей степени чем тот же Вер. А ведь сюда они явились порознь и только здесь стали мужем и женой. Бетти же продолжала:

— К нам явился господин Гентар — старший и предъявил претензии. В числе прочего указал, что у меня нет семьи, которая бы дала разрешение на брак, поэтому эту функцию должна была взять на себя местная община в его лице.

— Именно поэтому ты притащила сюда бабушку?

— Да. — подтвердила Бет, — Это Вер придумал.

Авессалом расхохотался, а затем посерьезнел.

— Узнаю школу моего дорогого тестя. Быстро же он сработал. Раньше бы Вер просто морду красавчику Танкреду начистил и нарвался бы на неприятности. Хорошо, что став твоим мужем, он стал более разумным и ответственным. Твоя бабушка... Она затопчет любого. Даже Алесса притихла, а это о чем-то говорит.

Вскоре дамы спустились на веранду. На Авенаре было все то же винно — красное платье, но оно претерпело существенные изменения. Укоротилась юбка, пышный воротник сменился гладким круглым вырезом, зато рукава обзавелись воланом на уровне локтя и в целом вид стал совсем другим. Прибавить сюда и новую прическу, которая сделала облик более строгим и стильным, и можно было сказать, что драконицу не узнать. Она похорошела и теперь выглядела моложе собственной внучки.

Авенара с гордостью покрутилась перед Бетти, а она удивленно разглядывала преобразившуюся красавицу. С такой скоростью перешить платье надо уметь. Та догадалась, чем вызвано изумленное выражение на лице внучки и заметила невзначай:

— Бытовую магию надо осваивать. Швейную, например. Расставить, ушить, перенести вытачки, соединить куски без шва... Понимаю, со своим крошечным резервом ты даже не смотрела в эту сторону, но теперь-то! — увидев грустные глаза внучки, добавила, — Поняла. Научу.

По взглядам, которые на драконицу бросала Алесса, ясно говорили, что та тоже не против взять пару уроков.

Посчитав себя во всеоружии с новым обликом, Авенара решила, что они уже достаточно погостили. Пора двигаться навстречу тем, кого надо поставить на место. Она церемонно попрощалась с хозяевами, вполне искренне выразив надежду на дальнейшее общение. Бетти радостно семенила рядом с бабушкой, радуясь, что они наконец покинули гостеприимный кров Авессалома. Ее бы воля, они бы давно были дома.

Прогулка по городу вызвала у драконицы интерес. Ее живо интересовало все: архитектура, законы, устройство быта и облик местных жителей.

— Я тебе скажу, у них тут одни сплошные люди, даже полукровок мало. И магов среди них раз, два и обчелся. Понятно, что твоя затея с торговлей амулетами имела успех.

Тут она больно ткнула Бетти локтем под ребра, пытаясь привлечь ее внимание к чему-то или кому-то, находящемуся довольно далеко от них, на другом конце ратушной площади, на которую они только что вышли. Бет закрутила головой. Что могло заинтересовать Авенару?

— Смотри, смотри... А, ты уже не увидишь. Два высоких красивых парня только что нырнули вон в ту лавочку. Странно: они заметили нас, и тут же скрылись.

— Бабушка, ты ничего не путаешь? — попыталась успокоить ее Беттина, но только рассердила.

— Я никогда ничего не путаю. А обратила на них внимание потому, что эти красавчики — драконы, и скорее всего полноценные. Такое чувство, что они нас караулили. Вернее, тебя, обо мне здесь никто пока не знает. Подчеркиваю: пока.

Бетти вздохнула.

— Пошли скорее домой, я не хочу с ними встречаться.

Авенара пожалала плечами, но спорить не стала. На удивление кротко пошла за Бетти и молчала до самых дверей лавки. Но здесь не смогла не выразить свое мнение:

— Это твоя лавочка? Ну что это за название: «Артефакторика»?! Лучше было бы что-то с твоим именем... Хотя вывеска хорошая, стильная. И витрина оформлена со вкусом. Одобряю. А над названием надо еще подумать.

— Ничего не выйдет, — ответила Бет, — название я уже зарегистрировала, а выбрасывать деньги на его замену не собираюсь.

— Ну, это мы еще посмотрим, — заявила дама и решительно толкнула дверь.

Навстречу ей с приветствиями покупателю выскочили из-за прилавка Морис и Этель. Но, разглядев за спиной Авенары свою хозяйку, тут же бросили официальную любезность и завизжали от радости:

— Госпожа Беттина, госпожа Беттина, наконец-то!

— А ты популярна, — констатировала драконица.

На крики юнцов из глубины лавки выплыла высокая дородная фигура Брунгильды. Бетти их представила:

— Познакомься, бабушка. Это госпожа Брунгильда. Она взяла на себя труд руководить работой этого магазина, — и тут же, обращаясь к управляющей, — А это моя бабушка госпожа Авенара. Она настоящий золотой дракон.

Две дамы внимательно смотрели друг на друга. Брунгильда была в легком шоке: эта юная прекрасная собой особа никаким боком не была похожа на бабушку. Она даже на мать не тянула. Вот только глаза выдают, что по сравнению с ней пожилая Брунгильда — желторотый цыпленок. Сколько там живут эти драконы? Не вечность, но близко к этому.

А еще заметно, что этой красавице слова поперек не скажи. Орать и скандалить не будет, просто перекусит пополам.

Авенара же глядела на Брунгильду и прикидывала, сумеет ли найти со старухой общий язык. Тетка, вроде, адекватная, и внуки у нее славные, вон как к Бетти льнут. Решив, что Брунгильда им подойдет, прекрасная драконица сделала шаг вперед и улыбнулась сладчайшей улыбкой.

Тут старая дама вспомнила о своих обязанностях и приветствовала гостью:

— Очень рада познакомиться с уважаемой бабушкой нашей дорогой Бетти. Давайте

придем на второй этаж в гостиную, там удобнее будет побеседовать.

Наверху все оставалось так, как будто Бетти покинула это место минуту назад. Она усадила дам за стол и метнулась на кухню поставить чайник. Авенара оглядела внучку с сожалением.

— Бетти, ничего не надо кипятить. Неси сюда воду и заварку, а также все, что у тебя есть к чаю.

И пояснила, обернувшись к Брунгильде:

— Несчастное дитя. Ей по моему недосмотру родные запечатали дар. Золотым драконам его невозможно отрезать полностью, но все же бедная девочка была очень слабеньким магом. Настолько слабым, что не освоила бытовую магию. Спасибо профессору Саварду и магистру Герулену, что сняли с нее все ограничения. Но теперь девочке нужно учиться заново.

У Брунгильды глаза на лоб полезли:

— Как родные могут быть так жестоки к ребенку? Разве можно запечатывать дар? На Кариане это одна из самых страшных казней.

Дальше Бет не стала слушать, просто убежала на кухню. Ей было неприятно, что две дамы обсуждают ее между собой, да еще так, как будто ее нет в комнате. И потом, она не была готова рассказывать свою историю первому встречному. Об этом должны были знать только те, кому она безоговорочно доверяет.

Прекрасная Авенара не знала, что такое такт, походя делая больно внучке, которой искренне хотела помочь.

Бетти не торопилась, собирая по кухне все, что можно было подать к чаю. Печенье, мед, варенье, булочки. Больше всего времени заняли именно они. Пришлось все же разжечь печку и выпечь их из лежавших в стазисе комочков теста, предварительно осыпав корицей с сахаром.

Когда она вернулась с полным холодной воды чайником и подносом, уставленным всякой всячиной, дамы выглядели так, как будто они уже сговорились. Похоже на то, что они пришли к консенсусу и готовы действовать сообща.

Бетти выгрузила все принесенное на стол, Авенара улыбнулась, поднесла палец к чайнику и из его носика вырвался пар.

— После чая я научу тебя делать так же, а еще мы попробуем отнести все тяжелое на кухню посредством магии. Надо же с чего-то начинать.

Бетти согласно кивнула, заварила чай и села за стол. С обретением силы приходилось снова приниматься за учебу, но ее это не слишком расстраивало: она всегда любила учиться.

Окончание чаепития обернулось не уроком магии, а началом переговоров с Брунгильдой. Бетти не представляла себе, что ее бабушка такая дока в финансовых вопросах и так азартно торгуется. В семьях песчаников женщин никогда не допускали к бизнесу и девушка терялась в догадках, где и когда Авенара этому научилась.

То, до чего в конце концов договорились дамы, было близко к тому, что с самого начала планировала предложить Брунгильде Беттина, всего на три процента выгоднее. Тонкость состояла в том, что Бет собиралась начать торговаться с этой позиции и постепенно ее сдать.

Наконец договор был составлен и подписан, оставалось его зарегистрировать в ратуше. Авенара пообещала, что Бетти возьмет это на себя и завтра же передаст старой даме ее экземпляр. Брунгильда ушла с переговоров озадаченная: она не планировала так много

уступать, но даже теперь не представляла, как смогла бы противиться драконице. Хотя... С товарами из других миров и изготавливаемыми Бетти амулетами торговля стала настолько прибыльной, что она все равно заключила выгодную сделку.

Теперь оставалось только отвадить от Беттины Гентаров, чтобы они не вздумали вредить и портить репутацию заведения. Они выпили у нее немало крови, так что любое поражение старого дракона и его внука — бездельника принесло бы моральное удовлетворение. Поставив свою подпись под договором, она вернулась в лавку и приготовилась ждать: битва с Гентаром была уже близко.

Бетти же с бабушкой отправились на кухню, чтобы, по словам драконицы, «немного помагичить».

Сначала Авенара собиралась сразу же отправиться в ратушу, но тут Бетти ей намекнула, что уже близко обеденное время. Чиновники в этом городе работают значительно меньше, чем торговцы. Присутствие закрывается через несколько минут, они просто не успеют проделать все положенные по закону мероприятия.

— Хорошо, — махнула рукой драконица, — Перенесем на завтра. Тогда сейчас мы с тобой позанимаемся, а вечером я хотела бы вернуться в Академию.

— Но Вер собирался прийти ко мне сюда, — слегка опешила Бетти.

— Кто говорит о твоём Вере?! Герулен будет меня ждать.

— Он тебе нравится, бабушка? — поинтересовалась девушка.

Красавица завела глаза под потолок, раздумывая над ответом.

— Это самый интересный мужчина, который встречался мне за всю жизнь. Про красоту я не говорю. Эльфы все прекрасно выглядят, я их немало повидала. Меня приводит в восторг его ум! Тонкий, изощренный, острый как ланцет! И при этом он относится ко мне не как к кукле, которую надо поставить на полочку и сметать пыль, и не как к высшему существу, а как к равной. Обсуждает, советуется, спорит... мы вместе делаем общее дело. Это так захватывающе!

Бетти вспомнила о том, какую роль играла бабушка в доме дедушки. Все верно: для него она была драгоценной и любимой фарфоровой вазой. Ее регулярно моют и протирают, в нее по праздникам ставят цветы, берегут пуще глаза, но никто и никогда с ней ничего не обсуждает. И как Авенара столько лет терпела подобное отношение? Она, золотой дракон, силы которой достало бы, чтобы стереть всех песчаников в порошок?!

Драконица поняла недоумение Бетти и горько улыбнулась.

— Хочешь знать, почему я так долго терпела твоего деда? Объясняю: потому что дура была. Молодая, глупая девица, набитая книжными представлениями о любви. Влюбилась как идиотка. Он был так хорош: мужественный, красивый, сильный. Казался идеалом мужчины. Вот я и пошла на все, что он мне предложил, дала себя связать брачными клятвами песчаных демонов и этим самым лишила себя второй ипостаси. Связала свою силу. Если бы я знала, наверное, ни за что бы не согласилась, но когда все уже произошло, поздно было кричать и плакать. Вот я и терпела много лет. А когда твой отец довел до смерти твою маму, во мне поднялся такой гнев, что разорвал все связывающие меня магические узы. Стоило им лопнуть, и я обрела вторую ипостась. Я же все-таки не песчаная ящерица, а золотой дракон. Обернулась и улетела. Ты наверное заметила, что в виде дракона у тебя совсем иные чувства и мысли, чем в виде человека?

— Да, — согласилась Бетти, — я, когда обернулась, даже забыла про то, что только что вышла замуж. Полетела куда-то на радостях, Вера бросила...

Авенара не дала ей продолжить.

— Тогда ты должна меня понять. Я улетела и бросила тебя, хотя ты — единственное, чем я тогда дорожила. А потом вернуться было выше моих сил. Снова увидеть твоего деда, выслушать его упреки... Нет, я хотела оставаться свободной и не терзаться чувством вины. А для этого сожгла все мосты, — и, как бы извиняясь, добавила, — Тебя мне все равно не отдали бы.

Это точно, песчаники никогда бы не отдали сбежавшей женщине ребенка. Но все равно было грустно. Авенара смогла освободиться сама, а Бетти пришлось для этого выйти замуж, пройти через сложный ритуал и оказаться навеки привязанной к Веру. Не то, чтобы она была против, но все же... Это не был свободный выбор, как подобает драконице, обстоятельства выбрали за нее. Что-то в этом роде она и пробормотала себе под нос.

— Не переживай, дорогая, — поспешила утешить ее бабушка, — Я с трудом освободилась на пике эмоций и потом долго приходила в себя, а ведь меня связали уже взрослую, обретшую вторую ипостась. На тебя были наложены заклятья посерьезнее, к тому же в детском возрасте. Если бы ты так же разозлилась и попробовала разорвать пути изнутри, ты бы и себя разорвала в клочья. Так что не стоит сожалеть о пролитом молоке. Давай лучше займемся магией. Представь себе чайник...

Следующие часы до закрытия лавки Бетти с бабушкой оттачивали новые навыки: нагревание и замораживание предметов. Поначалу Бетти не могла регулировать поток и чуть не расплавила чайник, но отшлифованное годами обучения на артефактора умение работать ювелирно очень помогло. Как только она ощутила количество силы, необходимое для кипячения одной чашки чая, все остальное оказалось легко.

Как только с чайником было покончено, она стала тренироваться таскать левитацией полное ведро воды по всей кухне. Когда Авенара решила, что на сегодня достаточно, Беттина падала с ног. И в этот момент прозвенел колокольчик над входом. Вообще-то он звенел сегодня целый день, торговля шла бойко, покупатели приходили и уходили. Но этот звонок как-то отличался от всех. Да и время... До закрытия оставались считанные минуты.

Брунгильда крикнула снизу:

— Беттина, спустись, пожалуйста, и бабушку свою не забудь. Пришли.

Кто пришел, говорить было излишним. И так ясно, что Гентары приперлись. Авенара оглядела внучку, одним движением превратила ее уже несвежее домашнее платье в элегантный наряд, поправила прическу и подтолкнула к выходу:

— Иди, деточка, я за тобой.

Не вполне понимая, почему бабушка решила задержаться, Бетти тем не менее кротко спустилась в лавку, где ее встретили настороженные взгляды обоих драконов.

Оба были облачены в свои лучшие наряды, чтобы подчеркнуть торжественность момента. На старшем кроме того красовалась толстая золотая цепь со здоровенной чеканной блямбой, знаком его высокого положения в общине. От блямбы фонило драконьей магией. Увидев девушку, Гентар старший откашлялся и начал:

— Беттина, мы пришли к тебе с официальным заявлением. Ты нарушила законы нашей общины и мы предлагаем тебе или привести свое поведение в соответствие с его нормами, или заплатить штраф.

Он протянул ей бумагу. Бетти глянула и чуть не поперхнулась. Обозначенная в самом низу сумма штрафа была больше, чем все ее имущество на сегодняшний день. Гентар же продолжил как ни в чем не бывало:

— Если ты не можешь заплатить, то отработаешь.

Девушка страшно разозлилась. Выходит, ни о какой любви и речи нет? Не она им нужна, а ее талант артефактора. Хотели заставить работать на себя, конкуренты проклятые! Ради этого были готовы сломать ей жизнь? Не выйдет! Она уже хотела сказать им все, что думает, но тут оба Гентара как по команде подняли головы и разинули рты.

Бетти обернулась и увидела: по лестнице к ним спускается волшебное виденье.

* * *

Савард, налюбовавшись полетом дракона Бетти, вернулся в здание и уже собирался пойти в свой кабинет и заняться делами, как его поймал Грант.

— Профессор, зайдите, пожалуйста, к ректору.

Встречаться сейчас с Геруленом не особо хотелось, но что делать, если вызывает. Вариант «прийти и нахамить» прокатил бы с Марульфом, а со старым интриганом он себя не оправдывает. Да и были у Вера вопросы, получение ответа на которые он все откладывал. Возможно, именно сейчас удастся кое-что для себя прояснить.

Самое время заняться этим пока Бетти все равно нет, а дела делаются сами собой, не требуя его вмешательства. Просто после разговора с ректором стоит сходить и проверить как выполняются его указания.

Герулен ждал его в своем кабинете, уютно устроившись в освобожденном Авенарой кресле. Увидев Саварда, радостно махнул ему рукой.

— Твоя теща — потрясающая женщина.

— Она Бетти не мать, а бабушка, какая она теща?

— А мать у твоей Бетти есть? Нет? Ну то-то же. Так что твоя теща — это нечто восхитительное, но ее манера отнимать у меня любимые вещи просто убивает.

Савард усмехнулся:

— А вы ей закон какой-нибудь приведите, мол, так делать нельзя.

— Ты что! Она может обидеться и улететь, а как я без нее теперь?

Профессор не узнавал великого юриста. Герулен произнес последнюю фразу с таким душевным трепетом... Да и вообще он изменился за последние несколько дней. Холодные голубые глаза, которые все сравнивали с льдинками, стали ярче, теплее и напоминали скорее незабудки.

И этот влюбился, констатировал Савард. Погода, что ли, такая? Осталось Марульфу, этому вечному холостяку, пару найти для полного комплекта.

Но он сюда не слушать душевные излияния пришел, а по делу.

— Вы меня зачем-то звали. Если пожаловаться на мою тещу, то я пошел, у меня еще куча дел.

— Знаю. И позвал тебя тоже по делу. Мне нужны твои мозги.

Эта фраза Вера просто потрясла.

— Вам своих не хватает?

Герулен недовольно фыркнул:

— Хватает, даже с избытком. Мне нужно проверить мои выводы, не перемудрил ли я, не обхитрил ли сам себя. Ты умен, но прямолинеен. Вот я и хочу, чтобы ты меня выслушал, посмотрел на доказательства и высказал свое мнение: убедил я тебя или нет.

— То есть, я выступаю в качестве эксперта? Валяйте. Рассказывайте.

Эльф тут же успокоился, достал из стола толстую папку из красной тисненой кожи, развязал ее и выложил кучу бумажек.

Некоторые из них Савард узнал по внешнему виду. Договор о создании Академии, условия, подписанные императором Юстином, текст Клятвы. Остальные были ему неизвестны, но многие явно исходили из дворцового ведомства. Об этом говорил золотой обрез бумаги, какую было запрещено использовать простым подданным, о том же свидетельствовали свисавшие с листов тяжелые красные печати на золотых ленточках.

Герулен тем временем поднялся и притащил на стол два огромных тома. Хлопнул по ним ладонью, привлекая внимание:

— Смотри: здесь Свод Законов империи, том, который посвящен взаимоотношениям императора и магов. Вторая книга — полная история Империи от создания до наших дней в краткой форме.

Савард заржал как конь.

— Полная история в краткой форме? Ну — ну.

Герулен рассердился:

— Что тут смешного? Это справочник. Годы и факты. Очень удобный источник для поиска государственных документов по дате.

Затем он быстро разгреб бумаги на три неравные кучки, положил сбоку книги и возгласил:

— Все готово. Сейчас буду объяснять. Смотри: здесь у меня копии основополагающих государственных актов, подписанных законными монархами, заверенных магией и имеющих силу. Вот здесь, — он опустил ладонь на вторую стопку, — распоряжения Матильды, которые она присылала Лингеи и мне. В третьей стопке — наша с ней переписка. А еще...

Он как фокусник достал откуда-то еще одну папку, на этот раз простую картонную, и потряс ею.

— Здесь свидетельства самых разных персонажей. Магов, простых граждан, чиновников, придворных и так далее, полученные самыми разными путями. Для суда они не годятся, но для нас подойдут: выводы на их основании сделать можно. Кстати, история твоей Бетти тоже тут.

Вер смотрел на расстилавшееся перед ним бумажное море и думал только об одном: и как Герулен во всем этом не пугается?

А тот чувствовал себя более чем уверенно. Взмахнул рукой и цапнул со стола Договор.

— Совсем уж от сотворения мира я начинать не буду, давай начнем с основания нашей Академии. Ее, конечно, основали в глубокой древности, но сейчас нас волнует тот момент, когда она получила землю, на которой находится, и покровительство императора Юстина. А именно текст договора между императором и магическим сообществом, то есть с Лисилией!

Вер никогда не рассматривал договор с этой точки зрения. Ему казалось, что император договорился с магами, которые живут в его стране, а конкретно с ними, преподавателями Академии. А выходит, в нынешнем конфликте есть и третья сторона — Лисилия! Тогда почему она воздерживается от того, чтобы поддержать Академию. Хотя нет, не воздерживается. Кто сюда Герулена прислал? А куда он сам ходил за помощью? Но ему не хватало четко выраженной позиции того же Маелиуса Акмара. Почему он молчит?

Это он и сказал Герулену.

— Друг мой, — кокетливо повел плечами эльф, — ты у нас как дитя. Май — хитрец. Он

будет молчать до последнего. Даже сейчас, когда на магов ополчилась вся империя, он слова не сказал в их защиту. Прислал продуктов и денег — да, но от официального заявления воздержался. И это не трусость, это разумный подход. Нам сейчас только третьей магической войны не хватало.

— А мы тут должны сами выкарабкиваться..., — скорее утвердительно, нежели вопросительно заключил Савард.

— Именно. И мы выберемся, не сомневайся. Можно было осадить Матильду с самого начала, но не зная, кто и что за ней стоит... В общем слушай дальше. Вот текст договора а вот текст клятвы, которую принесли император и Акмар. Они по содержанию идентичны, можешь сравнить.

Савард верил Герулену на слово, но тот так упорно пихал ему в нос бумаги, что волей — неволей пришлось взять и сравнивать. Действительно, договор от клятвы отличался только преамбулой, в основной части они совпадали до буквы.

Юстин от имени империи обещал магам землю в вечное пользование, защиту закона и невмешательство во внутренние дела Академии. За это маги клялись быть лояльны к власти законного императора, а также помогать ему советом и делом за оговоренную плату и поддержать силой, буде случится война с любым государством, кроме Лисилии. Студенты — граждане империи после окончания Академии должны были отработать три года на государство. Список мест предоставлялся императорскими службами, но только преподаватели Академии решали, кого куда послать, исходя из талантов и склонностей. Избавляло от этого продолжение обучения в аспирантуре или магистратуре.

Магам предоставлялось право жить на территории империи и иметь гражданство по выбору: империи, Лисилии или двойное. Гражданство влияло на налогообложение и на право занимать официальные должности. Государственная служба для магов была строго добровольной. Для них было оговорено даже минимальное жалованье, ниже которого имперские власти не могли опускаться.

Если маг совершал уголовное преступление, не применяя магическую силу, его либо высылали в Лисилию (если он не был гражданином империи), либо судили общим судом. Если же преступление совершалось с применением магии, то и судила его коллегия магов. Применение антимагических браслетов тоже строго регламентировалось.

Вер всегда это знал, но в общих чертах, подробности его не интересовали. Сейчас же он видел, что договор был хорошо продуман с самого начала. Такого подробного текста, учитывающего все стороны жизни, он не ожидал. Как же Матильда позволяла себе трактовать его вкривь и вкось?

— Ну что, — спросил Герулен, — ты видишь, что все требования Матильды никакого отношения к законности не имели?

— Тут и слепой увидит, — вздохнул Вер.

— Выходит, твой друг Лингеи не просто слепой, он еще и дурак. Дальше. На что она ссылалась, оправдывая свои дикие требования? Вот на что!

Тут же под носом у Саварда оказался новый лист бумаги.

— Это текст клятвы, которую беременная Матильда требовала с магов. Юстин тогда был при смерти и поддержал супругу. Я полагаю, он уже был не в себе и не соображал, что делает, но это только догадки.

— Вы его хорошо знали?

Савард попал в точку. Герулен просто засветился от самодовольства.

— Неплохо. Кто, как ты думаешь, написал текст договора? Мы с Юстином бодались полгода, пока не согласовали все вплоть до последней запятой. Текст же клятвы писал не я. Кто — покрыто марком неизвестности. Скорее всего не юрист, а жулик. Вчитайся.

Вер выполнил указание. На первый взгляд все было нормально. Маги клялись хранить верность Матильде, как будущей матери своего императора и охранять ее чрево от возможных напастей. Подобные клятвы были не новостью: неоднократно в истории короли умирали, оставляя беременных жен, и приставляли к ним магов для охраны, чтобы плод не погиб и династия не прервалась. Сейчас перед ним был образец именно такой клятвы. Поражала только размытость формулировок, особенно бросающаяся в глаза после кристально ясного текста договора.

А еще удивление вызвала вторая часть, которой в норме не должно было быть. Маги клялись, что после рождения ребенка, будут помогать матери наследника советом и делом, поддерживать ее во всем. Выходит, на эти расплывчатые слова опиралась Матильда, выдвигая свои требования Академии?

Заметив, что Савард дочитал, Герулен спросил небрежно:

— А ты давал эту клятву?

Профессор даже сначала не понял.

— Я? А, нет, не давал. Желания не было. Императрица Аделаида мне нравилась, а эта Матильда с самого начала показалась мне тупой курицей, так что я сбежал, чтобы не ссориться с Марульфом. Смылся в другой мир и сидел там, пока гроза не прошла.

— А когда вернулся? Тебя не уговаривали ее принести?

Вер отмахнулся.

— Никто не вспомнил, а я не напоминал. Но одно сейчас скажу: такую невнятную клятву я бы поостерегся давать. Каждый может ее толковать в свою сторону.

Герулен чему-то обрадовался как дитя.

— Вот именно! И почему-то Омерз каждый раз не соотносил ситуацию с законами, а утверждал, что Академия обязана во всем подчиняться Матильде, хотя нигде, подчеркиваю, нигде об этом не сказано.

— Выходит, этот козел — прислужник Матильды?

— Выходит что так. Но сейчас не это меня интересует. Давай взглянем на положение о регенте и регентстве.

Как у этого юриста мысль скачет! Савард только начал думать в одном направлении, как ему предложили полностью сменить курс и начать думать совершенно о другом.

Герулен между тем открыл Свод законов и для разнообразия зачитал несколько параграфов оттуда.

Из выслушанного Савард вынес только одно: супруга покойного императора и мать малолетнего наследника могла стать регентом. На этом в действиях Матильды соответствие закону заканчивалось.

Регент был ограничен множеством условий. Так, его распоряжения не имели силу закона и должны были выполняться только в том случае, если их одобряют сразу два совета: государственный, состоявший из знатнейших людей империи, и совет легистов, иначе коллегия верховного суда. О том, что регент может короноваться, и речи не шло.

Матильда же распустила как государственный совет, так и верховный суд, короновалась и сейчас правила, опираясь на верных людей, набранных неизвестно где. Ее поддержали несколько знатных семейств, но причины этому были неясны.

Когда у Саварда, не интересовавшегося до той поры законодательством, глаза полезли на лоб, Герулен подсунул ему еще одну бомбу: закон о престолонаследовании.

Если дитя императрицы рождалось при живом императоре, отец признавал ребенка и давал ему имя. Это магическое действие автоматически делало новорожденного законным наследником престола, даже если на самом деле в нем не было ни грана крови императоров.

Прецедент был известен. Император Севин страдал бесплодием, поэтому признал сына своей жены от неизвестного любовника и тот стал следующим императором.

Но вот если дитя рождалось после смерти монарха, ситуация резко менялась. До двенадцати лет ребенок рос беззаботно и под присмотром регента воспитывался как наследник. В двенадцать проводилась пробная коронация. Если императорские регалии принимали наследника, его право на престол подтверждалось свидетелями, а настоящую коронацию проводили в день совершеннолетия. А вот если они его отторгали... Для бедного ребенка это означало мгновенную и неотвратимую смерть, для нарушившей верность императрицы — матери — жестокую казнь. Если же императрица признавалась в своем грехе до этого сурового обряда и отказывалась от всех прав за себя и за ребенка, то ей грозило всего лишь изгнание.

Эти обстоятельства были Саварду неизвестны и теперь явились для него откровением.

— Выходит, Матильда действительно родила малыша не от Юстина? — промолвил он задумчиво.

— Выходит что так.

— Вот почему она пустилась во все тяжкие! У нее осталось совсем мало времени, чтобы избежать казни или изгнания и сохранить жизнь сыну.

— А также трон. Ты забыл о троне!

Савард почесал в затылке.

— О троне-то я не думал. Меня такие вещи как-то никогда не прельщали.

— Не суди всех по себе. Матильда за трон порвет любого. Вернее, натравит своих псов.

Тут Саварду пришел в голову резонный вопрос:

— А как она умудрилась короноваться?

— Понятия не имею. Я при этом не присутствовал. Одно скажу: большая императорская корона, скипетр и держава так и лежат нетронутые в сокровищнице. Возможно она обошлась малым парадным комплектом, но это все равно что сварить в бульоне камешки вместо клецек. Внешне похоже., но есть нельзя. Никакой силы такая с позволения сказать коронация не имеет. Поэтому я и выбрасываю все ее распоряжения в корзину для бумаг: без магии императорских регалий эти бумажки с золотым обрезом стоят не дороже подтирки.

Все эти факты и их объяснения вихрем кружились в голове Саварда, не давая сосредоточиться. Наконец он сложил кое-как в мозгу картинку, но она его не устроила: слишком многое выпадало за рамки, не найдя в ней своего места. Поэтому он проигнорировал гордое собой выражение лица эльфа из спросил в лоб:

— Я все равно не понимаю. Зачем она на магов-то напала? Какой в этом смысл?

Великий интриган аж расстроился.

— Дорогой мой, я думал ты умнее. Тут все абсолютно ясно и логично. За престолонаследием следит императорская магия. Если выгнать магов, прижать их к ногтю, то можно подменить регалии или перенастроить их с помощью специалиста, никто ничего не заметит. Потому что замечать будет некому.

— Ах, да. Что это я? Туплю, — сознался Савард, — Но тогда у меня другой вопрос: ктс

отец ребенка Матильды? Не он ли за ее спиной ручку крутит? Это можно как-то выяснить?

Глаза Герулена сверкнули торжеством.

— Наконец-то! Я ждал этого вопроса!

* * *

Прекрасная как сон Авенара, в изысканном платье, имитирующем драконью чешую, спускалась по убогой деревянной лестнице так, как будто это была самая парадная из парадных лестниц королевского дворца, а она сама как минимум королева.

Мелкие золотые чешуйки облегали совершенное тело как вторая кожа, чуть выше колен расходясь веером и подчеркивая изящество походки. Когда она успела переодеться, для Бетти было загадкой. Не исключено, что вся эта красота — всего лишь иллюзия, но зато какая! Драконы разинули рты и забыли, зачем пришли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Зато взгляд Брунгильды сиял торжеством. Старуха была готова полюбоваться на унижение своего давнего врага.

Авенара спустилась в лавку, махнула рукой и достала из воздуха удобное кресло. Стоило ей в него усесться, как драконы начали понемногу приходить в себя. Младший так и стоял с открытым ртом. Зато старший справился с собой и обратился к Бетти:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это твоя бабушка? Такая юная? Представь же нас, девочка.

Авенара смерила старого дракона с головы до ног насмешливым взглядом, затем кивнула внучке:

— Он прав, Бетти, пора уже нас представить. Кто эти господа?

Беттина отчеканила, как будто заучила наизусть:

— Это господин Гентар — старший, — указала она взмахом руки, — Он держит лавку, торгующую артефактами и сам их изготавливает.

— Конкурент, значит, — недобро улыбнулась Авенара, — А молодой?

— Это его внук Танкред. Он работает в деле господина Гентара, занимается сбытом.

— Теперь представь меня, моя девочка, а то господа в недоумении.

— Это моя бабушка, госпожа Авенара, золотой дракон.

— Заместитель ректора Академии Магии Ардаи по связям с общественностью, — добавила драконица со сладкой улыбкой, от которой у всех свело скулы.

Бетти глупо хлопнула ресницами: последнее и для нее оказалось новостью. Выходит, бабушка всерьез решила взять Герулена в оборот. Но задуматься над этим вопросом ей было некогда. Авенара забрала дело в свои ловкие лапки и повела в одной ей ведомом направлении.

— Итак, господа, чем обязана? Я слышала ненароком, что у вас к моей внучке какие-то претензии.

Танкред уже собрался молча ретироваться, но старик был сделан из другого теста, сдаваться до боя было не в его правилах. Конечно, бороться со столь прекрасной дамой он не планировал, но раз уж так случилось...

— Ваша внучка, госпожа, нарушила законы нашей общины.

— Вот как. И какие же?

Тон дамы не предвещал ничего хорошего. Другой на месте Гентара уже давно с извинениями и поклонами спешил бы на выход, но дракон чувствовал себя в своем праве. Он пустился в разглагольствования, не замечая, как с каждым словом леденеет взгляд прекрасной дамы.

— По закону нашей общины девица должна получить разрешение на брак от своей семьи. Девица же не имеющая семьи получает его от главы общины. А госпожа Беттина не обращалась ко мне за разрешением на брак, однако же вышла замуж.

Он протянул Авенаре бумагу, которой до этого пугал Бетти.

— Вот решение нашей общины. Извольте ознакомиться.

Великолепная драконица взяла документ двумя пальчиками вытянутой руки, как некую мерзость, посмотрела на него издали и бросила на пол.

Затем сморщила носик.

— Как вы можете?! — возмутился Гентар, — Это официальный документ!

— Нет, это как ВЫ можете?! — зашипела дама, — Как вы смеее совать мне в лицо эту гадость?

— Это не гадость, — пытаюсь сохранить достоинство, ответил старый дракон, — Это постановление нашей общины на основании закона...

Авенара поднялась с кресла и сердито топнула ножкой.

— О каком таком законе вы мне тут поете? Разве здесь неизвестен главный и неоспоримый закон всех драконов: юная дева имеет право сама выбрать себе мужа?

— Это местный закон, — проблеял Гентар уже не так уверенно.

Красавица не повелась. Она тряхнула головой и с презрением процедила сквозь зубы:

— Местный? Вот как? Значит местные драконы уже не драконы? Они превратились в дождевых червей — переростков? Другим я не могу объяснить появление «местного», — она выделила это слово ядовитой интонацией, — закона, попирающего краеугольный принцип нашей расы — свободу!

Гентар решил внести необходимые пояснения.

— У нас слишком мало полноценных дракониц, чтобы ими разбрасываться, поэтому мы и решили...

Драконица оборвала его гневно:

— Это вас не извиняет. И потом, какое отношение к недостатку в девушках имеет вон та цифра?

Авенара ткнула в лежащую на полу бумагу кончиком остроносой туфельки.

— Думаете, если вы одну девушку ограбите, их у вас станет больше? Да вы просто вор и вымогатель! Ну-ка, покажите мне этот ваш знаменитый закон? Где он прописан?

Гентар сделал шаг назад, поближе к двери. Танкред, почти сразу понявший, откуда ветер дует, околачивался возле нее уже давно. Заметив, что драконы намылились сбежать, Авенара топнула ногой и рывкнула как бравый сержант:

— Стоять! Я еще не все сказала!

— Госпожа, госпожа, успокойтесь, — залепетал перепуганный Танкред, безуспешно пытаясь оттереть деда поближе к дверям.

На лице Авенары воцарился арктический холод.

— Я абсолютно спокойна. Вот ваш, кто он вам? дедушка? уже в штаны наложил, — она вперила в Танкрета взгляд немигающих золотых глаз, — Так я правильно поняла, что никаких законов нет и вы просто пришли взять на испуг бедную девочку, чтобы заставить на

вас горбатиться?

Старик стоял молча, но по нему видно было, что слова драконицы попадают в цель. Танкред же, как более податливый, завопил:

— Да, да, все так и есть! Мне Беттина сразу понравилась, я даже начал ухаживать, пусть вспомнит! А когда она внезапно вышла замуж, я разозлился. Если бы еще за дракона, а она за этого... Но я бы, клянусь, не стал ничего предпринимать. Хотел только подразнить, я же моложе ее мужа, красивее, и я дракон! А дед с самого начала планировал нас поженить и сделать ее частью нашего семейного бизнеса. От него половина покупателей ушла к Бетти! Вот он и придумал план...

— Заткнись, — злобно зашипел на внука старый дракон, но было уже поздно.

Торжество, сверкнувшее в глазах драконицы, напугало Бетти едва ли не больше, чем наезд Гентаров. А бабушка развивала успех.

— Как мило, — полным яда голосом проворковала она, — А твой дедушка не знает закона: кто на чужое добро позарится, своего лишится? Сейчас мы пойдем в местный суд и ты при всех повторишь то, что рассказал нам сейчас. Поздно? Ничего, до утра под стражей посидите, не рассыплетесь. За что? За вымогательство. И не вздумай увилить! Вот свидетели!

Дама обвела рукой безмолвно внимавших Брунгильду, Мориса и Этель.

— Вы же не откажетесь свидетельствовать о том, что здесь произошло, мои дорогие? Я собираюсь заявить претензию на лавку и все имущество этого жулика! Да, и надо оповестить местную диаспору. Надеюсь, настоящие драконы не потерпят, чтобы их сообщество возглавлял этот насквозь прогнивший тип.

Гентар сломался. Упал на колени и пополз к Авенаре, простирая руки.

— Госпожа, госпожа, простите! Простите старого дурака! Я по недомыслию! Этого больше не повторится! Я никогда, никогда...

Он дополз до кресла и попытался облобызать тувельку прекрасной драконицы. Она оттолкнула его с отвращением.

— Ненавижу тех, у кого нет чувства собственного достоинства. Умел гадить — умей и ответ держать.

Она обратилась к Этель:

— Девочка, как тебя... Этель. Сбегай позови стражника, пусть отведет этого типа к судье. Знаешь, где это?

Этель радостно закивала.

— Умница. Думаю, мы решим вопрос с этим драконом раз и навсегда.

Этель скользнула было к двери, но тут путь ей преградил Гентар, который, не вставая с колен, развернулся и пополз к Бетти. Девушка смотрела на него с ужасом и омерзением.

— Беттина, ты добрая девочка, хорошая, славная, уговори бабушку... Пусть она на меня не заявляет. Я заплачу... Вот...

Старик вытащил из карманов мешочки с золотом и протянул ей дрожащими руками. Сейчас видно было, что он стар и немощен. В первую минуту девушка была готова его пожалеть, но тут вспомнила, с каким видом он меньше часа назад вошел в лавку. Тогда это был победитель, сильный и уверенный в себе. Так что покупаться на его несчастный вид не стоило.

Бетти спрятала руки за спину и сделала шаг назад. Она не хотела раздувать это дело, но и уступить было бы неправильно.

Ее сомнения разрешил Морис. Пока его сестра в растерянности топталась, не в силах обойти препятствие в виде распростертого на полу старика, мальчишка поднырнул под прилавком, протерся мимо Танкреда к двери и выскочил на улицу. Оттуда махнул Беттине рукой, мол, не беспокойтесь. Тогда она заговорила решительно:

— Почему вы считаете, что я должна вас пожалеть? Вы меня жалеть не собирались. Надо отвечать за свои поступки. Мне не нужны ваши деньги, мне плевать на вашу лавку. Обойдусь. Но такой как вы не может быть главой драконов. Они — свободный и благородный народ, пройдохи и жулики недостойны не то, что ими руководить, даже имя дракона носить! Я хочу чтобы все узнали о вашей подлости и решили, нужен ли им такой глава.

— Bravo, моя девочка! — раздался звонкий голос Авенары, — Я боялась, что ты дашь слабину, а теперь вижу: ты настоящий золотой дракон!

* * *

Когда в лавку вошел встревоженный Савард, все было кончено. Стражи препроводили Гентара в арестный дом, внук пошел с ним, чтобы не бросать деда одного и чтобы он не наделал глупостей. Вер столкнулся с ними на улице, но не понял, почему его противник идет в сопровождении усатых дядек в форменных куртках и с поднятыми пиками. Внутри же, несмотря на позднее время, собрались все остальные участники.

Авенара выслушивала восхваления и поздравления Брунгильды, Морис и Этель вились вокруг Бетти. На прилавке стояло блюдо со свежими булочками, правда. От них уже мало что осталось: стражники с удовольствием ими полакомились, пока Беттина составляла жалобу.

Савард цапнул предпоследнюю булочку, откусил половину и, шамкая, спросил:

— Что здесь происходит?

— Ничего особенного, господин Савард, — радостно откликнулась Брунгильда, — Просто есть тут некие драконы... Они пытались вымогать у вашей жены деньги, а она при помощи своей замечательной бабушки сдала их страже.

Казалось, старой даме доставляет особое удовольствие то обстоятельство, что и она, и Авенара являются именно бабушками, как будто это было почетное звание, уравнивающее человеческую женщину и золотого дракона.

— Молодцы, — констатировал профессор, — Хорошо, что преступники будут наказаны. А сейчас... Не пора ли детям по домам?

— Я хотела всех напоить чаем, — сообщила Беттина.

Но тут Брунгильда поднялась и сказала:

— Твой муж прав, милочка, уже поздно. Нам еще до дома добираться... Чай — это замечательно, но как-нибудь в следующий раз.

Встала и Авенара.

— Мне тоже пора. Но я не запомнила дорогу до порталной площадки... Как же я вернусь.

— Дорогая, — радостно вскричала матрона, — Не знаю, о какой площадке вы говорите, но если для вас не принципиально... Около моего дома тоже есть порталная площадка. И идти туда всего ничего. Мы с детьми с удовольствием вас проводим.

И дамы чуть ли не в обнимку двинулись на выход. Морис схватил одной рукой последнюю булочку, другой сестру и поспешил за бабушкой. Бетти переглянулась с мужем и произнесла им в спину:

— Хорошего пути и спокойной ночи!

Затем, когда за ними закрылась дверь, повернулась к Саварду и припала к его груди:

— Вер, как хорошо, что ты вернулся и всех выставил. Я так устала!

— И от бабушки тоже? — лукаво усмехнулся он.

Беттина подняла на него глаза и ответила честно:

— От нее особенно. Она потрясающая, умная, она учила меня весь день магии, она выставила этих драконов так, что они никогда не вернуться, но ее так много! Знаешь, давай лучше мы пойдем на кухню и я тебя ужином накормлю?

Савард умилился.

— Это ты хорошо придумала. А заодно расскажешь, как дело было. Меня сегодня полдня испытывал на прочность любовник твоей бабушки, так что я понимаю, как тебе тяжело пришлось.

Бетти подняла на него глаза:

— Ты ректора Герулена имеешь в виду? Чем он тебя так допек?

— Да ничем особенным. Просто от того, что он мне рассказал, мозги закипают. Главное — все понятно, неясно, что с этим делать.

Реакция Беттины Саварда позабавила, она живо напомнила ему Лиссу. Хотя чего удивляться, за столько лет вместе подружки кое-что друг у друга переняли.

— Ой, расскажи, расскажи!

— Нет уж, сначала ужин и твой рассказ.

В кухне еще ничего не было готово: Бетти весь день была слишком занята, чтобы заняться ужином для мужа, да и занятия магией отняли все силы. Но в стазисе лежали заготовки, которые и пошли в ход: нарезанные овощи, напластанное порционными кусками мясо, соусы в горшочках, комочки теста для булочек.

Она использовала новое умение, разжигая печь: хотелось похвастаться перед Вером. Он оценил:

— Вижу, вы с Авенарой тут не зря время проводили. Весь день занимались?

Бетти кивнула. Савард тут же придвинулся и погладил ее по плечам:

— Бедная девочка, ты устала, а тут я голодный на твою голову. — Ничего, Вер, мне не трудно. Еще полчаса и все будет готово. Если еще ты мне поможешь...

Она смутилась и покраснела. Никогда мужчина песчаных демонов не стал бы помогать жене на кухне, а просить о таком — унижить супруга. Но Вер воспринял ее предложение легко и радостно.

— Что делать надо? Поставить противень и следить, чтобы булочки не подгорели? Ну-ка, милая, подвинься... Да, и не забывай: с тебя рассказ о сегодняшнем происшествии.

Бет, ни на минуту не прекращая нарезать, подливать и помешивать, приступила к изложению сегодняшних событий. Ей казалось, что о них и за день не рассказать, но когда жаркое с овощным соусом было снято с огня, стало ясно, что история закончена.

Веру очень понравились два обстоятельства. Первое, что основную часть разговора с Гентарами взяла на себя Авенара, а второе, что точку в этом поставила все же Беттина. Одно он не мог взять в толк: откуда Авенара знала особенности законодательства Карианы и то, что по поводу вымогательства можно обратиться к городской страже хоть днем, хоть ночью.

Бетти пожала плечами. Она и сама терялась в догадках, так как бабушка, по ее словам, никогда раньше здесь не была.

Затем Бетти напомнила мужу, что теперь он должен ей рассказ о догадках Герулена. Довольный и разомлевший от еды Вер махнул рукой:

— Вот доем, и будут тебе Геруленовы мудрые и не очень мысли как на ладони.

Доев жаркое, он отвел Бетти в гостиную, устроил у себя на коленях и начал историю об императоре и его неверной и коварной супруге. Вспоминая разговор с ректором. Он попытался передать его близко к тексту, перемежая реплики участников своими комментариями.

* * *

— Наконец-то! Я ждал этого вопроса!

Реплика Герулена ошеломила Саварда. Выходит, старый интриган и на этот вопрос нашел ответ? Но как? Он не был во дворце уже долгие годы, Матильду в глаза не видел даже тогда, когда отказался приносить ей клятву. Сделал он это не из-за личных соображений, а потому, что нашел формулировку неприемлемой. А уж с тем, кто мог стать любовником юной императрицы, он точно не был знаком.

Но ни одно из этих обстоятельств не смущало эльфа. Он принялся с живостью объяснять и начал издалека.

— Смотри: в свое время империя была создана как государство, где все расы имеют равные права. Равные — не значит широкие и всеобъемлющие. Ты же понимаешь, у человека и дракона возможности разные, я бы сказал несравнимые. А вот права одинаковые. Выходит, закон человека защищает, а дракона, ну, или эльфа, ограничивает. Полностью магические расы не желали с этим смириться. Они или покинули пределы империи, или отказались к ней присоединиться. Зато полукровки и всяческие смески рванули сюда гурьбой. Ограничения их пугали меньше, чем презрение чистокровных сородичей. Здесь у них при соблюдении законов больше шансов на счастливую полноценную жизнь.

Савард скорчил рожу, которая должна была означать: «Без тебя знаю». Герулен не унимался:

— Я тебя хочу спросить: где эти полукровки? Чем занимаются?

— Ну... — протянул профессор, — много где. Самые талантливые — у нас в Академии. Да наши императоры до последнего времени тоже все были полукровками и сильными магами! Во дворце их целая туча, у каждого знатного владельца в окружении есть пара — тройка, в армии многие служат, работают магами по всей стране, и не только магами. Люди-то немагическая раса, они рады покупать услуги этих самых полукровок.

Чтобы округлить эту часть беседы, Герулен подкинул ему некий вывод.

— То есть, ты хочешь сказать, они ассимилированы в общество и живут с людьми в гармонии.

Но Вер не торопился соглашаться.

— Ну, не в такой уж гармонии. Есть те, кто полукровок ненавидит, даже на порог не пустит. На словах. На деле же у него всегда найдется знакомый маг: как же без защиты или бытовой магии? Особенно среди знати: бедному человеку это безразлично, у него денег на магию не хватает.

Герулен щелкнул пальцами:

— Вот! Совершенно верно подмечено: многие богатые и знатные ненавидят полукровок. Завидуют магическим способностям и длинной жизни. Нет бы взять такого в семью и подарить потомкам новые возможности. Но давай спросим себя: из какой семьи Матильда? То, что она знатная девушка и в то же время чистокровный человек, говорит само за себя: именно из той, где полукровок на дух не переносят. Такие семьи обычно даже магов выбирают себе из тех, в ком кровь магических рас меньше проявляется внешне. Многие искренне верят, что это чистокровные человеческие маги, хотя мы знаем, что так не бывает.

Вер ненавидел слушать рассуждения на пустом месте, поэтому вежливо, но твердо оборвал знаменитого юриста.

— Все это замечательно, одного в толк не возьму: зачем мне это все рассказывать? Оно мне и так известно. Или это намек, что любовник Матильды — чистокровный человек?

— Не угадал! — довольно пропел Герулен, — Пальцем в небо! Тогда вот тебе еще вопрос: кто ненавидит магов так же, или еще сильнее, чем описанные тобой знатные люди?

Савард стукнул кулаком по подлокотнику.

— А тут и думать не надо: песчаные демоны, — и добавил злобно, — Скоты, сволочи, я еще с ними посчитаюсь.

— За жену? — понятно кивнул эльф, — Не буду тебя отговаривать, сам бы покрошил их в капусту. Столько лет мучить такую прекрасную женщину, как Авенара, превратить ее ребенка в монстра и чуть не погубить маленькую девочку...

— Давайте не будем об этом. Сейчас мы, кажется, обсуждаем Матильду.

Эльф явно начал выходить из себя. Он не любил, когда его прерывали.

— Ты же знаешь: песчаные демоны были преданы императору и составляли ядро его личной гвардии. Сейчас они столь же ревностно служат Матильде. Не догадываешься почему?

— Потому что она императрица?

— Потому что она обещала им расправиться с магами, тупица! И они ей верны несмотря на то, что никакой императрицей эта курица не является.

Голова Вера все еще отказывалась соображать.

— А почему она им это обещала? Ах, да, потому что ей надо избавиться от опасных для нее и ребенка регалий.

Бестолковость собеседника пролила бальзам на душевные раны эльфа, даже если они существовали только в его воображении. Сердитый Герулен вдруг успокоился и продолжал уверенно:

— Именно. Думаю, дело было так. Юная Матильда никак не беременела от Юстина, а потом повстречала мужчину, перед которым не смогла устоять. И беременность наступила. Где она могла встретить его? Ясно: во дворце.

Савард возразил:

— Матильда несколько раз ездила на море и на воды.

Герулен отмел этот аргумент одним изящным жестом.

— Там она все равно не общалась с населением, останавливалась в императорских резиденциях, а что они такое, как не дворцы? А с кем она могла встречаться, не привлекая внимания?

— Со слугой или с охранником, — уверенно высказал свою догадку Вер.

— Со слугой — маловероятно, она все-таки знатная девочка, воспитанная в

определенных понятиях. А вот охрана... Во дворце она представлена императорскими гвардейцами. Молодцы, красавцы, родовитые...

Савард вспомнил этих самых гвардейцев и брякнул:

— Песчаные демоны.

Герулен аж подпрыгнул на своем кресле.

— Именно! На твой глаз, сильно ли они отличаются от людей?

Вер с недоумением пожал плечами. Ему отличия просто бросались в глаза, но в сущности... Его ученики, выросшие в обычных человеческих семьях, различали их с трудом.

— Да не особенно. Песчаный демон вне боевой трансформации — просто очень красивый человек. Высокий, стройный, статный, прекрасный лицом и телом, да еще и неутомимый любовник. Мелкие особенности... Они есть, но люди обычно не обращают на них внимания. Только... У песчаников проблемы с зачатием... Без магии никак.

Казалось, это замечание Вера очень понравилось коварному юристу.

— Значит, вводим в уравнение еще и мага. Вот у нас и нарисовалась картинка. Император Юстин женится на юной девушке. Она его не любит, это очевидно: он немолод, а кроме того, она предубеждена против полукровок. И то, что муж император, ничего не меняет.

Он пошарил на столе и вытащил откуда-то два портрета. На одном был зрелый мужчина с характерными чертами нескольких рас, на другом — юная человеческая красавица в подвенечном платье. Герулен потряс изображением Матильды перед носом Саварда и констатировал:

— Она вышла замуж, чтобы родить наследника. Это была основная поставленная перед Матильдой задача. Но год брака не принес желанного результата.

— Почему?

Ответ удивил Вера.

— Потому что с вероятностью в семьдесят пять процентов в паре Юстин — Аделаида бесплодным был именно мужчина. У меня нет прямых доказательств, но есть косвенные. У чистокровных эльфиек, а именно такой была наша бывшая императрица, способность к деторождению зависит от чувства. Любит — родит. Исключений нет. Она любила мужа, этому есть множество доказательств, но ребенка ему не родила.

О такой особенности эльфиек Вер не подозревал, но Герулен сам эльф. Должен знать, о чем говорит.

— Убедительно. Но почему Юстин этого не знал?

— Я так думаю, что как раз отлично знал. Полагаю, он бы принял ребенка от другого мужчины и воспитал как своего, но вот беда: Аделаида любила только его. С другими у нее ничего бы не вышло, я имею в виду детей. А Матильда — другой разговор. Скорее всего, он ее даже поощрял к измене, обеспечил полную секретность. Но вот признать ребенка не успел. Умер раньше при не очень ясных обстоятельствах.

Как всегда при сильном удивлении, брови Вера побежали общаться с волосами.

— Есть основания подозревать убийство?

— Тут трудно сказать с уверенностью. Но смотри: если ребенок рождается при живом императоре и тот его признает (а так бы и было), дальше следует тишь да гладь. Мама становится (или не становится) регентом, принц вырастает и садится на трон. Никаких предпосылок для смены власти и законов. А если император мертв к моменту рождения... Какое поле для манипуляций! Для того, кто рвется к власти, почти безграничное. Объяснить

Матильде чем она рискует, и из нее веревки можно вить. Главное, пообещать ей, что если она будет слушаться, ничего ни ей, ни сыну не грозит. Надо только не допустить проверки по достижении принцем двенадцати лет.

Вер недоверчиво махнул рукой.

— Вы полагаете, императора отравили, чтобы прибрать к рукам Матильду? Могу сказать одно: песчанику такое не пол силу. Они воины, а интриганы из них никакие. Мы уже видели на примере этого козла Эгелена: действуют тупо, прямолинейно, никакой выдумки. Расшифровать их — как нечего делать.

Указательный палец Герулена взлетел вверх:

— Поэтому я и предполагаю, что стержнем всей интриги стал маг.

А вот это вполне может быть. Среди магов есть такие засранцы...

— А у вас уже есть претенденты на эту роль?

Герулен хищно улыбнулся и сверкнул глазами. Сейчас они походили на сапфиры.

— Мага я вычислил, ничего сложного. И ты сейчас догадаешься. Во — первых, это маг придворный. Их там целая свора, конечно, но для начала мы очертили круг. Во — вторых, это сильный и хорошо подкованный в нетрадиционных практиках специалист. Другому ни за что не удалось бы справиться с задачей плодовитости песчаников. Не боевик: тем такие тонкости и не снились. И еще одно отличительное качество: он из тех, кому Матильда доверилась бы: очень похожий на чистокровного человека.

— Мужчина или женщина?

— В принципе роли не играет. Для чистоты эксперимента, когда будешь прикидывать, не обращай внимание на этот фактор. Лучше вспомни, кто из придворных магов при Матильде резко пошел в гору.

Савард вспомнил всех знакомых магов дворцового ведомства. Действительно, многие из них уже там не работают, но новых тоже никто не набирает. Если отбросить боевиков, иллюзионистов, целителей, кто останется? Миранда? Флоксин? Эпаминонд? Не то... Все трое — более чем середнячки, попали во дворец по протекции. Эвтерпа? Сильный маг, но нет. Она вся с ушами в своих охранных заклинаниях. Митандр? Сильнее него при дворе никого нет, но подозревать этого старого пенька?... Дикость. Ему власть не нужна никаким боком. Да и шаманизмом он никогда не интересовался, чистый классический маг. Остался только главный придворный маг.

— Если все качества должны быть вместе... Не вижу претендента кроме Дейрела. Но этого не может быть!

— Почему? Что ты о нем такого знаешь, что исключает его из общей картины?

Вер принялся подбирать слова.

— Я с ним учился на одном курсе. Факультеты разные, но жили мы в соседних комнатах, так что сталкивались часто. Понимаете, он был такой... Мелкий, что ли. Неинтересный. Мордочка с кулачок, носик остренький... Выглядел всегда как из помойки, вечно грязный, замурзанный.

Герулен усмехнулся.

— Ты и сам не был образцом чистоплотности и аккуратности.

— Уж это точно, — рассмеялся Савард, — С моей любовью к дракам... Я ходил не только в пятнах, но и рваный. Зато мылся каждый день и стирал все с себя. Дейрел был грязным по — другому. Не так, как если бы он мантию изгваздал, а как будто полгода не стирал. И волосы немые. Он их коротко стриг, чтобы было незаметно, но запах-то

оставался! Хотя учился отлично, тут ничего не могу сказать.

Тут Савард кое-что вспомнил и вскинул на Герулена ошарашенный взгляд.

— А знаете, кажется вы правы. Он защищал диплом по нетрадиционным магическим практикам, конкретно по шаманам песчаных демонов. Я сейчас вспомнил.

— О, еще один факт в мою копилку. Ты понимаешь, почему Дейрел руками Матильды гнобит магов?

— Расправляется с конкурентами?

— Именно. Кстати, есть еще одно косвенное доказательство. С момента воцарения Матильды из дворцового ведомства под различными предлогами были удалены все сколько-нибудь сильные маги. Кто-то ушел сам, кого-то обвинили и казнили, кого-то сослали, кого-то просто отправили на покой, как упомянутого тобой Митандра. На фоне оставшихся взошла звезда Дейрела. Среди слабых он величина.

Вроде «первый красавец среди уродов»? Это Савард хорошо себе представлял. Такие парни собирали вокруг себя стайки тех, кто слабее, и верховодили. Сам он всегда предпочитал быть звездой в созвездии, равным среди равных.

Герулен тем временем решил снова его поразить.

— А хочешь, я назову тебе отца нашего принца Диониса? Ты с ним знаком. Подсказку я тебе уже дал: песчаный демон.

— Ансар Эгелен?! — непроизвольно вырвалось у Саварда.

— Он самый.

— Тоже вычислили?

— А как же! В то время он возглавлял одно из подразделений королевской гвардии, это раз. Его подразделение несло постоянную службу во дворце, это два. Он сопровождал Матильду всякий раз, когда она куда-то ездила, это три. Кроме того, он хорош собой, как всякий родовитый песчаник.

Это не убедило Вера. Над Эгеленом должно быть начальство, оно куда смотрело?

— А почему именно он, а не какой-нибудь солдат или наоборот, не начальник стражи?

— Это очевидно. Глава подразделения — это не рядовой гвардеец. Те стоят на постах, а их руководитель ходит туда — сюда. По сути его никто не контролирует, при этом он не на виду. Начальник стражи отпадает по двум причинам: он слишком заметная фигура вообще, а в частности ему уже немало лет. Вряд ли юная красавица польстилась на возрастного господина со шрамом через все лицо.

Савард себе представил внешность дворцового начальника стражи и согласно кивнул.

— А теперь почему Эгелен не у дел?

— Кто тебе сказал? Он просто поменял должность на другую. Повыше. Я наводил справки: Ансар Эгелен — личный советник Матильды неизвестно по каким вопросам. Они регулярно видятся наедине и совещаются часами с нулевым результатом. Думаю, постельная грелка.

Тут Савард вспомнил, как Эгелен пытался жениться на его Беттине и грозил той антимагическими браслетами вместо брачных.

— А Бетти тогда ему была зачем? Маг приказал?

Герулен покачал головой и сделал задумчивое лицо.

— Мне кажется, наоборот. Скорее, это попытка уйти из-под власти Дейрела. У Бетти редчайший дар, артефакторы с таким талантом рождаются даже не раз в столетие, а раз в тысячелетие. Ей пока не хватает опыта, но когда она подрастет, о ней будут слагать легенды,

поверь моему слову.

Похвалы Бетти были очень приятны, но от всего остального голова шла кругом.

— Откуда Матильда и Эгелен могли о ней узнать? От Дейрела? Что они вообще в этом понимают?

— Они — ничего. Думаю, Дейрел тоже не был в курсе. Я догадываюсь, кто их просветил: Омерз.

Савард не поверил своим ушам. Этого просто не могло быть.

— Что? Это тупое ничтожество?

— Не такое тупое, хотя с другой частью определения согласен полностью. Знаешь, успех всегда порождает зависть в тех, кто к этому склонен. А если у завистника есть возможность перехватить вожжи и направить коня удачи в свое стойло, он это сделает. Омерз же тоже маг и он тоже был близок к Матильде, явно на нее работал не за страх, а за совесть, только сливки доставались Дейрелу.

Саварда интересовало только то, что имело прямое отношение к его жене.

— Вы считаете, это он рассказал Матильде о Бетти и предложил, как можно ее использовать?

— Не сомневаюсь в этом. Ваш бывший заведующий кафедрой далеко не дурак, хоть и гаденьш редкостный. О свойствах дара Бетти Омерз знал точно: юристы, как ни странно, разбираются в артефактах и артефакторах, да и Гросвен ничего не скрывал, открыто восхищался своей ученицей. Если бы девочка сумела перенастроить древние регалии императорской власти или создать их подобие с новыми свойствами, то маг потерял бы нити управления Матильдой.

Савард сверкнул глазами. В уме он уже делал зарубку на память. Если удастся добраться до Омерза... Он все припомнит этому гаду. Про Эгелена можно даже не упоминать.

Практичного и склонного к действию Вера угнетало одно: все ясно, но непонятно, как с этим быть.

— Интрига в общих чертах мне понятна, кто виноват мы разобрались. Теперь главный вопрос: что дальше делать?

— Эх, — вырвалось у эльфа, — если бы я знал, разве бы разговоры разговаривал?! Я, может, и позвал-то тебя затем, чтобы ты подсказал, что в таком случае сделать можно?

Ну вот, казался таким мудрым и дальновидным, и тут вдруг спрашивает, что делать! Вер ощутил разочарование и ляпнул первое, что пришло в голову.

— Надо как-то заставить Матильду выполнить закон. Проверить ребенка и...

— Принцу Дионису еще не скоро будет двенадцать. Потом... тебе его не жаль? Императорские регалии сожгут мальчика, даже пепла не останется. Дитя же ни в чем не виновато.

Мальшей Вер жалел гипотетически, особенно если они не являлись его учениками. Принцу учеба в Академии не грозила, поэтому ему можно было посочувствовать.

— А есть способ для него избежать проверки?

— Один. Мы о нем уже говорили. Если мать отречется от престола за сына. Тогда их сошлют в отдаленный замок на всю оставшуюся жизнь.

— Она на это не пойдет.

— Пойдет, если другого выхода не будет. Но пока она не осознает, что все двери перед ней закрываются одна за другой, на это нечего рассчитывать.

Вер пробормотал задумчиво:

— Договориться с Дейрелом...

Герулен посмотрел на него как на больного.

— Ты сам-то понял, что сказал?

— Ах, ну да... С Омерзом и Эгеленом мы тоже договариваться не будем, — он почесал в затылке и выругался, — Проклятье! Рано или поздно ситуация разрешится, но мы не можем ждать годы! Академия должна учить студентов, а не копать в политической грязи. Слушайте, а если Матильда откажется от трона... Гипотетически... Кто станет императором?

— А это хороший вопрос, просто отличный! Есть два реальных претендента и около десятка никуда не годных. О них можно будет говорить, если те двое отпадут по какой-либо причине.

О том, кто может наследовать Юстину, Савард ничего не знал. До последнего времени он вообще не интересовался политикой.

— Двое — кто они? Я не силен в здешней иерархии.

У Герулена было собрано полное досье. поэтому он добыл листок со списком, но зачитывать не стал, просто пояснил:

— Младшие братья Юстина от других жен его отца. Валер и Винсент. У них у обоих есть дети, что делает их годными для этой роли.

Сказать Веру было особо нечего, поэтому он продолжал выпрашивать:

— А негодные претенденты, они кто?

— В основном племянники Юстина. Сыновья Валера и Винсента, их трое, сыновья его сестер, их пятеро. Еще два его бастарда.

Эта информация удивила Саварда.

— Юстина? А говорили, он был верным мужем. Стоп, ты только что сообщил мне, что император бы бесплоден.

Эльф насмешливо улыбнулся:

— Отвечаю по пунктам. Про верность. В целом да. Но несколько раз Аделаида уезжала к родителям больше, чем на год. Это связано с эльфийскими традициями, тебе о них знать не нужно. Естественно, Юстин не сидел один все это время. У двоих из его временных подружек родились парнишки. Уж не знаю от кого, но он их признал, Кому хочется сообщать всему миру о своем бесплодии? Наоборот, он поддержал собственную легенду о том, что проблемы у жены.

Савард сморщился, как от кислого.

— Не думал, что он такой говнюк. Сваливать на женщину свою несостоятельность.

— Думаю, это делалось с ее ведома. Мальчишек он не стал делать принцами, формально чтобы не обижать Аделаиду, а на самом деле... Ты понимаешь. Дал по титулу и по домену, приставил воспитателей. Сейчас они оба в армии. Полковники, кажется.

Савард задумался так, что сам услышал, как в голове что-то ворочается. Ничего не сочинялось. Сказал наобум:

— Нужно с наиболее вероятными претендентами переговорить. Выбрать того, что получше, и поставить на него. А среди народа запустить информацию: мол, Матильдин сын не от Юстина. А что? Императора в народе любили, ей не простят.

Герулен тяжело вздохнул и плечи его сами собой опустились. Теперь перед Савардом сидел не вечно юный и прекрасный возлюбленный Авенары, а замученный жизнью старец.

— Знаешь, давай еще подумаем, не будем торопиться.

Все эти разговоры Савард передал Бетти как можно ближе к тексту. Та выглядела задумчивой, но спокойной. Пару раз задала наводящие вопросы, в остальное время внимательным взором следила, как сгущаются тени по углам. В это время ее неугомонные руки то поглаживали Вера по руке, то теребили пуговички на его рубашке, то принимались вынимать шпильки из свернутой на затылке косы, то вцеплялись в эту косу, расплетая и заплетая золотистый кончик. Без слов было ясно, что она беспокоится.

Рассказ о Матильде и песчаниках вызвал ее сердитое фырканье. Она не собиралась прощать то, как с ней хотели поступить. Но так как сейчас сделать ничего не могла, то и сердилась недолго, откладывая это на потом.

Значительно больше ее встревожили слова о том, что среди напавших на Академию есть маги.

— Вер, как же так?

— Не знаю. Сам не могу понять. Если только принять на веру слова Герулена... Если нас, сильных магов, не будет, то цена слабых и неумелых возрастет в разы.

Бетти завозилась, села прямо и посмотрела на мужа.

— Какая гадость, — произнесла она звонким голосом, — Просто отвратительно! Я столько лет была слабым магом, но мне и в голову не могло прийти, что наличие сильных как-то мешает таким, как я. Найди себе подходящее поле деятельности, учись, трудись — и все у тебя будет. Я ведь не ожидала, что сила свалится мне как снег на голову, и готовилась прожить жизнь без нее.

Савард притянул Бетти к себе на грудь и покрыл поцелуями, шепча:

— Ну конечно, милая моя девочка! Ты такое чистое, благородное, чудесное создание! Ты даже поверить не можешь, сколько вокруг мелких, грязных, убогих ничтожеств.

Она вцепилась в него, как в спасательный круг, тонкими пальчиками скомкала рубашку на груди, и вдруг пискнула:

— Ой!

Он отстранился, испугавшись, что сделал больно. Все же он такой здоровенный, а она маленькая и изящная.

— Что случилось, Бет?

Лучистый глаза Бетти смотрели на него виновато.

— Я от твоей рубашки пуговичку оторвала. Сейчас пришью.

— Да хрен с ней, с этой пуговицей! Потом пришьешь! Иди лучше ко мне.

Она ответила, строго нахмутив брови и демонстрируя Веру пуговку, зажатую между большим и указательным пальцем.

— Нет, нельзя. Потом она затеряется. Да я мигом.

— Не надо. Есть же пуговицепришивательное заклинание. Сейчас все будет как новое.

Бедный Вер! Если бы он знал заранее, что за этим последует, прикусил бы себе язык. Бетти страшно заинтересовалась.

— Ой, ты же знаешь всякие бытовые заклинания и научить сможешь ничуть не хуже Авенары! Вер, ну пожалуйста, научи пуговицы пришивать!

И вместо того, чтобы отнести жену в спальню, Савард битый час тренировался с ней в бытовой магии. С одной стороны подтвердил для себя верность высказывания, что не

прекраснее, если учитель с любовью учит, а ученица с любовью учится. С другой... Он бы предпочел заняться кое — чем другим.

* * *

Ясное солнечное утро пробралось через занавески и заставило Вера проснуться. Бетти рядом уже не было. Ее голосок, напевающий смешную песенку, с помощью которой дети запоминали руны, доносился из кухни. Понежиться на этот раз не удастся.

Спустившись в гостиную, он увидел причину, заставившую Бет подняться так рано. За столом пили чай и ели кексы Авенара с Брунгильдой. Давешнее сражение с Гентаром сблизило двух дам настолько, что они уже называли друг друга по именам.

Услышав скрип ступеней, из кухни появилась Бет.

— Ой, Вер, как хорошо, что ты уже встал! Я сейчас!

Она нырнула обратно и через минуту вернулась с подносом, на котором оранжевыми лунами сияли желтки яичницы — глазуни. Савард с удовлетворением отметил, что его девочка не корячится с тяжелым подносом, а легко и непринужденно транспортирует его с помощью магии. По лицу Авенары заметно было, что и она довольна успехами внучки.

— У меня на сегодня следующие планы, — сообщила Бет, — Сразу после завтрака зарегистрировать в ратуше наш договор с госпожой Брунгильдой, а потом разобраться с остатками заказов на амулеты. Ближе к вечеру я уйду. Мы с Лиссой договорились встретиться у магистра Сарториуса. А потом...

— Бет, я встречу тебя у Сарториуса. Бери все нужное с собой: на Кариану ты вернешься не ранее чем через десять дней.

Бетти кивнула, подтверждая, что все поняла.

— А как же суд над Гентаром? Ты должна хотя бы дать показания! — забеспокоилась Брунгильда.

Действительно, после вчерашней победы все бросить и уйти, оставив зло безнаказанным, было недостойно. Хотя сегодня, в радостный солнечный день, о Гентарах не хотелось вспоминать, чтобы не портить настроение. Ответственная Беттина вздохнула, понимая неизбежность визита к судье.

— Тогда так, — потеревшая кончик носа, — Сейчас проверяю список заказов и степень их готовности, затем в ратушу, это не займет много времени, оттуда к судье дать показания. Думаю, до обеда все это осилить. Затем сделаю что успею из заказов, остальное заберу с собой: отдам, когда вернусь через десять дней. Встречу с Лиссой я никак не могу отменить.

— А меня ты не хочешь спросить, дорогая? — вдруг обиженно вставила Авенара, — Я, между прочим, планировала заняться с тобой магией.

— Бабушка, — твердо ответила Бетти, — я тебя отлично понимаю, но сегодня не до этого. У меня есть незаконченные дела, я не имею права их бросить. Завтра. Завтра в Академии я буду полностью в твоем распоряжении.

Драконца покрутила головой, надеясь найти поддержку, но увидела, что все предпочитают принять сторону Бет. Она уже намылилась обидеться всерьез и надолго, но внучка тонко почувствовала бабушкин настрой и спросила как ни в чем не бывало:

— Бабушка, я все хотела узнать: как ты догадалась, что Гентары врут про закон? И еще:

откуда ты знала, к кому обращаться? Мне бы в голову не пришло позвать стражников.

Неравнодушная к лести и восхищению драконица сменила гнев на милость. Она бы не сдалась так быстро, если бы Бетти просто начала произносить комплименты и восхваления. Но умная девушка дала ей возможность самой похвастаться своими умом и сообразительностью.

— Ну, что они врут, можно было догадаться с самого начала. Не может у драконов быть закона, ограничивающего свободу женщин, это раз. Ты не жила среди драконов и этого не знаешь. У нас скорее парня принудят жениться на той, что его выбрала, чем девице запретят быть с тем, кто ей по нраву. И еще: Гентар пришел к тебе без подходящего свидетеля из своей общины. Как думаешь, почему?

Бетти покивала, признавая силу аргументов.

— А про стражников мне твоя Алесса рассказала. Когда мы с ней ходили мне за платьем, я ее спросила, как здесь поступают с вымогателями. Она сказала, что, если есть свидетели, можно звать стражу.

Оказывается, и от Алессы бывает польза.

— Потрясающе, я бы никогда не догадалась, — вздохнула восхищенно Бетти и посмотрела на часы, — Ой, бабушка, пора бежать в ратушу, если я хочу все успеть.

— Да. мне тоже пора в Академию, — поднялся со своего места Савард.

Авенара сделала вид, что все идет по плану.

— Отлично, Бетти, я схожу с тобой. Мое свидетельство может понадобиться в суде.

К ним присоединилась Брунгильда и дамы, оставив лавку на Этель с Морисом, отправились по присутственным местам.

Дела в ратуше уладились за пять минут, у судьи пришлось посидеть подольше. Но скорость и простота процедуры потрясли всех. Пожилой судья подробно опросил Бетти и свидетелей, а секретарь записал их слова в протокол. Затем он вызвал Гентара и его внука, зачитал им свидетельства и спросил, все ли верно. За ночь, проведенную в камере, умонастроение старого дракона сменилось с боевого на упадочное. Он согласился с обвинениями.

Тут же было вынесено решение: треть доходов от лавки Гентара в течение трех лет будут изыматься. Половина пойдет Беттине Савард, урожденной Комин, в качестве моральной компенсации, вторая — в доход государства. Постановление суда о попытке мошенничества с использованием должностных полномочий будут переданы в общину драконов для решения вопроса о сохранении господином Гентаром его должности.

Приговор мягкий, потому что никто не пострадал, а Гентар попался на попытке мошенничества впервые.

Прекрасная Авенара выразила свое восхищение. Такой замечательный по своей справедливости приговор в такие короткие сроки!

Кажется, ее красота не оставила судью равнодушным, а ее восхищенное щебетанье заставило его покраснеть. Выйдя из зала суда, дама сказала небрежно:

— Не удивлюсь, Брунгильда, что сегодня к вечеру в лавку набегут любопытные покупатели. Пусть ребятки будут наготове.

Авенара как в воду смотрела: чуть ли не полгорода пришло посмотреть на место, где развернулись драматические события. Амулеты разлетались как мороженое в жаркий день.

Несколько часов после обеда Бетти потратила на то, чтобы сделать как можно больше заказанных амулетов. Из-за наплыва покупателей ей пришлось заниматься этим за столом в

гостиной. Сидевшая рядом Авенара наблюдала и рассуждала:

— Никогда бы не стала артефактором. Эта мелкая кропотливая возня не для меня. Да и вообще, она не в характере драконов. Откуда такая склонность, Бетти? А впрочем, не отвечай. Ясно, что виноват твой папаша. Мне прямо стыдно, что он мой сын. Да и в деда твоего влюбиться — это ж надо было головы не иметь! Надеюсь, твой Савард разумнее и благороднее. А, что я говорю! Любой будет лучше песчаного демона. Они все на голову больные. Зато кое-что другое у них здоровое, вот девушки и сходят с ума. Как, например, эта ваша Матильда. Полагаю, у твоего Саварда и с этим все в порядке?

От этого потока сознания у Бетти поначалу вскипал мозг, но очень скоро она приладилась не слушать, а только кивать время-то времени, что совершенно удовлетворяло Авенару.

Зато с новыми возможностями работа шла в несколько раз быстрее. Не было необходимости наполнять амулет силой в несколько этапов, а это всегда забирало львиную долю времени. За два часа до заката Беттина силой оторвала себя от работы, отринув собственные порывы: ну, еще один, а затем еще...Сложила работу в два ящичка: один Брунгильде, пусть отдаст заказчикам, другой — с собой. Поднялась и сказала:

— Бабушка, спасибо, что поддержала. Ты сейчас в Академию?

— Естественно, я сегодня еще облет не делала, да и Гер меня будет ждать...

— Отлично! А я в гости. Думаю, что мы с Вером прибудем утром.

До портальной площадки они дошли вместе. За Бетти по воздуху плыли две здоровые сумки, а она тихо радовалась: раньше ей пришлось бы их тащить на себе.

* * *

Прежде чем отправиться к покупателю Джимми полдня готовил Лиссу. Подбирал ей костюм, прическу, следил, насколько хорошо иллюзия прикрывает ее истинное лицо, учил, что надо говорить, а что нельзя ни при каких обстоятельствах.

Легенда была придумана красивая. Девушка иммигрировала в Канаду вместе с родителями будучи еще ребенком, а монеты получила в наследство от дедушки, который недавно умер в Европе. Об их происхождении не имеет ни малейшего понятия, просто хочет продать подороже. О ее собственном происхождении Джимми выдумал, что ее мать была румынка, а отец грек. Он полагал, что так можно будет объяснить необычную красоту его подруги.

Когда же они пришли на встречу, назначенную в холле отеля Хилтон в соседнем городе, Джеймс с ужасом подумал, что о Лиссе он позаботился, но некому было позаботиться о нем самом. Увидев тех типов, что пришли с ним побеседовать, он понял, что вляпался по самые уши.

Все-таки занятия математикой, хоть и развивают ум, но делают человека непрактичным, с грустью констатировал он. Его приятель привел трех сомнительных типов. Если бы оДжимми увидел каждого по — отдельности, не обратил бы внимания. Обычные добропорядочные граждане в дорогих деловых костюмах. Но все вместе они выглядели как главари мафии в гангстерских фильмах прошлого. Его знакомый Брюс крутился вокруг них как дешевая шестерка и явно заискивал.

Представив Джимми как профессора Хеддлтона, а противоположную сторону как

мистера Гарези, мистера Кентона и мистера Быховски, он ретировался с такой скоростью, что Лисса готова была поверить, что тут имела место телепортация.

— Представьте нам вашу очаровательную спутницу, — предложил Гарези, явно главарь этой группы.

— Лиза Авенар, моя подруга, — спокойно и вежливо ответил Джимми, хотя у него на душе кошки скребли.

И как это его угораздило влезть в такое сомнительное дело, да еще девушку за собой потащить?!

— Она ваша студентка?

— В том числе, — не стал спорить математик.

Все трое изобразили ритуальный поклон в Лиссину сторону, она им испуганно улыбнулась. Не то, что она боялась, за последнее время бабушка научила ее, как творить магию в этом антимагическом мире, но мужчины явно ждали от нее такой реакции. Чтобы не спугнуть их раньше времени, она изобразила то, что должна была чувствовать обычная земная девушка в этой ситуации.

— Лиза, вы очаровательны, — промурлыкал самый здоровый из всех, кажется Быховски.

Он оглядывал девушку сальным взглядом, одновременно раздевая и прицениваясь, а на Джимми смотрел с презрением и сожалением. Как такая красотка досталась этому книжному червяку, за какие такие заслуги? Он явно был готов начать ухаживать и постараться отбить Лиссу у ее мужчины. Идиот!

Девушка посмотрела на него как на ненормального, улыбнулась как психиатр пациенту, вздернула носик и отвернулась.

— Эй, Чарли, красотка-то не прореагировала на твои достоинства, — развеселился третий, — Милая, это ваши монеты нам показывал наш приятель Брюс?

— Мои, — спокойно ответила Лисса.

— А откуда они у вас?

— Наследство от дедушки. Он умер год назад, я ездила на похороны и вот... Получила.

Она отвечала четко, но не торопилась, чтобы речь не звучала заученно.

— У вас интересный акцент, — снова вступил Гарези, — откуда вы родом?

— Я канадка уже пятнадцать лет! — гордо произнесла Лисса, точно так, как ее учил Джимми, — мои родители были из Европы. Они эмигрировали, когда я была еще маленькая. Папа родом из Греции, а мама из Румынии.

— У вас фамилия не греческая, — встрял Быховски.

Ему ответил Джимми:

— Авенариос, ее отца звали Ставрос Авенариос.

— Он жив?

— Нет, — ответила Лисса, — отец и мама умерли. Они попали в аварию четыре года назад.

Гарези сально улыбнулся Лиссе и следующий вопрос адресовал ее другу. Вопрос с подковыркой.

— И с тех пор вы, профессор, взяли девушку под свое крылышко?

— Нет, мы с Лизой вместе меньше года. Но я надеюсь..., — он собственническим жестом прижал голову Лиссы к своему плечу, — Да, милая?

Лисса под столом сжала ему руку и одарила окружающих весьма сердитой улыбкой.

Разговор с каждой минутой не нравился ей все больше. В чем дело? Нравятся монеты — плати и забирай. Какое им дело до Лиссиной родословной? Врать приходится...

— А дедушка, — не унимался Гарези, — дедушка, который оставил наследство... Он тоже был грек?

К этому вопросу девушка готовилась заранее: проштудировала списки румынских имен и фамилий и выбрала из наиболее распространенных.

— Он был румын, — отчеканила Лисса, — Его звали Константин Попа, если вас интересует, хотя не знаю, какое это может иметь отношение к делу.

Реакция на ее ответ была разнообразной. Гарези скроил малоприятную улыбочку, Кентон остался спокоен, а Быховски мерзко захихикал. Что смешного он нашел в имени дедушки, Лисса не поняла.

— Он был нумизматом? — вновь спросил Гарези.

— У него была коллекция монет, если вы это имеете в виду.

— Ценных?

— Нет, просто монеты разных стран. Ни древних, ни золотых, кроме этих пяти. Были два луидора, но их я продала еще в Европе.

Она говорила и радовалась, что Джимми отрепетировал с ней этот текст. Ей удавалось произносить его спокойно и с убеждением, не понимая толком, что все это значит.

— А сейчас вам понадобились деньги?

Лисса посмотрела Гарези в глаза и чуть — чуть толкнула его мысли, добавляя спокойствия и доверия:

— Да, мне понадобились нормальные современные деньги. Я не коллекционер, не нумизмат, мне эти золотые кругляшки ни к чему. Но я хочу получить за них достойную цену.

— Вы знаете, какой страны и какого века эти монеты?

Еще один посыл. Они должны съесть эти слова и не поморщиться.

— Понятия не имею, но одно знаю точно: это уникам. Я прошерстила весь интернет. Нигде не встречалось мне ничего подобного, значит, они должны стоить дорого.

— А можно посмотреть? — спросил Кентон, — фото мы видели, но хотелось бы оценить их на ощупь, так сказать.

Не говоря ни слова, Лисса расстегнула курточку и достала пару монет из внутреннего кармана.

— Любуйтесь, — предложила она и откинулась на спинку стула.

Как по команде у Гарези и Кентона в руках появились лупы. Они долго рассматривали золотые кругляшки, тискали, пробовали на зуб, только что не лизали, затем Быховски достал из-под стола чемоданчик, в котором ровными рядами в мягких гнездах покоились химические реактивы. Отличная штука, любой алхимик за такое удавится!

Сейчас стало ясно: Гарези — покупатель, Кентон — консультант, а Быховски — шестерка — охранник, прислуга за все при хозяине.

Джимми с авторитетным видом наблюдал за их манипуляциями, а Лисса с трудом сдерживала смех. Проба кислотой и щелочью всех убедила. Кентон даже буркнул, что такого чистого золота давно не видел. Монеты действительно уникальные, а если удастся установить их происхождение...

И начался торг. Лисса представить себе не могла, сколько стоят ее монетки, просто сидела и молчала. Джимми же на каждую оглашаемую цифру щурил глаза и поднимал брови, не называя, впрочем, свою цену.

Гарези его мимику воспринимал как недовольство, начинал возиться в кресле и оглядываться на Кентона. Тот кивал и Гарези поднимал сумму. В результате Джимми с Лиссой ушли с чеками на полмиллиона американских долларов.

Девушка не знала, много это или мало, но по выражению лица своего парня понимала, что он на такое и не надеялся. Еще бы! Ей пришлось пустить в ход свое сильфское обаяние и чуть — чуть подтолкнуть этих противных типов к покупке.

На обратном пути они зашли в банк и зачислили всю сумму на счет Джимми. Карточку он передал Лиссе: это ее деньги, пусть заботится. Надо только не забыть заплатить с них налог.

— Джимми, я так и не поняла, сколько мы получили, — призналась Лисса уже в машине.

От неожиданности Хеддлтон чуть не врезался в ограждение. Он с трудом доручил до ближайшей заправки, там остановился и разразился речью.

— Лиза, ты правду не поняла? Мы получили по сто тысяч долларов за одну монету, когда первоначально предполагали получить четыре тысячи за все! Ты завалишь лавку своей подруги зажигалками и гелевыми ручками и даже не заметишь, что что-то потратила. Конечно, это не состояние, но теперь несколько лет ты сможешь не думать о деньгах. Ведь тебе много не надо, как я заметил.

Она задумалась.

— А я не перегнула палку? Может, стоило продать им наши монетки подешевле? Вдруг потом они решат, что переплатили?

Джеймс в недоумении пожал плечами.

— Лиза, при чем здесь ты? Это было желание Гарези, он сам назвал сумму. Ты вообще всю дорогу молчала.

Она смущенно опустила глаза в пол.

— Ну, я его к этому немного подтолкнула...

Джимми застыл с разинутым ртом и вытаращенными глазами. Посидел так, затем глубоко вздохнул несколько раз и побледнел и прижал руку к сердцу.

— Ты хоть предупреждай, а то еще такая выходка и я умру от инфаркта в мои молодые годы. Как-то я к этому еще не готов. Ты вообще соображаешь, с кем мы имели дело?

— С людьми, — убежденно произнесла Лисса, — А что?

До Джимми вдруг начало доходить, что влюбится в иномирную красавицу — не самая удачная идея в его жизни. Если сейчас до Гарези дойдет, что его облапошили, то в жизни Джимми наступит черная полоса. Он никогда не имел дела с нелегальщиной, дистанцировался от всего, что может нести потенциальную угрозу, и тут так вляпался. А все почему?

Потому что легальные коллекционеры не повелись бы на иномирные денежки, подсказала спавшая до этого часть сознания. А Лисса их еще и облапошила своими ментальными приемчиками.

Если сейчас Гарези заподозрит, что дело нечисто...

— Лиза, а мы можем скрыться у твоих друзей? Пока, временно? Что-то я сомневаюсь, что наши покупатели в восторге от сделки. Как бы они не пришли требовать деньги назад вместе с нашей жизнью и здоровьем.

Лисса такого не ожидала, но восприняла спокойно.

— Завтра я иду в гости и могу взять тебя с собой. А уже там посоветуемся с друзьями и

решим, как будет лучше.

— С друзьями — это с твоей Бетти?

— С ней, и с ее мужем, и с бабушкой Актеллией, а еще с магистром Сарториусом: он очень мудрый, он тебе понравится. Бабушка очень хотела с тобой познакомиться. А с Савардом, кажется, ты нашел общий язык.

Она недовольно скривилась.

Джимми не мог взять в толк, чем такой отличный мужик как Савард насолил его любимой, но не спорил. Общаться не мешает, и ладно. В том, что практичный Вер сможет дать полезный совет, он был уверен.

Еще грела мысль, что он увидит уже третий магический мир. Как интересно! В сравнении с этим опасность, исходящая от Гарези, показалась таким пустяком!

* * *

Вывалившись из построенного Лиссой портала на мягкую зеленую лужайку, Джимми пришел в восторг. Его окружал сад мечты, такой, какой может только пригрезиться. Подобной красоты он не видел даже на выставке цветов в Челси, куда его в детстве водили папа с мамой. Там все желали привлечь внимание, а этот шедевр был создан для другого. Покой и гармония охватывали каждого, кто появлялся в саду магистра Сарториуса, и Джеймс Хеддлтон не стал исключением.

Лисса посмотрела на друга с такой гордостью, как будто высадила каждый кустик своими руками.

— Тебе нравится? Правда, красиво?

— Здесь волшебно, — отозвался математик, — Так как может быть в сказке.

Девушка сказками не интересовалась. Ей хватило того, что возлюбленному тут понравилось. Она подхватила Джеймса под руку и поволокла знакомиться с Сарториусом.

Старый маг был доволен.

— Своего парня привела? Умница, я очень тронут. Он у тебя кто, тоже маг?

— Я математик, — ответил Джимми, не надеясь, что этот симпатичный старикан его поймет.

К его радости оказалось, что иномирный магистр знает, что есть математика. Он обрадовался и спросил, не сможет ли Джимми оказать ему научную консультацию. А то он кое-что придумал, но представления не имеет, как это рассчитать. По каким формулам?

Желая сделать хозяину приятное, Джеймс восхитился его садом и тут же был увлечен на часовую экскурсию. Лисса тащила следом и сердилась на Бетти: могла бы уже прибыть.

Но злилась она зря. Когда они снова подошли к дому, Беттина сидела на полянке, подобрав под себя ноги, и читала какую-то книжку. Выходит, она тут давно и еще неизвестно кто кого заставил ждать. Увидев Сарториуса и остальных, Бетт вскочила.

— Магистр, как я рада! Наконец-то!

— Что наконец-то, Бетти? — ласково спросил маг.

— Наконец-то я к вам вырвалась! Наконец-то всех вижу!

Она по очереди бросилась всем на шею и со всеми расцеловалась. Обычно сдержанная, сейчас Бетти просто лучилась радостью. Сарториус спросил:

— Ты одна?

— Вер придет позже. Сейчас он занят делами Академии. Да, вам привет от магистра Авессалома, я его буквально только что видела.

— Он жив?

— Жив, здоров, счастлив. Женился и теперь они с женой ждут ребенка.

Сарториуса эта весть не то, чтобы обрадовала, скорее вызвала элегическую задумчивость.

— Мы с ним дружили много лет назад... И вот он молод, полон сил, муж и отец, а я... Никому не нужный старик.

— Ну что вы! — в один голос вскричали девчонки, — Вы замечательный! Самый лучший! Мы вас очень любим!

— Что не исключает вышесказанного. Маг может не стареть столько, сколько захочет. Но если уж он даст старости волю, обратно не отыграешь. Я не жалуясь, просто констатирую.

Девушки подхватили его под руки с двух сторон и повели в дом, по дороге нашептывая разные милые и приятные слова, чтобы подбодрить своего друга.

Джимми шел сзади и любовался идиллической картинкой. Девочки были такие разные и такие похожие. Он пытался сформулировать, что в них общего, настолько сильно они друг от друга отличались. Наконец сообразил: общим в них была доброта и тепло души, а вот разница...

Лиссу он уже знал, поэтому внимательнее всмотрелся в Беттину. Она тоже красива, даже можно сказать бесподобно хороша. Но вот смог бы он в нее влюбиться? Вернее, смогло ли у них что-то получиться?

Задал себе этот вопрос и тут же увидел ответ, который вспыхнул в мозгу как огни Лас — Вегаса: нет!

И не потому, что ему больше нравятся Лиссины черные волосы, а не Беттины золотые.

Лисса при всей ее внешней задиристости и резкости мягка и податлива. Она признает его старшинство и позволяет о себе заботиться. А Беттина только кажется милой домашней кошечкой из тех, что трется об ноги, стараясь угодить мужчине. На самом деле она кремень, из тех, кто не позволит никому принимать за себя решения, а ее забота — источник ее власти над людьми. Пожалуй, только Савард с такой и справится.

Он бы долго хохотал, если бы мог услышать, как в это время совсем в другом мире изящный эльф говорит роскошной золотой драконице:

— Нам очень повезло, дорогая. Только твоей внучке с ее спокойным и необыкновенно сильным характером дано обуздать этого невыносимого Саварда.

Действительно, дальнейшие наблюдения показали, что Бет мягкими лапками, но очень жестко выстроила сегодняшний вечер так, чтобы дать себе возможность поговорить с каждым из присутствующих.

Для начала уединилась с Лиссой, якобы пошла с ней на кухню ужин готовить. За это время Джимми подвергся допросу Сарториуса: как и когда они с Лиссой познакомились и знает ли милейший Джимми, что девушка — демиург.

Убедившись, что с этим все в порядке, он стал излагать математику свою концепцию построения неких заклинаний, тот включился...

Когда девушки вернулись с подносами, они слышали:

— А здесь можно было бы взять интеграл по поверхности... Хотя...

— А не проще ли будет применить вот такую систему уравнений?...

— Не уверен, она не описывает обратное движение, ведь фигура должна, образно говоря, вывернуться наизнанку...

Лисса, утомленная борьбой со старой Менирой, потыкала подругу локтем в бок: оставь, мужчины делом занялись. Каким? Своим мужским: играют в великих волшебников. Но у Бетти был свой план: ей нужно во что бы то ни стало поговорить с Сарториусом, а значит...

Она громко пригласила всех к столу.

Если бы речь шла о Лиссе, Джимми предложил бы ей подождать. Особенно если учесть, что ужин обычно готовил он сам. Но заставлять ждать очаровательную кулинарку... Пришлось оставить расчеты, как он надеялся, временно, и переключиться на еду.

Бетти же не думала о всяких глупостях. На кухне она поручила Лиссе отвлечь старую служанку хозяина и взялась за готовку. Но стоило Менире поддаться на уговоры и уйти отдыхать, как юная драконица быстро рассказала подруге о том, что стряслось с их вымечтанным бизнесом.

— Вот так, дорогая, у нас опять ни своего дома, ни своего дела.

— Зато по своему мужчине, — хихикнула Лисса, — только от них тоже толку мало.

— Как это? — не поняла Бет.

Лисса тут же вкратце поведала о своей денежной эпопее.

— И вот теперь у нас полно денег, но нам лучше спрятаться. Если они станут исследовать монеты, а потом докапываться, где мы их взяли... Мне-то ничего не будет, я демиург как-никак, а вот Джимми может сильно пострадать.

Бетти схватилась за голову.

— Боги, какая я дура! Не надо было их тебе давать. Нашли бы другой способ компенсации. Но кто мог подумать, что так получится?! Только ты устроила свою жизнь... Я хотела как лучше.

Лисса расстроилась, увидев отчаяние подруги. Подошла, погладила по руке и сказала жалобно:

— Бет, не убивайся. Ну что в сущности случилось? Поживем мы с Джимми какое-то время в гостях у Сарториуса, ничего страшного. Вон они как спелись, загляденье.

Беттина тяжело вздохнула.

— Я бы пригласила вас в Академию, в ней теперь моя бабушка заправляет, но тебе там лучше не появляться. Твоя бабушка... ой, одни бабушки вокруг, куда от них податься?!

Она ловко стащила с плиты кастрюлю с супом и перелила содержимое в супницу, затем достала из печки противень с запеченным мясом под белым соусом с грибами.

— Все, сейчас овощное рагу доспеет и пойдем кормить наших проглотов. Скорей бы Вер пришел, пока все не остыло. Он в своей Академии пообедать забывает, потом такой голодный!

— В смысле на тебя как на отбивную набрасывается?

— И это тоже, — усмехнулась Бетти, — Знаешь, сейчас меня больше всего беспокоит то, куда наша жизнь катится.

У Лиссы загорелись глаза.

— Ты думаешь, она катится? По — моему она летит!

Бет всплеснула руками.

— Куда? Ты знаешь? Вот и я нет. Как сбежали мы из Академии, так и понеслось. Ничего стабильного, ничего постоянного. Дом на базе отгрохали — там теперь твой отец кантуется. Свой дом на Кариане завели, лавку открыли, все вроде на мази было... Нет, опять

все развалилось. Ты там, я здесь... И каждый день что-то новенькое — хреновенькое. Голова кругом.

Лисса попыталась успокоить разошедшуюся Бетти:

— Ну и что? Зато приключения! И потом, как это ничего постоянного? У тебя теперь есть Савард, он уж точно никуда не денется. Конечно, он не подарок...

Напоминание о Саварде помогло девушке взять себя в руки.

— Пожалуй, это лучшее, что со мной произошло. Я очень благодарна Веру: он дал мне самое главное. Не силу, не вторую ипостась и даже не свободу от песчаных демонов. Он дал мне меня. Кроме того, мне с ним хорошо, поверь. Но я часто думаю: а любовь ли это?

Лисса вскинулась, как будто подруга оскорбила ее самые возвышенные чувства.

— Бет, да ты что! Если у тебя с Савардом все так хорошо, как ты говоришь... Конечно это любовь! Это не может быть ничем иным! Если бы ты его не любила, как бы терпела?

— А что его терпеть? — пожалала плечами Бетти, — Он вполне хорош и так. Объективно. Это ты от него натерпелась за столько лет ученичества, вот и реагируешь не вполне адекватно. Нет, я вот думаю: а если бы не заклятье и необходимость его снять? Боюсь, в этом случае стать женой Вера не пришло бы мне в голову. Но я не жалуясь, не подумай. Просто рассуждаю.

Лисса задумалась и проворонила момент, когда рагу наконец дошло. Беттина переложила все приготовленные яства на блюда, сформировала два подноса и легко, будто играючи, отправила их наверх, в комнаты. Ее подруга восхитилась:

— А ты молодец, Бет! Буквально вчера обрела силу, и уже так уверенно ею пользуешься. Кто учил, Савард?

— Нет, — покачала головой Беттина, — Бабушка Авенара.

Лиссе пришлось в голову посоветовать подруге проверить свои чувства. Она даже изобрела парочку довольно экзотических способов, вот только рассказать не успела. Бетти, подгоняя подносы с едой, заторопилась к мужчинам. Ей еще надо было посоветоваться с Сарториусом и сказать пару слов Джимми.

Но ее планам не суждено было сбыться. Они еще не закончили трапезу, а на лужайке один за другим стали появляться новые гости.

Первым пришел Савард. Его так тянуло к Бетти, что он поторопился расправиться с текущими делами, а на просьбу Марульфа помочь разобраться склоку между беженцами просто махнул рукой. Ему повезло: пришел к ужину, или это был обед? По крайней мере как всегда у Бетти: сытно, вкусно, много.

Когда же от еды перешли к чаю, прямо в гостиной внезапно появилась невероятно прекрасная женщина в странном, непривычном одеянии. Она не казалась юной, это была совершенная красота без возраста. Лисса вскочила и бросилась к ней:

— Прабабушка Актеллия!

Ее крик объяснил всем, кто пришел, но ничего не сказал о причинах появления старейшей из демиургов. Каждый хотел бы задать вопрос, то тут все отметили, что не могут говорить: собственные голосовые связки им более не повинуются. Актеллия же оглядела собравшихся и мелодичнейшим голосом пропела:

— Рада видеть друзей моей дорогой правнучки. Ну-ка, кто тут у нас?

Она остановилась напротив Сарториуса и ласково провела рукой над его головой.

— Мудрый маг, хозяин дома... Добавим здоровья, тебе еще долго придется помогать моей проказнице советами.

Затем остановилась перед Савардом и усмехнулась загадочно:

— Тебе, помесь огненного демона с черным драконом, ничего не дам, у тебя уже все есть. А чего нет, то еще будет.

Отвернувшись от Вера, она подскочила к Беттине, расплылась в лукавой улыбке и защебетала:

— Ой, какая миленькая драконочка! Совсем юная! Прелесть что такое! А какой характер! Мечта, а не характер! Выдержка, разум, доброта! Ты подружка моей девочки, милая? Присматривай за Лиссой, дорогая, она тебе верит и тебя слушает.

Последним оказался Джимми. Прекрасная Актеллия долго пристально на него смотрела. В ее взгляде восхищение мешалось с жалостью. Затем она заговорила:

— Ты возлюбленный моей девочки, правда?! Ты мне нравишься. Понимаю, что она в тебе нашла. Но... Я должна с тобой поговорить без свидетелей.

Заметив, как рванулась к ним Лисса, Актеллия выставила вперед ладонь и повысила голос:

— Без свидетелей, я сказала! Мальчик, иди за мной.

Джимми поднялся и как сомнамбула, неловко переступая плохо гнущимися ногами, пошел за древнейшей. Она же изящно покачивала бедрами и манила его за собой в сад. Не в силах противиться, он шел и шел, пока дом не исчез из виду за стеной, увитой глицинией.

На крошечном пятачке газона, где дизайнерский гений Сарториуса расположил две удобные лавочки из толстых бревен, Актеллия остановилась и села. При этом струящиеся полы ее верхней накидки распахнулись и опали, как крылья гигантской экзотической бабочки.

Она указала Джимми на место рядом с собой и прожурчала:

— Садись, мой мальчик, в ногах правды нет.

Он не был уверен, сможет ли, но тело само проделало все, что нужно: не успев моргнуть глазом, Джемс Хеддлтон, математик с Земли, уже сидел рядом со старейшей из демиургов. Поверить в это его сознание отказывалось, но не верить своим глазам он тоже не мог.

Актеллия же не торопилась начинать беседу. Возможно, не знала, как подойти к тому, что хотела сказать. Наконец Джеймс не выдержал и попытался заговорить сам. У него ничего не вышло, но Актеллия заметила конвульсивные подергивания и сняла с него немоту.

— Не мучайся, скажи, о чем думаешь.

— Я хочу спросить...

— Спрашивай. Или нет, я сначала сама скажу тебе что хотела, а если останутся вопросы, отвечу. Итак, ты знаешь, кто я?

Джимми удивился, но ответил:

— Естественно. Лиза мне много о вас говорила.

— А ты знаешь, что такие как я или она — вечны? Не бессмертны, мы тоже можем погибнуть, исчезнуть, раствориться в мире, но, если ничего не случится, мы живем вечно?

— Я понимаю это, но представить себе не могу.

Древнейшая удивилась:

— Ты же математик, ты имеешь дело с бесконечно большим и бесконечно малым. Вообще с бесконечностью! Должен представлять!

— Должен, но не представляю. С тем возьмите.

— Хорошо, — голос Актеллии звучал миролюбиво, — А сколько будешь жить ты? Уж точно не вечность, и с этим ничего не поделаешь. Ты человек. Мы можем продлить твою

жизнь лет на сто пятьдесят- двести. Пока ты будешь с моей правнучкой, тебе не грозит старение, по крайней мере внешнее. Будешь выглядеть как сейчас. Но это все.

— Я на большее и не претендую. И этого-то не ожидал. Если я смогу прожить это время рядом с Лизой...

Идеальные губы красавицы исказила горькая усмешка.

— Подумай хорошенько, парень. Она не человек. У вас не будет детей. И кроме того: сейчас Лисса молода и неопытна, она смотрит на тебя снизу вверх. Но она быстро растет, ее дар развивается, она будет знать и уметь все больше и больше с каждым прожитым днем. А ты? Сможешь за ней угнаться?

— Я постараюсь.

Услышав этот ответ, Актеллия посмотрела на него холодным испытующим взором:

— Ты же понимаешь, что вам никогда не быть равными? Сейчас она восхищается тобой и таскает за собой по мирам как любимого плюшевого песика. А вдруг через несколько лет ей надоеет ее игрушка?

Джимми хотел закричать, что это не так, что у них с Лизой совсем другие отношения, но похолодевшее сердце подсказывало верно: Актеллия права. Вместо того, чтобы устраивать сцену, Джимми сжал кулаки и перешел в наступление:

— Вы хотите, чтобы я от нее отказался?

— Умный мальчик. Да, я к этому и веду речь. Не сейчас, позже, когда она наиграется... Я подскажу когда. Не бойся, у вас впереди годы. Но постепенно ты отступишь в тень и уйдешь из жизни моей девочки. Все бонусы, вроде продолжительности жизни и прекрасного здоровья у тебя останутся, не бойся.

Сердце мужчины болезненно сжалось, дыхание перехватило. Правоту этой женщины (женщины ли?) он отрицать не мог. Когда-нибудь все так и будет, хочет он этого или нет. Но планировать заранее... Это слишком жестоко. Объяснять же это древней даме бесполезно, она просто не поймет.

— Уважаемая госпожа Актеллия, я понимаю все, что вы мне хотите сказать. Вероятно, все так и произойдет, даже без моего сознательного участия. Но давайте не будем загадывать. Меня волнует, что с нами будет сейчас.

— Сейчас? — пожала плечами древнейшая, — А что с вами может быть? Живите и радуйтесь. Да, все, что я сказала про продолжительность жизни и здоровье действительно в любом месте, кроме твоей родной Земли. Там я бессильна: не мой мир.

* * *

В дом Сарториуса Джимми вернулся один и в глубокой задумчивости. Прекрасная Актеллия постаралась на славу: каждая ее фраза ставила человека перед трудным, а подчас и невозможным выбором. Ну как, скажите., выбрать между любимой женщиной и своим родным миром? Особенно когда понимаешь: ты для нее не навсегда.

Здесь для него открываются просто необозримые просторы для научной деятельности. С другой стороны, те, чьим мнением он дорожит, об этом никогда не узнают. Есть шанс увидеть разные миры, но навсегда остаться там чужим. Мало того, не слишком приятно узнать, что ты короткоживущий, с таких везде не слишком уважают. Смысл? Из жизни долгоживущих они исчезают раньше, чем их успевают запомнить.

Вот и думай. Что выбрать: Лизу и долгую жизнь в чужих мирах или свою родную планету и карьеру в науке, но уже без Лизы? Память о других мирах останется, ее не отнимут, это уже навсегда, только что от нее будет больше: боли или сладости?

От всех этих мыслей у бедного Джимми голова шла кругом.

Подбежавшая к нему Лисса почувствовала настроение парня и, вместо того, чтобы по обыкновению повиснуть у него на шее, затормозила рядом и робко прикоснулась к рукаву:

— Ты как? Нормально? А прабабушка где?

— Твоя прабабушка сказала мне все, что хотела, и удалилась. Куда — понятия не имею.

Лисса тяжело вздохнула, но продолжать расспросы не стала. Просто усадила Джимми между собой и Сарториусом, так, что напротив него расположился Савард.

— Что, парень, непросто пришлось? — с пониманием кивнул ему Вер, — Эти демиурги, они умеют так сказать...

— Откуда вы знаете? — с вызовом спросила Лисса, — Вы много с ними имели дело?

Она вдруг вспомнила, что сама демиург, и готова была защищать родичей от нападок. Ее бывший учитель ответил в своем обычном насмешливом стиле:

— Да я только недавно узнал, что с одной из них общаюсь уже не помню сколько лет. Десять так точно. Но мнение мое основано на всех известных пророчествах, которые создатели миров не ленились время от времени спускать своим творениям.

— Пророчества? — заинтересовался Джимми, — На Земле были пророки и специальные прорицатели... Неужели их бред был на самом деле навеян демиургами?

Довольный, что отвлек математика от грустных мыслей, Савард рассмеялся.

— А ты как думал? Для них это практически единственный способ повлиять на нас, грешных. Только я не помню ни одного предсказания, где было бы толково изложено: где, что и как. Всегда такая муть... Мол, догадывайтесь сами, ломайте головы. Понятно становилось постфактум, да и то... Подгонка фактов под бессмысленные вирши, я бы так сказал.

Джеймс не стал спорить, тем более что слова Саварда совпадали с его представлениями. Только вот тревога и боль от разговора с Актеллией не проходили и не уменьшались. Из всех, сидящих за столом, это заметила только внимательная Бетти.

Когда все встали, чтобы спуститься в сад, она тихонько подошла к Джимми и шепнула:

— Она вам сказала что-то ужасное? Простите, но лицо у вас было именно такое.

Он обернулся и схватил девушку за руки:

— Бетти, я могу с вами посоветоваться? Мне кажется, вы тут если не самая умная, то самая мудрая.

Она удивленно вскинула на него глаза, потом, смущаясь, опустила их: парень говорил вполне искренне.

— Хорошо, я помогу чем смогу. Только не называйте меня на «вы».

— И ты меня так не называй. Вы с Лизой подруги, почти сестры. Так что я с удовольствием буду тебе братом.

Беттина улыбнулась широко и открыто.

— Джимми, я готова быть тебе сестрой. Так же, как Лиссе.

Лисса же тем временем повисла на руке у Сарториуса и что-то горячо ему говорила. Увлеченные беседой, они ушли вперед настолько, что еще пара шагов — и скроются за поворотом. Савард, ревниво наблюдавший за тем, как Лиссин парень разговаривает о чем-то с его женой, подошел, чтобы прояснить ситуацию, и Бетти тут же обратилась к нему.

— Вер, Джимми тут хочет со мной посоветоваться. Кажется, для него это очень важно. Мы отойдем с ним в сторонку, а ты покарауль.

— А со мной он посоветоваться не желает? — сердито спросил Савард.

Но Бетти не повелась и не стала спорить, просто объяснила:

— Вер, ему нужен совет женщины. Насчет Лиссы.

Профессор махнул рукой и указал на скамейку, стоявшую под разросшимся кустом жасмина.

— Идите, поболтайте. Я тут постою. Если что, задержу твою подружку.

Джимми с Беттиной присели на скамейку и девушка взяла дело в свои руки, не дожидаясь, когда мужчина соберется с духом, чтобы поведать ей свои горести.

— Что тебе сказала Актеллия? Пугала?

— Не то чтобы пугала... Она была довольно мила, если не считать того, что я, по ее мнению, просто грязь под ногами. Игрушка для Лизы. Временная, пока девочка не подрастет, — Он долбанул себя кулаком по колену и сморщился от боли, — Черт, она совершенно права! Глупо было с моей стороны думать иначе.

Бетти не стала его утешать, просто спросила:

— Она что-то предложила тебе?

— Предложила пока побыть Лизиной игрушкой. Пусть, мол, девочка натешится. Нет, вернее, не так. Она предложила мне выбрать: остаться с Лизой в качестве временного спутника или вернуться в мою обычную жизнь, но без нее.

На личике Бетти изобразилось бесконечное удивление, ей даже не пришлось задавать вопроса. Пришлось объяснять.

— Если я останусь на Земле, то проживу обычную человеческую жизнь, состарюсь после пятидесяти и умру лет в восемьдесят. Вряд ли это обрадует Лизу, ведь она практически бессмертна и вечно молода.

Бетт понятливо закивала. Джимми ощутил ее молчаливую поддержку и продолжал уже более уверенно:

— В других мирах, подвластных Актеллии, я проживу в три раза больше и не буду стариться. Но никто не гарантирует, что Лиза останется со мной так долго. Это сейчас я для нее старший, более умный и опытный, ей со мной интересно... Лет через двадцать разница между нами нивелируется, я перестану быть ей интересен, но уже не смогу отказаться от жизни в других мирах и вернуться в свой, будет поздно. Актеллия дала мне право выбора, и вот это-то и есть самое тяжелое.

Бетти спросила задумчиво:

— Ты хочешь совета, что тебе выбрать? Еще недавно я сказала бы: выбирай свою жизнь, не ставь ее в зависимость от чужой. А сейчас... Сама не знаю. Ты должен сделать выбор сегодня, сейчас?

— Нет, пару лет на раздумье Актеллия мне дала. Для демиургов это не срок. Но жить и каждую минуту сознавать, что завтра все закончится... Я с ума сойду. А ведь мне надо работать...

Погрустневшая Беттина долго молча теребила выбившуюся из прически прядь, затем лицо ее успокоилось и просветлело.

— Знаешь, жизнь часто сама дает нам ответы на неразрешимые вопросы и делает за нас трудный выбор. Стоит только подождать. Я бы на твоём месте вернулась и жила бы как ни в чем не бывало, ни о чем не думая. Если тебе суждено жить с Лиссой в мирах ее прабабушки,

это случится. Если же вам предстоит расстаться, вы расстанетесь. Все произойдет тогда, когда оно должно произойти.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я с детства жила с мыслью, что проживу жизнь одна, не буду иметь семьи, не узнаю любви мужчины. Но ты видишь... Когда пришло время, все изменилось. Из всего этого я извлекла два урока.

— Какие же, Бетти? — спросил подошедший к ним Савард.

Ему надоело ждать, когда его жена наговорится с Лиссным парнем, и он решил, что пора вмешаться в беседу. Бетти весело ему улыбнулась.

— Тебе интересно, Вер? Изволь. Первый урок: все, что должно случиться, случается тогда, когда приходит время, не надо его ни торопить, ни тормозить. А второй... Не надо держаться за вещи и обстоятельства, это бесполезно. Дороги сердцу должны быть личности, а не предметы.

Она протянула мужу руку, оперлась на него и встала. Он же смотрел на Бет, не в силах понять, как эта маленькая птичка вместила огромную мудрость, мало кому доступную.

— А это ты как поняла?

— Очень просто. Мы с Лис уже третий раз пытаемся обосноваться, свить гнездо, так сказать. Сначала в Академии, где мы надеялись остаться и обучать студентов, затем на нашей базе в мире Лиссиного отца, потом на Кариане... Отовсюду пришлось уйти, бросив дома и налаженное хозяйство. Мне и до сих пор жалко наших трудов и денег. Но жизнь не кончилась, она продолжается. Лисса нашла отца, каким бы он ни был, и остальных родственников. На Кариане у нас теперь есть друзья. И ты в моей жизни появился... Вот.

Последние слова она произнесла так, что Савард подхватил Бетти на руки и покрыл поцелуями сияющее личико. Смущенный Джеймс в это время делал вид, что наблюдает за птичками. И тут вернулись Лисса с Сарториусом.

— Что это вы тут застряли? — звонко крикнула девушка, — Мы уже полсада обошли, а вас все нет.

— Мы тут о вечном разговаривали, — ответила Бетти, — И удивлялись, куда это вы так бойко ускакали.

— А мы уговаривались с магистром, что при необходимости поживем немного у него вместе с Джимми. Он согласился дать нам приют.

Сарториус ласково погладил Лиссу по руке.

— Эта егоза кого хочешь уговорит. Джеймс, если будет нужда, мой дом всегда открыт для вас. Мир у нас строго человеческий, так что вам не составит трудности найти здесь свое место. Лиссе будет сложнее, но у наших замужних женщин не принято работать, особенно если они не простого звания.

Джимми сдержанно поклонился и поблагодарил магистра. Он не собирался пользоваться его добротой, но приятно было сознавать, что во вселенной есть место, куда они с Лиссой могут прийти в любой момент, и им будут рады.

В том, что его девушке обрадуются его родные, он сильно сомневался. Отцу бы понравилась Лиза, но он давно умер. А вот мать и сестры мечтали его женить, но не на ком попало, а на той, которую они сочтут достойной и выберут для него. Их Лиза не устроит, слишком много в ней неизвестного. Да и готовить она не умеет. Заклюют девочку, и она от него сбежит. Он и сам от них он в свое время сбежал, поселившись в Канаде, поэтому испытывать судьбу не имел ни малейшего желания.

Почему-то, разговаривая с Древнейшей, он обо этом совсем забыл.

Теперь следовало рассмотреть ситуацию еще и с новой открывшейся ему точки зрения. Не торопиться, обстоятельно все обдумать... Время еще есть.

Он осторожно принял Лиссу из рук магистра Сарториуса и прижал к себе. Сегодня расстаться с ней было бы для него невыносимым. Возможно, Бетти права и завтра все изменится?

Ночь они провели в доме магистра. Из соседней гостевой спальни доносились довольные взрыкивания Саварда и еле слышные вскрики Беттины. Лисса стеснялась, а Джеймса эти звуки заводили. Никогда еще он не предавался любви с таким пылом. Мысль о том, что его счастье может скоро закончиться, придавала всему оттенок горечи, но сильнее распаляла желание.

А на рассвете Лисса увела его домой. Они появились на заднем дворе и в обнимку вошли в дом, где еще недавно были так счастливы. Лисса, радостно щебеча что-то про удачный поход в гости, ринулась в ванную, а Джимми сел в гостиной на диван, плеснул себе виски, добавил льда и задумался.

Верно вчера сказала эта девочка, Бетти... Не стоит привязываться к вещам. Прав он был, что нигде и никогда не приобретал недвижимость. Это удобное и красивое жилище было временным домом, здесь ему принадлежало только то, что можно было легко сложить и унести с собой. К сожалению, компьютер в другой мир не возьмешь. Или возьмешь? Но выхода в интернет там нет все равно, так что какая разница? Писать он может и на бумажке.

Но уходить сейчас, среди учебного года... Нет, он не может подвести свой университет. Кстати, сегодня в три у него семинар, надо подготовиться.

Он включил ноутбук, но мысли отскакивали от научных тем как теннисный мячик от стенки.

Джеймс отхлебнул виски, надеясь успокоиться. Не зря его учитель, оставшийся на всю жизнь одиноким, говорил: чувства и наука несовместимы. Стоит в сердце заползти вирусу любви, как голова отключается. А он еще над ним смеялся! Вот теперь сам убедился!

Тут на клавиатуру упала тень. Это Лисса выбралась из душа и застыла перед ним. Она с волнением вглядывалась в своего мужчину, как будто впервые его увидела.

— Джимми, что стряслось? Почему ты пьешь эту гадость с утра пораньше?

Сама Лисса попробовала виски в один из первых дней своего здесь пребывания и потом долго плевалась, уверяя, что большей дряни и представить себе не может. Джеймс полагал, что она вообще не одобряет крепких напитков, но коньяк девушке неожиданно понравился. Хотя очень быстро стало ясно, что она отдает предпочтение пиву и сидру.

Но сейчас ее явно волновали не вкусовые качества напитка. Действительно, как истый англичанин, Джеймс Хеддлтон знал время и место для таких вещей и никогда не пил по утрам. А сейчас сидит и прихлебывает эту дрянь ни свет ни заря. Неудивительно, что девушка беспокоится.

Придется отвечать, а уж как не хочется...

— Знаешь, дорогая, я все никак не могу отойти от разговора с твоей бабушкой. Занятная дамочка. Так мне все расписала, что не пойму, на каком я свете.

— Она тебя обидела, да?

Лисса одним прыжком оказалась рядом, прижалась грудью, положила свой подбородок ему на плечо и попыталась из этого положения заглянуть в глаза своему мужчине. Ничего не вышло, но ее это не обескуражило.

— Джимми, да выбрось ты это из головы! Она древнейшая, вот и пугает... У них так принято. Нам ведь хорошо вдвоем?

Он осторожно отодвинул лэптоп и переместил девушку к себе на колени.

— Лиза, она права. Ты — бессмертная, я по сравнению с тобой как мотылек по сравнению с человеком. Однодневка. Я состарюсь и умру, а ты будешь все такая же юная и прекрасная. Вот я и думаю: зачем я тебе?!

Лисса не стала ничего говорить, просто потянулась и прижалась к нему губами. Затем зашептала горячо:

— Ты мне очень — очень нужен. Мне без тебя никак. Пожалуйста, не бросай меня из-за этих глупостей.

Вот так. Он хотел умолять ее побыть с ним, а она сама просил его не уходить. Он собрал волю в кулак и произнес то, что, по его мнению, должен был сказать:

— Лиза, я боюсь одного: причинить тебе боль. Если ты меня и вправду любишь, тебе будет больно меня потерять. Твоя жизнь длинная, а моя...

Она прижала тонкие пальчики к его губам:

— Тс — ссс... Не надо, не говори об этом. Все это будет когда-нибудь, а живем мы сейчас. И сейчас будем вместе. Ты не против?

Ну еще бы он был против! И вместо того, чтобы озвучить еще несколько горьких истин или на худой конец заняться подготовкой к семинару, Джеймс Хеддлтон подхватил свою любимую на руки и утащил в спальню.

* * *

Следующий день прошел как обычно, если не считать того, что встреченный в коридорах университета приятель, который вывел Джимми на Гарези, бросился прятаться в ближайшем туалете, с перепугу не обратив внимание на то, что туалет дамский.

Вечером он пересказал эту сцену Лиссе, она только посмеялась. А вот утром...

Утром он вышел из спальни и сверху увидел на редкость малоприятную картину. Вся его гостиная была полна народу.

На самом деле чужаков было четверо, но и это перебор, когда дело касается неприкосновенности твоего собственного дома. В его любимом кресле сидел Гарези, за его спиной возвышался амбалистый Быховски, Кентона не было видно, двух других Джимми не знал, но они явно были кем-то вроде охранников или наемников.

Дьявол! У него же стоит охранная сигнализация! Почему она не сработала?!

Быховски первым его заметил и показал боссу. Гарези расплылся в на редкость противной улыбке:

— А, мистер математик! Спускайтесь! Есть разговор. И прелестную мисс Лизу прихватите.

Джеймсу очень хотелось достать из шкафа винтовку и проредить своих неожиданных гостей, но он отлично сознавал, что телохранители мафиозного жирдяя успеют нажать на курок раньше, а Лиссе тогда не поздоровится. Здесь она не может пользоваться своей магией.

Поэтому он ответил спокойно, даже лениво.

— Вы поторопились, Гарези, пришли слишком рано. Лиза еще спит.

Мерзкая улыбочка стала еще шире.

— Ну так разбудите ее. Мы, собственно говоря, к ней. Дело есть.

— Придется подождать. Ей, да и мне, надо встать, одеться, умыться... Кстати, почему вы вперлись в мое частное помещение без приглашения? Могли бы хоть предупредить...

Улыбка на лице Гарези сменилась злобной гримасой.

— Ага, предупредить... Чтобы тебя с твоей девчонкой потом по всему миру с собаками разыскивать? Нет уж, так вернее будет. Иди буди крошку, а Чарлз, так и быть, сварит вам кофе.

Ухмыляющийся Быховски двинулся в сторону кухни.

Джимми вошел в спальню и увидел, что Лисса уже не спит, а прислушивается к происходящему в гостиной. Стоило ему появиться, как она зашептала:

— Что им надо, как ты думаешь?

— Не знаю, но я уже тысячу раз пожалел, что связался. Знал же, что это темные личности, и сам сунул голову в петлю. Тебя за собой потянул.

Никогда на связывавшегося с криминалом Джеймса вся ситуация пугала. Лисса же вдруг взбодрилась. Глаза засверкали, ноздри сами собой стали раздуваться, ноги чуть в пляс не пошли.

— Джимми, не дрейфь, мы справимся. Все будет хорошо. Нам главное узнать, что им нужно. Монетки или что-то еще... Если монеты, отдадим им все, что есть, пусть отвяжутся. А если...

Она нехорошо зыркнула на дверь, за которой находились виновники переполоха. Джимми не представлял себе, чем она им может повредить, но сейчас уже не был уверен, кто для кого опаснее.

Увлеч девушку в ванную, засунул под душ и принес первую попавшуюся одежду, заодно сам умылся, вычистил зубы и побрился. С его легкими светлыми волосами ему не было нужды бриться каждый день, но сегодня это казалось обязательным: так он чувствовал себя увереннее.

Выбравшаяся из душевой кабинки Лисса нарядилась в джинсы и майку, начесала волосы на уши и на всякий случай надела амулет — иллюзию. Сначала сунула ноги в тапки, но потом передумала. Вдруг придется действовать? Обувь должна быть удобной и не спадать при первом движении.

В гостиную они спустились так, что ими можно было залюбоваться. Оба высокие и стройные, оба в узких джинсах, облегающих майках и кроссовках, только черноволосая Лисса выбрала белую футболку, а светленький Джимми — черную. Гарези даже фыркнул, увидев такую парочку.

Его быки бросились было к Лиссе и попытались оттащить ее от парня, но она вцепилась в него как в якорь спасения и Гарези махнул рукой. Мол, хотят быть вместе, пусть будут. Ничего это не изменит.

Джимми с Лиссой плюхнулись на диван и математик начал первый раунд:

— Чем обязан?

Взять разговор в свои руки ему не дали.

— А то ты сам не знаешь? — гаденько усмехнулся жирдяй, — пусть твоя девочка расскажет, где взяла монетки.

— Я вам уже все рассказала в прошлый раз, — отчеканила Лисса, — Не поняли? Повторить?

— Если сможешь.

Она фыркнула как еж и слово в слово произнесла свое выступление на прошлой встрече в ресторане.

— Детка, мы проверили твои монетки. Они действительно уникальные. Нигде на земле нет золота с такими примесями. А еще наш специалист сказал, что отчеканены они недавно. Что ты на это скажешь?

Девушка пожала плечами:

— Ничего. Не мое это дело. Надо было у дедушки спрашивать, пока он был жив, может и узнали что-нибудь. А так... Вы хотели купить, я вам продала.

Гарези зарычал злобно:

— Ах, не твое дело? Впарила нам какие-то непонятные монетки за нормальные деньги, а теперь ничего знать не хочешь?

На живой, подвижной физиономии Лиссы возникло выражение крайнего презрения.

— А вы бы на моем месте хотели? Раньше надо было думать, у вас были все возможности. А теперь... Купили — пропало.

Она прочла эту фразу в романе и мечтала вставить в разговор. Вставила. Гарези медленно поднялся и надвинулся на них с Джимми как грозовая туча. Телохранители тоже подошли поближе, а Быховски встал за спиной. Джимми прижал к себе подругу и затаил дыхание. Авось пронесет.

— Не шути со мной, девочка, — обманчиво спокойным тоном вдруг заговорил жиртрест, — Не надо. Лучше скажи, как ты это делаешь.

— Что? — изумилась Лисса.

— Не прикидывайся. Я, умный и опытный бизнесмен, вдруг повелся на ваши дурацкие песни про дедушку и наследство, вывалил огромные деньги за дурацкие кругляшки, которые, пусть золотые и уникальные, но не стоят полумиллиона долларов. Значит, ты что-то с нами со всеми сделала.

Лисса бросила быстрый взгляд на Джимми. Она прикидывала, как можно обезвредить гостей, не поранив своего мужчину, но Гарези понял ее иначе.

— Не зыркай глазом на своего парня, он чист как стеклышко, мы все про него знаем. Проверили досконально. А вот ты — темная лошадка. Появилась неизвестно откуда... Золото у тебя странное. А это значит, если кто на нас повлиял, то только ты. Так вот, в последний раз спрашиваю по — хорошему: как ты это делаешь? Скажешь правду и все будет хорошо. Я оставлю тебе деньги, даже еще добавлю. А ты будешь на меня работать. Ходить со мной на встречи и обрабатывать клиентов, чтоб поговорчивее были. Хорошо? Договорились?

Он снова улыбнулся ласковой улыбкой людоеда и протянул Лиссе руку, чтобы скрепить договор пожатием.

Слушавший все это Джимми готов был встать и руками раскидать мерзавцев, угрожавших его девушке, но продолжал сидеть, прижимая ее к себе все теснее. В голове уже шла обработка сказанного. Сейчас он ничего сделать не может, но стоит только Гарези их отпустить и...

Что именно, он додумать не успел, потому что жирдяй вдруг застонал и повалился набок. Из рта у него текла пена. Джеймс понял, что Лисса врезала своим даром прямо по мозгам Гарези и в испуге разжал руки. Телохранители метнулись к боссу, но не добежали, попадали по дороге.

Под ментальную атаку не попал один Быховски. Он умудрился оттолкнуть Джимми, рывком поднял Лиссу с дивана, притиснул одной рукой, другой выхватил из кармана пистолет, но не успел его приставить к голове девушки. Захрипел и, взмахнув руками, рухнул на пол, как подкошенный.

— Что ты с ним сделала, Лиза? — с ужасом спросил ее Джеймс.

— С кем конкретно? Гарези жив, я велела ему всего лишь спать, понятия не имела, что он еще и эпилептик. Его охранники тоже спят. А вот тот... Быховски, кажется... Он умер. Я не смогла его усыпить, не было зрительного контакта. Пришлось выключить сердце.

Лисса говорила спокойно, но видно было, что ее трясет. Сейчас может начаться жуткая истерика со слезами, конвульсиями и воем. Надо срочно ее отвлечь. Эта мысль заслонила все остальные. Джимми полностью абстрагировался от того, что его девушка убила человека, а сосредоточился на задаче их общего срочного спасения.

— Если их тут найдут... У нас проблемы, милая, — произнес он фразу из фильма, — Нам надо срочно собрать вещи и покинуть это место.

Он ожидал взрыва эмоций, обвинения в бездушии, но ничего не произошло.

Лисса рада была переключиться на что-то, не связанное с мерзкой сценой, разыгравшейся тут нынче утром. Без возражений она отправилась в спальню собирать чемоданы. Лихорадочное выгребание вещей из шкафов и попытка утрамбовать их отвлекали и успокаивали. Заодно Лисса обдумывала главный вопрос: куда дальше. К Сарториусу? Нет, рановато. Чтобы все хорошенько обдумать без помех, лучше всего отправиться на базу. Правда, там папаша засел, но его она как-нибудь сумеет к порядку призвать.

Джимми же сгреб свои одежды, книжки и ноут в три здоровые сумки, добавил коробку с продуктами из холодильника и в последний раз оглядел свой дом, еще раз подивившись правоте Бетти. Ничего решать не пришлось. Оно само решилось. Теперь его путь на долгие годы связан с дорогой его чудесной девочки.

* * *

Мир Эсгейрда встретил их редким явлением: дождем. Это был не ливень, а мелкая морось. Полупрозрачная завеса из мельчайших капелек воды казалось висела в воздухе. Тонувшие в ней силуэты высоких деревьев таяли, растворялись в жемчужном мареве. Красиво, но мокро. Одежда Джимми тут же впитала в себя влагу и начала противно липнуть к коже. Лисса показала ему знаками, что можно бросить поклажу и бежать в дом. Но кидать свои вещи в лужу показалось неразумным, поэтому Джимми упорно тащил сумки, не выпуская их из рук, и сложил только оказавшись в знакомой просторной кухне.

Там никого не было, вероятно, Эсгейрд спал наверху.

Лисса одним движением брови разожгла огонь в камине и высушила все их вещи. Затем плюхнулась на одну из кроватей, переоборудованную под диван, и позвала своего мужчину:

— Джимми, иди ко мне. Отдохнем.

Он уже собирался сказать, что не работал и не устал, но тут обратил внимание, что переход через портал не прошел бесследно. Переноска пары сумок и коробки оказалась на этом фоне слишком выматывающей работой, его шатало от слабости.

— Надо поесть, — заметила девушка, — мы потратили слишком много силы. Межмировые порталы — это тебе не баран чихнул.

Джимми уже готов был снова встать и начать искать в коробке хлеб, масло, сыр и ветчину, но Лисса пошевелила пальчиками и задумчиво завела глаза к потолку, как будто еда была там. Пару секунд ничего не происходило, затем из коробки выскользнули уже нарезанные бутерброды и подплыли прямо к ним.

— Что-то в этом роде, — удовлетворенно заключила девушка и схватила тот из них, что подобрался к ней ближе других, — Там у тебя где-то еще было пиво. Сойдет для начала. Хотя кофе я бы сейчас выпила с большим удовольствием.

Две банки с пивом зависли перед ними. Джимми вспомнил, что всего их было шесть. Надолго не хватит. Развеселившаяся Лисса тем временем отхлебнула глоток, откусила кусок и радостно сообщила:

— Актеллия сказала, что здесь я смогу создавать предметы из ничего, из чистой энергии. Вот сейчас подкрепимся и я попробую.

Только Джимми собрался ей посоветовать не раскидываться энергией почем зря, у него с собой найдется растворимый кофе, как наружная дверь распахнулась. На пороге появился тот единственный персонаж, который мог это сделать: Эсгейрд, Лиссин папа.

Вид у него был помятый и замурзанный. Видно, жизнь в гордом одиночестве не шла ему на пользу. Он увидел на столе остатки еды и сфокусировался на них, не обращая внимание ни на дочь, ни на потенциального зятя. Медленными, осторожными шагами, как кот к мышке, младший демиург стал подкрадываться к продуктам питания.

Обалдевшая от такого Лисса даже не сразу смогла правильно на него среагировать. Она смотрела на маневры Эсгейрда, вытаращив глаза. Наконец, когда он почти подобрался к ее бутерброду, схватила и запихала остатки еды в рот.

Обиженный до глубины души взгляд должен был разбудить ее совесть, но не разбудил. Зато Джеймс упал на спину и затрясся в пароксизме смеха.

Расстроенный Эсгейрд сел на стул спиной к дочери и пробурчал:

— Не вижу ничего смешного. Я голодал.

Лисса прожевала хлеб, запила его пивом и заметила как бы между прочим:

— Обязательно подкрадываться и воровать? А попросить было не судьба? У демиургов теперь такая мода?

Но устыдить младшего демиурга было невозможно. Он не отреагировал на критику. Продолжал сидеть неподвижно, и вся его спина выражала крайнее возмущение. Лисса вздохнула с грустью и соорудила ему еще один бутерброд, радуясь, что отец не видит, откуда она берет продукты. За их сохранность она бы не поручилась, придется на ночь забрать коробку с собой в спальню.

Стоило ей положить бутерброд у локтя Эсгейрда, как он исчез. Не бутерброд, демиург. Хотя и бутер тоже испарился.

Отсмеявшийся было Джимми снова свалился от хохота. Он стонал и хрюкал, как сумасшедший, не в силах остановиться. Лисса сначала захотела было обидеться: смеется-то он над ее отцом и над ней немножко. Но пораскинула умом и решила присоединиться к другу. Его смех оказался заразительным: вскоре они уже просто тряслись, не издавая звуков, а из глаз у обоих текли слезы. Со стороны могло показаться, что ребята горюют, но никогда не были они дальше от горя, чем теперь.

Наконец они выдохлись. Лисса последний раз пискнула, Джимми откашлялся, утирая слезы, затем произнес:

— Да, занятный у тебя папаша. Я верю, что бедняга голодал, но ведет он себя по

меньшей мере странно. Может, стоит приготовить что-то посерьезнее бутербродов и покормить его?

Лисса махнула рукой.

— Успеется. Давай проверим запасы. Мы тогда с Бет тут такую прорву продуктов оставили... Неужели он все сожрал?

— А если так? У нас с собой еды немного. Я взял то, что было в холодильнике. Нам этого хватит дня на два. А потом?

— Потом и будем думать. Пока пошли, посмотрим, как там наша спальня. Хотела я попробовать создать кофе, но папаша все настроение сбил!

Джимми достал из коробки банку с растворимым кофе, которую сунул в последнюю минуту, и показал подруге. Она бросилась ему на шею.

* * *

В покоях ректора Академии царила неразбериха. Авенара решила въехать на территорию своего любовника и сейчас переставляла мебель. Так как делала она это при помощи магии, помощь ей не требовалась, но ни один предмет не остался на своем месте.

Герулен Эстальский в это время отсиживался в рабочем кабинете, изображая, что изучает отчеты и учебные планы деканов. На самом деле он размышлял о своей жизни.

С одной стороны Авенара прекрасна. О такой женщине можно было только мечтать. Дочь была права: после дракона все остальные кажутся пресными и унылыми. После стольких лет, когда вкус в жизни в нем поддерживала только работа, к Герулену снова вернулась страсть! И какая! В тысячу раз ярче и прекрасней, чем в молодости.

С другой... Неумная драконица перевернула его существование вверх дном. Наводит свои порядки, разбрасывает его вещи, везде сует свой любопытный нос, во все вмешивается, а главное, согнала его с любимого кресла.

Кресло, положим, он сумел отвоевать. Объяснил, что в другом не может работать эффективно и пообещал заказать Авенаре такое же. Но все остальное! Она даже кровать в спальне переставила головой к другой стене и теперь ему утром свет в глаза попадает! А нахальная драконица, видите ли, любит просыпаться с первым лучом солнца!

Да и вообще, покои ректора не предназначены для семейных пар! Там гардеробная маленькая! Авенара всю ее заняла своими туалетами, теперь Герулену негде повесить мантию, не говоря уже о камзолах.

Он подумывал о том, чтобы выделить красавице личные покои. Исключительно для улучшения отношений и предупреждения конфликтов.

Отдать ей целый этаж в Восточной башне, пусть развлекается перестановкой мебели и ремонтом, а его убежище оставит в покое. Спать он, конечно, будет с ней, но в течение дня ему иногда надо отдохнуть, принять ванну, спокойно подумать... А как это сделаешь, если рядом все время неугомонная драконица?

Отселить однозначно.

А вдруг она обидится и скажет, что он просто старый зануда? Не зря же драконы рано или поздно бросают своих возлюбленных — эльфов именно по этой причине? Нудные они, видите ли. Потерять Авенару ему вовсе не хотелось.

И что теперь делать?

Размышления ректора прервал ввалившийся в кабинет Савард. Где-то подмышкой у него телепалась Беттина. Она улыбнулась Герулену с извиняющимся выражением на хорошеньком личике. Еще не привыкла к наглости своего супруга.

— Привет, Гер! Какие есть срочные дела? — громогласно спросил профессор и плюхнулся в кресло для посетителей, пристроив жену на коленях.

— Особо никаких. Так, текучка. Послезавтра начинаем учебный год, вот и все. Беженцы трудятся, обустривают лагерь. Да, сегодня вечером прибудет делегация из Лисилии во главе с Маем Акмаром. Планируются переговоры с императрицей. Найди где их поселить.

Савард привычным жестом почесал в затылке, затем радостно щелкнул пальцами: вот оно.

— В Башне Призраков есть отличные помещения. Прямо сейчас отправлю туда ведьм, пусть порядок наведут.

В башне жили академические привидения, которых историки использовали как свидетелей. Переманивали отовсюду, уговаривали, перевозили вместе с артефактами, к которым те были привязаны... Так что это решение грозило стать еще одной проблемой. Герулен спросил осторожно:

— А призраки?

На это Савард рукой махнул.

— Перебьются. Пару декад потерпят. Больно жирно каким-то тухлым привидениям отдавать целую отличную башню. Историки, конечно, хай поднимут, но мы их и слушать не будем. А когда решим наконец выслушать, делегация уже уедет.

Бетти спрыгнула с колен мужа и обратилась к ректору:

— Уважаемый Герулен, доверьте это дело мне. Сейчас пройду соберу ведьм и организую уборку. Должна же от меня быть польза. Заодно попробую уговорить призраков потерпеть гостей и вести себя прилично.

Ректор окинул взглядом невысокую фигурку. Такая уговорит кого угодно, не то что привидений. Похожа на бабушку, но совсем другая. Та как гейзер: взрывная, непоседливая, а эта как раскаленная магма в толще земли. Спокойная, выдержанная, организованная, любо — дорого смотреть. А сила та же, драконья.

Эх, Саварду повезло. Его жена не станет устраивать из жизни бедлам, наоборот, организует и направит слишком активного профессора.

Герулен дал добро на приведение в порядок башни Призраков и Бетти исчезла за дверью. Мужчины проводили ее взглядом.

Савард заметил:

— Что, завидно стало?

— С чего ты взял? — буркнул эльф.

— А то я не знаю. Моя теща — не сахарный сироп. Крутая дамочка. Я еще в прошлый раз заметил, как она вас с кресла согнала. Руководит?

Герулен не мог не согласиться.

— Пытается.

Тут Савард сказал такое, от чего эльф выпучил глаза.

— Направьте ее на строительные работы.

— Что?

— Начальником. Пусть народ гоняет. Им полезно, а ей развлечение. А то она у нас тут все с ног на голову поставит просто потому, что ей скучно.

— Откуда ты это взял?

— Знаю, сам такой. Надо дурную силу направлять на полезные дела. Что она еще делает? Облеты? Пусть на их основании план обороны составляет. Она же умная. А если что не так, мы поправим.

Слушавший его со все возрастающим удивлением Гер вдруг пришел в себя и задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— Можешь мне сказать, почему ректором был этот недотепа Марульф, а не ты? От него я ничего похожего не слышал. По — моему, он даже не знает, что такое тактика и стратегия, а уж ставить людей на места, где от них будет максимальная польза, он вообще не умеет. А у тебя талант руководителя.

Савард рассмеялся и махнул рукой.

— У меня талант разрушителя. Это я на словах все так хорошо разруливаю. А как за дело возьмусь, со всеми поругаюсь, всех выгоню и сам все делать буду, но надорвусь. Плавали, знаем.

— Лингеи мог бы с тобой советоваться.

— А, советовался один такой. Он мои советы в жизнь претворить не в состоянии, слишком мягкий и боязливый.

Следующая реплика эльфа прозвучала жестко и зло:

— Тогда я не понимаю, как Академия столько времени существовала и не развалилась.

Савард обиделся за друга. Тот был вовсе не плохим руководителем для Академии. Долгие годы она процветала. Если бы не Матильда, Марульф до сих пор сидел бы в ректорском кресле.

— А так и существовала. Это сейчас у нас война, а в мирное время Мар — самое то. Здесь же обычно беженцев нет, одни преподаватели и студенты. Идет учебный процесс, каждый свое дело знает. У нас в Академии отличные профессионалы подобрались, ну, кроме некоторых. Ректор играет роль буфера: все конфликты сглаживает и всех со всеми примиряет.

— Это не мой стиль.

— Знаю. Вы всех строите. Не самый плохой вариант. Может, студенты не будут так разгильдяйничать, а то Мар их совсем распустил.

— По твоей жене этого не скажешь.

На лице Вера, как обычно при мыслях о Беттине, разлилось блаженство.

— Бетти особенная, ей никакое руководство не нужно, чтобы действовать разумно, учиться прилежно и вообще быть самой лучшей.

Ректор хмыкнул.

— Кстати, Гросвен просил ее на кафедру. Хочет, чтобы она подготовила для новых студентов практикум по артефакторике.

— Так за чем дело стало? Бетти не откажет своему старому учителю.

Тут он случайно глянул в окно, вытаращил глаза и сказал: «Ой»!

Герулен развернулся и тоже разинул рот. Вокруг Башни Призраков летали, казалось, грязные обрывки кисеи, наполняя воздух завываниями. На площадке под башней толпились студенты, тыкали в непонятные субстанции пальцами и спорили, что это за явление такое. Взрослые маги не обращали внимания, зато напуганные женщины — беженки спешили увести детей.

— Кажется, твоя Бетти разогнала наших призраков, — обреченно вздохнул Герулен.

Савард поднялся со своего места.

— Пойду выясню, что происходит.

Он спустился во двор, обогнул главное здание и, протолкавшись через толпу студентов, вошел в башню. Там стоял веселый шум: ведьмы не стали убираться сами, а подрядили домовых. Чтобы тем не было скучно, девушки им пели. Так как каждая пела свою любимую песню, а они у всех ведьм разные, гвалт стоял такой, что себя не услышишь.

Савард прошел по всем этажам в поисках Бетти, и наконец наткнулся на нее под самой крышей. Она щелчком пальцев превращала паутину и грязь в плотные брикеты и складывала их у стены.

Увидев мужа, радостно ему сообщила:

— Вот! Новый строительный материал — утеплитель. Для наружных стен не годится, но для внутренних работ просто отличный. Я им собираюсь утеплить чердак, а то здесь так холодно...

Он опустил перед женой на корточки и заглянул ей в глаза.

— Милая, а что вообще происходит? Почему привидения летают вокруг башни и воют?

Она потупилась.

— Ну, я договорилась с призраками. Они не мешают нам делать уборку и не будут тревожить делегацию Лисилии.

Савард хорошо знал обычаи привидений и был уверен, что те потребовали компенсацию. Не факт, что ему понравится цена. Спросил настойчиво:

— А за это?

— За это они выпросили разрешение две недели пугать наших студентов, — Бетти прижала кулачок к груди, — Беженцев я им трогать запретила и они поклялись!

— А студентов, значит, можно?

Бетти вскинула на него полные смеха глаза:

— Вер, ты действительно думаешь, что наших студентов можно напугать привидениями?

* * *

Лисса была недовольна. Ей уже все осточертело. Хотелось топнуть ногой и отправиться по мирам куда глаза глядят. Просто так, чтобы развеяться. Они с Джимми третий день безвылазно сидели на базе, приемлемого решения так и не нашли, а продукты в коробке заканчивались.

Если бы они находились здесь только вдвоем, все было бы иначе, но присутствие Лиссного отца могло испортить все на свете. Эсгейрд весь изнылся, пытаясь внушить жалость к своей особе, но вызывал только раздражение.

Терпеть его с каждым часом становилось все труднее. Он не желал оставить Лиссу и Джимми наедине, везде за ними таскался и ныл, ныл... Мир неудобный (можно подумать, не он его придумал), дом маленький, еды мало, никто его не любит, никто не уважает.

Даже сдержанный и воспитанный Джеймс пару раз высказывался в том духе, что занудство — смертный грех, а жалость к себе просто позорна. Младший демиург с ним соглашался: ему в голову не приходило отнести слова друга дочери на свой счет. Сам себе он казался идеальным и несправедливо обиженным.

А Лисса металась. Ей больше всего хотелось вернуться в Академию. Там Бетти, там все родное и знакомое. Но опасность вновь оказаться в цепких руках своей знаменитой бабушки заставляла держаться от ее миров подальше.

Устроиться в мире Сарториуса? Для нее это значило ходить под личиной: люди бы не простили ей то, что она не человек. Хотя Джимми там бы нашел свое место.

Перебраться на Кариану и поселиться в доме Савардов, как предложила ей Бетти? Тоска. В затхлом драконьем мирке им вообще нечего делать. Это Беттина спокойно сидит в лавке и клепает свои амулеты. Лисса там от тоски с ума сойдет да и Джимми вряд ли найдет себе занятие.

Вернуться в мир Джеймса? Туда, где они были, возвращаться нельзя, там их уже разыскивают. Или нет? Но есть же другие места.

Все эти возможности Лисса обсуждала со своим возлюбленным и все они казались ей неприемлемыми. Джимми же рисовал какие-то диаграммы, строил графики и время от времени задавал Лиссе странные на первый взгляд вопросы:

— Известно ли в мире Ардаи понятие поля?

— Как драконы строят свои порталы и чем они отличаются от порталов, которые строят маги, такие как Савард?

— Чем демоны отличаются от драконов?

Причем по каждому вопросу ему требовался развернутый ответ по пунктам. Лисса предпочла бы провести время в его объятьях, но постоянное присутствие Эсгейрда не давало на это надежды. Приходилось напрягать память, шевелить мозгами и отвечать.

Например, различия между расами она лично воспринимала интуитивно, так что выразить их словами и расписать подробно было непростым заданием. А еще она никак не могла понять, зачем это Джимми. Чего он хочет добиться?

Кстати, Эсгейрду Джеймс тоже задавал вопросы, только тот, увлеченный своими жалобами, далеко не всегда на них отвечал.

Наконец Лисса первая не выдержала этого бессмысленного существования. Запасы еды подошли к концу, а из ее попыток создать нечто из чистой энергии пока ничего путного не выходило. Вместо кофе получился химически чистый кофеин, вместо крупы — крахмал и так далее. Как выяснилось, чтобы что-то создать, надо это очень хорошо себе представлять, а для непоседливой Лиссы это было чем-то запредельным. Она могла себя утешать только тем, что пока еще очень юный и неопытный демиург.

Но еда все равно была нужна. Даже если они с Эсгейрдом способны были поддерживать в себе силы, наполняясь чистой энергией, все равно желудок просил нормальной пищи. А Джимми и вовсе не был приспособлен к другому виду питания. Оставалось решить, куда сходить за продуктами.

Если бы Лисса умела готовить не хуже своей любимой подружки, имело бы смысл смотаться на Кариану или в мир добряка Сарториуса. Но только на Земле она могла купить уже готовых блюд или таких, которые нужно только разогреть. Может, это не так вкусно, зато не хлопотно. Да и насчет вкусоности Лисса сомневалась: она же не Бетти.

Поделилась своими соображениями с Джимми, он подумал и согласился с ее доводами. Торопиться и принимать решение о том, где обосноваться на постоянное жительство, он пока не был готов, а если будет еда, то ему и здесь неплохо. Еще бы Эсгейрд куда-нибудь убрался, вообще замечательно бы было.

Не зная, как обстоят дела там, где он не так давно жил и работал, Джеймс Хеддлтон

предложил переместиться куда-нибудь в другое, но не слишком отдаленное место. Банковская карточка и там будет работать, так что без припасов они не останутся.

Изучив магическую карту Лиссы, он предложил университетский город в Соединенных Штатах недалеко от границы с Канадой. Он там неоднократно бывал и хорошо представлял себе, где можно появиться так, чтобы тебя не заметили. Заодно там можно будет выйти в интернет и просмотреть архив местных новостей того университетского городка, где они жили. Какие слухи ходят в связи с его исчезновением и смертью Быховски?

Лисса восприняла это как новое приключение и чуть не прыгала от радости. Ей так надоел родной папаша и его унылый мир, что даже гангстеры Земли казались ей чуть ли не милягами.

Эсгейрд поначалу пытался их отговорить, а затем, когда понял, что они собрались за покупками, потребовал взять его с собой. Тут Лисса разозлилась по — настоящему:

— Слушай, ты, зануда жизни! Сто раз сам мог смотаться в любой доступный тебе мир и забрать оттуда все, что пожелаешь. Нет, надо сидеть, зудеть и портить всем настроение. Хочешь в тот мир — иди. Мы тогда с Джимми отправимся в другое место. Но если опять окажешься голодный — не жалуйся!

Родную дочь Эсгейрд побаивался, поэтому согласился их отпустить одних, сопровождая это очередными жалобами. Чтобы его немного унять, Лисса предложила составить список покупок. Чего бы Эсгейрду хотелось больше всего и перво — наперво?

Списочек, представленный младшим демиургом, получился длинным. Когда же Лисса с Джимми добавили свои пункты, то и вовсе гигантским. В багажник джипа такая куча всего поместилась бы с трудом, а им предстояло переместить все это в другой мир.

Лисса даже засмеялась: с помощью джипа было бы легче это сделать, но где его взять? Дурацкая машина осталась в гараже дома, который они покинули. Конечно, они могли бы сначала заявиться в том, который снимал ее бесценный, там сесть в машину и порталом увести ее прямо к месту назначения. Но вдруг в квартире караулят полицейские? Вырубать еще и их Лисса была не готова.

Сошлись на том, что сначала перейдут в Штаты, там осмотрятся, разживутся информацией, а тогда уже будут решать.

По мнению Лиссы все вышло просто отлично. В молле небольшого городка они провернули серьезную работу. Для начала попробовали снять деньги с карточек и выяснили, что они не заблокированы. Это могло значить многое, но об одном говорило с уверенностью: Джимми пока ни в чем не обвиняют.

Они уселись в кафе, математик залез в свой планшет и стал просматривать знакомые сайты.

Про недавние события никаких упоминаний не было. Мелькнул только некролог Чарльза Быховски, но в нем указывалось, что он умер в своей постели от инфаркта. Гарези не спешил обнародовать свою не совсем легальную деятельность и жаловаться не стал. Да и на что?

О том, что в университете исчез преподаватель, нигде не сообщалось, даже на университетском сайте об этом не было ни слова.

Поэтому Лисса решила, что джип можно забрать. Незачем ему пылиться в гараже, когда он им так нужен. Джимми поначалу сомневался, но когда она сообщила, что пойдет в любом случае, даже одна, он понял, что у него снова нет выбора. Хорошо, что он так и не выкинул ключи от дома.

Знакомый задний двор был пуст и тих, никакой засады не было и в доме. Они прошли через комнаты и кухню, где Джеймс сгреб в пакеты то, что не стал брать в прошлый раз, затем спустились в гараж. Черный джип стоял на месте.

Лисса подумала немного, затем предложила Джимми сесть за руль и завести машину. Он не понял. Зачем? Он не хотел бы открывать ворота и выезжать на улицу. Соседи могут увидеть. Может, стоит подождать до ночи? Лисса топнула ножкой.

— Слушай, не спорь, сделай как я сказала. Посмотришь, что будет.

Джеймс пожал плечами, но выполнил указание. Мотор заурчал. Лисса покрутилась у переднего бампера, затем залезла на сиденье рядом с водительским и радостно скомандовала:

— Ну, вперед!

Хеддлтон пожал плечами: по его понятиям впереди была бетонная стена. Но вдруг глаза его округлились. Вместо стены он увидел нечто вроде тумана, густого, подвижного и переливающегося всеми цветами радуги.

— Ну же! — крикнула Лисса и Джимми нажал на газ, молясь всем богам всех миров.

Боги не подкачали. Мгновение — и тяжелый черный джип катит по асфальту парковки торгового центра, который они оставили менее получаса назад.

— Потрясающе. Я никогда не видел портал на местности. Это просто фантастика!

— Ой, — рассмеялась Лисса, — ты уже несколько раз ходил межмировым порталом, а такая ерунда тебя в восторг приводит.

— Понимаешь, — начал оправдываться мужчина, — Между мирами ты меня водишь и я не вижу как, а тут въехал на собственной машине!

— Теперь тебе на ней предстоит въехать в другой мир, — утешила девушка.

Часа два они бродили по торговому центру, скупая все, что было в списке. Лисса поняла, что Джимми не преувеличивал. Она накупила столько всего, что они три раза возвращались с тележками к машине, но деньки на карточке ощутимо не уменьшились. Лисса набрала массу готовых блюд: салаты, сэндвичи, пиццы, бифштексы и жареных кур: все, что можно было упаковать. Дома она все в стазис запишет и станет этим кормить мужчин.

Заодно присмотрела себе кое — какие одежды и удобные башмаки под названием кроссовки. Никому в других мирах здешняя мода не нравилась, ну и пусть. Главное, она нравится самой Лиссе.

Наконец, когда джип был под крышу завален покупками, они тронулись в путь.

Математик очень волновался. Куда ехать, чтобы приехать в другой мир? Лисса его успокаивала:

— Джимми, не бери в голову. Просто поезжай вперед, только медленно.

Он кротко повел тяжелую машину со стоянки, и в момент, когда передние колеса переехали «лежачего полицейского», он почувствовал, что они едут уже не по асфальту. В следующую минуту оказалось, что джип въехал на площадку перед домом, построенном в мире Эсгейрда.

Права была Лисса, предлагая ехать потихоньку. Они оказались на практически единственном твердом участке на всей планете. Здесь было не бездорожье, здесь просто не было дорог.

Лисса выскочила из машины и побежала в дом, чтобы сообщить отцу о своем приезде. Пусть возьмет себе мороженое, зануда. Математик остался выгружать покупки из машины.

Но через минуту девушка выбежала обратно:

— Джимми, знаешь, Эсгейрд исчез.

Только мужчина собрался сказать: «И слава богу!», как Лисса озабоченно продолжила:

— Куда он мог отправиться? Сомневаюсь, что гулять. Что-то не нравится мне это. Как бы не было беды.

* * *

Маелиус Акмар прибыл в Академию на закате. Обставлено это было красиво: из сияющего тумана телепорта один за другим вышло шесть магов в парадном облачении. Они встали в круг и дружно взмахнули посохами, после чего появился седьмой, Акмар собственной персоной.

Число членов Совета, достаточное для принятия квалифицированного решения, налицо.

Савард восхитился: по торжественному случаю старина Май сумел отбросить вид милого старикашки и сейчас во дворе Академии стоял немолодой, но полный сил воин, опытный и опасный. Здорово, конечно, но кому он это демонстрирует? Студентам? Матильды здесь все равно нет. Весь эффект впустую.

Хотя... Вон как на них смотрят беженцы. В глазах у каждого восторг и надежда. Они верят в то, что Совет сможет их защитить и вернуть им утраченное. Последние пару дней с ними стало очень тяжело: появились упадочнические настроения. Мол, никто нам не поможет, здесь сидеть — ничего не высидишь, лучше выйти и отдаться на милость Матильды. Вер с трудом их подбадривал. Приходилось даже пугать, что они опоздали с выходом: Матильда собралась казнить всех без разбору.

Сейчас Саварду должно стать легче поддерживать в них бодрый дух и заставлять работать, а не сидеть, проливая слезы. В этом смысле торжественное появление делегации из Лисилии имеет смысл.

Герулен приветствовал прибывших от имени Академии и пригласил их к себе в кабинет. Туда подадут закуску, чтобы маги могли подкрепиться, отдохнуть с дороги и заодно ознакомиться с положением вещей.

Скрывшись от взоров толпы, Маелиус тут же растерял весь свой величественный вид. Первым делом он нашел среди встречающих Саварда и вцепился в него.

— Вер, Вер, ну наконец-то! Правду говорят, что ты женился?

— Правду.

— Мечтаю воочию увидеть женщину, которая сумела тебя захомутать.

— Ты уверен, что она меня, а не я ее?

Акмар рассмеялся.

— Дорогой, это так тонко... Ты ее, она тебя... Кто вас разберет. Но я всегда был уверен, что твое женоненавистничество ровно до того момента, пока тебе не встретишься подходящая девушка. Ты ведь женился на этой... как ее... у меня в бумагах было... О! Твоей ученице Лиссе Авенар!

Савард, довольный, расхохотался.

— Пальцем в небо, Май! На Лиссе я бы в жизни не женился. Противная, вредная девчонка, хотя маг замечательный. На сегодня моя лучшая ученица.

— Да? — удивился Акмар, — А на ком тогда?

— Увидишь! Еще завидовать будешь, пенек трухлявый!

Разговаривая, они приближались к святой святых Академии — кабинету ректора, и с последними словами туда вошли. А там...

Письменный стол был сдвинут к стене, а центр комнаты занимал круг из кресел, целых двенадцать штук. У каждого красовался столик на тонкой ножке, вероятно, чтобы было куда поставить тарелку и бокал. Разнообразные закуски высились пирамидой на странной конструкции, которую столом можно было назвать с большой натяжкой.

Все кресла были одинаковые. Тонкий намек: в грядущей дискуссии у всех равные права, главных нет и не будет. Именно так решались дела в совете магов и только для внешнего мира Маелиус Акмар имел особые права. На самом деле он лишь озвучивал то, что маги приняли коллегиально.

Сегодня в их круг оказались допущены те, чью судьбу они должны были решить. Герулена, Саварда и Марульфа Лингеи все отлично знали, их появление в кругу магов Совета ни у кого не вызвало ни вопросов. Ни возражений. Но когда на одиннадцатое кресло села великолепная красавица, в которой легко было опознать дракона, лисилианцы напряглись. Эту даму никто из них не знал. Двенадцатое кресло пока стояло свободным.

Герулен первым взял слово:

— Ну что ж, дорогие друзья, я рад приветствовать лучших магов Лисилии в стенах нашей Академии. Моих подчиненных Эверарда Саварда и Марульфа Лингеи вы отлично знаете, они когда-то тоже входили в Совет, так что представлять их не буду. Но вот сидит госпожа Авенара... Она золотой дракон и заодно руководит обороной Академии: укрепления, разведка, отражение нападений — это все она.

Он нежно поцеловал тонкие пальчики красавицы и продолжил:

— Дорогая, хочу представить тебе членов Совета Магов. Его глава Маелиус Акмар!

Он указал на Мая широким жестом и тому ничего не оставалось делать как встать и поклониться. Следом за ним то же самое проделали остальные шесть магов Совета. Прекрасная Авенара улыбалась им и доброжелательно кивала, не вставая, однако, с кресла.

Маелиус порадовался, что в этот раз, ссылаясь на войну, не взял с собой ни одной дамы, а то сейчас тут была бы бойня безо всякой Матильды.

Но каков Гер! Про Саварда наябедничал, а что сам попался, промолчал! Видно невооруженным глазом: он по этой драконице с ума сходит. Трудно поверить, но факт. Эта холодная, бездушная юридическая машина втрескалась по самые острые эльфийские уши! Да что Гер! Он бы и сам в такую влюбился, только опоздал уже. Вон как она на эльфа смотрит! Моё, не тронь! Любовь по — драконьи.

Тут вдруг стукнула дверь и в кабинет вошла еще одна дама. У магов глаза на лоб полезли. Золотого дракона, особенно драконицу очень трудно отыскать, а Герулен где-то сразу двух надыбал. Потому что юная красавица тоже оказалась золотым драконом. Не чистокровным, там явно и эльфы и кто-то еще погуляли, но с четко выраженной истинной ипостасью.

Она улыбнулась и произнесла мелодичным голосом:

— Комнаты для господ магов готовы. Когда вы закончите совещание, вас ждут в Башне Призраков.

Она уже хотела уйти, но Савард, вскочив, поймал ее за руку.

— Позвольте и мне представить вам мою жену Беттину, мага — артефактора и золотого дракона.

— И мою любимую внучку, — добавила Авенара.

* * *

Маелиус Акмар переводил взгляд с Бетти на Саварда и обратно, по ходу дела поглядывая на старшую драконицу. Молодая жена Эверарда не обладала яркой красотой своей бабушки и не бросалась в глаза, зато стоило хоть раз остановиться на ней взгляд и его уже не хотелось отрывать от прелестного личика. Как-то сразу становилось ясно, что девушка исполнена ума и доброты, а это самый редкий сплав во вселенной.

Повезло Саварду! Это надо столько лет бегать от женщин, чтобы под конец урвать себе самый сладкий кусочек.

Бетти тем временем решила, что выполнила свою миссию и собралась уходить. Герулен ее остановил:

— Не торопитесь, дорогая. Сейчас я буду излагать уважаемым членам совета общую ситуацию и ваше свидетельство может оказаться не лишним! Садитесь лучше и послушайте, вам тоже будет интересно.

И пояснил остальным:

— Беттину с самого начала коснулись неприятности, связанные с Матильдой, поэтому она для нас — ценный свидетель. Бетти сейчас отвечает за быт внутри Академии и имеет право все знать.

Молодая драконица села на кресло рядом со своим мужем и Савард тут же взял ее за руку. То ли хотел успокоить, то ли еще раз показать всем, чья она женщина. Хорошо знавшие его члены Совета подавили завистливый вздох.

Герулен тем временем излагал всю историю с самого начала, то есть с подписанной императором Юстином Хартии, затем перешел к клятве, данной магами беременной императрице, а затем углубился в дела более современные, при разговоре о которых предполагалась дискуссия.

И тут выяснилось, что его никто не слушал. Вместо того, чтобы обсуждать насущные вопросы, члены Совета норовили осведомиться у того же Герулена: о чем это он им рассказывал так долго? Стало ясно, что два часа прошло впустую. Все нахально любовались красавицами, забыв, зачем они тут. Похоже, все это время только Беттина внимательно слушала Герулена. Древний эльф не на шутку рассердился.

— Вы вообще зачем явились? Дело делать или развлекаться? Какого демона я тут два часа перед вами распинаюсь?

Затем он повернулся к Авенаре и сказал извиняющимся тоном:

— Бесценная, прошу тебя, пойдй займись своими делами и девочку уведи. Я сейчас буду разговаривать с этими господами понятным для них языком и мне бы не хотелось, чтобы вы это слушали.

Члены Совета съежились: они хорошо знали, каков Герулен в гневе. Он не орал, не топал ногами, а тихим, спокойным голосом бичевал каждого так, что тот жалел о своем рождении. Сейчас дамы уйдут и начнется избивание. И ведь не заткнешь старого хрыча: он прав, а они виноваты. Нечего было на чужих женщин глаза пялить, забыв о деле.

Авенара, к удивлению Саварда, не стала спорить, когда Бетти взяла ее за руку, спокойно встала и пошла на выход. Стоило двери за ними закрыться, как эльф зашипел:

— Вы еще помните, что прибыли на переговоры? Тогда почему никто не слушал самую важную часть моей речи? На какие факты вы собираетесь опираться при беседе с Матильдой? Или вы тут все корифеи магической юриспруденции и знаете документы наизусть?

Маелиус попытался уговорить Герулена:

— Ну, Гер, успокойся. Мы отвлеклись, конечно... давай мы тебя еще раз послушаем, все равно юридические тонкости с первого раза с трудом в голове укладываются.

Лучше бы он промолчал.

— Еще раз, говоришь? А куча моего времени псу под хвост? Май, если бы вы хоть вполуха слушали, что я говорил, давно бы разобрались и не переспрашивали по сто раз. Спорю на что угодно — Бетти, молоденькая девочка, все запомнила и усвоила, а вы, грозные именитые архимаги, клювом щелкали. Конечно, если вам все нужно по десять раз расталдыкивать, как тупым студентам, я могу... Но вы будете мне должны. Все поголовно.

Маелиус поёжился первый. Он хорошо знал, что значит быть должным Герулену. Стребует какую-нибудь услугу, которую иначе ты бы ему ни за что не оказал, да еще мозг попутно вынесет. Слушать надо было!

Но у Вера такая очаровательная жена... Глаз не отвести. А бабушка ее... таких красавиц еще поискать. Старшая драконица, кажется, равнодушна к самому эльфу, что совершенно непонятно и очень жаль. Вообще, пара эльф — дракон — сочетание редкое и с точки логики и здравого смысла необъяснимое. Уж больно темпераменты и жизненные ценности у этих рас отличаются. Хотя... Герулен очень нетипичный эльф, возможно, и Авенара нетипичный дракон?

От этих лирических размышлений его оторвал голос Герулена:

— Май, ты вообще-то помнишь о своей миссии? Если да, включайся в работу. Если нет, я тебе напомню.

— Извини, Гер, задумался. Я готов тебя выслушать и даже сделать так, как ты скажешь. Эльф холодно хмыкнул, но дальше заговорил более доброжелательным тоном.

— Итак, повторю еще раз некоторые пункты мое предыдущей речи. Действия Матильды нарушили законы империи...

После того, как все уяснили, что деятельность императрицы полностью нелегитимны и вообще по большому счету она императрицей не является, максимум регентшей, Герулен пришел в хорошее расположение духа и далее объяснил, что и ребенок у стервы явно не от Юстина.

Савард, который все это уже слышал, сидел и скучал. Ему бы к Бетти... Да и прочих дел в Академии полно. Марульф же краснел, бледнел, вздыхал, ерзал и выглядел совершенно несчастным. Как же, он выполнял незаконные требования! Он подчинялся неизвестно кому! Он обижал магов и собственных студентов. Чтобы потрафить этой гниде! Позор на его бедную голову!

Когда же Герулен полностью развернул картину происходящего в империи перед членами Совета, то один из них, старый боевой маг, набылчился и выдал:

— Гер, ты решил втянуть Лисилию в свою войну? Мы не пойдем на тотальную конфронтацию, Лисилии не встать против империи.

Герулен посмотрел на старого вояку с нескрываемым презрением.

— Я думал о тебе лучше, Вингард. Как о твоей храбрости, так и об уме.

У того глаза полыхнули огнем и он уже собрался вскочить и накостылять наглomu эльфу

по загривку, но соседи вцепились в него с двух сторон и удержали, а Герулен без помех закончил свою реплику.

— Академия без вашей военной помощи противостоит армии Матильды не первый день и пока вполне успешно, так что разговор о том. Выстоит ли Лисилия, лишен смысла. На нее никто не собирается нападать. А если бы ты включил для разнообразия мозги, то сообразил бы: никто не говорит о войне. Речь идет исключительно о смене власти с незаконной на законную.

Акмар, желая перевести стрелки и закончить конфликт, спросил:

— Гер, кого ты предлагаешь вместо Матильды?

Эльф пожал плечами.

— Выбор невелик. У Юстина остались в живых два брата: Валер и Винсент. С ними надо поговорить, прощупать почву и выбрать того, что поумнее. Если бы я мог спокойно выходить из Академии, я бы сам с ними переговорил.

Вылез один из членов Совета. С которым у Герулена с дваних пор были не самые теплые отношения. Наверное потому, что Алесса когда-то послала этого архимага по одному знаменитому во всех мирах адресу.

— Ты же легко ходишь к нам в Совет и куда-то там к своей Алессе, неужели не мог до сих пор встретиться с претендентами?

Герулен посмотрел на говорившего как на идиота.

— На территории империи мне лучше не появляться, а оба принца как раз там и находятся. К тому же предварительно надо было хотя бы выяснить, где они сейчас, а у меня большая часть каналов информации перекрыта. Академия — не государство, разведки у нее нет. А у вас есть, я знаю.

— То есть, ты хочешь, чтобы мы для тебя нашли этих парней...

— Для меня?! — взорвался эльф, — Для меня? Вы там у себя в Лисилии совсем охамели. Думаете, ваше государство — это городок, набитый тупыми чиновниками, и все?! А тогда какого хрена все маги всех стран платят вам налоги? Чтоб вы не знали куда золото девать? Или они уже не граждане Лисилии?! Вы поклялись их защищать, ну вот и защищайте!

Возразить Герулену никто не решился. Проклятый эльф был на сто процентов прав. Копошющиеся вокруг своих временных домов маги были честными лисилийскими налогоплательщиками. Если они по приказу Матильды вдруг лишатся дохода, Лисилия тоже не досчитается денег в казне.

Акмар сообразил это первым. Встал и заявил:

— Мы поможем всем, чем сможем. Сообщите, что от нас требуется.

Герулен хищно улыбнулся.

— О, другое дело. Мне надо разыскать наших претендентов на престол и организовать с ними встречи. Две, я хочу говорить с каждым по — отдельности. Если удастся, лучше всего будет сделать это на территории Лисилии. Если нет — где-нибудь подальше от империи, хоть в других мирах. Боюсь, появление Винсента или Валера на территории Академии станет для Матильды сигналом к очередному витку активных военных действий, а это нам сейчас лишнее.

Поняв, что это разведка вполне способна выполнить без вступления Лисилии в войну, Май приободрился настолько, что заговорил твердо и уверенно. В том, что касается Академии, он полностью доверял Герулену, несмотря на то, что с трудом переносил этого

зануду и зазнайку. Зато ума у старого эльфа было столько, что весь совет в полном составе не смог бы составить ему конкуренцию.

— Договорились. Претендентов на трон мы разыщем и доставим туда, где с ними можно будет безопасно побеседовать. Но у нас впереди переговоры с Матильдой, мы ради этого и прибыли. Так какую же позицию мы должны защищать на переговорах? И как, кстати, они будут проходить?

Тут заговорил Савард. Он уже проработал эту тему и мог выдать свои рекомендации.

— Матильда желает, чтобы они происходили во дворце. Не соглашайтесь. Только на нейтральной территории. В шатре на пустыре. Там, где в любой момент можно поднять защитный купол и открыть портал. Дворец слишком хорошо защищен даже для толпы архимагов, вы можете оттуда не выбраться. Мы же не хотим, чтобы у нее появились такие ценные заложники? А то сучка начнет диктовать всему миру свои условия.

— С этим понятно. Далее.

Тут вступил Герулен. Он никогда не позволил бы другому озвучить самое главное.

— Далее пусть вернет Академии самоуправление, а магам свободу. Все ее эдикты должны быть немедленно отменены. Они незаконные.

Кто-то крикнул:

— И это все?

Эльф развел руками.

— Что же еще? Вряд ли вы сможете потребовать, чтобы она отреклась, посыпала голову пеплом и по своей воле удалилась в дальнее поместье. Хотя именно это и является нашей целью. Нам не нужна нелегитимная императрица в разрушающемся государстве. Но метод будет совершенно другой, как вы уже поняли. А пока тяните время и намекайте, что вам известно нечто, из-за чего вас лучше не трогать, чтобы информация не вырвалась на волю.

Акмар переспросил:

— Нечто, могущее стоять Матильде трона?

— Нечто, могущее стоять жизни ей и ее ребенку, так правильно.

Кто-то спросил, как будто до сих пор не слушал и ничего не понял:

— И что же это может быть?

И как только таких дураков в Совет выбирают?!

— Известие о том, что мальчик — не сын Юстина. Если с вами во время переговоров что-то случится, вся страна об этом заговорит и придется проводить проверку законности наследника прямо сейчас. Матильдиному отпрыску это грозит неминуемой смертью, а ей — мучительной казнью.

Маелиус Акмар решил проявить свое природное ехидство:

И как на это намекать прикажете? Вслух при всех такое не произнесешь, а наедине с ней нас не оставят.

Эльф одарил его улыбкой, от которой кровь стыла в жилах.

— Не волнуйся, Май. Я заготовил бумагу как раз для такого случая. Вручишь стерве и предложишь прочитать, только предупредишь, что это копия, а составитель жив и здоров.

— Когда начнутся переговоры?

Герулен устало вздохнул. Эти тупицы наконец-то начали что-то понимать.

— Когда мы достигнем согласия относительно места и времени проведения. Пока что есть только предварительная договоренность. Да вы не волнуйтесь, письмо королеве относительно шатра на пустыре я уже отправил, жду ответа с минуты на минуту.

Авенара сама себе удивлялась. Кротко шла за внучкой, не пытаясь отстоять свои права. Это она, золотой дракон, безропотно подчинилась диктату своего мужчины! А Бетти! Как она так может! Они же даже не узнали, к какому решению пришли маги!

Но заговорила она только тогда, когда Беттина вывела ее из главного здания на двор.

— Бетти, объясни, почему ты послушалась, как глупая курица?

— Потому что при нас они бы еще полгода препирались и не могли ничего решить. А теперь, без нашего участия, когда их ничто не будет отвлекать, они соберутся и работа пойдет.

— Но мы же не знаем теперь, что именно они решили!

Беттина удивленно захлопала ресницами:

— Как не знаем? Господин Герулен все объяснил, просто по полочкам разложил, только господа маги прослушали. Ничего, он им сейчас все повторит и заставит заучить наизусть.

— Почему ты так считаешь?

Девушка пожала плечами:

— Потому что так будет. У господина Герулена есть готовое решение и он заставит Совет его принять. Так считает Вер и я с ним абсолютно согласна.

Авенара вдруг успокоилась и небрежно махнула рукой.

— Ну и ладно. Это даже хорошо, что мужчины заняты, никто не помешает нам поболтать. Я хотела тебя спросить... ты уже несколько дней замужем. Ну и как оно тебе?

Беттина оторопела:

— Что вы имеете в виду, бабушка?

— Не называй меня так! Зови по имени и на ты! Для дракона я довольно молода и то, что у меня есть внучка, не отменяет этого биологического факта.

— То есть...

— Да, я буду рада если мы сможем подружиться. Так что насчет твоего Вера? Ты его любишь?!

Бетти не ответила. Веселая улыбка на ее лице сменилась суровой задумчивостью.

— Я не поняла, — сказала Авенара, — То ты его слушаешься как самая образцовая жена из песчаников, что у драконицы свидетельствует о безумной любви, а когда я спрашиваю, любишь ли ты своего мужа, не можешь ответить.

Бетти склонила голову набок и наморщила нос:

— Не знаю. Не знаю, и все тут. Не представляю себе, каков правильный ответ на твой вопрос.

— Зачем правильный? Скажи, как сердце чувствует!

— Вот я и пытаюсь это понять. Вер мне нравится. Он глубоко мне симпатичен как человек, я ценю и уважаю его ум, честность, силу духа. Мне приятно то, как он ко мне относится. Я бесконечно благодарна ему за все, что он для меня сделал. Обычно мужчины готовы бросить к ногам своих возлюбленных сокровища или даже свою жизнь, а Вер подарил мне меня. Это самое большое, что один человек способен сделать для другого. Да, чуть не забыла: мне с ним в постели очень хорошо. Не знаю, считается ли он великолепным любовником, но мне лучшего и не надо. А вот любовь ли это... Не знаю.

Авенара недовольно зафыркала:

— Как же так? Ты вышла за него, живешь с ним, слушаешься, как малыш свою мамочку, и не знаешь, любишь или нет? Бетти, так не бывает!

— Бабушка! — зарычала вдруг тихая и кроткая Бет, — Прекрати немедленно! Или я вспомню, что тоже дракон! Если у тебя чего-то не бывает, это не значит, что и у меня так же.

— Я же просила не называть меня бабушкой?

Драконница сделала вид, что обиделась. Обычно это работало, но Бетти, привыкшая во всем полагаться только на себя, не обратила на это ни малейшего внимания. Даже Лисса не могла ею манипулировать, куда уж там Авенаре, которая к тому же плохо ее знает.

— Хорошо, я не буду тебя так называть, если ты перестанешь лезть мне в душу. Если я захочу с тобой поделиться, то скажу тебе об этом. А сейчас давай лучше о насущном. Чем займемся: облетом Академии или подготовкой к обеду?

Недовольная неподатливостью внучки Авенара решила, что облететь Академию она может и одна. Пусть Бетти займется обедом, раз уж она такая хорошая кулинарка.

Девушка не стала спорить, на что драконница втайне надеялась, а кивнула и отправилась напрямиком на кухню. Предстояло проследить, чтобы все были сыты: и студенты, и преподаватели, и беженцы со своими детьми, и лисилианское посольство.

Она командовала домовыми и ведьмами, лично заправляла кореньями суп для посольства и следила, чтобы каша для детей не подгорела, и все это время размышляла над тем вопросом, который задала ей бабушка.

Любит ли она своего мужа?

Дурацкий, глупый, бессмысленный вопрос!

Беттина с детства знала, что не она выберет себе супруга. Это сделает бабушка по каким-то своим критериям, никак не связанным с ее чувствами. И она давным — давно отказала себе в праве эти чувства иметь. Когда подросла и стала учиться, то поняла: она мечтает не о семье, а о свободе. О возможности жить самостоятельно, зарабатывать и ни от кого не зависеть. Но всегда знала: дед выдаст ее за песчаного демона, а именно этого она не желает. Не хочет до такой степени, что готова умереть, лишь бы не попасть в новую тюрьму до конца жизни. Бетти уже приготовилась к смерти, в тайнике у нее хранились яд и кинжал, да и духу применить их хватило бы. Единственное, что ее останавливало, это Лисса. Не хотелось расстраивать подругу.

Она тогда решила, что примет яд по дороге домой из Академии. Пусть Эгелен получит ее холодный труп, живой она не дастся.

И тут Лисса предложила ей бежать в другой мир.

Это было как откровение. Впервые в жизни Беттина увила впереди себя не беспросветный мрак, а свет новой жизни. Держаться ей особо было не за что и она решилась без долгих раздумий.

Саварда она знала раньше, да и как могло быть иначе, если он все эти годы был учителем ее любимой подруги? Но тогда он был повернут к ней совсем другой стороной. Она явно ему не нравилась, он сердился, когда видел ее рядом с Лиссой, а в другое время просто не замечал. Слава о нем ходила такая, что ни одна девушка в Академии не рискнула бы с ним пококотничать. Женоненавистник и хам. За этой характеристикой Беттина не видела других его качеств. Если еще вспомнить, что при встрече в присутствии Лиссы он на нее обязательно рывкал...

Правда, другие мужчины тоже не вызывали у нее теплых чувств. Она их сама в себе

давила и довольно успешно. Понимала, что кроме одобренного отцом и дедушкой мужа никого у нее быть не может и сознательно отсекала для себя эту часть бытия.

Даже когда она сбежала, в этом отношении ничего не изменилось. Мужчины для Бетти не должны были существовать.

Встретившись с Савардом в новой жизни, которая настала после побега, она увидела его совсем с другой стороны. У него оказалась масса положительных качеств, он приносил пользу и, если честно, не раздражал Беттину как поклонники из бывших соучеников.

Наверное потому, что не лез со своей любовью, поцелуями и всяким таким. Он стал другом и учителем, тем, с кем можно все обсудить, тем, кто поможет в трудную минуту, но никак не возлюбленным, даже если трактовать это слово платонически. Бетти даже отгоняла от себя мысль, что он хорош собой.

И вдруг в одночасье все переменялось. Вер из друга стал мужем, тем, кто снял с нее проклятие песчаных демонов.

Произошло это настолько внезапно, что она даже не имела времени подумать о любви. Подумала только о том, что станет наконец полноценной женщиной и сможет получить доступ к собственному магическому резерву.

К этим несомненным благам прилагался еще и мужчина... Для положительного решения Беттине хватило того, что Веру она доверяла. Он не обидит ее и не будет использовать. Он честный и хороший. И, да, если он на это идет, то, скорее всего, любит ее. Иначе зачем?

Свадьба, обретение магии и драконьей ипостаси, прочие происшествия сбили ее с толку и не дали времени сосредоточиться и подумать, любит ли она своего мужа.

А вот сейчас она задумалась...

Наверное, если бы она выбрала его из нескольких кандидатов, ее не мучил бы этот вопрос. Но Вер был ей дан свыше как средство спасения, никто не спрашивал, какие чувства она к нему испытывает.

Авенара, Авенара... Молчала бы, не сбивала бы внучку с панталыку...

* * *

Исчезновение Эсгейрда вызвало у Джимми удивление, а у Лиссы злость. Куда этот придурочный папаша подевался?

Они натащили столько продуктов, что теперь тут можно очень долго жить, не заботясь о продовольствии. И зачем, спрашивается? Где этот обжора, который жаловался на голод?

В сердцах Лисса вышвыривала коробки из машины, а Джимми таскал их на кухню и устанавливал штабелями у стены. Ему тоже не понравилось исчезновение младшего демиурга. То ныл, что боится отсюда нос высунуть, а то девается неизвестно куда. Хорошо, если где-то тут болтается. А если вышел куда-то, где его загребла Лизина бабушка? Не Актеллия, а та, другая, которой тут все боятся.

Наконец машина была разгружена, все продукты разложены в выдуманном Лиссой порядке и на каждую упаковку по — отдельности наложен стазис. До этого она додумалась, когда разбирала покупки. Общее заклинание на все показалось девушке неудобным: каждый раз снимать и обратно накладывать как-то глупо. Тем более Джимми такие вещи просто недоступны. А вот взять за единицу одну упаковку все равно чего... Отличная идея!

После чего она объяснила своему возлюбленному, что теперь не надо заботиться о сохранности продуктов. Пока коробочка цела, внутри все находится в первозданном состоянии. Если хочет, может попробовать.

Джимми отказался, он еще на родной Земле наелся от пуза, да и вообще обжорой никогда не был. Зато Лисса тут же завладела мороженым, над которым предварительно потрудились. Прежде чем свалить эту кучу вкусняшек в огромную коробку, ей пришлось поместить в стазис каждый рожок или брикет.

Джимми с ужасом смотрел, как его Лиза поглощает холодное лакомство. Потом сообразил: у демиурга обмен веществ должен быть не как у человека, ей даже большее количество мороженого повредить не в силах.

Тем же можно было объяснить удивительную Лизину прожорливость. Она ела сколько хотела, не ограничивая себя ни в чем, но оставалась тоненькой как тростиночка. Другой бы Джимми давно уже намекнул бы, что приличная девушка столько не жрет, иначе ее разнесет за пару лет как свиноматку.

Но с юным демиургом все иначе. Ей нужны калории, чтобы творить магию. А если подсчитать, как демиурги расходуют энергию, полученную из пищи?...

Он достал блокнот и углубился в вычисления.

Лисса же бродила по дому, изучала, где, что и как, тихонько ругалась, что Эсгейрд загадил их прелестный домик до неузнаваемости и потихоньку наводила порядок. К счастью, теперь ей на это хватало магии.

Джеймс и не заметил, как сгустились сумерки и наступила ночь. Если бы не Лисса, которая потянула его за рукав и заявила, что пора спать, он так и сидел бы со своим блокнотом.

Спальня самой Лиссы ее папашей была приведена в совершенно свинское состояние, поэтому они с Джимми заняли ту, что приготовил себе Савард.

Эсгейрд явился поздно ночью, когда и Джимми, и Лисса сладко спали. Сlopал оставленную ему на всякий случай на столе пиццу, выпил пива и тоже отправился спать. Наутро сообщил, что они зря волновались. Он ходил на озеро, купался, заснул на бережку и сообразил, что уже поздно и его могут искать только когда стемнело. Потом долго искал дорогу: в темноте так легко перепутать направление.

Лисса фыркнула. Она уже смирилась с мыслью, что в отцы ей досталось сплошное недоразумение. Жить с ним тут она не планировала. Это временная мера, пока они с Джимми не найдут мир и место в нем, где их примут как родных.

Сейчас она возьмет все свои записи, сделанные на уроках Актеллии, все продумает, и они с Джимми начнут обходить перспективные миры. Должно же им повезти!

К обеду стало жарко. Никогда раньше в этом мире Лисса не сталкивалась с такой высокой температурой. То ли сезон всегда выбирала более благоприятный, то ли что еще, но здесь всегда царила умеренная теплая, но не жаркая погода. А сейчас просто кошмар какой-то!

Бедный Джимми даже пожаловался:

— Не знаю, что делать. У меня от жары мозги плавятся.

Эсгейрд тут же влез с советом:

— А ты сходи искупайся. На озере тебе точно станет легче. Я вчера именно из-за жары туда ушел.

Лисса нахмурилась. Она не помнила, чтобы вчера была такая погода, но совет отца

решила претворить в жизнь. Она сама любила воду, с удовольствием плавала и прекрасно помнила, какое тут чудесное озеро. А дорога... Ей стоит об этом подумать, и они там!

Джимми на озере тоже понравилось. Он разделся догола, забрался в воду и какое-то время там сидел, охлаждаясь. Затем Лисса к нему присоединилась и они устроили заплывы наперегонки. Она не ожидала, что обычный человек ее может обогнать, но Джеймс легко обошел свою красавицу, да еще и не один раз.

— У тебя наверняка эльфы в предках, — сказала она, когда они отдыхали после заплыва.

— Ты думаешь? — усомнился Джимми, — Я все-таки был чемпионом факультета.

— Уверена. Они могут потягаться с демиургами в скорости, но никак не люди. А ты меня три раза обогнал.

Ну что ж, убедила, — согласился мужчина, — Думаешь, у меня и магия может проснуться?

— А вот это вряд ли. Если до сих пор спит, то и дальше не проснется. Если только я не придумаю средство, как тебе ее дать.

Только Джимми собрался поинтересоваться возможно ли это, как над унылым лесом раздался душераздирающий вопль.

— Что это? — удивилась девушка.

Она прекрасно понимала, что кроме Эсгейрда кричать тут некому, а ему еще и незачем. Это его мир, ему тут ничего не грозит, кроме собственной глупости. Сказала это Джимми и они переглянулись.

— Глупости? Лиза, твой отец, конечно, очень мил, но дурак отменный. Так что, боюсь, это как раз была его глупость.

И тут дикий вопль повторился.

Парень вскочил и, как есть, в одних трусах, бросился через лес туда, откуда донесся крик. Лежавшая обнаженной Лисса потратила пару минут, чтобы привести себя в порядок, а затем быстро перенесла себя к дому, где, как она предполагала, и находился ее папаша.

Сейчас она быстренько в нем разберется, а потом поищет Джимми. Если повезет, он как раз к тому времени добежит.

Но в доме никого не было. Она покрутилась вокруг, подождала... Никто не шел. Лес был тих, как тогда, когда они с Бетти впервые открыли этот мир.

* * *

Плакать и рвать на себе волосы Лисса не стала. Не в ее это стиле. Вместо этого села на ступеньку и задумалась. Что делать, куда бежать?

Если крик издал Эсгейрд, возможно, с ним что-то случилось. Провалился в глубокую яму, например, и переломал себе ноги. Конечно, демиург их мигом починит, да и яма для него не проблема, но от неожиданности мог и заорать. Пугливый он у нее и бестолковый.

Это самое логичное объяснение. Вариант нападения исключается: хищников тут как не было, так и нет. Бабушка сюда тоже попасть не может, Эсгейрд не дурак давать ей допуск.

Лисса поверила бы в такое развитие событий, если бы он был один. А Джимми куда девался? Милый, симпатичный, умный Джимми не стал бы лезть на рожон. Добежал бы, остановился и помог бы папаше вылезти. В крайнем случае ее бы позвал. Даже не в крайнем,

а в любом.

А тут оба исчезли, как их и не было.

Есть еще вариант: они случайно выпали из той части мира, которая закольцована вокруг домика, и сейчас ищут дорогу назад. Как это могло произойти, Лисса себе не представляла, но на всякий случай запустила сканирующее заклинание. Если они находятся в любом месте на этой планете, то найдутся. Ее поисковику даже завязанное узлом пространство не помеха.

Прошло еще минут пятнадцать, все сканирующие импульсы вернулись, никого не найдя.

Выходит, это был папашин коварный план. Ни на каком озере он не был. Мотался к бабке за инструкциями, а с утра начал действовать. Для начала устроил жару, чтобы всем захотелось освежиться. Затем подобрался к ним поближе, спрятался и заорал. Знал, что Лисса голышом по лесу с комарами не побежит, сначала оденется, а ее парень — человек благородный. Понесется спасать сам не зная кого. Дальше дело техники: схватить и перенестись.

Встает вопрос: куда?

В то, что Джимми сделают что-то плохое. Лисса не верила. Если его похитили в качестве заложника, в их интересах сохранить его живым, здоровым и в полном разуме. Бабка — существо практичное, понимает, что порченный товар не может быть предметом торга, а вот поводом для войны и мести — легко.

Итак, ее мужчине пока ничто не угрожает, но это все, что можно сказать на данный момент.

Хорошо бы все разузнать подробно и посоветоваться с Бетти. К ней сейчас нельзя, но можно постараться и представить, что она скажет. Лисса как будто услышала у себя в голове голос подруги: не торопись что-то предпринимать, не наломай дров. Пусть похитители проявят себя.

Кроме того, нужно срочно связаться с Актеллией. Она обязательно что-нибудь придумает. А для этого лучше перенестись в один из ее миров. Например, к Сарториусу. Сейчас Лиссе страшно оставаться одной, а старый маг — лучшая компания, какую только можно придумать.

Она забегала по дому, собирая вещи. Выбрала из своих запасов тортик и с сожалением окинула взглядом коробки с едой: нескоро они ей понадобятся. Одно утешение: под стазисом все сохранится свежим хоть сто лет. Только бы Эсгейрд все не сожрал в приступе депрессии.

О! Точно! Он сюда обязательно вернется, а значит... нужна ловушка. Нехорошо брать в плен собственного отца, но что же делать? Если даже не удастся использовать его в качестве заложника, то уж допросить — самое милое дело.

Раз можно не торопиться, ловушку для младшего демиурга она сделает первый сорт!

Конечно, сделать так, чтобы он совсем не мог выбраться, трудно, особенно в созданном им мире, но ведь можно перетащить его потом в другой. Или сделать ловушку — портал, который забросит Эсгейрда туда, где он потеряет силу. Например, в техномир. Кажется, в доме Джимми был подвал. А ей, Лиссе, сварганить себе амулет, который показывал бы, что ловушка сработала.

Амулеты она делала плохо. Если рядом всегда есть артефактор, которому можно это поручить, зачем надрываться? Но сейчас ей придется вспомнить курс артефакторики и постараться самой. Хорошо, что сигналки — самые простые из амулетов, а силы у нее хватит.

До самого вечера Лисса суежилась.

Для начала нырнула в техномир и выяснила: подвал в доме Джимми не подходит. Выбраться оттуда даже без магии ничего не стоит. Осторожно, набросив на себя отвод глаз, побродила по городку и нашла то, что нужно.

Огромный особняк на окраине городка резко выделялся своими размерами и тем, что был окружен высокой стеной вместо принятых здесь живых изгородей. Вороты были заперты, чтобы никто не лазил. Дом стоял пустой с надписью «На продажу». Здесь хоть на ухах стой, никто не увидит.

Лисса проникла туда, перемахнув через стену. Немножко левитации и все вышло как нельзя лучше. Дом был заперт, но ее интересовал не он. Сбоку в фундаменте нашла дверца с надписью «Бомбоубежище».

Открыть замок было для Лиссы делом пары секунд, и вот она уже спускается в подземный бункер. Осмотр показал: все исправно, вентиляция работает, даже вода есть, как и автономный источник электричества. Включай и живи.

С особым злорадством она отметила, что кое — чего важного не хватает: еды здесь не запасли. Так что папочка Эсгейрд с его проглотством выдержит недолго. Толстые стены из армированного бетона, кое — где укрепленного листовой сталью, хорошо перекрывали любую магию: здесь даже бабушка Актеллия затруднилась бы работать. А Эсгейрд всегда был бестолочью, это Лисса усвоила еще из его собственных рассказов.

Но как ни трудно, а портал к этому помещению она привяжет. Перемещение туда, где нет магии, вполне возможно, а вот выбраться будет трудновато. Особенно если дверь запереть не только на тот условный замок, который навесили те, кто пытается продать этот дом. Там есть железная многослойная дверь с сейфовым замком... Эсгейрду ума не хватит ее отпереть.

Покончив с устройством конечной точки своей ловушки, Лисса вернулась на ставшую уже родной базу и принялась соорудить вход портала. Его пришлось закамуфлировать и привязать к коробкам с едой.

Она отлично знала, что папочка вернется за так понравившейся ему пиццей. Вот пусть любимое лакомство его в бункер и отправит.

В саду Сарториуса Лисса появилась уже в сумерках. Старый маг не ожидал гостей, он спокойно ужинал в одиночестве. Голосок Лиссы заставил его вскочить и выбежать так шустро, как будто ему было семнадцать. Увидев свою милую приятельницу, Сарториус обнял ее и потащил наверх:

— Ты вовремя, девочка. Менира ушла, оставив ужин, с которым мне одному не справиться. Поможешь старику?

Лисса захихикала:

— В таком благородном деле? Конечно помогу. Даже с удовольствием.

Она не знала, как начать разговор, поэтому старательно занимала свой рот всем, что нашлось на столе: рыбой под белым соусом, овощной запеканкой, сливочным кремом и консервированными фруктами в вине. Все было очень вкусно, а она потратила много сил, поэтому ей не пришлось изображать из себя голодную.

Сарториус не выдержал первым:

— Лисса, что у тебя случилось?

Она попыталась еще потянуть время.

— А почему вы думаете, что случилось? Разве я не могла вас навестить просто так?

— Кому ты дуришь голову? Ты еще никогда не заявлялась сюда без повода, если не считать самый первый раз. Да и тогда выполняла задание учителя. А сейчас появилась одна, без Беттины, без своего кавалера. Да еще такая растрепанная и голодная...

Да, что это она? Старый маг никогда дураком не был и прекрасно все понимал, почему же теперь должен был вдруг поглупеть?

— Понимаете, — промямлила Лисса, — Тут такое дело...

И выложила Сарториусу все без утайки, точно так как знала и понимала сама. Старик был сражен новостями.

— Деточка, во что ты вляпалась? Думаешь, твоего приятеля хотят использовать для давления на тебя? Но что тебя хотят заставить сделать? Тот твой жених, насколько я понял, временно отказался от мысли сделать тебя своей женой. Причем во времени тебя не ограничил. Что же хочет от тебя твоя старшая родственница? Кстати, это не та, которую я видел здесь в прошлый твой визит?

— Не она, — вздохнула Лисса, — Ее дочь. Прабабушка Актеллия — просто прелесть, а вот бабушка... От нее ничего, кроме неприятностей, ждать не приходится.

Сарториус расстроено теребил бахрому на скатерти.

— Детка, все эти ваши взаимоотношения демиургов... Я в них ничего не понимаю. Не скажу одно: сейчас ты можешь поянуть время, это тебе даже выгодно. Но потом, когда твой бабушка выдвинет свои требования, действовать придется быстро.

— Почему? — не поняла Лисса.

— Потому что пока твой Джимми в безопасности. Кстати, отличный парень, он очень мне по душе пришелся.

Лисса не дала увести себя в сторону:

— Почему «пока»? Что будет когда бабушка выдвинет свои требования?

Сейчас старый маг не просто теребил бахрому, он ее рвал. Было видно, что он с трудом сохраняет спокойствие:

— Мне трудно тебе это говорить... Но... Думаю, условия для тебя абсолютно неприемлемые, иначе с тобой бы пытались договориться миром. А когда ты их не примешь, твоего Джимми могут начать мучить. Думаю, у демиургов есть бесконечное количество способов доставить существу боль, и далеко не все они физического толка. Душевная боль не оставляет отметин на теле, зато разрушает личность.

От замолчал, увидев ужас в глазах девушки.

— Вы думаете... Вы думаете, бабушка его... Он может от этого сойти с ума... Ой, что же делать?

Лисса правильно поняла Сарториуса. Он, как и она, боялся за Джимми, но гораздо лучше нее понимал, что ему может грозить. Демиургу трудно было представить хрупкость как человеческих костей, так и человеческой психики, а вот рожденный человеком маг это отлично сознавал. Поэтому и совет дал ей разумный, она и сама собиралась это сделать.

— Как можно скорее связаться с госпожой Актеллией, я думаю. Пусть она попробует обуздать дочь. Или... Для виду согласиться с бабушкой, а как только твой Джимми окажется в безопасности, сбежать. Ты же бежала один раз.

— Думаете, и во второй получится?

— Уверен. Тогда ты была совсем ничего не знающая о своей силе девочка, а сейчас Актеллия тебя уже кое — чему научила.

Лисса никак не могла сосредоточиться и принять решение, наконец придумала оба

совета совместить. Сейчас позвать Актеллию и все с ней обсудить, а когда явятся эмиссары от бабушки, попробовать выполнить вторую часть плана: освободить Джимми, обмануть старую крысу и сбежать.

Одно она понимала: пока можно, надо тянуть время и готовиться. Пока ей не предъявили ультиматум, Джимми будет жив и здоров. Сарториус посеял в ее душе определенные сомнения: сколько времени человек выдержит состояние неизвестности и непривычные для него, пугающие условия содержания?

Выходит, тянуть до бесконечности нельзя. Сейчас она позовет Актеллию и будь что будет.

* * *

От тяжелых мыслей Беттину оторвал муж. Пришел на кухню и сообщил, что предварительные переговоры посланников с руководством Академии закончены.

— Герулен пропихнул им свое решение? — спросила Бетти.

— А куда бы они делись? Пропихнул еще как! Даже письмо Матильде отправили в его редакции, ни одного слова не изменили.

Он попытался сунуть палец в соус и получил ложкой по лбу.

— Прекрати! Это негигиенично!

— Зато вкусно! Ну, мы закончили, заканчивай и ты! Пора кормить этих зануд.

— Еще минут десять и можно будет подавать. Я велела им накрыть в малом конференц-зале. Сделай милость, сообщи, чтобы выдвигались туда.

За обедом, вкусным, как все, что готовила Беттина, маги выпили наконец вина и расслабились. Стали громко говорить, смеяться, откровенно пилились на вернувшуюся с облета Авенару и на скромно сидящую рядом с мужем Бетти. Если бы Марульф не догадался принять меры и не позвал на обед несколько дам в ранге не ниже магистра, мог бы выйти скандал.

Савард чувствовал к нему искреннюю благодарность. Если этих самодовольных древних магов не отвлечь, они так и будут домогаться дракона, даром что та замужем за их коллегой. Наоборот, личность мужа Бетти вкупе с тем, что сейчас все они — особы неприкосновенные, может их подвигнуть на всяческие глупости. Он прекрасно знал, что его многие не любят и будут счастливы сделать хоть мелкую, но гадость. Особенно сейчас, когда можно его не опасаться.

Но предусмотрительный Марульф разбавил мужскую компанию красивыми дамами, которые тут же оккупировали членов совета, не давая им поухаживать за приبلудной дракошкой, к тому же женой злюки Саварда. Связываться с ним еще, тьфу!

Беттина пару раз покинула сборище. Сперва сходила проверить, как детям понравилось выдуманное ею меню, а затем собрала наказанных преподавателями студентов и заставила их убирать столовую и мыть посуду.

Савард радовался: его обожаемая Бетти нашла свое место и руководит так, как будто специально этому училась.

Спросил на ушко, как ей это удастся, и получил ответ:

— Ой, Вер, разве я руковожу? Я просто знаю, что надо сделать и как, и говорю об этом.

— А то, что тебя слушают?

Она тихонько рассмеялась.

— Попробовали бы они не послушать золотого дракона.

Потом нахмурилась.

— Я все думаю: как там Лисса? Все ли у нее в порядке? Знаешь, мы так долго прожили вместе, что мне странно: как это она не рядом. Иногда хочется что-то обсудить или даже просто высказать, а не с кем и некому.

— А я?

Она осторожно потерлась щекой об его рукав.

— Ты — это ты. А есть вещи, о которых я могу говорить только наедине с собой или с Лиссой. Но, говорят, тот, кто разговаривает сам с собой — сумасшедший.

— Девочка моя, почему ты так в этом уверена? По — моему, ему просто приятно поговорить с умным человеком. Но если тебе нужна твоя Лисса, давай вечером смотаемся на базу. Бьюсь об заклад, они там. Ты поболтаешь со своей Лиссой, а мы с Джимми перекинемся парой слов. Он умный парень, с ним приятно разговаривать. Может, там и заночуем...

Она подняла на него полные радости лучистые глаза, но сказала совсем не то, что он думал услышать:

— Ты полагаешь, это будет удобно? Здесь же делегация...

— Бетти, милая... Плевать нам на делегацию. Им и без нас отлично. Только возьми с кухни что-нибудь вкусненькое, а то у ребят там наверняка нет нормальной еды.

Она быстро — быстро закивала:

— Я сейчас. Переоденусь, соберу еду и буду ждать тебя во дворе у порталной площадки. Как сделаем: ты меня переместишь, или я тебя, или каждый пойдет самостоятельно?

Савард прямо обалдел. Только вчера научилась этой магии а сегодня уже готова перемещать и его! Это ж надо, с какой скоростью его золотой дракон растет и развивается!

— Бетти, а как ты меня собралась перемещать? Ты же это делаешь в истинной ипостаси!

Она чуть не прыгала от возбуждения, а ее шепот интонациями походил на радостный крик:

— Я помещу тебя в темный карман! Меня Авенара научила!

— Это что такое: темный карман? И как ты собираешься это делать?

— Проще простого: обниму тебя, когда стану оборачиваться, и ты автоматически туда попадешь. А когда пройду портал, перекинусь обратно и ты выйдешь. Это безопасно: так все драконы поступают.

Название магического приема Саварду не понравилось, но он не захотел показать жене, что элементарно испугался. Расправил плечи и заявил:

— Ну хорошо, карман так карман. Тебе надо тренироваться, вот и тренируйся на мне.

Довольная Бетти погладила его по руке и убежала готовиться к путешествию.

Когда через двадцать минут они встретились у порталной площадки, Савард вдруг испугался. Как это будет: перемещаться в темном кармане у дракона? Получится ли у Бетти? Хотя... У нее все всегда получается.

А она? Готова?

По серьезному, сосредоточенному личику жены понял: готова.

Бетти оделась по — походному и притащила две здоровые корзины припасов. Вернее,

их за ней принесли с кухни студенты. Она велела Веру взять корзины в руки, сама обхватила его за талию, прижалась и...

В следующее мгновение Савард открыл глаза и им не поверил: он стоял на площадке у их домика на базе. Как? Когда?

Бетти, смущаясь, пояснила. Все, что берет с собой дракон, переходя в истинную ипостась, помещается в так называемый темный карман, а затем при обратном переходе возвращается на место. Поэтому у драконов и нет проблем с одеждой при обороте.

А вот чтобы взять с собой человека, его надо плотно к себе прижать, да еще желательнее как-то прикрепить. Обнять — самое лучшее.

После объяснения она оглянулась, вытаращила глаза и произнесла:

— Ой, что это?

Савард обернулся, увидел машину и захохотал в голос:

— Кто привел сюда эту безлошадную повозку? Лисса? Узнаю ее почерк. Зачем? Этой дуре для движения нужны гладкие дороги, а здесь никаких нет!

Бетти покачала головой:

— Может, так было для чего-то нужно. Мы же не знаем. Вот увидим Лиссу и я у нее спрошу. Только... Мне что-то тревожно.

Она отцепила руки от талии мужа и легко взбежала по ступеням на веранду. Сунула голову в дверь и возгласила:

— Здесь никого нет! Совсем никого! Не нравится мне что-то...

Савард осторожно поднял жену и отставил ее в сторону.

— погоди, разберемся.

С этими словами он сам шагнул в дверной проем, добрался до середины кухни, плюхнул корзины с припасами на стол и огляделся.

— Ты права, девочка, никого тут нет, но это не причина бояться. Мало ли куда они могли отправиться. За продуктами, например. Или нет, постой...

Бетти заметила штабеля коробок сразу, сейчас их увидел и ее муж.

— Так, за продуктами они, выходит, уже смотались. Молодцы. Ишь, сколько всего натащили. Кстати, ты не проголодалась, Бетти?

Юная драконица вошла вслед за мужем, огляделась и напонила:

— Вер, мы только поели, так что я не голодна. А вот знать, куда смылилась моя подружка, хотелось бы. Если они столько еды накупили, наверное, собирались здесь время проводить.

Вер возразил:

— А может, они для этой растяпы Эсгейрда? Ему же тут жрать нечего. А ребята сидят у себя, в смысле, в мире у Джимми.

Он протянул руку к верхней коробке.

— О, мы это уже ели. Такая лепешка, а сверху какая-нибудь вкуснятина с сыром. Мне понравилось. Хочешь?

Бетти замотала головой.

— Оставь, Вер. Зачем нам эта ерунда, когда у нас в корзине полно всякой всячины. Я даже мясо в горшочках упаковала. А Лисса наверняка на всю эту гору стазис наложила, не стоит его снимать.

Савард запустил пятерню в свои буйные кудри и произнес озадаченно:

— Стазис-то стазис... Ты посмотри, что твоя подружка сделала. Не поленилась, надо

же! Я прямо не узнаю Лиссу, этот Джимми на нее положительно влияет.

Бетти подошла поближе, чтобы рассмотреть поразившее Саварда Лиссино творенье, запнулась о неровные доски пола и схватилась за мужа, чтобы не упасть. Он тут же прижал ее к себе, поддерживая, а затем взял на руки, как ребенка.

— Смотри, Бетти!

Девушка и так смотрела, не отводя замороженных глаз, затем выдохнула в восхищении:

— Да она на каждую отдельную коробку стазис наложила! Получается, каждую вещь можно взять по — отдельности. Обалдеть! Это какая же работа... Только демиурги могут себе позволить такой перерасход энергии. Нет, я так делать не буду.

— Это ты вспомнила стазис — ларь, который не доделала для Сарториуса?

Бетти вдруг смутилась и начала вырываться.

— Ты куда, малышка?

— Вер, мне стыдно. Я действительно не доделала, а ведь обещала...

Савард вдруг чмокнул ее в нос и рассмеялся тихим, ласкающим смехом:

— Ну не сейчас же ты туда побежишь... Знаешь, у меня есть лучшая идея, как провести время. Если ты не хочешь обедать...

Он развернулся, сгрузил жену на диван, плюхнулся рядом и водрузил Беттину себе на колени, чтобы удобнее было целоваться. После двух очень жарких поцелуев, отлично понимая, что за ними последует, она все же нашла в себе силы пискнуть:

— Вер, ну не здесь же! Сюда могут в любую минуту войти!

Профессор сообразил, что Бет как всегда права, подхватил ее и легко понес свою драгоценность на второй этаж, открывая по пути двери пинком ноги. Две спальни, одну из которых он по наивности считал своей, оказались уже обжитыми: там лежали чьи-то вещи, да и белье на постелях было смятым. Третья спальня встретила их пустотой и чистотой, только немного пыли по углам. Зато ничьих вещей. Правда, ни подушек, ни одеял, ни белья на кровати вообще не было, только толстый тюфяк, который он сам сделал из травы.

Пришлось поставить Бетти на пол, вспомнить, куда они прошлый раз сложили постельные принадлежности и вместе с ней заняться витьём удобного гнездышка.

Он еще раз оценил, какое сокровище приобрел в лице Беттины. Все знакомые ему женщины в этой ситуации ныли бы или иным образом выражали свое недовольство, а Бетти весело, как маленькая белочка, бегала туда — сюда с простынями и пододеяльниками, пока он искал подушки и запихивал их в наволочки. Для нее этот непредвиденный домашний труд становился частью любовной игры.

В какой-то момент Савард все же поймал жену, упал на приготовленную ими постель и уронил ее на себя. Время остановилось.

После бурной любовной сцены с собственной женой разморенный, разнеженный профессор дремал, прижимая к себе свернувшуюся калачиком спящую Беттину. Ничто не нарушало покоя, даже вездесущие насекомые, населявшие этот мир, не могли пробраться за поставленный от них полог.

Мысли тоже текли размеренно и плавно, крутятся вокруг проблем Академии и счастья быть мужем этого конкретного золотого дракона. Вер прекрасно понимал, что с той же Авенарой они бы на второй день поубивали друг друга. Это только такой спокойный и выдержанный тип, как Герулен, мог выносить бешеный темперамент драконицы без вреда для здоровья.

А Бетти... Это просто чудо, что она встретилась на его пути и он, молодец, сумел

понять, какое сокровище в ней нашел.

Тут его мысли прервало сокровище собственной персоной. Бетти внезапно подняла голову, открыла совсем не сонные глаза, в которых плескалась тревога, и спросила:

— Вер, ты слышал?

Он не слышал ничего, но не доверять слуху золотого дракона у него оснований не было.

— Что, мое счастье?

— Ну вот же... Там, внизу, кто-то есть. Кто-то ходит. Пойдем скорее, надо все узнать.

Савард одним движением встал с кровати и натянул штаны. Затем буркнул:

— Сиди здесь, малышка, я проверю, кто это, и позову тебя.

Бетти засмеялась:

— Вер, кто это может быть? Или Эсгейрд, или Лисса с Джимми. Никого страшного и опасного. Не надо меня пугать, я иду с тобой.

Он не успел возразить, она уже стояла рядом, полностью одетая и готовая к любым неожиданностям. Спустились они вместе, но у входа замялись. Савард задвинул жену за спину, рывком открыл дверь в кухню и заревел сердито:

— Кто это позволил тебе рыться в наших корзинах?

Бетти хмыкнула в кулачок. Ясно, кто там. Эсгейрд собственной персоной. Это он жрет что ни попадя, не спрашивая ничьего позволения. Может, он знает, где Лисса?

Беттина вылезла из-за спины мужа и вежливо поздоровалась:

— Добрый день, Эсгейрд.

Подождала такого же вежливого ответа, но не дождалась. Заодно и рассмотрела Лиссиного папу во всех подробностях. Что-то сегодня он ей не понравился. Он ей вообще был не симпатичен, но вот сейчас как-то особенно. И одежда вроде не мятая, и волосы причесаны, но вот стоит он с перекошенным лицом, держась обеими руками за их корзину с припасами, и от него исходят волны страха и недовольства.

Красавец явно не ожидал тут никого увидеть. Или ожидал? Вон как глазами по всем углам шарит.

Но спрашивать об этом было бы нелюбезно, поэтому Бетти сказала спокойно, но твердо:

— Оставьте корзину, Эсгейрд. Мы скоро будем ужинать, я вас накормлю. А если захотите есть завтра, Лисса оставила для вас кучу еды. Вон, в углу коробки чуть не до потолка, и около печки еще целая батарея. Кажется, это любимая вами пицца.

Звуки ее доброжелательной речи оказали на младшего демиурга волшебное действие. Он отпустил ручку корзины, сделал шаг от стола и даже неловко улыбнулся.

— Спасибо, Бетти. Если не возражаете, я бы поел с вами.

При этих словах он настороженно покосился на Саварда. Но здоровяк профессор стоял спокойно и явно не собирался никого бить, так что опасности в данный момент не представлял. Можно было спокойно садиться за стол, ждать и гадать, какое угощение припасла Беттина.

Савард сел на отдельный табурет посреди кухни. Он не доверял Лиссиному папаше и желал держать его в поле зрения, чтобы успеть среагировать в случае чего. Эсгейрд не скрывал своих теплых чувств к дочкиной подружке. Конечно, связаны они были с кулинарными талантами Беттины, но все равно. Нечего всяким там к его жене клинья подбивать. Эсгейрд все же демиург, хватать! и утащит, а он потом будет ее по всем мирам разыскивать и вызволять.

В глубине души Савард осознавал, что тот, кто похитит его Бет, сам на свою голову

накликает несчастье. Ей никто не нужен, чтобы освободиться. Но он мужчина, он не сможет остаться в стороне!

Бетти же ни о чем таком не думала, она разбирала корзину, прикидывая, хватит ли припасов на вечер и на утро, или придется возвращаться в Академию без завтрака. Выходило, что лишний рот создает им неудобство, но не гнать же его, тем более, что она уже пригласила Эсгейрда к ужину.

Только вот жрет он... Как не в себя. А она взяла сюда мясо с овощами в горшочках, порционное блюдо... Придется вывалить все в большой горшок и запечь по — новой. Хорошо, что салаты не поделены на порции, сыр и ветчина тоже большими кусками... Лисса любит положить их на лепешку, прослоить овощами и запечь... Кстати, а где все-таки Лисса?

Этот вопрос она и задала Эсгейрду, сидевшему молча. Младший демиург внимательно наблюдал за Савардом, готовый в любую минуту вскочить и сделать ноги от опасного соседа, поэтому на вопрос Бетти сразу не отреагировал. Зато когда понял, что она хочет узнать, смешался.

— Не знаю. Я только что пришел, а ее нет.

— Но она была здесь совсем недавно! — возразила Беттина.

— Была. Продукты притащила. Но это мне! Продукты — мне! А сама она со своим парнем где-то в техном мире, если мне не изменяет память. И вообще, я ничего, ничего не знаю!

Ни у кого не возникло бы сомнения в его словах, если бы он произнес их обычным, будничным тоном. Но Эсгейрд чуть ли не визжал. Видно было, что парень лжет: он что-то знает. Что-то плохое для Лиссы и Джимми.

Савард был не из тех, кто оставляет своих друзей в беде, а свою ученицу и ее парня он давно уже записал в этот разряд. С тех пор как он узнал, кем на самом деле является Лисса, он перестал особо за нее беспокоиться: демиург может справиться в любой ситуации. Но вот Джимми... Умница, талант, от него и самому можно многому научиться, и учить его одно удовольствие... При этом бедняга — человек, существо хрупкое. Если с ним что-то случилось...

Мысли отражались на лице Саварда, как будто возникли на нем, написанные самыми крупными буквами. При этом профессор не сводил глаз с младшего демиурга и тот смог прочесть все по его лицу. Эсгейрд под взглядом Саварда сжался в комочек, задрожал, его руки начали мелкие движения, характерные для удерживающих заклинаний.

Не заметить этого Савард не мог. С криком:

— Ты что ж делаешь, гад!

Он метнулся к сидевшему на краешке дивана демиургу, схватил его за шиворот, поднял и хорошенечко встряхнул. Уже почти сплетенное заклятие развеялось. Затем профессор поставил Эсгейрда на ноги, развернул к себе спиной и попросил Беттину:

— Бет, дай мне веревку или что-то, чем эту сволочь можно связать. Кажется, он что-то знает. Что-то плохое случилось с нашими друзьями и он в этом виноват. Я намерен выяснить подробности.

Бетти растерянно развела руками:

— Вер, у меня нет веревки. Ну, хочешь, свяжи его тесемками от фартука? Я тебе его сейчас дам.

И она принялась торопливо развязывать фартук.

Эсгейрд воспользовался заминкой и рванул от Саварда в том единственном направлении, которое ему оставалось: к штабелям коробок с продуктами. Бессмысленное деяние: это был самый дальний угол от двери. В лучшем случае он мог забаррикадироваться и кидаться в Саварда пиццей, но ее надолго бы не хватило. Хотя... Он мог бы уйти порталом, если бы разозленный Вер дал ему минуту передышки.

Но уйти ему не дали. Увидев, как развиваются события, Бетти догадалась, что Лиссин папаша сотворил очередную гадость и бросила ему под ноги первое, что попало ей под руку: бутылка с маслом. Она хотела его задержать и в этом более чем преуспела. Красавец рухнул на пол как подкошенный прямо на закрытую бутылку. Оттуда вылетела пробка и прекрасное масло для салатов залило пол.

Уже догнавший Эсгейрда Савард поскользнулся, замахал руками, выписал залихватский крендель, но все же не удержался на ногах, а упал на врага сверху. Так как разгон он взял неслабый, то оба продолжили движение, правда, попытки Саварда устоять на ногах изменили первоначальное направление. Профессор верхом на младшем демиурге на всем ходу врезались в штабель из коробок. Не в тот, который стоял в углу, а в тот, что высился около печки и состоял из сплошной пиццы.

Упакованные пиццы разлетелись по всей кухне, довершая картину разгрома. Бетти бросилась к мужу, чтобы помочь ему выбраться из завала, но не добежала всего пары шагов. Ей помешало не разлитое по кухне масло, а нечто гораздо более удивительное. Эсгейрд схватился за очередную коробку, желая откинуть ее прочь, и тут внезапно... Бетти так и осталась стоять с разинутым ртом: мужчины на ее глазах пропали в сиреновом тумане межмирового портала.

Девушка бросилась за ними, но опоздала: портал закрылся.

Она попыталась найти, куда делись ее муж со своим противником, но след оказался хорошо затертым. Она знала это заклинание, сама учила ему Лиссу и широко пользовалась, когда они устраивали какие-то каверзы. После его применения следы магии испарялись. Примерно то же самое устроили они, когда на защите диплома инсценировали расщепление. Тогда даже Вер не смог найти их по следу.

Но, если все это устроила Лисса, расстраиваться и переживать рано. Надо подойти к вопросу с научной точки зрения. На коробках, кроме стазиса, была установлена ловушка, это очевидно. Естественно, никто не собирался ловить ее, Бетти, или Саварда. Лисса хотела поймать Эсгейрда. Так по логике выходит, больше некого.

Вообще-то разумно: этот обжора пиццу бы не пропустил. Ее готовить не надо, сунул в духовку, вынул и съел, для лентяя и неряхи самое то. Выходит, Вер попался в ловушку, установленную на другого. Значит, когда Лисса проверит, кто туда попался, она Вера освободит.

Ой, хорошо бы Лис зашла и подтвердила эту версию, а заодно сказала, где сейчас Вер. Она-то должна знать, куда отправила своего папочку.

* * *

Сигнал, сообщающий, что рыбка попалась в сети, пришел Лиссе тогда, когда она под руководством Сарториуса выкапывала луковицы нарциссов. Девушка не стала вскакивать и бежать, она только довольно потерла руки.

План сработал как надо. Торопиться некуда. Пусть посидит в подвале, голубчик, подумает, стоило ли ее злить.

Она даже не нашла нужным сообщать о случившемся старому магу. Зачем волновать человека? Сейчас они закончат работу в саду, потом поужинают... Нет, и после ужина будет еще рано. Эсгейрд — паникёр, он чем дальше. Тем сильнее будет себя накручивать, а к утру дозреет окончательно и выдаст все и всех раньше, чем Лисса начнет задавать вопросы.

Если бы об этом знала Бетти, она поторопила бы подругу. Поведение и реакцию Эсгейрда в одиночестве Лисса предсказала правильно, но кто же мог знать, что он попадет в ловушку вместе с Савардом?

* * *

Лиссин учитель в панику не впадал никогда, а вот в ярость — легко. Вывалившись из портала в каком-то темном помещении и ударившись обо что-то твердое, он не стал выяснять, что да как, а сцапал перепуганного Эсгейрда и отметелил его для профилактики.

Только спустив таким образом пар, он сумел успокоиться настолько, что попытался зажечь светлячка и выяснить, куда они попали. Светлячок зажигаться не желал, все усилия приводили лишь к тому, что Савард снова начал злиться. К сожалению, сорвать свою злость больше было не на ком. Эсгейрд на некоторое время выбыл из строя, а добивать его в планы профессора не входило.

Поняв, что простая и понятная магия тут не работает, он решил действовать наощупь и рассуждать логично. Бросив жалобно скулящего Эсгейрда на пол, он стал водить руками вокруг себя. Если он обо что-то ударился, тут есть мебель.

Действительно, очень скоро ему попалось нечто, которое Савард определил как стол. Большой, крепкий, с ящиками. Ага, не обеденный, а скорее письменный. Отлично! Если есть письменный стол, значит, это комната. Пусть здесь нет окна, но стены-то должны найтись?! Стены, а в них дверь.

Продвигаясь вдоль стола, он добрался-таки до стены, радуясь, что простая логика его не подвела. Теперь, держась руками и двигаясь вдоль в одном направлении, он попробует найти выход.

Савард не стал заморачиваться, а двинулся в ту сторону, с которой ему не мешал стол. Стена была холодная, шершавая, но сухая. Не сыро — уже плюс. Да и душно в этой странной комнате тоже не было. Только очень темно и совершенно не получалось дотянуться до магии. Это раздражало настолько, что мешало мыслить.

Зато не мешало медленно, но верно обходить комнату по периметру. Никакой мебели больше не встречалось, зато Савард дошел до угла, ощупал его и повернул. Не очень большое помещение, но и не маленькое. Внезапно под его рукой оказалось что-то гладкое и выпуклое, совсем не похожее на то, что его рука встречала до сих пор. Он осторожно надавил на это нечто и тут вспыхнул свет, да такой яркий, что Савард зажмурился.

Эсгейрд жалобно застонал, но тут же стон перешел в еле слышное хныканье. Ему тоже не понравилось, когда по глазам ударил свет и он попытался привычным способом вызвать к себе жалость, но вдруг вспомнил, что подходящий для этого объект отсутствует, и постарался замолкнуть. Полностью это сделать не удалось, так как травмы, полученные от разъяренного профессора продолжали болеть. Если бы здесь была магия, он уже давно

зарастил бы переломы и вылечил синяки, но уввы! Эсгейрд искал потоки всем своим существом и никак не мог до них дотянуться.

Лисса как-то хвасталась, что Актеллия научила ее и теперь она может пользоваться магией даже в техномире, а вот его, бедного, никто ничему такому не учил.

Он осторожно приоткрыл глаза и дал им привыкнуть к освещению. Савард сделал это раньше и теперь осматривался.

Они попали в какое-то странное помещение. Подвал — не подвал... Окон нет, зато две двери: одна большая, тяжелая, металлическая со странными запорами, а вторая тоже металлическая, но попроще, только со щеколдой. То, что Савард поначалу принимал за третью дверь, оказалось стенным шкафом с полками. Выключатель располагался как раз около этого шкафа на высоте его руки.

Сначала он открыл дверь с простой щеколдой и довольно ухмыльнулся. Там скрывались туалет и ванная. Хорошие, полноценные, почти как в доме у Джимми. Хотя он задницей чувял: это вовсе не тот же самый дом.

Вер вошел в ванную и попробовал включить воду. Она полилась, сначала теплая и ржавая, но вскоре потекла хорошая, чистая и холодная, как из родника. Он напился, подставляя рот под струю, а затем кликнул Эсгейрда:

— Ну, ты придурок, кончай изображать умирающего. Иди сюда. Умойся и попей.

* * *

Лисса собралась проведать пленника только утром, после плотного завтрака. Извинилась перед Сарториусом за то, что вынуждена его покинуть так же внезапно, как и появилась, она перенеслась на облюбованное местечко рядом с заброшенным домом. Вероятно, раньше это была епархия садовника: выложенная плиткой площадка с парой скамеек и столиком, в ножке которого притаился кран — гидрант, рядом были свалены ящики для рассады, цветочные горшки и контейнеры для перевозки растений...

Место это находилось за домом, его нельзя было увидеть с дороги и к тому же вход в бомбоубежище находился прямо напротив. Можно предположить, что в мирное время садовник использовал это сооружение для хранения инвентаря и ценного посадочного материала. Она спустилась по ступенькам к двери, открыла наружную, взялась за внутреннюю, осторожно поворачивая колесо замка, чуть толкнула... Стоило появиться тонкой щели между металлом и бетоном, как она услышала очень знакомый рев:

— Как ты до такого додумался, бездарь демиургская?

Савард? Лисса не могла поверить своим ушам. Но сомнений не было: голос своего учителя она узнала бы через сколько угодно лет и в абсолютно любом мире. Кроме Эверарда Саварда такие звуки не умел издавать никто. Она ожидала, что в ловушку попался ее папочка, каким образом там мог оказаться профессор?

А он, кажется, так увлекся, что не заметил появления на сцене своей ученицы. Что ему отвечал собеседник, слышно не было, но вот новый рык Саварда не услышать мог только глухой.

— Хотел прощение себе выпросить? И как, выпросил, идиотина?

Ага, похоже, они вместе сюда провалились, учитель и папочка. А где тогда Бетти? Вряд ли Савард потащился на базу без жены.

Лисса так же осторожно, как открывала, захлопнула дверь и повернула запирающее колесо. Кажется, на этот раз ее услышали, потому что в последний момент перед закрытием раздались слова:

— Дверь! Кретин! Заткнись и слушай!

Но бронированная дверь надежно отсекала все звуки.

— План возник в ту же минуту. Отправиться на базу, взять оттуда Беттину и чего — ниубдь поесть, вернуться и освободить Саварда. Кажется, он успел допросить папочку и сможет рассказать, куда дели Джимми. А если и не сможет, то все равно не дело держать его я подвале. Пусть вместе с Бет возвращается домой.

В душе Лисса лелеяла надежду, что ее друзья смогут ей помочь. Если не магией, то советом. Ум Саварда и рассудительность Бетти никогда лишними не будут. К тому же, похоже, папочке от Вера досталось, а это должно его умягчить и сделать более доступным для уговоров.

Она сама не заметила, как стала называть своего учителя Вером, подражая Беттине. Раньше ей бы это и в голову не пришло. Профессор Савард, учитель, этот гад и эта сволочь, вот так она его называла. Вер — это что-то теплое и родственное.

Вообще, с тех пор как она перестала учиться в Академии, ее отношения с бывшим наставником претерпели существенные изменения. Оказалось, что с ним можно общаться как с нормальным существом, возражать, даже спорить, и ничего. Теперь, когда он стал мужем Бетти и помог ей превратиться в дракона, Лисса и вовсе простила Саварду все прегрешения. Так что спасать и вытаскивать его из подвала следовало немедленно. А чтобы ему в голову не пришлось на нее ругаться, следовало подключить к этому процессу Бет.

Лисса уже заметила, что профессор в присутствии любимой жены становится мирным, добрым и мягким, хоть к ранам прикладывай.

Она поторопилась перебраться на уже ставшую родной базу. Там было тихо и темно. Лисса перепугалась, что Бетти потащилась по мирам разыскивать пропавшего мужа, но стоило заглянуть на кухню, как все стало ясно. Бедная девочка спала, скорчившись в уголке дивана. Видно, она долго сидела так, дожидаясь Лиссу, а затем и заснула. Даже пледом не укрылась, бедная.

Лисса на цыпочках подобралась к подруге и шепнула ей на ушко:

— Бет, Бетти, вставай...

— А? — мигом проснулась юная драконица, — Лис? А Вер где?

— Эсгейрда караулит, — уклонилась от истины девушка.

Беттина тут же поднялась и стала тереть кулачком заspanные глаза. Затем спросила:

— Мы идем его выручать? Прямо сейчас?

Вопросительная интонация не обманула Лиссу. Подруга требовала немедленного спасения собственного мужа, сомнений быть не могло. К счастью, это полностью совпадало с планам самой Лиссы. Она только намекнула:

— Он там голодный, подруга. Так что умывайся, собирайся и еду с собой не забудь.

Как ни беспокоилась Бетти о собственных делах, но о Лиссиных интересах тоже не забыла. Спросила:

— На долю Эсгейрда брать?

В глазах Лиссы блеснул хищный огонек.

— Бери. Если Савард не расколол этого обжору, мы его на еду купим. Недорого. Все расскажет за кусок пирога.

Как ни странно, Бетти рассмеялась совсем не добродушно.

— Ты не обидишься, Лис если я скажу?...

— Ну, говори...

— Твой папаша — мразь каких мало и я его терпеть не могу.

Лисса вспомнила голос Саварда в подвале и то, что ответа она не услышала, и сказала то, что пришло в голову:

— Значит, ты не очень расстроишься, если узнаешь, что твой Вер его прибил?

Бетти вдруг испугалась:

— Насмерть?

— Ну что ты! Нет, конечно. Просто отлупил от души.

— Тогда я жалею, что это произошло без моего участия.

Лисса аж обалдела от такого ответа подруги.

— Ты стала кровожадной, Бет?

— Немного. За последнее время мне пришлось иметь дело со многими малоприятными личностями и я стала приходить к мысли, что их количество во всех мирах слишком велико. А если еще и демиурги мерзавцы... даже думать о таком неприятно.

Заброшенный дом и сад Беттине неожиданно понравились. Она осмотрелась и сказала:

— Чудное местечко, Лис. Красивое и спокойное. Как ты его нашла?

— Этот дом в том же городе, где жили мы с Джимми, только на окраине. Он заброшен.

— А что значат эти надписи?

Бетти указала на вставленные в окна листы бумаги, на которых было написано крупными буквами «FOR SALE».

— Это значит, что дом выставлен на продажу, только никто его не покупает. Не знаю почему: сам дом отличный и сад при нем большой. Я бы купила. Но давай не отвлекаться, нам еще твоего мужа выручать, да так, чтобы мой Эсгейрд не смылся.

На этот раз Лисса не стала осторожничать, все равно без толку. Они с Бет с трудом откатали тяжелую дверь и сунули носы в бомбоубежище.

Навстречу им сорвался вихрь, который подхватил Беттину и закружил ее под потолком.

— Бетти, моя маленькая Бетти, наконец-то ты пришла! Я заждался!

Лисса вовремя посмотрела не туда, где мелькали ножки подруги и раздавался ее радостный визг, а вниз, на пол. Эсгейрд решил незаметно выбраться наружу и осторожно полз, огибая ноги Саварда. Если он сумеет подняться по лестнице, лови его потом. Она прыгнула вперед и ловко оседлала собственного отца. Тот с оханьем и стонами припал щекой к бетону и перестал двигаться.

Савард заметил движение Лиссы и поставил жену на землю. Затем сказал:

— Ты не усердствуй. Я вчера его так приложил, что теперь он не скоро побежит.

— Ты его изуродовал? — испуганно спросила Бетти.

Савард пожал плечами.

— Немножко. Синяков наставил, еще челюсть сломал, а так ничего особенного. Будь у него доступ к магии, уже был бы здоров и весел, — тут он погладил жену по щеке и обратился к Лиссе, — Ну а в тех условиях, в какие ты нас запузерила, регенерация идет медленно. Не хочешь меня спросить, что этот красавчик тут рассказывал?

— А он рассказывал? — засомневалась Лисса, — Со сломанной челюстью?

— А куда бы он делся? Мне скучно было с ним так сидеть, поэтому я его поспрашивал.

Как он поспрашивал, было ясно из рассказа о сломанной челюсти.

— А как догадался, что есть о чем?

— Ну ты спросила, ученица. Стоило его про вас с Джимми спросить, и он перепугался. С чего бы? Ежу ясно: неспроста. Не зря же ты на него ловушку поставила. Что ты, я сразу понял. Все равно больше некому. А если тыловишь собственного папашу, значит, с тобой все в порядке, что-то стряслось с твоим парнем.

Бетти перебила мужа:

— Вер, все это очень хорошо, но что-то твой подопечный лежит и не шевелится. Может, стоит проверить, как он там? Лисса, встань уже с Эсгейрда. Надо посмотреть, цел ли он.

Вот так. В этом вся Бетти. Готова на кусочки порвать, но если гад окажется на краю гибели, побежит спасать. Спасет, а потом все-таки порвет. Но лично. Сама.

Савард заворчал недовольно:

— Бет, да что ему делается. Дверь открыта, воздух чистый, сейчас оклемается и снова всех достанет. Хотя... Лисса, сидеть на нем не рекомендую. Лучше на стуле. И помни: он твоего парня заманил в телепорт и передал прямо в руки твоей бабушке. Она за это обещала его простить и дать новый проект.

Лисса не поверила своим ушам.

— Новый проект?

— Ну, новый мир на разработку. Я бы на ее месте не давал. Слушай, если ему никто не будет помогать, он опять сляпает такую же дрянь, какую уже сделал. Унылую пустоту, не способную к развитию.

Кто бы в этом сомневался!

— И еще: твой отец сказал, что твоя бабка нашла тебе нового жениха. Парня из другого домена, который согласился перейти в ваш. Не из того, который был в прошлый раз, третьего. Ты понимаешь, что это значит?

До сих пор обманчиво спокойная, чуть расслабленная Лисса вдруг взвилась.

— Еще бы! — злобно взвизгнула она, — Демоны! Надо срочно вызывать Актеллию! Вполне возможно, они не собираются меня шантажировать жизнью Джимми, а просто ловят на него как на живца. Он в опасности.

Она прыжком поднялась на ноги, пнула несчастного Эсгейрда и вдруг стала серьезной, спокойной и собранной, как перед первым своим межмировым путешествием.

— Так, ребята, сейчас я переправлю вас домой на Ардаю. У вас там дела. Сама к Сарториусу: попробую связаться с бабушкой Актеллией. Вечером приходите, будем обсуждать полученную информацию.

— А с этим что? — с сомнением спросил Савард.

— Все, что он мог, он уже сделал. Отпустим?

— Я бы не стала, — заметила молчавшая до сих пор Бет, — Он еще много чем может нагадить. Давай его запрем здесь. Оставим корзину с едой, кристалл с энергией, и пусть сидит. Магии на регенерацию там хватит, а на портал нет. Вечером ты выдашь его Актеллии, пусть она решает, как поступить.

Во время ее речи Савард в упор смотрел на Эсгейрда и заметил, как, блеснувший надеждой глаз младшего демиурга во время речи девушки гас.

Они еле успели затолкать Эсгейрда обратно в подвал и запереть двери, как услышали шаги и голоса у ворот. Кто-то явно шел к дому. Телепортироваться на глазах у местных не стоило. Лисса быстро набросила на всех троих морок, скрывающий их истинную расовую принадлежность и указала на столик и скамейки. Девушки успели сесть, а Савард продолжал

стоять, когда на площадке появились трое мужчин и одна девушка.

Двое в форменных костюмах, по которым профессор определил их как местную стражу, третий мужчина был в домашней одежде как ее здесь понимают: бесформенных штанах и рубашке без застежки с коротким рукавом, а девица щеголяла в строгом костюме и туфлях на таких каблуках, что невозможно было понять, как она на них ходит.

— Кто вы и что здесь делаете? — задал вопрос один из стражей.

Савард молчал, чтобы не ляпнуть что-то такое, после чего придется зачищать этим людям память. Он в этом был не настолько силен, чтобы сделать все без сучка без задоринки, а оставлять за собой четверых в состоянии «овощ» как-то не хотелось. Вся надежда была на Лиссу и она не подкачала.

— Мы покупатели. Это мистер и миссис Савард из Ванкувера. Я мисс Лиза Джеймс. Мы хотели осмотреть этот дом и участок прежде чем принимать решение о покупке.

Девица на каблуках вылезла вперед:

— А вам не кажется, что сначала стоило навестить офис риэлтора, где дом выставлен на продажу?

— Не кажется, — вдруг отрезала Бетти, — мы сначала хотели увидеть участок, а потом уж, если понравится, идти в контору.

Стражник, до сих пор не принимавший участия в разговоре, вдруг спросил:

— Сосед напротив мистер Палмер, — он указал на мужчину в бесформенных штанах, — не видел, как вы вошли в ворота. Он нас вызвал, сказал, что с пустого участка доносятся голоса. Как вы сюда попали?

Лисса снова оказалась на высоте.

— Конечно, мы и не могли там войти. Там же заперто. Зато вот здесь отличная дырка. Хоть на джипе заезжай, — она махнула рукой и показала отличную, широкую и явно не новую дыру в заборе, — Мы обходили участок по периметру и не могли устоять перед соблазном увидеть его в первоизданном состоянии.

Полицейские хмыкнули, извинились и, забрав с собой соседа Палмера, отправились восвояси, не найдя в действиях супругов Савард никакого криминала. Правда, тот самый бдительный тип вдруг вернулся и снова обратился к Лиссе:

— Мисс, я мог вас где-то видеть раньше? Лицо ваше мне знакомо.

Девушка пожалала плечами и произнесла равнодушно, про себя благодаря неизвестных строителей, что из подвала не доносится ни звука.

— Все возможно. Я училась в здешнем университете.

Кажется, такой ответ его удовлетворил и он ушел следом за напарником, все время оглядываясь. Риэлторша осталась. Она страшно обрадовалась появлению покупателей на мертвый объект и готова была костями лечь, чтобы его продать. Она тут же затараторила, стараясь вылить на возможных клиентов как можно больше информации и в конце концов затащить их в офис, чтобы подписать хоть какую-нибудь бумажку.

В планы путешественников между мирами это не входило. Даже выдержанная Бетти уже начинала злиться, а Савард поглядывал по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого. Двинуть трещотку по башке, чтобы замолчала, казалось ему неплохой идеей.

Пришлось Лиссе вспоминать навыки ментального воздействия и внушать девице неясное чувство, что у нее дома что-то не в порядке. Поначалу пришлось трудновато: у девицы внешняя ментальная оболочка была настолько забита техникой продаж, что на эмоциональный уровень пройти удалось с трудом. Зато потом... Тревога вспыхнула в глазах

риэлторши с такой силой, что Лисса испугалась за ее мозг. Девушка быстро откланялась и бегом рванула к воротам.

— Уф, — выдохнула Лисса, — Ну все, разбежались. И чтобы я еще раз связывалась с этим миром!

— Придется, — пожал плечами ее учитель, — кто кроме тебя выпустит этого обалдую из тюрьмы? Да. Мне понравилось, как ты сделала фантом дырки в заборе. Выглядело весьма натурально.

Лиссе польстила похвала Саварда, тем более что слышала она ее от него нечасто.

* * *

Когда Бетти с мужем вернулись в Академию, то чуть не споткнулись, выходя с порталной площадки. Весть двор был забит народом. Ближе всех к воротам стояли лисийцы во главе с Акмаром, рядом с ним прикинулся колонной Герулен.

Савард ткнул в бок парня из студентов, который стоял, разиня рот, и не обратил на его появление ни малейшего внимания.

— Эй, что тут творится?

Студентик уже собрался его послать, разинул рот, но, увидев страшное и опасное начальство, передумал. Хлопнул пару раз губами, как вытасченный из воды карп, затем собрался-таки с мыслями и ответил:

— Там, за стеной... Ну, в общем, сейчас состоится вручение ответа от императрицы Матильды.

— А ты что тут стоишь? Делать нечего? — напустился Савард на парня.

— Так ведь интересно же! Видите? Все пришли. Господин ректор такой заковыристый ритуал встречи придумал... В смысле... Госпожа Авенара должна забрать письмо.

Бетти тихонько захихикала. Она представила, как дрожащие от страха солдаты Матильды будут протягивать конверт огромному и страшному золотому дракону. А если бабушка разинет пасть пошире... Им же потом штаны стирать придется.

Савард взял жену за руку и потащил прочь с места действия. Его не интересовал весь этот цирк. Он устал, замучился, хотел есть и спать. По дороге бурчал сердито:

— Отдохнули, называется. Пожрать нормально не дали, всю ночь, вместо того, чтобы спать, просидел подвале с этим кретином Эсгейрдом, вон, все костяшки об него сбил... Хорошо хоть ты не пострадала, Бет. А то бы я им там полмира разнес. Идем скорее.

Беттина решила поинтересоваться:

— Куда, Вер?

— Сначала на кухню. Я жрать хочу как три года не кормленный. А потом спать. И гори все ясным пламенем. Пока я голодный и не выспавшийся — я злой.

— А тебе неинтересно посмотреть, что там сейчас будет?

Он пожал плечами.

— А что будет? ну. Перекинется твоя бабка в дракона, разинет пасть пошире, а то и огнем пыхнет для устрашения. Они бросят перед ней конверт на землю и тикать. Вот что в письме будет — интересно. Но его же не будут зачитывать публично. Узнаю, когда проснусь. Тебе кстати, тоже не помешает поесть и выспаться. Ты же, небось, даже не прилегла с тех пор как я влез в этот дурацкий портал.

Бетти не стала разубеждать мужа. Да, она спала этой ночью, но как? Сжавшись в комочек в углу дивана, сидя. А Веру надо скорее поесть, а то он на людей бросаться начнет. Может, не на нее, но вдруг с кем-нибудь другим сцепится.

За этими мыслями она не заметила, как они добрались до кухни Академии. Повара, прекрасно знавшие профессора, сразу же сунули ему здоровую миску каши, сдобренной овощным соусом, а поверх плюхнули шмат жареного мяса, почти полностью покрывший кашу.

Бетти кивнула повару:

— Мне то же самое, но порцию поменьше. А мясо откуда? — спросила она, вспомнив про блокаду Академии.

— Это оленина. Госпожа Авенара наловила, — ответил словоохотливый повар, — Она теперь каждый день летает в горы и притаскивает какую-нибудь дичину. Разве она вам не говорила?

Ай да бабушка! Снабжает всех мясом, а внучке ни слова. Надо будет с ней это обсудить. Может, Бетти сама была бы не прочь поохотиться. Вер понял это так же.

— Бет, а ты не собираешься присоединиться к бабушке? Не сегодня, сегодня нам надо отоспаться, но завтра, например? Тебе нужно нарабатывать навыки дракона, детка, а охота — то, что надо. Академии мясо, тебе — тренировка.

Беттина радостно закивала. Сидеть в четырех стенах не слишком весело, дракону нравится летать, значит, и охотиться понравится. Но Вер правильно сказал: сейчас, когда первый голод был утолен, ей хотелось только спать.

* * *

Выспаться Саварду так никто и не дал. Довольно скоро Герулен с Авенарой пришли их будить. Если бы эльф был один, Вер бы его облаял и выставил, но ушлый хитрец привел уважаемую тещу, лаяться с которой себе дороже. Поэтому Савард молча пропустил обоих в спальню.

Когда Авенара отобрала в шкафу наряд для внучки и утащила ее в ванную переодеваться, профессор уставился тяжелым взглядом на своего непосредственного начальника:

— Ну?

На Герулена это не произвело ни малейшего впечатления. Он бесстрастно проговорил:

— Ты мне нужен. Там эти... открыли письмо Матильды, прочитали и пересрались. Орут, кричат, руками размахивают. Как бы магией не начали друг друга лупить. Я уж пожалел, что впустил их в свой кабинет.

— А я там зачем?

— Ты умеешь так рявкнуть, что все замирают. Даже мне не по себе делается. Вот я и прошу: успокой этих ненормальных.

Савард хмыкнул, представив себе членов Совета Магов в виде собственных студентов, на которых его ряв производил поистине волшебное впечатление. То, что он за этим произнес, был не вопрос, а констатация факта.

— Наверное, не имеет смысла спрашивать, что в письме. У тебя уже готов ответ, как я понимаю.

Герулен самодовольно улыбнулся.

— Правильно понимаешь. Наша краля готова провести переговоры, но требует, чтобы мы для этого явились во дворец. А нам это, как сам понимаешь, невыгодно. В свое время по просьбе Юстина маги защитили здание от несанкционированной магии. Там нельзя применить боевое заклинание или открыть портал. Все остальные магические действия возможны только для тех, кому это разрешил император, то есть для придворных магов. Вся остальная магия блокируется.

Савард пару раз бывал во дворце, но ему не приходило в голову сканировать все вокруг на предмет магической защиты, так что информация для него была несколько неожиданной.

— Ого! Если туда лезть, не зная этого, можно здорово нарваться.

— Вот именно. А идти на то, что вся наша компания останется практически безоружной — идиотизм. Мы предлагаем Матильде встретиться на нейтральной территории.

— Думаю, другого выхода просто не существует. А что они тогда орут?

Герулен издал скрипучий короткий смешок:

— Ты что, наших магов не знаешь? У этих красавцев на двоих три разных мнения. Кто-то хочет развернуться и отбыть, кто-то за то, чтобы продолжить переписку, есть даже один идиот, который готов рискнуть пойти на Матильдины условия.

— Большой?

— Да не без этого. Тяжелая форма глупости и доверчивости. Но не в этом суть. Какое-то время придется с этой дурой пободаться, но дня через три она согласится на приемлемые условия.

Герулен говорил так спокойно и небрежно, что в голову Саварда закрались нехорошие подозрения:

— Эй, Гер, ты хочешь мне что-то поручить из разряда «пойди туда, не знаю куда»?

— Догадливый. Нет, Вер, совсем не то. Я хочу, чтобы ты возглавил нашу делегацию на переговорах.

— Что?

На вопль Саварда из ванной вылетели Беттина с Авенарой. Бетти, по — видимому, уже приняла душ, оделась, но еще не причесывалась, и ее роскошная грива рассыпалась по плечам, одевая девушку золотым плащом.

Авенара недовольно посмотрела на своего мужчину:

— Дорогой, чем ты так разозлил моего зятя?

— Ничем, дорогая, просто попросил его оказать мне одну небольшую услугу. Да ты знаешь, я тебе говорил.

Красавица наклонилась у внучке и сказала вполголоса:

— Детка, он хочет, чтобы твой муж отправился на переговоры с Матильдой в качестве главы делегации.

Бетти пожалала плечами:

— Не понимаю, зачем. Вер вообще не дипломат. Он привык говорить всем в лицо то, что думает и не умеет смягчать фразы.

Герулен тяжело вздохнул и снизошел до подробного объяснения.

— Зато он умеет строить порталы. В случае чего уведет всю делегацию в безопасное место. Причем даже если там будет заблокирована возможность создания простого портала, сделать то же для межмировых Матильдины маги не смогут, даже если возьмутся за дело все

вместе.

Савард покачал головой.

— Хорошо придумано. А сколько, если не секрет, нас к ней пойдёт?

— Семеро.

— Отлично. А кого мне, в случае чего спасать? Учти, я смогу вытащить максимум двоих. Ещё четверо останутся Матильде на память.

Герулен сморщился и стал лихорадочно тереть лоб.

— Хм, об этом я как-то не подумал. Но должен же быть какой-то выход?! Слушай, а чем лимитировано количество твоих пассажиров? Энергией?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тут уже задумалась Бетти. Она отцепилась от крепко державшей ее бабушки, села к столу и взяла в руки карандаш. Погрызла кончик, завела глаза под потолок и вдруг, схватив валявшийся на столе листок, начала быстро писать. Савард рванулся к жене, встал у нее за спиной, сунул нос ей через плечо и и с ходу выдал:

— База? Ну конечно! Тут бери коэффициент побольше. Не три и два, а четыре с половиной. И еще... Я могу взять за руки только двоих. Остальным тоже должно быть за что держаться. Такое, что не порвется и не перережет меня пополам в случае чего.

У Авенары сверкнули глаза.

— Драконья шкура подойдет? У меня есть. От последней линьки осталась.

— Бабушка! — вскричала Бетти.

— А что «бабушка»? Дырку в ней прорежем и пусть надевает вместо плаща. Если все в нее вцепятся с разных сторон, самое то будет. А энергия... С одной стороны берите накопители, а с другой... Пусть красавцы сами в твое заклинание ее вливают. Кстати, там же наверняка есть те, кто умеет строить межмировые порталы. Что ты так к Веру прицепился?

Герулен вздохнул. По лицу было видно: в таланты членов Совета он не верит абсолютно и не собирается им доверять вопросы безопасности делегации.

— Они слишком засиделись в своей Лисилии и могут просто не спохватиться вовремя, промедлить. Вообще, как я заметил, они долго соображают. А Вер — практик, да еще с таким опытом. К тому же у него ориентиры по мирам притоптаны, он ни на мгновение не задумается, перетащит всех в безопасное место.

В том, что это так, ни у кого сомнений не было. Но все же Эверард не горел желанием встретиться с Матильдой, а Бетти боялась его отпускать. Она вцепилась в рукав мужа и переводила взгляд с него на Герулена. Авенара тоже выглядела недовольной. Один эльф сохранял спокойствие и снисходительно смотрел на всех с высоты своей многовековой мудрости.

— Хорошо, — выдавил из себя отнюдь не убежденный Савард, — положим, я пойду за главного. Но что я буду говорить Матильде? Это ты у нас на каждое слово десять найдешь, и все хитрые и уклончивые, а мне проще сказать прямо то, что думаю.

Герулен стал лихорадочно дергать себя за ухо.

— Я все время об этом думаю. Что лучше: написать тебе слова, чтобы ты от текста не отрывался, пойти с тобой и говорить за всех, оставить тебя дома, остаться самому и пусть Май отдувается?

В это время Беттина закончила расчеты и сунула бумажку под нос мужу. Савард увидел, что получилось, подхватил жену на руки, сам угнезвился на ее место и, пристроив Бетти на коленях, заговорил, лениво растягивая слова:

— Знаешь, Гер, по — моему, мы с тобой на лисилийскую делегацию не тянем. Зато мне ясен наш долг: мы не можем бросить Академию. Так что пиши слова для Акмара и пусть выкручивается. Он — это, конечно, не ты, но тоже калач тертый. Тот еще скользкий тип и опыта ему не занимать. А портал... Мы с Бетти им амулет сделаем. С накопителями. Драконью шкуру напаялим на Маелиуса и вперед! Пусть всем кагалом в заклинание силу вбухивают.

В кои-то веки удачное решение принадлежало не Герулену и он от такого даже слегка опешил. Затем оценил все грани такого хода и радостно спросил:

— А место? Куда ты их отправишь? И как потом вернешь обратно?

— Есть одно такое... Если туда попадут, то уже не потеряются. А я потом их хоть и по — одному перетаскаю. Или вон с Бетти пару раз сходим.

Бетти, глядя на обычно холодного и высокомерного Герулена, фыркнула в рукав. Эльф чуть не прыгал от радости, что удалось выработать приемлемый план. Но вскоре он вернулся к своему обычному виду и тону:

— Итак, я тебя прошу сделать то, с чего начал этот разговор: рявкни на наших магов! Пусть уже уймутся и я им втолкую, как мы будем действовать дальше.

Савард, успевший к тому времени натянуть штаны и рубашку, но до сих пор сидевший без сапог и даже без носков, уныло вздохнул.

— Да ладно, рявкну, мне не трудно. Только дай нам с Бет одеться и привести себя в порядок. И пусть принесут поесть. Мы же с ней не просто так среди дня спать легли.

— Устали?

На тонких губах эльфа играла ехидная улыбочка. Он явно намекал на любовные игры. Если бы это было так, Савард не разозлился бы. Но он провел ночь в неблагоустроенном подвале в обществе одного малоадекватного демиурга, поэтому шуточки Герулена раздражали. Но не объяснять же?

— Представь себе, устали, — буркнул он сердито, — А если не веришь, могу и тебе приятную ночку устроить, чтобы сам убедился.

Неизвестно, что подумал Герулен, но глаза у него округлились и он вместо очередной язвительной реплики предложил по — быстрому разобраться с делегацией и идти отдыхать до завтра.

Бетти тронула мужа за плечо:

— Вер, мы обещали Лиссе...

— Что? — обернулся он к жене.

— Ничего. Просто мне интересно, что скажет Актеллия. Я волнуюсь за Джимми. Давай подскочим к Сарториусу вечером? Или ты устал?

И она умильно заглянула в глаза мужу.

После таких слов и взглядов говорить о том, что нет сил, было просто невозможно. Тем более, что Савард прекрасно понимал: если он откажется, Бетти отправится туда сама. Его жена не какая-то там забитая дурочка. Она золотой дракон и если что решила, то сделает, чтобы кто ни говорил. А весомых аргументов против у него не было никаких.

Пришлось соглашаться, после чего Савард вместе с Геруленом отправились разнимать драку магов, а Бетти с бабушкой остались, чтобы поговорить о своем, о женском. Например, об охоте на оленей и других крупных парнокопытных.

Лисса вернулась к Сарториусу злая как оса. Она злилась сразу на всех: на Эсгейрда, который похитил Джимми в угоду бабушке, на Джимми, который так глупо дал себя похитить, на дураков из техномира, которые вечно путаются под ногами, на коварную бабушку (как ее зовут, кстати?), на Актеллию, на счастливую Бетти и еще более счастливого Саварда... Не злилась она только на Сарториуса, потому что на этого милягу злиться просто не получалось.

В этом состоянии звать Актеллию было не слишком разумно, но чувства застили Лиссе глаза. Она едва выпила чай, который ей любезно подсунул Сарториус, затем коротко извинилась и убежала в сад на закрытую со всех сторон камнями и деревьями полянку. Ей хотелось поговорить с древнейшей без свидетелей.

Актеллия не спешила явиться на зов, так что Лисса уже извелась и вытоптала всю траву на полянке, пока дождалась свою прабабушку В этот раз она явилась не в виде прекрасной женщины, а в облике дракона. Так она делала, когда была недовольна. Голос древнейшей не разносился по округе, он зазвучал у Лиссы в голове:

— Что такого случилось, что ты беспокоишь меня в неурочный час?

Лиссе непривычно было общаться беззвучно и она выпалила вслух:

— Моего Джимми украли!

В янтарных глазах дракона засветились смешинки:

— И кому же пришла в голову эта блестящая идея? А главное, зачем? Перед кем бедный мальчик провинился?

Лисса не склонна была шутить:

— Это способ воздействия на меня. Твоя дочь все выдумала, а мой отец осуществил. Теперь я не знаю, где мой любимый, но уверена: стоит мне начать его активно искать, как я окажусь во власти... Как ты назвала свою дочь? Я слышу «бабушка, бабушка», как будто у нее нет имени. Но это же не так?!

— Конечно, у нее есть имя. Древнее и весьма труднопроизносимое. Но ты можешь звать ее сокращенно: Герберина. Так я называла ее, когда она была маленькой. По — моему, звучит довольно мило.

Обсуждать, милое у бабки имя или нет, Лисса была не в состоянии. Она просто сходила с ума от тревоги за Джимми.

— Давай сейчас не будем об этом. Мне надо тебе рассказать, что я уже сделала, а затем попросить твоего совета.

Актеллия выдохнула клубы дыма.

— Давай, рассказывай.

Лисса сбивчиво, сумбурно пересказала события последнего времени, изложила то, что удалось узнать у отца, а заодно вывалила на древнейшую все свои домыслы и опасения.

Могучий, черно — зеленый, мерцающий как россыпь драгоценных камней дракон лежал тихо, изредка моргая янтарным глазом. По виду Актеллии нельзя было догадаться, слушает она, или ушла глубоко в свои мысли. Почему-то это успокаивало. Рядом с этим невообразимо древним созданием все переживания Лиссы вдруг стали казаться смешными и малозначительными. Даже судьба ее милого перестала представляться такой уж важной. Девушка даже была вынуждена себя одернуть и вспомнить, ради чего и кого все затевается.

Наконец Актеллия выслушала ее и снова подала голос:

— Ты хочешь вернуть своего мальчика? Да, он хорош, мне самой понравился: отличный экземпляр. Но не думаю, что это удачная идея. Боюсь, максимум чего ты сможешь добиться — это сохранить ему жизнь. Но надолго ли? Он и так из короткоживущих. Бедный мальчик уже утратил мир, в котором родился, теперь, если ты согласишься на условия моей дочери ради его освобождения, он утратит и тебя, как смысл своего существования в других мирах. Ему недолго осталось в любом случае. Стоит ли ради этого отказываться от своей свободы и идти на поводу у Герберины? Не лучше ли ему закончить свою жизнь сейчас и дать тебе возможность поступать согласно своей воле?

Слова древнего дракона были полны спокойной, холодной расчетливости и нечеловеческой мудрости, для которой жизнь одного создания ничто перед судьбой возможного создателя. Чтобы стать настоящим демиургом Лиссе требовалось лишь принять эту логику и отбросить свое полудетское увлечение Джимми, как пустую кожуру от некогда сладкого и сочного фрукта. Девушка и раньше понимала, что бабушка поощряет ее страсть только как нечто временное, опыт, который поможет ее девочке вырасти. Для Актеллии Джимми был чем-то вроде развивающей игрушки, которую дитя отбросит сразу, как только освоит. Лисса умом это понимала, но душой была к такому совершенно не готова.

По мере того, как Актеллия говорила, в ее правнучке поднимался гнев. Она сопела все громче и наконец не выдержала:

— Бабушка, прекрати немедленно! Я не собираюсь сдаваться и предавать свою любовь только потому, что это невыгодно! Я спасу Джимми и накостыляю всем, кто посмеет протянуть к нему свои шкодливые ручонки! Придумаю как, можешь не беспокоиться! И пусть твоя Герберина на жалуется потом!

Дракон вдруг начал содрогаться. Сначала Лисса испугалась, она не могла понять, что происходит, но внезапно до нее дошло: Актеллия хохотала. Затем вдруг все прекратилось, черно — зеленая чешуя начала подергиваться радужной дымкой, и вот уже на полянке стоит прекрасная дама в переливающимся перламутром наряде.

Древнейшая огляделась вокруг, одним движением восстановила вытопанную Лиссой траву и прижала правнучку к груди.

— Ну, не злись, мое сокровище! Если тебе так нужен это паренек, он будет твоим. Только... В открытую я из-за него выступать не стану. У нас, демиургов, есть правило: не ссориться из-за созданий. Тебе придется выручать его самой. А вот твою спину я прикрою. Исходя из того, что ты узнала от своего отца, тебя решено запродать в какой-нибудь неблагополучный домен, где с женским началом не считаются. Этого я не позволю! Не хочу, чтобы тобой завладел тот, кто не будет ценить твоих уникальных качеств, а захочет тебя подавить и превратить в простой источник. Боюсь, моя дочь планирует именно это.

Лисса этого не боялась, она просто была уверена, что Герберина (зачем такой вредной особе такое милое имя?) хочет отомстить внучке за непослушание и заставить слушаться если не себя, то того, кому она ее запродает.

У нее не было иллюзий: опыт и сила настоящих демиургов, выращенных и воспитанных в своих доменах во много раз превосходили ее жалкие возможности. Она могла торжествовать только над таким ничтожеством, как ее родной папаша, но даже если вспомнить тех разноцветных ребят...

Любой из них справился бы с ней щелчком мизинца.

Единственное, что у нее оставалось в арсенале, это неистощимая выдумка. До сих пор

она проказничала просто из удовольствия поставить всех на уши. Сейчас это может иметь более серьезную цель.

Но...

Кроме Актеллии, которая может вступить, а может нет, ей нужны союзники. Древнейшей по большому счету наплевать на Джимми, ей важно научить Лиссу справляться с болью потерь и ради этого списать ее любимого в расход ей ничего не стоит. А она сама себе этого не простит.

Ей тут вспомнились ее разноцветный жених и его братья... Может, к ним обратиться? Если они согласны ждать Лиссу, то появление на сцене еще одного претендента, да еще не из созданий, а из создателей, вряд ли может им понравиться. Драконы никогда не отдадут своего, а ведь демиурги создавали их по своему образу и подобию.

Она не брала в голову, что натравить один домен на другой — плохая идея. Если что, не она первая начала. Пусть Герберина примет на себя всю меру ответственности. Это же она решила отдать посторонним то, что уже было обещано и, следовательно, ей не принадлежало. Лисса только защищается и защищает того, кто ей дорог.

Придется встретиться с бабкой лицом к лицу. Но сначала она выпустит папашу из подвала, а затем заставит его найти этих, как их... Эрмана и Энсия. Кажется, из домена Исхиназьер. Пусть выручают свою возможную невесту. Заодно и посмотрим, каковы они в деле.

* * *

Лисса вернулась в дом Сарториуса в задумчивом настроении. Злость куда-то испарилась. Сейчас ее занимали более конструктивные мысли и чувства. По идее следовало бы освободить папашу из подвала и послать с поручением, но она не торопилась. Посидит там, ничего с ним не случится. Вода есть, еда тоже...

Если его выпустить сейчас, он рванет к Герберине со всей доступной ему скоростью и заложит ее, Лиссу. Это может повредить Джимми. Пока злобная бабка не знает, какое решение приняла вредная внучка, она не тронет парня. Выходит, Эсгейрда надо будет выпустить в последний момент, когда он уже никому не успеет навредить.

Да, и заодно объяснить ему, что соваться сейчас к Герберине — это самое глупое, что он может сделать. Вместо награды ему грозит серьезная головомойка. Ну а как же? Внучка-то собралась в гости отнюдь не с повинной! И единственный для него путь к спасению — найти ребят Исхиназьер и все им рассказать. Тем более, что многое им уже известно.

Сарториус, который не видел явления дракона в своем саду, но слышал странные звуки и заметил выходящий из-за крон деревьев дым, спросил нерешительно:

— Что там было, дитя мое? Что-то опасное?

Лисса помотала головой.

— Нет, все нормально. Просто Актеллия прилетела в виде дракона, а эти создания тихими не бывают.

Старый садовод перепугался:

— А мои посадки? Дракон их помял, наверное...

Лисса неопределенно махнула рукой.

— А, посадки... Нет, с ними все в порядке. Бабушка Актеллия восстановила все, что поломала. Можете сходить посмотреть, я не обманываю.

Сарториус меньше всего склонен был сомневаться в словах девушки, но почему-то кротко потрусил в сторону укромной полянки, как будто что-то тянуло его туда. Стоило ему пропасть из виду, как около дома возникли разом Беттина и ее муж. Похоже, что они шли каждый своим порталом, потому что возникли не рядом, а на значительном расстоянии друг от друга. Лиссе даже показалось, что подруга превратилась в человека в самый последний момент. Ах, ну конечно! Драконы ходят между мирами только в истинном обличье.

Бетти тут же кинулась к подруге.

— Лис, с тобой все в порядке? Что сказала Актеллия? И где твой папочка?

Лисса крепко обняла ту, которая давно стала для нее ближе всех. Даже сестра не могла быть роднее.

— Со мной все хорошо, Бет. Вот только... Актеллия не собирается помогать Джимми. Он для нее разыгранная карта. Ушел в отбой и более не интересен.

Бетти наморщила носик и приняла свой обычный серьезный и деловитый вид.

— Выходит, придется тебе действовать самостоятельно. Лис, скажи, чем я могу помочь?

— Чем мы можем помочь? — поправил ее подошедший Савард.

Бетти с благодарной улыбкой привалилась к нему и тронула за запястье, показывая, как ценит его слова. Затем снова нахмурилась.

— Лис, а у тебя есть план? Может, тебе что-то нужно? Ты только скажи, мы сделаем все, что в наших силах.

Девушка тряхнула волосами.

— Ну, если только проследите за моим папашей. Я пойду разговаривать с бабушкой, а в это время он должен отправиться в соседний домен и привести в гости моих знакомых.

Савард осторожно закинул удочку:

— Может, мы могли бы сами...

— Нет, это невозможно. Создания не могут покидать домен создателя без его разрешения. А его вам никто не даст. Эсгейрду проще, он хоть и младший, но все-таки демиург. Но вот добиться того, чтобы он не рванул со всех ног меня закладывать, а выполнил мое поручение, вам вполне по силам. Вас, учитель, он как огня боится.

— Ну вот так уж и боится, — прикинулся скромным Савард.

Услышав это, Бетти сдержанно фыркнула, а Лисса засмеялась в голос.

— Мне кажется, — отсмеявшись, заметила она, — что в вашем присутствии он забывает о том, кто он есть такой. Иначе вряд ли вы смогли бы его так эффективно отлупить.

Профессор неубедительно изобразил застенчивость и смущение, отчего его сдержанная жена просто перегнулась пополам от хохота. Тут и он сам присоединился к общему веселью, которое с каждой минутой все больше отдавало истерикой.

В конце концов он же первый сумел взять себя в руки. Очень вовремя: из обхода своих владений вернулся Сарториус. Вид у него был восторженный и слегка неадекватный.

— Там такое, такое..., — бормотал он, — Это чудо! Я таких цветов никогда не видел!

Лисса прекратила глупо ржать и радостно закивала Сарториусу. Ясно, бабушка решила извиниться перед старичком и сделала ему небольшой подарок. Надо будет как-нибудь глянуть, что там выросло.

Бетти тоже опомнилась и теперь пыталась привести себя в порядок. Она вдруг

вспомнила о том, что они оставили в Академии. Выходит, ей и Лиссе помочь нужно, и дела родного учебного заведения забрасывать не годится. Бедная Бет никак не могла совместить в своем сознании две столь разные задачи. Наконец сообразила:

— Хорошо. Давай так. Мы с Вером отправляем твоего папашу куда ты там сказала...

— В домен Исхиназьер.

— Вот — вот... Ты идешь встречаться с этой своей бабушкой... Как ее зовут?

— Герберина.

— С Гербериной. Затем возвращаешься уже вместе с Джимми и помогаешь нам разобраться с Матильдой. Так будет правильно и хорошо.

Лисса смотрела на подругу и недоумевала. Как Бетти может так легкомысленно планировать то, что планированию вряд ли поддается? Кто знает, как пройдет ее встреча с Гербериной и чем закончится? Тем более никто не может предсказать, много ли на это потребуется времени. А уж решить, когда и с кем Лисса вернется, не способна даже Актеллия.

Но Бет говорила так уверенно, что и Лисса проникалась ее убежденностью.

* * *

Выпускать Эсгейрда из заточения они решили не торопиться. Это следовало сделать не раньше, чем Лисса встретится с бабушкой Гербериной. Иначе вредный младший демиург может так подгадать, что потом вовек не исправишь.

Он ведь надеется, что, помогая бабушке поймать Лиссу, закладывает основу своего будущего благополучия, зарабатывает прощение и забвение всех своих прошлых грехов. Надо, чтобы дурак понял: он сделал себе только хуже.

Вот тогда он понесется под защиту к ребятам Исхиназьер, а заодно и передаст им новости про Лиссу.

Лисса очень надеялась, что симпатичные разноцветные парни прониклись к ней теплыми чувствами. Им явно не нравились порядки в Актеллионе, а Лисса, наоборот, понравилась своей дерзостью и внутренней свободой. Правда, они ее считают маленькой, но это и хорошо. Заступятся, как за младшую сестренку. А она пока под шумок вытащит своего Джимми и смоемся с ним в безопасное место.

Оптимально было бы устроиться на его родной планете. В техномир не каждый демиург решит сунуться. Герберина их вообще не переваривает и не захочет даже рассматривать поимку Лиссы в таком малопривлекательно для себя месте.

Только надо держаться где-нибудь подальше от того дурацкого городка, где они познакомились.

А, что сейчас об этом думать. Вот вытащит она Джимми, он уж найдет решение. У нее другая задача: найти любимого и унести из-под носа вредной старой змеищи. Заодно разозлить Герберину так, чтобы папаша и носа не смел к ней высунуть.

Как попасть к бабке в гости Лисса даже не задумывалась. Надо действовать естественно. Например, отправиться в гости к друзьям на Ардаю. Оттуда ее сразу вытащат, но это не будет нарочито, как будто она подставилась. Бетти с ней согласилась и предложила подразнить бабку с территории Академии. Они уйдут туда вместе и никто не догадается, что, стоит Лиссе исчезнуть, Бет с мужем оправятся вызволять из подвала ее

папочку и отправлять его за помощью.

Савард, правда, сомневался в действенности плана девушек. Ему казалось, что такой сильный демиург, как Герберина, должна иметь возможность знать все их мысли. При таком условии она придумает систему противодействия раньше, чем они начнут что-то делать.

Лисса рассмеялась.

— Учитель, в принципе это возможно. Но никто из демиургов так не делает: голова треснет. Мысли такого количества живых существ, какое живет в созданных Гербериной мирах, создают адский ментальный шум и она давно прикрылась от него, чтобы не сойти с ума

— Разве она не может так подслушивать кого-то одного?

— Может, — согласилась Лисса, — но не будет. Она слишком высокого о себе мнения. Сейчас у нее в руках мой Джимми, она знает, что я его не брошу, и ей этого достаточно.

— Ты уверена? — засомневался Савард.

— Учитель, я имела неудовольствие с ней общаться. Она считает себя самой умной, а меня — дурочкой, которой повезло.

Савард кивнул, показывая, что его убедили. На самом деле он сомневался в успехе. Хотя... Если Авенар применит свои коронные трюки, которые доводили всю Академию до белого каления при том, что предъявить ей было нечего... Возможно, она и вытащит бедного Джимми.

Математик нравился Саварду. Своей спокойной разумностью он уравновешивал взрывной темперамент его ученицы, а кроме того, этот короткоживущий был на удивление умен и талантлив. Ему бы магический потенциал, какого мага можно было бы вырастить! Большая часть Совета ему бы в подметки не годилась!

В результате у него было аж три причины помогать Лиссе. Во — первых, Бетти сильно переживала за подругу, во — вторых, Лис была его любимым, самым талантливым учеником, а в — третьих, отдать хорошего парня Джеймса Хеддлтона каким-то там демиургам на съедение было недостойно самого Саварда! Он никогда не сдавал друзей, а Джимми успел стать его другом.

Поэтому он не стал больше спорить и выяснять подробности, решив, что Лисса лучше знает образ мыслей и манеру действовать своей бабушки. Главное, им с Бетти не придется делать ничего сверхъестественного. Они справятся.

* * *

Переночевать решили у Сарториуса, а с утра переместиться в Академию. Лисса была уверена, что там она не задержится. Скорее всего, ее похитят прямо с порталной площадки. На деле вышло иначе.

То ли Герберина отвлеклась, то ли решила поиграть с жертвой, то н=с порталной площадки Лисса спокойно проследовала за Бетти в здание Академии. Их там уже ждали, вернее, ждали Саварда с женой. На главной лестнице стояли Герулен с Авенарой и загадочно улыбались.

Савард терпеть не мог подобных загадок, поэтому сразу перешел к делу:

— Ну как, что произошло, пока нас не было? Матильда прислала ответ?

— Прислала. Она настаивает на своем дворце.

— Вот дура! Настаивать надо на лимонных корочках. Иначе получится гадость.

Герулен расплылся в ехидной улыбке.

— Примерно это я ей и ответил. В полдень состоится передача послания и будем ждать дальше. Время работает на нас.

Савард не был так в этом уверен. Если бы он был на месте Матильды, эта переписка дала бы ему время подготовиться и оборудовать недоступную для магии площадку в любом произвольном месте. Оставалось только надеяться, что матильдины прихвостни не слишком хороши в подобной магии.

— Хотелось бы, чтобы это было так.

Бетти тем временем подхватила Авенара и вместе с Лиссой повлекла на улицу. Она хотела показать девушкам свои достижения и заодно поселить подругу внучки одну из комнат башни с привидениями. Попутно она посвящала Бет в особенности поведения приезжих из Лисилии.

— Эти парни из Совета никак не могут сидеть спокойно. Болтаются, всюду нос суют, дают непрошенные советы... Привыкли командовать... Каждому хочется быть главной затычкой во всех бочках, а у нас и бочек столько нет. Самый приличный — Май Акмар. Забрался в библиотеку, нашел там себе книжечку и сидит, читает. Вылезает только когда доставляют очередное послание Матильды. А остальные...

Она выразительно махнула рукой.

Бетти рассмеялась, а Лисса непроизвольно сжалась. Она была готова к тому, что ее сцапает Герберина, но этого не произошло, что совершенно выбило девушку из колеи. Она в каждую минуту продолжала жать нападения, никак не могла расслабиться и нормально воспринимать окружающее.

По пути в башню девушку не раз останавливали. К Лиссе подходили старые знакомые, бывшие соученики, какие-то посторонние маги... Каждый старался привлечь внимание, пообщаться. Видно, скучно им было сидеть и ждать неизвестно чего. Знакомым она отвечала что-то приветливое, незнакомых отшивала взглядом. Ей сейчас не до легкого флирта.

Бетти смотрела на это понимающим взором. Пару раз, когда мужчина оказывался излишне настырным, она приходила на помощь подруге. Брала ее за руку и говорила не терпящим возражения тоном:

— Извините. Мы спешим.

Лисса убедилась, что Бет тут все знали и уважали. Еще бы! Золотого дракона и супругу Саварда по совместительству стоило не просто уважать, ее имело смысл побаиваться.

В башне Авенара показала Лиссе комнату на третьем этаже. Отличное, комфортабельное помещение, о лучшем и мечтать не приходилось.

— Детка, мы приготовили для делегации из Лисилии больше комнат, чем явилось народу. Кроме магов Совета в башне никто не живет. Так что располагайся, здесь тебе будет удобно.

Лисса поблагодарила драконицу и кинула на кровать свою сумку. Она предпочла бы снова оказаться в их с Бетти комнатухе в студенческом общежитии. Это бы вызвало у нее чувство возвращения домой. А в этом красивом, но давно пустующем помещении, ей казалось, что она где-то на перевалочной станции жизни.

Авенара ушла, Бетти поинтересовалась, не нужно ли подруге что-то еще, пообещала позвать на обед и убежала искать мужа. Лисса вспомнила, что говорила Бет о своем браке и усмехнулась. Пусть она и говорит, что вышла замуж без выбора, но к Саварду привязана,

этого не отнять. Кажется, эти двое удачно нашли друг друга. И если Эверард в своих чувствах не сомневался, то Беттине еще предстояло понять, как она относится к тому, с кем связана на всю жизнь.

Оставалось решить, как дать подруге знать, что Герберина ее похитила, если вдруг такое случится. У девушки было четкое понимание, что вытаскивать ее из этого мира будут только когда она останется одна. Герберина не любит ничего делать при свидетелях. Она постарается все провернуть максимально незаметно. Лисса уже представляла себе, что бабушка может вытащить ее так, что даже пушинка не шелохнется.

Естественно, Лисса не успеет ничего сделать в самый последний момент, тем более что она не представляет, когда он настанет. Значит, о сообщении для друзей надо позаботиться заранее. Она написала записку: «Бет, меня похитили, я у Герберины, начинай проводить в жизнь наш план».

Затем положила его на стол и придавила вазочкой. Пусть лежит. Когда Лисса исчезнет, Бетти найдет записку и будет знать, что делать.

День прошел для Лиссы в моральных терзаниях. Никто ее не похищал. Она пообедала и поужинала в общей столовой, побродила по лагерю беженцев, даже поиграла с их детьми в салочки и городки, только чтобы отвлечься.

Кажется, бабушка уловила ее боевой настрой и делала все, чтобы сбить его. Ожидание подходило для этого как ничто другое. Если бы не поддержка Беттины, которая заметила страдания подруги и все время старалась ее поддержать, рассмешить, а то и разозлить слегка, Лисса бы растеклась как кисель и перестала представлять из себя угрозу для кого бы то ни было. Но Бет знала, на какие кнопки давить. Вечером Лисса ушла спать в таком настроении, что ее впору было ставить во главе армии и отправлять в бой.

Пришедшая утром ее будить Авенара нашла только записку на столе.

* * *

Все произошло глубокой ночью. Внезапно крепко спящая Лисса проснулась и подскочила на кровати. Было темно хоть выколи глаз и неестественно тихо, как будто в уши залили воск. Она ощупала под собой кровать и успокоилась: вроде все на месте. Вот и халат в ногах валяется. Девушка натянула его на себя и спустила ноги на пол. В ту же секунду окружающий мир начал светлеть и потек, как воск, плавящийся в пламени свечи.

План сработал.

Знакомый золотистый туман окружал Лиссу. На этот раз он был таким густым, что застилал все вокруг. Невозможно было разглядеть даже каменных плит под ногами, но, может, их там и не было? По крайней мере понять, куда следует двигаться, в этом густом мареве не получалось.

Хотя какая разница? Лисса махнула рукой, как учила ее Актеллия, и в одном месте туман поредел. Образовалось нечто вроде коридора, по которому она и пошла вперед, твердо надеясь набрести на нормальное помещение. Ей совсем не хотелось встречаться с бабушкой, но вот сесть и вытянуть ноги она бы не отказалась.

Часть способностей сейчас явно не действовала, иначе она бы и видела лучше, и могла создать вокруг себя любой желаемый интерьер. Но, раз не получалось, выходит, Герберина постаралась.

Одно утешало: после работы с Актеллией она четко представляла себе границы своих возможностей и знала, что такое ограничение не навсегда. Просто в бабкиных хоробах та может задавать любые правила, которым придется подчиняться. Но стоит выбраться отсюда — и Лисса снова во всеоружии способностей демиурга. Только бы бабуля ничего не придумала такого, против чего бессильны даже создатели миров.

Несмотря на то, что ее колотило от страха, Лисса упорно продвигалась вперед.

Проход в тумане вывел ее к знакомой комнате, той самой, в которой ее поселили в прошлый раз. Лисса понимала, что во многом выдумала это место сама и теперь в бабушкиных владениях только оно доступно ей в любой момент. Тогда она была смущена и испугана, поэтому не дала своему воображению волю, а придумала довольно миленькое помещение со всеми доступными удобствами. Сейчас она даже сообразила, откуда взялся образ подобной комнаты: нечто похожее, только в других тонах, она видела, когда как-то посещала квартиру преподавательницы, жившей не в стенах Академии, а снимавшей дом в городе.

Тогда ее жилище показалось неискушенной Лиссе образцом роскоши и комфорта и она многие годы грезила, что когда-нибудь станет жить не хуже.

Вымечтанный интерьер оказался тем, за что она зацепилась, чтобы перестать бояться и обрести почву под ногами.

К счастью, сейчас эта комната подействовала на нее точно так же. В ней получалось расслабиться.

Стоило немного прийти в себя, как глаза сами начали слипаться. Возможно, что во владениях бабушки уже давно утро, но по Лиссиному внутреннему времени сейчас самый сладкий сон. Лисса плюхнулась в мягкое кресло и вытянула ноги. Можно было устроиться на кровати, тем более что спать хотелось просто невероятно, но она решила не рисковать. Нельзя, чтобы старая стерва застала ее врасплох.

То ли ей не хватило силы воли, то ли чары Герберины так подействовали, но и кресло не помогло. Лисса проснулась оттого, что кто-то очень пристально на нее смотрит.

Нет, не бабушка. Тетка Эстреллина. Опять ее сюда вызвали, чтобы обрабатывать племянницу, а она и рада стараться. Сидит на краешке кровати и смотрит на Лиссу, как будто прикидывает, с какого бока отрезать себе кусочек, и при этом сокрушается, что племянница ни мяса, ни жира не нагуляла.

Девушка сморщила нос и зевнула без малейшего стеснения. Этим она не только развеивала сонливость, но и показывала, насколько безразлично ей присутствие тетки. Она даже здороваться с ней не собиралась.

В ее глазах даже прислуга была достойна большего уважения, чем кроткая раба собственной матери.

Эстреллина все прекрасно поняла. Ей бы встать и уйти, все равно ничего толкового не выйдет, но она заговорила:

— Девочка, не надо так. Не стоит начинать с противостояния. Ты напрасно думаешь, что сможешь что-то противопоставить своей бабушке. Тут даже Актеллия ей не помешает, она все равно сделает так, как считает нужным. Лучше тебе покориться сразу, попросить прощения, глядишь, она и сжалится...

— Сжалится?! — широко раскрыла от удивления глаза Лисса, — Сжалится? Тетя, ты в своем уме? О чем ты говоришь, опомнись! Разве она сжалилась над тобой, своей родной дочерью? Почему ты думаешь, что ко мне она отнесется лучше?

Кажется, ей удалось ударить в самое большое место. Эстреллина затряслась, га глазах у нее показались слезы и она исчезла в золотистом мареве. Сбежала с поля боя.

Лисса поднялась на ноги и огляделась. Комната ничуть не изменилась, но теперь девушка знала, что любая дверь может открыться в любое место, стоит ей только захотеть. Вряд ли ее отсюда выпустят, но внутри того, что Герберина создала как свой дом, она сможет попасть практически в любое место.

Но для начала надо подкрепиться. Хоть девушка и признавала, что, как энергетическая сущность, она может обходиться без еды и питья, но привычки тела отбрасывать не стоило. А то недолго его и потерять.

Она вспомнила вкусности, которые готовила Бетти: блинчики, жареный бекон с луком, творожники, пышный хлеб и булочки с корицей. Здесь и сейчас они появлялись перед ней на столе силой желания. Добавив к ним молоко и горячий чай со зверобоем, она придвинула кресло поближе и со вкусом позавтракала. Если Герберина наблюдает, то пусть знает: аппетит своей внучке ей испортить не удалось.

Как ни странно, сытость не сделала Лиссу добродушной. Наоборот, она чувствовала прилив сил и готова была порвать любого на тряпки. Вот теперь можно было отправляться на поиски Джимми.

Хотя зачем искать? Надо просто пожелать и дверь откроется именно туда, где его держат. Полностью убежденная в этом, она открыла ту дверь, за которой еще недавно для нее скрывалась ванная. Золотистый туман мелькнул и пропал: Лисса оказалась в очень странном месте.

Сначала она ничего не поняла. Все вокруг переливалось яркими, радужными цветами, но это было не обычное здесь марево. Все вокруг сверкало, отражая и преломляя свет, и разобраться, где верх, где низ, где право, где лево, было невозможно. Казалось, она находится в огромной комнате, уставленной зеркалами и стеклянными призмами, часть которых располагается даже на потолке.

Взяв себя в руки и присмотревшись, она поняла, что не ошибается. Все таки есть. Если Джимми держат здесь и уже не первый день... Бедный мальчик, он же с ума мог сойти!

С самой первой минуты их знакомства Лисса воспринимала своего друга как кого-то, кто старше, умней и опытней, несмотря на то, что на самом деле это было не совсем так. Но если лет Лисса прожила больше, то Джеймс Хеддлтон был более зрелой личностью и она это признавала. А вот сейчас он стал для нее тем, кого надо спасать и защищать, то есть младшим, и от этого ее чувство к нему приобрело томительные, щемящие нотки материнского.

Сейчас она была готова на все: грызть и рвать зубами каждого, кто покусится на ее сокровище, вступить в схватку с кем угодно и даже погибнуть самой, чтобы сохранить того, кто стал ей так дорог.

Она понимала, против каких сил поднялась, но ей было безразлично. Пусть ее противница сильнее, зато она точно знает, за что сражается.

Только бы он был жив и здоров душевно, со всем остальным она справится! И пусть только кто-то попробует встать у нее на пути! Бабушка, не бабушка, все равно! Разнесет по кочкам, так что и следов не останется.

Но в данный момент вся ее энергия пропадала втуне. Никто не бросал ей вызов, не с кем было драться. Только сверкающие зеркала и хрустальные призмы переливались радужными бликами. Где здесь искать Джимми?

Она покрутилась, взглядываясь в отражения, но ничего не увидела. Зеркала отражали друг друга и казалось, что в комнате кроме них ничего и никого нет. Лисса решительно пошла вперед. Теперь в зеркалах отражалась и она сама. Радовало то, что кривых тут не было, а то она могла совсем потерять ориентацию. Ей и так хватало: несколько раз она натыкалась на зеркало, стоявшее под углом таким образом, что, казалось, там проход. Время от времени ей мерещилось, что она кого-то видит, но каждый раз выяснялось, что это ее собственное отражение, искаженное очередной призмой.

Кричать ей было страшно: а вдруг крик, как изображение, тоже отразится от всех этих поверхностей и станет только страшней?

Зеркальный лабиринт отказался огромным. Она бродила по нему и чувствовала, что тоже потихоньку сходит с ума. Безумный демиург — это страшно, Лисса это прекрасно сознавала. Наверное, мысль о том, что встречу с таким монстром Джимми не переживет, и удержала ее на грани.

Любовь и желание защитить помогало сохранить себя, но отчаяние постепенно разрушало эту непрочную защиту. Если бабушка именно это задумала, то ей, надо сказать, все удалось. Еще полчаса среди этих сверкающих поверхностей, и все.

Когда она уже почти потеряла надежду, ее вдруг привлекло изображение в одном из зеркал. Там, кроме ее фигуры, отражалось нечто темное: не то куча тряпья, не то какой-то предмет мебели. Стоило сделать в ту сторону пару шагов, как картинка поменялась: темная кучка исчезла из поля зрения.

Но тут Лиссу было уже не остановить. То, что она видела в зеркале, не могло находиться далеко, а значит она найдет это и выяснит, какое оно имеет отношение к Джимми!

Несколько попыток увидеть странное образование ни к чему толковому не привели. Оно на мгновение появлялось то в одном зеркале, то в другом, и тут же исчезало. Девушку это злило невероятно. Наконец, отчаявшись, она взмахнула руками и все зеркала, что тут были осыпались мелкой пылью.

Темная куча неизвестно чего осталась посреди сверкающего стеклянного песка. Теперь и она тоже сияла и переливалась, но зато можно было понять, что это такое.

Перед Лиссой сидел ее возлюбленный в странной позе. Он обхватил руками собственные колени, спрятал между ними голову и замер так, что даже не обратил внимание на то, что происходило вокруг.

Лисса упала перед ним на колени и порадовалась, что утром, создавая себе одежду, она подумала о плотных джинсах. Даже их зеркальный песок мог изодрать, но это было хоть какой-то защитой.

А что она вообще стесняется? Раз уж размолола все зеркала, почему бы не избавиться от острого, опасного песка? Пусть он станет сахарной пудрой, например.

Сказано — сделано. Облизнув собственные пальцы, Лисса попробовала потрясти Джимми за плечи. Поначалу ей казалось, что он не поддается. Ушел в себя так далеко, что не дозовешься, бедненький.

Пришлось с силой разгибать его шею и поднимать голову. Парень позволил ей это, но глаз не открыл. Тогда в отчаянии Лисса прижалась к нему как смогла и поцеловала от всей души.

Он ответил не сразу. Казалось, она целует статую. Девушка с трудом сумела заставить его разжать губы, но стоило ей этого добиться, как Джимми будто ожил. Начал отвечать и

даже отпустил собственные колени и обнял Лиссу. Заговорил он прежде, чем открыл глаза:

— Сладко. На самом деле сладко. Я уже умер?

Лисса разрыдалась и снова полезла к нему целоваться.

— Было сладко, а теперь все соленое. Лиза, не плачь. Не надо. Ты со мной, все хорошо.

— Ты давно тут сидишь?

— Давно. Или недавно, не знаю. Я как-то потерял счет времени. Думал, что схожу с ума.

Лисса осторожными движениями стала смахивать с его лица и волос сахарную пудру, с трудом удерживаясь от того, чтобы просто ее слизнуть.

Джимми сидел все так же неподвижно, но все уже изменилось. Он больше не напоминал кучу грязного тряпья. Это был человек в полном сознании.

Теперь он открыл глаза и смотрел на нее так, что сердце разрывалось. В этом взгляде было все: и бесконечная нежность, и любовь, и понимание того, что будущего у них нет. Обманула старая Актеллия: нет впереди не то что лет, дней. Но он не в обиде: счастье у него, хоть и короткое, но было, да еще такое, какого не было ни у кого на Земле. Он готов умереть прямо сейчас, лишь бы с Лиссой было все в порядке.

Ей хотелось высказать ему все: что она не согласна жить без него, чтобы он даже не думал сдаваться, но почувствовала, что слова сейчас неуместны. Она помогла ему встать, обняла за талию покрепче и шагнула во внезапно возникшее перед ней облако портала. Лисса боялась, что они окажутся там, где их поджидает Герберина, но ошиблась. Вышли они в ее комнате. Она создала для своего мужчины чистое белье и отправилась вместе с ним в ванну. Не рискнула оставить без присмотра, неровен час, бабуля придумает другое жуткое место, вызволяй его потом оттуда.

* * *

Когда Авенара сообщила внучке, что Лисса пропала, и передала ей записку, Беттина тут же все сообразила. Поблагодарив бабушка, побежала искать мужа. С завтраком для всей Академии она уже разобралась, так что можно было улучшить минутку, чтобы посоветоваться Вером, пока не пришло время ежедневного облета позиций противника. Но Авенара с этим никогда не торопилась, уверяя, что пугать народ надо тогда. Когда это произведет впечатление на как можно большее количество людей. Например в полдень, когда солдаты занимаются строевой подготовкой.

Савард сидел в своем кабинете и разбирал жалобы. Две трети из них он просто отправлял в мусорный бак, но треть требовала решений, которые он диктовал одолженному у Герулена Гранту.

Занятие это ему совсем не нравилось, так что визит Бетти пришелся как нельзя кстати. Отличный повод, чтобы бросить эту гадость и немножко отдохнуть.

Известие о том, что план Лиссы удался и она отправилась на встречу со своей старшей родней, его не обрадовало, но и не огорчило. Он не привык долго размышлять над тем, на что не способен повлиять. Вот необходимость выпустить Эсгейрда из подвала его интересовала гораздо больше.

Задача предстояла непростая: как сделать так, чтобы младший демиург не бросился под крылышко к злобной фурии, а привел в действие вторую часть плана Лиссы? Он бы с

удовольствием снова наkostenял придурку и сам за шиворот оттащил его куда нужно, но вот беда: создания не могли переходить из домена в домен, если демиурги об этом не договорились заранее.

Получается, им с Бетти придется быть очень убедительными, чтобы не сказать больше.

Плохо то, что связаться с Лис нет никакой возможности, неизвестно, успела она довести бабку до белого каления или еще нет. Но можно принять по умолчанию, что удалось и от этого танцевать.

Изложив свои соображения жене, он получил полную и безоговорочную поддержку. Она же и сформулировала порядок действий.

— Вер, давай так. Сразу после обеда отправимся туда и выпустим Эсгейрда. Как раз здесь все дела переделаем, а Лиссе дадим время претворить план в жизнь. Сможем сказать ему без особого преувеличения, что к госпоже Герберине ему лучше не соваться, а надо бежать с соседям и спасать свою шкуру, а заодно и родную дочь.

— Отлично, Бет, ты здорово придумала. Так и сделаем.

Она убежала заниматься предстоящим обедом, а довольный Вер получил заряд энергии и с новым рвением принялся решать проблемы Академии. Еще бы! Он торопился все сделать до того, как отправится шугать Эсгейрда Актеллиона.

Бедный Грант, который за время беседы своего начальника с Бетти, не успел допить чай, принужден был оставить это приятное и полезное занятие и снова погрузиться в административную пучину. Утешало его то, что после обеда Савард собрался покинуть Академию, а значит, можно будет вернуться к тихой жизни в предбаннике у ректора.

Земля встретила путешественников между мирами неласково. В прошлый раз погода была теплая и тихая, а сейчас дул пронизывающий холодный ветер. По серому небу бежали низкие тучи, готовые в любую секунду брызнуть дождем.

Беттина потербила мужа за рукав:

— Давай скорее выпустим его, Вер. Мне не хотелось бы здесь задерживаться.

Савард оглядел изящное шелковое платье жены и подумал, что надо быть предусмотрительнее. Куртку с собой брать, что ли. Самому ему почти никогда не бывало холодно, но и удовольствия такая погода доставить не могла.

Одно радовало: вряд ли местные блюстители порядка их здесь застукают. В такой холод они должны сидеть дома или в своих кабинетах, пить горячий чай, а к нему что-то покрепче.

Участок вокруг заброшенного дома казался пустынным, но и Савард, и Бетти обратили внимание, что изгородь, которую они указали в прошлый раз как место своего проникновения, кто-то укрепил, вбив в землю колья. Просто так, без особых на то причин, потому что никакой дыры там не было.

Так как никто не собирался уходить отсюда через ограду, то на это обстоятельство можно было плюнуть. Сейчас гораздо важнее было уговорить Эсгейрда отправиться за помощью в Исхиназьер.

Стоило Саварду отпереть дверь в подвал снаружи, как ее резко толкнули изнутри и младший демиург вылетел оттуда как пробка из бутылки и чуть не сшиб с ног неудачно вставшую на его пути Беттину.

— Бежать вздумал? — зарычал Савард и, ловко схватив Эсгейрда за ворот, приподнял его, как нашкодившего щенка. Тот, жалобно подвывая, перебирал ногами, которые почти не доставали до земли, порываясь сбежать, но Вер держал крепко.

Бетти не отставала от мужа. Она подскочила к незадачливому демиургу и тоже вложила

свою лепту в осуществление плана:

— Ты куда это собрался? К бабке своей? У тебя вообще мозги есть?

Она уже собралась произнести заготовленную речь, как вдруг Эсгейрд перестал дергаться и уставился куда-то вдаль с надеждой и страхом. В первую минуту Бет даже испугалась, что страшная и коварная Герберина явилась по их души, но тут услышала:

— Мистер и миссис Савард? Отпустите этого человека или я стреляю.

Бетти, до сих пор стоявшая лицом к дому и спиной к саду, повернулась. На них с Вером было нацелено дуло револьвера в руке знакомого полицейского.

* * *

Стоять под прицелом было очень неприятно. Савард попытался выставить обычный щит от физического воздействия и понял, что в мире без магии такие силовые вещи у него сделать не получается. Опасность револьвера он тоже хорошо сознавал: посмотрелся фильмов, пока ходил в гости к Хеддлтону. Так что стоять и ничего не делать, а тем более бросаться на бестолкового стража он счел опасным.

Зато прикрыться Эсгейрдом показалось хорошей идеей. Стражник решил, что бедняга — демиург — пострадавший, вряд ли он будет в него стрелять. Если вытащить красавчика на первый план, а Бетти задвинуть за спину, дальше можно вести или переговоры, или, что разумнее, усыпить стража порядка, а самим взять Эсгейрда подмышку и смыться куда-нибудь, где нет людей.

Но весь этот продуманный план поломала Бетти. Она взвизгнула, сделала шаг назад, задрожала и превратилась. Огромная драконья лапа зажала Саварда, не позволяя ему и шагу сделать, а бедолагу Лиссиного папу просто расплющила об дверь подвала. Тот только и мог, что жалобно попискивать.

Стражника драконья ипостась Беттины толкнула так, что он отлетел на несколько метров. Бет ничего такого не планировала, просто ее новое тело занимало слишком много места и задний дворик был для него маловат.

При этом полицейский выстрелил и упал без сознания. Появление дракона в непосредственной близости оказалось для его психики чересчур серьезным ударом, гораздо более сильным, чем то, что он стукнулся головой. К счастью, от волнения или от чего другого, в последнее мгновение револьвер в его руке дернулся и пуля попала не в находившуюся перед ним Беттину, а в стену дома, вырвав из нее приличный кусок.

Бетти быстро взяла себя в руки и смогла обернуться уже человеком, но дело было сделано. Бедный служитель закона лежал без чувств под самой изгородью. Она осмотрела место, куда попала пуля, и с уважением произнесла:

— Да, оружие у них классное. Если бы он в меня выстрелил, то имел все шансы покалечить.

Савард тоже глянул и вынес вердикт:

— Ерунда! Ничего особенного. Ты посмотри, из чего дом построен! Из всякого дерьма! Неудивительно, что дырка получилась такой огромной. Твоя чешуя покрепче будет. Но я рад, что этот придурок промахнулся. А то бы ему не жить. Я не простил бы, если бы ты пострадала. А теперь берем нашего подопечного и сматываемся.

— Но как? — задумалась Бетти, — И куда? На базу? Оттуда он слиняет в любой момент

и мы ничего не сможем сделать. Лучше тут где-нибудь. Должны же мы с ним поговорить. И что будем делать с этим типом? Он придет в себя и всем будет рассказывать, что видел дракона.

— Ты боишься, что о нас узнают? — удивился Савард.

— Нет, я боюсь, что его сочтут сумасшедшим. Он, конечно, не семи пядей во лбу, но и не псих. Жалко парня.

Вер искренне удивился и восхитился.

— Он тебя чуть не убил, а ты его жалеешь? Ты у меня такая добрая, Бет. А я вот злой и жалости к нему не чувствую.

— Была бы тут Лис, она бы стерла ему память, а я этого не умею.

— Оставь его. У нас тут другая проблема наклеивается. Не видишь: Эсгейрд куда-то намылился?

— Ой, и правда!

Младший демиург под их разговор потихоньку отклеился от двери, собрал в кучку свой организм, опустился на четвереньки и тих пополз за угол. Он явно планировал скрыться из глаз Бетти и Саварда, а там уже решать по обстоятельствам. Скорее всего, в два прыжка: на свою планету, где он сможет напитаться энергией, а затем к Герберине на доклад.

Этого надо было избежать во что бы то ни стало и Беттина сделала первое, что пришло ей в голову: прыгнула на Эсгейрда сверху и придавила к земле. Тот в ужасе замер.

Савард бы и сам мог схватить беглеца, но между ними стояла его жеа. Пока он раздумывал, Бетти отреагировала. Оставалось подойти и помочь ей. Он широко раскинул руки и одной взялся за уже ставший привычным шиворот Эсгейрда, а другой — за верх его штанов. Затем скомандовал:

— Бет, вылезай, я его держу.

Девушка выполнила его указание без разговоров, немного подумала и сообщила мужу свой план:

— Сейчас я снова перекинусь в дракона, ты возьмешь господина Актеллиона, сядете вместе на меня верхом и мы полетим, поищем место, где сможем с ним пообщаться без лишних свидетелей.

Идея Саварду не понравилась. Он был не прочь покататься на драконе, но использовать собственную жену как верховое животное, да еще сажать на нее этого придурка Эсгейрда... Но другого выхода он не видел. Вернее, видел, но все они были значительно хуже и опаснее. Мир покидать не следовало, а открывать портал в неизвестность... При полете хоть можно увидеть с высоты, куда приземляешься.

— Невидимость накинь, — посоветовал профессор, — А то по всему городку люди будут на тебя пялиться. Да не это плохо, а то, что помчатся смотреть, а то и охотиться. Народ тут непуганый и поэтому любопытный.

Бетти кивнула.

— Ты правильно сказал. Только невидимость я накину потом. Сначала вы сядете.

Она бросила подозрительный взгляд на лежащего стражника. Ей не хотелось пугать ответственного служаку еще больше. Но тот пребывал в отключке и признаков жизни не подавал. Тогда Бет решила. Отошла немного, чтобы дать место своему драконьему телу и ненароком никого не зашибить, и перекинулась.

Савард не стал ждать. Тут же сгреб Эсгейрда в охапку и затащил на спину Бетти по услужливо подставленной лапе. Младший демиург не сопротивлялся. Он временно

покорился своей судьбе в лице этих двоих. Это не значило, что при благоприятных обстоятельствах он не попытался бы сбежать, но сейчас все было против него.

На холке дракона находилось местечко, самой природой предназначенное для всадника, так что Савард сумел сесть сам и усадить перед собой Эсгейрда, после чего похлопал Бетти по бронированному боку, показывая, что можно взлетать. Она не заставила себя ждать, но он услышал в голове насмешливое:

— Мог бы и словами сказать. Я все-таки не лошадь, а твоя жена.

После чего дракон заложил над городом вираж, постепенно истаивая в воздухе. Бетти наложила на них невидимость.

К счастью, в этот час немногие находились на улицах и могли видеть летящее над городом чудовище. Только несколько мальчишек, игравших поблизости, потом клялись всем, чем можно, что видели в небе дракона, но им никто не поверил. Решили, что дети просто переиграли в компьютерные игры.

Пришедший в себя полицейский, увидев, что он лежит на земле в гордом одиночестве, а дракона нигде нет, благоразумно решил ничего никому не рассказывать. Ему оставалось двенадцать лет до пенсии и он не хотел их провести, посещая психиатров. А выстрел... Выстрел можно выдать за случайность. Шел с обходом, опасался, что на пустом участке могут находиться злоумышленники, достал револьвер на всякий случай... Птица низко пролетела, рука дернулась... Ну, в общем, как-то так.

Бетти же, покинув город, взяла курс на север. Именно там она увидела покрытые лесом холмы, куда не вели вездесущие дороги. Лететь пришлось порядочно. Только часа через три жильё почти совсем перестало попадаться и Беттина решила, что тут безопасно. Ей хорошо запомнилось, насколько разрушительным был выстрел того стражника и совершенно не хотелось испытывать на себе это вторично. А значит, от людей им стоит держаться подальше.

Наконец она нашла довольно большую поляну, спрятанную между двух высоких холмов, и села на нее, с наслаждением сбросив невидимость. В драконьей ипостаси держать это заклинание было легче, чем в человеческой, но силу оно все равно тянуло немаленькую.

Савард, зная об этом, тут же стащил с Бетти Эсгейрда и слез сам, давая жене перекинуться обратно. Он понимал, что ей сейчас очень хочется есть, а на драконий аппетит они продуктами не запаслись. Стоило Беттине снова стать человеком, как он протянул ей сумку:

— Возьми бутерброды, Бет. Ничего другого нет, а тебе необходимо перекусить.

Она мягко рассмеялась.

— Как ты нежно сказал: перекусить... Правильно было бы перекусать! Всех! Жрать хочу — сил нет! Давай свои бутерброды. Пока мне этого хватит. А потом... Я могу кого-нибудь поймать. Тут, как мне кажется, должны водиться крупные травоядные вроде оленей...

Эсгейрд прислушивался к их разговору с чувством легкого ужаса. До него вдруг дошло, что Беттина гораздо опаснее своего мужа, которого он боялся до колик. Он просто здоровый и сильный мужик, лишенный какого-либо пиетета перед высшими расами, а она — дракон! Никто еще не слышал о демиурге, сожранном драконом, но все бывает в первый раз.

Так что злить ее лучше не надо. Он послушает и пообещает сделать так, как она захочет. А вот когда его отпустят, он сам решит, как поступить.

Савард наконец отпустил пленника: бежать от золотого дракона было не так просто и

все трое это знали. Он предложил Эсгейрду сесть и сам опустился на траву. Беттина хотела было пристроиться рядом с мужем, но тот сердито рыкнул: «Нечего сидеть на земле, все свои женские части застудишь», и усадил ее к себе на колени, как в люльку.

Эсгейрд уже хотел намекнуть, что дракону и на льду спать не страшно, но глянул на Саварда и почел за благо промолчать.

Первой заговорила Беттина:

— Эсгейрд, тебе не стыдно?

Вот как она догадалась? Даже не задумываясь, нашла слабое место и ударила точно в цель.

Савард был потрясен: только что по лицу младшего демиурга можно было легко прочитать, что он только и ждет, когда его отпустят, чтобы со всех ног бежать выслуживаться перед вредной старухой. Но стоило Бетти сказать три простых слова, и перед ними тесто, из которого можно лепить, что вздумается.

Видно, Эсгейрду и впрямь было стыдно перед родной дочерью, но пока он боролся за свою свободу, хитрил и вообще действовал, то стыд удавалось успешно подавлять. А сейчас его наконец никто не держит, зато так совестно перед друзьями Лиссы за то, что он так подло поступил, что и в голову не приходит, что можно просто сбежать. Потому что тогда он до окончания времен будет обречен сгорать от стыда за свою слабость и ничтожность.

Все это было ясно и без слов, так что Савард решил ковать железо, пока горячо.

— Ты хочешь ей помочь? А то никогда не сможешь родной дочери в глаза глянуть, ты же это понимаешь?

— А что я могу, — уныло забубнил Эсгейрд, — Я ничего не могу... Бабушка меня в порошок сотрет и по вселенной развеет... Она и за прошлый раз еще меня не простила...

— Ну вот, — вступила Беттина, — Так какой смысл тебе для нее стараться? Она все равно не простит и в любой момент припомнит все твои промахи.

— Она обещала дать мне шанс...

— Дала? — усмехнулся Савард, — Она же у вас хозяйка своему слову: хочет — дает, не хочет — назад забирает. А ты так и будешь стоять перед ней на цыпочках, вымаливая подачку, как дрессированный песик.

Песиков он видел в той штуке, которую Джимми называл телевизором, и решил щегольнуть необычным сравнением. Эсгейрд, хоть телевизора не смотрел, его отлично понял и стал оправдываться.

— Я жизнь свою спасал! Она обещала сделать меня хранителем мертвой планеты, если я не приведу к ней Лиссу.

Бетти презрительно сморщила носик:

— А ты сразу скукожился и ринулся продавать собственную дочь. Ты что, не знал характера собственной бабушки? Зачем ей на глаза полез? На что рассчитывал? На дорогие подарки? Ведь ясно, что на Лиссу она зла и отойдет не скоро. Хорошо, что мама Лиссина ни о чем пока не знает.

Бетти удачно вставила в последнюю фразу слово «пока». Этим она чуть не до обморока напугала младшего демиурга. Эсгейрд уже не пытался оправдаться, понимая, что кругом виноват. Если о его поступках вдруг узнает Селестина, то трудно предсказать, чем все закончится.

Она сейчас занимает не последнее место в домене Осмиаран и если решит защитить свою девочку, то мало никому не покажется. Когда два домена вступают в конфронтацию,

начинается кошмар. Рушатся миры. Взрываются сверхновые, открываются черные дыры и гаснут звезды. Что уж говорит о планетах!

Да, до последнего времени Селестина не вспоминала о дочери, но кто ей мешает вспомнить? А Герберина нарывается... так и не помирилась с матерью, сначала предлагала Лиссу Исхиназьерам, а теперь вздумала сговориться о ней же с владельцем домена Ругидарнел.

И бедняга Эсгейрд произнес одну — единственную оправданную в данной ситуации фразу:

— Так что же мне делать?

Бетти с мужем переглянулись так, что слепому бы стало ясно: именно к этому они и вели. Не зря Беттина битых три часа совещалась с Лиссой, не зря они с Вером продумывали свои ходы. План сработал.

К счастью, демиург в это время нервно теребил собственные волосы и смотрел в землю, так что не заметил торжествующих взглядов своих похитителей. Савард дал ему пару минут понервничать, а затем спокойно, с ленцой, проговорил:

— Ну, если сам не можешь вызволить моего ученика, то надо обратиться за помощью.

— К кому?! — завопил Эсгейрд в отчаянии, — К Актеллии? Если Лисса пришла в дом Герберины по своей воле, то ничего сделать нельзя! И никому нет дела до того, что на самом деле это не так! Она же шантажирует ее жизнью этого Джимми, а для демиурга защищать отдельного представителя расы, а тем более в него по — серьезному влюбляться — неприемлемое поведение. Судьбы отдельных существ вроде этого ее парня никого не должны интересовать, они — игрушки, и не более. Так что забудьте: никто не поможет.

Бетти с Савардом переглянулись и молодая драконица заговорила, чуть растягивая слова:

— Джимми... Да, мы понимаем. Но дело не в нем, да и речь не о помощи со стороны Актеллии. Кажется, Лиссу уже предлагали в замужество этим... как их там...

Эсгейрд не выдержал и крикнул:

— Сыну владельца домена Исхиназьер.

— Вот — вот, ему самому. И, помнится мне, были достигнуты некие договоренности. Парень готов был ждать, пока Лисса подрастет. А теперь ее, вроде, хотят выдать за кого-то другого...

Демиург встрепенулся, в глазах его сверкнула надежда.

Думаете, к ним стоит обратиться? Если они признали мою дочь невестой... Да, это может сработать, — и тут он погас, — Только Ругидарнел... С ними никто не захочет связываться. Неприятные типы... У них все созданные миры — темные.

Савард не стал уточнять, что значит «темные», и так понятно. Да, дело вышло опасное, но не отступать же! Поэтому он продолжил давить на совесть Эсгейрда:

— Ты не о том думаешь. О дочке поразмысли. Конфликта все равно не избежать, если ваша Герберина выдаст обещанную невесту одного за другого. Но так он будет менее разрушительным. Не думаю, что с новым женихом они успели произнести какие-то клятвы и обещания. Пока идут переговоры, как я понял.

Кажется, почти уговорил. Придурок вздохнул так тяжело, как будто сердце его разрывалось, и выдвинул последнее возражение:

Но в домен Исхиназьер так просто не пройдешь. Стабильный портал туда есть только в доме бабушки. Вряд ли она меня пустит.

А ты сможешь им воспользоваться без спросу? — с наивным видом произнесла Бетти и глазками похлопала.

Такая постановка вопроса почему-то не приходила Эсгейрду в голову.

— В принципе могу. Если бабушка будет очень — очень занята. Настолько, что не обратит внимания, куда я пошел.

— Отлично! — воскликнула девушка, — Просто замечательно! Думаю, с этим проблем не возникнет. Лисса позаботится, отвлечет огонь на себя. Так что предлагаю план действий: ты идешь в дом бабушки и, воспользовавшись тем, что ей не до тебя, перебираешься в домен Исхиназьер. Ищешь там Эрмана или Энсиля и сообщаем, что Лиссу хотят насильно выдать за этого... не помню названия... что-то на Р...

— Ругидарнел!

— Вот — вот, оно самое. А заодно просишь их об убежище для себя. Думаю, так будет правильно.

Услышав слова про убежище, Эсгейрд приободрился и подумал, что девчонка — дракон далеко не глупа. Он даже не держит на нее зла за дни, проведенные в подвале. Во — первых, там были еда и вода, а во — вторых, она все-таки заботится о его безопасности. Если бы не ее жуткий муж, совсем была бы лапочка. Надо соглашаться. В конце концов, если дело повернется не так, как задумано, он сумеет выкрутиться. Не впервой.

Битый час после этого Эсгейрд, Вер и Бетти повторяли и уточняли все детали плана спасению Лиссы и Джимми. Наконец было решено, что пора от речей переходить к делу и освобожденный младший демиург отправился в дом своей бабки.

Беттина просто упала на грудь мужа.

— Уффф... В жизни не делала ничего тяжелее. Знаешь, мне сейчас нужно поесть и поспать, а потом...

— Потом в Академию. Все, что мы могли, мы сделали. А что ты собираешься съесть?

Бетти неожиданно вскочила, отбежала от мужа на приличное расстояние и превратилась в дракона. Он услышал в голове ее голос:

— Жди меня здесь и постарайся развести костер! Думаю, ты тоже голодный.

Через два часа сытая и довольная Бетти дремала, положив голову на колени к Веру, а он осторожно поворачивал над тлеющими углями нанизанные на палочки куски оленины и думал, что не зря взял с собой соль. Драконица принесла с охоты здоровую заднюю ногу, а значит, ее драконья ипостась развивается и крепнет.

* * *

Эсгейрд Актеллион проник в дом Герберины в тот самый момент, когда все бегали, как ошпаренные: госпожа изволила гневаться. Она как раз сейчас ругалась со своей непослушной наследницей и орала так, что у всех уши закладывало.

Беттина и Савард не соврали: Лисса сумела поднять шум. На этом фоне можно было не стараться улизнуть тихонько. Даже если бы Эсгейрду пришла фантазия от души хлопнуть дверью, Герберина ничего бы не заметила. Когда она выходила из себя, то не слышала ничего, кроме собственного ора. От него на ее планетах происходили мелкие катаклизмы: выходили из берегов реки, тряслись горы, откуда ни возьмись появлялись кулиги саранчи...

Зато приближенным можно было делать все, что угодно: в этом состоянии она ничего

не замечала.

Полезное качество.

Эсгейрд без помех пробрался туда, где находились порталы в другие домены, и активировал тот, что вел в Исхиназьер, и произнес церемониальную формулу просьбы об убежище.

Сиреневый туман портала вспыхнул зеленым и через мгновение младший демиург домена Актеллион стоял перед целой группой симпатичных разноцветных парней.

* * *

Ванна в пределах Герберины представляла собой бассейн из розового мрамора, наполненный душистой водой с нежной пеной. Возможно, она была такой именно потому, что это полностью соответствовало представлениям Лиссы об идеале.

Девушка стащила с Джимми всю одежду и запихнула его в воду, затем разделась сама и присоединилась к любимому.

Ее убеждение, что вода смывает все дурное, оказалось верным только наполовину. Поначалу казалось, что бедный Джимми полностью пришел в себя. К нему вернулся дар связной речи и он смог описать, что с ним случилось.

— Лиза, этот твой отец... Он кричал, как будто на него напали или его ужалила змея, но когда я прибежал, думая, что на помощь, он схватил меня за руку и мы оказались... Не могу выразить словами. Странное место: там есть туман, он все время светится и переливается, а больше ничего нет.

Ага, порталная часть бабушкиного жилища. Все ясно.

— А потом он исчез и я остался один. Хотел сесть и дожидаться тебя. Я был уверен, что ты меня не бросишь и скоро придешь, а потом вспомнил, что ты рассказывала о своей бабушке и понял, что из меня хотят сделать приманку. Я захотел посмотреть на ту, которая так бездушно относится к родным и услышал голос. Он звал меня. Я решил, что это она и есть, твой бабушка, и пошел вперед.

— Ты ее видел?

— Нет. Сначала я долго шел среди тумана, а потом как-то сразу оказался в этом зеркальном аду. Умом я понимал, что это всего лишь отражения и преломления, но было так страшно. Казалось, я схожу с ума. Тогда я сел, закрыл голову руками и стал перемножать в уме большие числа. Когда это занятие надоело, начал вспоминать разные теоремы и искать новый, нестандартный метод доказательства. Кажется, это и спасло мой разум. А потом пришла ты.

Лиссе было обидно: как так, Джимми спасся не мыслями о ней, а своей математикой?! Но тут она вспомнила о важном и спросила:

— Ты же должен быть голодный и хотеть пить! Тебя кормили?

Джимми посмотрел на нее с удивлением:

— Знаешь, я про это совсем забыл. Как будто у меня нет и никогда не было этих потребностей. Я не ел, не пил и в туалет мне тоже не хотелось. Но вот ты сказала...

Лисса моментально материализовала кувшин с водой и сунула парню в руки:

— Пей! А когда вымоемся, буду тебя кормить. Ты что хочешь?

Он с трудом оторвался от воды и пожал плечами:

— Ничего. Но съем все, что дашь. Умом я понимаю, что мне нужно питаться и восполнять жидкость в организме, иначе умру, но мне все равно что пить и что есть. Знаешь, у меня как будто все нормальные человеческие желания атрофировались. Думал только обо одном: не потерять себя как личность. Это желание исполнилось и такое впечатление, что больше мне ничего и не надо.

Лисса с трудом сдерживала слезы. Пришел в себя, называется! Джимми не только к еде и питью стал равнодушен, ему и она больше не нужна! По крайней мере он ее больше не хочет. Чтобы это понять, слова не нужны. Вот они сидят обнаженные в воде, она гладит его, моет, прижимается всем телом, а в нем хоть бы что дрогнуло!

Нет, он, конечно, рад ей: она спасла его от безумия в том зеркальном помещении, но... Это не то! Одна надежда: явление это временное, скоро пройдет.

Лисса создала на бортике бассейна поднос с разнообразными блюдами и отбуксировала туда своего друга.

— Ешь! Хочешь, не хочешь, а надо. А то ты совсем отощал! Свой мозг нужно кормить, — прибавила она коварно, — Без питания он соображать не сможет.

Джимми вяло усмехнулся и взялся за вилку. По тому как он ел можно было понять: он ничуть не преувеличивал, когда говорил о том, что желания атрофировались. Лисса знала его как любителя вкусно поесть, а тут он меланхолично засовывал в рот куски всего подряд, без всякого энтузиазма прожевывал и глотал, как гусь камушки.

Когда содержимое подноса уменьшилось наполовину, Джимми положил вилку и сообщил:

— Больше не влезает.

Затем спокойно вылез из ванны, завернулся в полотенце, не обращая на Лиссу никакого внимания, и ушел в комнату. Девушка последовала за ним, потратив несколько минут на то, чтобы вытереться, приодеться и убрать за собой. Хоть все это и делалось магией, но требовало времени хотя бы на подумать, позаботиться.

Когда она вошла в свою здешнюю спальню, Джимми крепко спал, лежа поперек кровати, и во сне его лицо ничего не выражало. Лисса села рядом, обхватив колени руками и уткнув в них подбородок. Она настроилась ждать Герберину. Пока что бабушка пряталась за кулисами, но уже пришло время ей выйти на сцену.

Можно было подумать, что Древняя подслушивала внучкины мысли. Стоило Лиссе вспомнить о ней, как Герберина тут же материализовалась прямо в центре спальни. Внутри своего жилища хозяйка домена никому не разрешала перемещаться таким образом и нарушать покой других, но на себя она никаких ограничений не накладывала.

Появилась и довольно уперла руки в боки:

— Ну наконец-то! Правильно я велела твоему отцу ловить тебя на живца.

Она явно не ожидала того, что выкинет Лисса. Та вскочила на кровати во весь рост и заорала:

— Ах ты, старая сволочь! Ты зачем пришла? Поиздеваться? Скотина убогая! Ленивая и тупая старуха! А ну пошла вон из моей комнаты!

Грубо, очень грубо, но извиняться девушка не собиралась. По сути, она не высказала старой гадюке и миллионной доли того, что хотела. От неожиданности Герберина лишилась дара речи и стояла с разинутым ртом. Впервые в жизни кто-то так нагло и неприкрыто орал на нее, а у нее не получалось даже пискнуть.

Полное отсутствие страха в Лиссе пугало. Или девчонка совершенно спятила, а в случае

с демиургом это более чем опасно, или за ней стоят какие-то неизвестные Герберине силы.

О втором варианте она старалась не думать. Кто, в сущности, кроме Актеллии, может заступиться за непослушную дрянь? Да никто! Кому она нужна?! А Актеллии сюда хода нет.

Но первый вариант был ужасающим по своей сути. После того, как Древнейшая пробудила силу правнучки в полном объеме, снова перекрыть ей доступ к энергии было невозможно. Все-таки, как ни хорохорилась Герберина, как ни старалась всем внушить, что победила мать, но та все равно была в домене высшей инстанцией, отменить решения которой стоящая ниже нее в иерархии дочь не могла.

Но если из-за своей игрушки девчонка пойдет вразнос... В конце концов Герберина справится, но сколько миров успеет до этого пострадать? Сколько всего будет безвозвратно разрушено! А то, что девчонка — полная неумеха делает ее еще опаснее. Ее поступки нельзя предсказать. Нет, надо пока ее как-то утихомирить, отвлечь... Всего на чуть — чуть...

Когда этот жуткий тип Ругидарнел заберет нахалку, пусть она разносит его домен хоть в щепки. Хотя вряд ли... Темные миры — это темные миры, и их создатель — не пуся — лапочка. У него не забалуешь. Здесь сила Актеллии защищает паршивку, а в чужом домене муж ей на раз способности перекроет. Она пожалеет, что не слушалась!

Эта мысль подбодрила и дала возможность наконец открыть рот и что-то сказать. Получилось заорать:

— Ах ты мерзавка! На бабушку кричать вздумала! На старшую! На самую здесь главную! В спальню я твою вошла?! Да здесь ничего твоего нет! Ты никто и звать никак!!! Все что у тебя есть — это я тебе дала! Я — твоя благодетельница!

Лисса посмотрела на нее с мрачным презрением:

— Дала? Что именно? Когда ты мне что-то давала, не помню. Нет у меня ничего, что дала бы мне ты. А что есть — я сама взяла или сделала, никого не спрашивая. Благодетельница? Может, ты меня облагодетельствовала тем, что меня в приюте не кормили и били? Или тем, что я училась, из еды имея одни черствые корки, а из одежды — казенную мантию? Или тем, что твои создания хотели нас с подругой смешать с грязью и заставить быть их рабами?

Демиурги устроены странно: они не могут идти против высказанной правды. Герберина знала об этом и всю жизнь в домене строила так, чтобы правду в лицо никто высказать не смел. Лиссина мамаша в свое время не побоялась, поэтому и ушла отсюда без особого для себя урона. Она знала. Но откуда это могла знать воспитанная в одном из миров девочка? Или ее игрушка для нее настолько дорога, что она последний страх потеряла? Кстати, игрушкой можно ее пугнуть, чтобы пришла в себя.

Она не стала отвечать на обвинения Лиссы, а сказала злобно:

— Думаешь, ты здесь самая умная? Может быть, даже спорить не стану. Но я — самая сильная и я — хранительница домена! А значит все будет по — моему. А ты, кажется, забыла закон: создатель не должен привязываться к созданию, иначе он станет ему равным. В смысле, потеряет свои способности. Но и тогда закон запрещает ему остаться с тем, кто вызвал нарушение. Закон велит мне уничтожить твоего красавичка.

Она хотела сказать еще многое, но внучка перебила:

— Ни фиги, — ответила Лисса, — По вашим законам я — маленькая девочка. Ребенок. Никто не должен отнимать игрушки у детей.

Для убедительности она упала на спящего Джимми и прижалась к нему потесней. Тот слабо застонал. Видно, заключение в зеркальной комнате не прошло для него даром.

— Маленькая девочка? — тихо, но грозно произнесла Герберина, — Игрушка, значит? А если твоя игрушка случайно сломается? Ты же ее и ломаешь?

В этот момент Лисса почувствовала, что перегибает палку, но давать задний ход было уже поздно. Она всем телом прижалась к Джимми и завопила:

— Не дам! Не позволю! Он мой!

— Ну что ж, — Герберина приняла вдруг спокойный и холодный вид, — Если тебе так дорога твоя игрушка, я не стану ее отнимать. Только вот выход из твоей спальни и доступ энергии перекрою. Сиди здесь и думай. Если тебе так дорог этот... короткоживущий, то ты быстренько придешь в разум.

Она махнула рукой, как бы заключая Лиссу и Джимми в круг, и продолжила:

— Не захотела замуж в домен Исхиназьер, пойдешь в другой. В своем я такую строптивицу держать не собираюсь. Жених уже ждет, — о том, кто это, Герберина разумно умолчала, — Если перестанешь упираться, твой красавчик вернется в свой мир живым и здоровым и будет жить дальше. Если нет... Я подожду, пока ты его тут уморишь и все равно будет по моему!

Это были ее последние слова, которые от нее услышала Лисса. В комнате вдруг поднялся ветер, потемнело, а когда все улеглось и снова стало светло, то Герберины уже не было.

Девушка осмотрела Джимми: он продолжал спать беспробудным сном, который наводил на мысль, что происхождение этого явления далеко от естественного. Лисса попыталась его будить, но не преуспела.

Тогда она решила проверить слова бабки о том, что та перекроет доступ энергии и потянулась, чтобы создать себе пирожок. Получилось, но сил пришлось потратить больше, чем она рассчитывала, да и ощущения... Что-то было не так. Лисса осмотрелась вокруг и вдруг заметила, что от картины, которая украшала простенок, осталась одна рама.

Девушка не отличалась мягким характером, но душой не была никогда. Герберина сдержала свое слово. Она не могла перекрыть Лиссины способности, но вот доступ к силе этого места — вполне. Теперь юное дитя демиургов могла творить только из того, что ее окружало и тратить на это собственную жизненную силу.

В испуге Лисса рванула в ванную и проверила: вода из крана текла. Какое счастье! Хоть от жажды они с Джимми не умрут. Теперь осталось сидеть и ждать, когда сработает ее гениальный план. Она очень надеялась на то, что ребята Исхиназьер не захотят отдавать ее в темный домен хотя бы из дружеских чувств.

Только бы не было слишком поздно. Какое-то время она сможет поддерживать жизнь в Джимми за счет собственных ресурсов, но потом... Если помощь не придет и перед ней встанет вопрос: она или ее возлюбленный... Лисса не была уверена, что любит Хеддлтону настолько, чтобы пожертвовать за него свою жизнь. Да и жертва эта была бы напрасной: после гибели Лиссы Джимми ждала та же участь.

Если бы она могла слышать, что творилось за пределами ее комнаты! Взбешенной Герберине хватило выдержки во время разговора со стропливой внучкой, но, выйдя наружу, она дала себе волю! Стены тряслись, полы ходили ходуном, золотистый туман трясся как желе, в нем в ужасе метались обитатели, пытаясь скрыться от гнева госпожи. Крики хозяйки домена долетали до всех и вонзались в мозг, вызывая желание упасть и умереть.

Герберину трясло от злобы настолько, что она в пыль разнесла два уже введенных в эксплуатацию мира и походя сломала три проекта, которые готовили для испытаний

молодые демиурги. К счастью, все эти миры были пока не населенными. Ее расчетливость не позволила ей испепелить то, что давно и плодотворно функционировало, но и в благополучных мирах гнев хозяйки домена ощущался. В Ардае землетрясение разрушило несколько городов и деревень. По другим мирам прошли смерчи, начали извергаться давно потухшие вулканы, а среди ночных и песчаных демонов вдруг разразилась эпидемия странной болезни, которая в считанные часы унесла жизни почти половины популяции во всех мирах, где они жили.

Когда гнев Герберины стал утихать, откуда-то из угла вылезла одна из ее ближайших наперсниц. Прекрасная эльфийка выглядела неважно: платье разорвано, волосы растрепались, на лице грязь, но она не смела даже привести себя в порядок и встать на ноги, так и приползла на карачках. Это самоуничижение должно было изображать страх и покорность дабы умиловать госпожу. Иначе она и рта не даст раскрыть, отправит в сумрак томиться, покуда не сменит гнев на милость. А главное, она не позволит донести до себя очень важную весть.

Вид униженной красотики ненадолго смягчил Герберину и она почти милостиво спросила:

— Что случилось? Почему ты ползешь как червяк?

Эльфийка не стала отвечать на этот вопрос. То, с чем она пришла, было важнее, а второго случая сообщить госпоже о происходящем могло в ближайшее время и не подвернуться. Поэтому она мужественно проблеяла:

— Госпожа... Там... Прибыл владетель домена Ругидарнел за невестой. Он спрашивает: можете ли вы его срочно принять и что вообще тут происходит?

* * *

Услышав о прибытии Лиссиного нового жениха, Герберина странно взвизгнула и исчезла.

Несчастливая эльфийка с трудом поднялась на ноги. Стало видно, что ползла она не от желания угодить, а просто потому, что ей сильно досталось от разбушевавшихся стихий, хотя желание задобрить госпожу тоже присутствовало.

Злобно зыркнув в сторону Лиссы, она сделала пару шагов и исчезла в тумане.

Как только все разошлись, Джимми перевернулся и открыл совершенно не сонные глаза. Ясно было, что, каким бы ни было его физическое состояние, мозг работал как часы.

— Ушли? — выговорил он, с трудом ворочая языком, — Это хорошо, моя девочка. Ты получила небольшую передышку. Можешь потратить ее на то, чтобы объяснить мне ситуацию?

Предложение было хорошим. Лисса знала такой прием: пока объясняешь что-то кому-то сам в этом разбираешься. А она пока не очень хорошо представляла, во что вляпалась. Задача «спасти Джимми» разрасталась на глазах до «спасти саму себя и всех». Но если не отдавать себе отчет в том, что происходит, можно такого наворотить... И она начала:

— Ты знаешь, бабушка Герберина хотела выдать меня замуж за парня из другого домена, чтобы, как у людей говорится, «разбавить кровь». Я, как выяснилось, ее единственная прямая наследница.

Джимми задумался, затем заметил:

— Она должна в таком случае тебя беречь.

— Ничего она не должна! — вдруг взвилась Лисса, — Зачем ей наследница, когда она вечная! Она отняла домен у прабабушки Актеллии и никому отдавать его не собирается! А я в этом раскладе — разменная карта. Ведь из-за того, что меня воспитывали не здесь, а в одном из миров домена, я никогда не стану полноценным демиургом. Зато смогу произвести его на свет.

— С какой целью? Зачем вечной продолжение себя?

Лисса вспомнила уроки прабабушки.

— Затем, что домен должен развиваться. Когда то Актеллия, а за ней Герберина придумали все, что смогли. Но со временем способность к творчеству ослабевает даже у демиургов. Они перестают творить новое и действуют только по аналогии. К тому же силы молодого демиурга вливаются в общие силы домена и увеличивают его потенциал. Это тоже важно. Иначе ойкнуть не успеешь, как твой домен окажется в чужих руках.

Лиссе было еще что сказать, но она заметила, что ее друг больше не слушает. Джимми закинул руки за голову и устоялся в потолок, который тоже заменял туман, только не золотистый, а радужный. Это значило, что сейчас рождается очередной вопрос.

— Лиза, а существуют какие-то правила, законы жизни домена и его взаимоотношений с другими такими же? Их можно где-то почитать, чтобы потом не ошибиться?

Девушка горько рассмеялась и сообщила другу то, что поняла из объяснений Актеллии:

— Правила и законы существуют, но они неписанные. Пойми: демиургов мало, доменов — еще меньше. Те, кто объединены в один домен, по сути одна большая семья. Как думаешь, в семье есть свод законов или действуют внутрисемейные неписанные правила? У нас закон и право — это бабушка. Как она сказала, так и будет. Ровно до того момента, когда она поставит домен на грань гибели. Тогда либо ее сменят, либо все погибнет и на этом месте вырастет новый домен.

Джимми снова задумался и замолчал. Прошло немало времени прежде чем он заговорил:

— Она сказала, что я — твой игрушка. Что это значит по — твоему?

Лисса постаралась быть честной.

— Ты — не демиург, ты создание. Поэтому здесь ты не считаешься равным для меня партнером, а только временной забавой. По меркам демиурга я — дитя. Ребенок имеет свои игрушки и никто не должен их у него отбирать или ломать. Никто, кроме тех, кто имеет право: прямых старших родственников. Герберина считает, что она это право имеет: она здесь главная. Вспомни: в семье, если бабушка считает, что какой-то предмет не подходит ребенку для игры, она вполне может этот предмет отнять или даже разломать и выбросить. Дитя будет рыдать, но бабушку никто не осудит. Она лучше знает потому что старшая. В то же время если это сделает тетка, ее будут ругать: она не должна обижать чужих детей.

— Ты здорово все это объяснила, Лиза, — спокойно проговорил Джимми и снова замолчал.

Лиссе было еще что сказать, но она видела: у ее друга в голове происходит бурный мыслительный процесс, который совершенно не доставляет ему удовольствия. Влезать не рекомендовалось, так что она улеглась рядом и стала ждать.

Она почти задремала, когда услышала голос друга:

— Лиза, я очень тебя люблю. Но если бы я знал заранее... Наверное, предпочел бы свою одинокую жизнь. Очень неприятно быть чьей-то игрушкой, даже если этот кто-то —

любимая девушка.

Лисса с плачем бросилась ему на шею.

— Джимми, ты же понимаешь, для меня ты не игрушка, ты...

Он мягко отстранил ее.

— Я понимаю, Лиза. Но дела это, к сожалению, не меняет. Я никак не мог усвоить то, что мне сказала тогда Актеллия, но теперь до меня дошло наконец. Разница между нами значительно больше, чем между дочкой миллиардера и жителем трущоб. Возможно, твоя бабушка права и нам действительно не нужно быть вместе?

Лисса села на кровати, вытерла слезы и сухо спросила:

— Ты боишься?

Джимми не стал врать и прикидываться.

— Боюсь. Очень боюсь. Боюсь, что меня раздавят как таракана. А еще боюсь, что этим смогут раздавить и тебя.

Эти слова ударили Лиссу в самое сердце и она снова чуть не заплакала. Но Джимми предупредил выражение ее чувств тем, что продолжил с горьким смехом:

— Знаешь, Лиза, я сейчас понял, что значат слова: «бог создал человека по образу и подобию своему». Великие, непостижимые демиурги... А живут... Точно деревня с несменяемым старостой, где все друг другу родственники. Так раньше в моем мире было. Вот и женихи к тебе приехали... из соседней деревни. А ты замуж не хочешь и цепляешься за привезенную с ярмарки игрушку. Что, разве не похоже?

Лисса вздохнула, сдерживая подступающие слезы, и ответила почти спокойно, даже голос не дрожал:

— Похоже. Да что там, так оно и есть. Только игрушка живая, со своими мыслями и чувствами. Я никогда не считала тебя неравным мне. Несмотря на то, что лет мне по факту больше, ты старше и умнее, взрослее и сильнее. Я всегда так тебя воспринимала и для меня ничего не изменилось. Поэтому я тебя и полюбила: потому что могла восхищаться. Не бросай меня, Джеймс Хеддлтон!

Сейчас она совершенно не помнила, что план освобождения Джимми как раз и базировался на признании его игрушкой демиурга. Вряд ли игрушка способна бросить хозяина.

Мужчина грустно улыбнулся:

— Еще недавно я тебя просил меня не бросать, а теперь ты... Забавно. Запомни, Лиза: если тебя будут мной шантажировать, не поддавайся. У тебя впереди много всего, тебя будут любить, потому что ты прекрасна, а я... Как ты сказала: создание? Короткоживущий? Так и есть. Жизнь моя была короткой, но ты сделала ее такой яркой, что даже если бы я прожил двести лет, вряд ли оно вышло бы лучше. Мне не страшно умереть ради того, чтобы ты была свободна.

Лисса наконец дала волю слезам: заревела, прижалась к своему любимому и стала поливать его грудь соленой влагой. Он зарылся носом в ее волосы и замолчал, давая девушке привыкнуть к мысли, что их отношения могут скоро прекратиться навсегда.

Когда Лисса наконец наплакалась вволю, то вдруг спросила:

— А если бы я сейчас перенесла тебя в твой мир? Ты смог бы жить там как раньше?

Джеймс вздохнул:

— А ты сможешь?

— Перенести? — пожала плечами Лисса, — Нет, не могу. Герберина перекрыла мне эту

возможность. Но если бы смогла?

— Тогда... Наверное. Почему нет? Насколько я понял, там меня никто из... здешних не достанет. В смысле не станет искать и что-то предпринимать. Но что думать о том, чего нет и не будет?

— Я попрошу ее об этом, — прошептала Лисса.

Безрадостная усмешка была ей ответом. Было ясно, что математик весьма скептически оценивает добрую волю Герберины и ни на секунду не верит, что она сделает хоть что-то по просьбе строптивой внучки. Затем Джимми заговорил снова:

— Лиза, давай подумаем и разберемся, каков план у твоей бабки? Чего она хочет добиться?

Ответ у девушки был готов:

— Наказать меня. Она решила меня продать в так называемый темный домен. Не знаю, что там такое, но считается, что это очень плохо и страшно.

— То есть, ты полагаешь, что она не преследует никакой выгоды? Но это же глупо!

— По — твоему она очень умная?

Джимми сел и затряс головой так, что светлая челка совсем занавесила лицо.

— Но у тебя, вроде, уже есть жених, который готов чего-то там ждать. И он никак от Герберины не зависит. Как она собирается с ним разбираться? Вряд ли ему понравится, что его невесту продали как пучок редиски, да еще в темный домен?

Девушка махнула рукой.

— А, это... Она думает вполне резонно: из Исхиназьера за мной придут еще не скоро, а потом можно будет мое такое странное замужество выдать за мою же блажь. Если все было добровольно, то жених может только ругаться, но ничего фактически Герберине не грозит. Она ни в чем не виновата.

— Но ты же не добровольно собралась за этого... темного...

Лисса злобно усмехнулась.

— А ты пойдешь докажи, да еще через много лет.

Затем она вдруг припала к груди любимого, положила голову ему на плечо и зашептала в ухо:

— Джимми, у меня есть план, но рассказать его тебе я не могу: здесь нас обязательно подслушают и донесут. Но если все пойдет так, как мы с Бетти придумали... У нас есть шанс.

Впервые за все это время Джимми улыбнулся широко и радостно именно такой улыбкой, от которой сердце Лиссы начинало петь.

— Ну, если к плану приложили ручку твоя разумная подружка и ее гениальный муж, я верю, что у нас есть надежда.

* * *

Пока они так разговаривали в отведенной девушке спальне, в другой части дворца Герберины происходила историческая встреча. Хозяйка домена Актеллион Герберина встречала владельца так называемого «темного» домена Регардиона Ругидарнела.

Назывался он темным не потому, что его владелец носил одежду темных цветов и отличался темно — синим цветом кожи, а потому, что уж больно специфические миры он

создавал. Миры, населенные очень странными, малопривлекательными существами, большинству которых для жизни не был нужен свет светил, хотя требовалось их тепло.

Впрочем, сам Регардион свой домен темным не считал и не называл. Ему все нравилось: он почти ни в чем не повторял ни соседей, ни предшественников. Только вот миры у него получились очень энергозатратными, поэтому он и стал искать новые источники, которыми могли служить как раз молодые демиурги. Своих в его домене было мало, а значит, ему понадобилась свежая кровь.

Ради этого он готов был подписать договор с Гербериной. Пусть отдаст хоть одну девчонку, а он уж заставит ее как следует размножиться. Та взамен просила пару звезд с периферии. На это можно было пойти, все равно удерживать такой обширный домен без дополнительной энергии трудно, а потом... Потом можно будет оттянуть все обратно. Время не ограничено.

Но когда он в согласованный час перенесся в Актеллион, то пришел в ужас: все тряслось, ходило ходуном, рушилось на глазах. У него тоже так бывало в минуты крайней ярости, но встречать таким образом гостей? Это уж ни в какие ворота не лезет.

И на кого это гневается Герберина? На него? Почему его никто не встречает как положено?

Внезапно из тумана вывалилась красивая, но очень ободранная эльфийка, увидев его, взвизгнула от страха, и снова исчезла в тумане. Потом появилась другая, выглядящая более аккуратно, стала кланяться и умолять не сердиться: госпожа Герберина сейчас будет. А все, что он видит вокруг, не имеет к нему никакого отношения: госпожа изволит гневаться на домочадцев.

В такие минуты она совсем забывает о времени, наверное поэтому и забыла, что должна была закончить головомойку раньше и идти встречать дорогого гостя. Но она уже все вспомнила и сейчас придет. В связи с этим пусть гость ответит: какое угощение ему по вкусу?

Гостю ничего не хотелось. Он пришел по делу и спешил его завершить. Вот когда все будет решено и подписано, тогда можно расслабиться и отведать, что у них тут за вина и разносолы. Сейчас же он едва сдерживался.

Эта наглая Герберина посмела забыть о его визите? Что она о себе возомнила?! Он не устраивал скандал только потому, что это могло плохо кончиться и для его домена тоже. Все-таки у этой хитрой гадюки подданных много больше, особенно женщин, а значит, и энергии. Но вот обвинить ее и под это дело вытребовать себе больше, чем было предложено заранее — хорошая идея.

Внезапно все утихло: стены перестали рушиться, пол — трескаться, туман — дрожать. Герберина взяла себя в руки. Через несколько мгновений она появилась перед владельцем Ругидарнела в полной боевой готовности: божественно прекрасная, великолепно одетая и с гостеприимной улыбкой на лице.

Суровый лик Регардиона исказила гримаса, которая должна была изображать саркастическую улыбку.

— Я вижу, вы меня не ждали? А я, как договаривались, пришел за обещанной невестой. Но старую интриганку голыми руками было не взять.

— Простите мне мою рассеянность. Я как раз объясняла вашей будущей невесте преимущества брака с вами, а она по молодости, по глупости имела неосторожность мне возражать. Так что я была занята целиком и полностью вашими делами, владетель

Регардион.

— Так возражала, что здесь все тряслось? — подколот Герберину гость, — Девушки с буйным нравом мне ни к чему. Вы сами предложили ее мне и уверяли, что она полностью отвечает моим запросам. А выходит...

Неизвестно, что на это ответила бы хозяйка домена, но тут из портала появились новые гости. Увидев их, Герберина затряслась от злости и все началось сначала: дрожание тумана, новые трещины в плитах пола, грохот и гром.

К счастью, вышедшие из тумана перехода владетель Инсхиназьера Эванесер и три его сына: Энгардислейн, Эрманистан и Энсилион, были готовы к любым поворотам и тут же прикрылись защитной сферой. Старший сказал:

— У вас случилась беда? Мы пришли навестить невесту Энсила, а тут такое творится... Что здесь происходит, уважаемая?

* * *

Стоило Исхиназьеру старшему сказать эти слова, как трясучка моментально прекратилась. Но не потому, что Герберина успокоилась, наоборот, казалось, ее сейчас разорвет от злости. Просто вокруг нее возникла плотная сияющая сфера, которая, по — видимому, гасила колебания. Никто не понял, откуда она взялась, но Ругидарнел решил, что настал подходящий момент, чтобы прояснить ситуацию и возобновить свои требования.

— Это я хочу спросить: что здесь происходит? Я прибыл за обещанной мне невестой, хотел ее забрать, а тут шум, гром, все трясется, все рушится... Так гостей не встречают! Тем более женихов.

— О, — включился в игру Эванесер, — Вы тоже прибыли за невестой? Ну надо же, — обратил он реплику к Герберине, — Какой у вас урожайный на невест домен! Но, выходит, вы не только приглашаете женихов к себе, но и в другие домены девиц выдаете... А нам вы такого предложения не сделали, уверяли, что по правилам домена у вас женщины главные, они берут себе мужа и это он приходит в домен жены. По крайней мере Лиссу за Энсила вы предлагали выдать именно таким образом.

Текст владетель продумал отлично. Услышав имя невесты, темный демиург разозлился до крайности. Но, находясь в чужих владениях, он не имел возможности показать всю меру своего гнева, так что пришлось оперировать словами.

— Как так Лиссу? Или у вас, уважаемая, несколько внучек с этим именем?

Герберина уже поняла, что попала знатно. Да, домены не вмешивались в жизнь друг друга, а иногда и сотрудничали, но создавшаяся ситуация тянула на оскорбление, причем владетелей сразу двух доменов. Одного обманули, пытаясь выдать уже обещанную девушку за другого, второму хотели отдать то, права на что были утрачены.

За бесчисленные века существования мироздания такое случалось и каждый раз заканчивалось тем, что оскорбитель терял все, а его домен уходил оскорбленному.

Единственное, что сейчас защищало владетельницу, это была странная защитная сфера. Память подсказывала, что она знает, что это такое, но сознание отказывалось вспоминать. Одно было ясно: Герберина не создавала ее, напротив, она не могла понять, откуда та взялась. Но сейчас это было кстати. Внутри этой непонятной гадости дама чувствовала себя в безопасности, в том числе и от собственной несдержанности. Сфера гасила волны, шедшие

от нее, и не позволяла никому нанести вред ее телесной форме.

С другой стороны, выбраться отсюда Герберина тоже не могла. Да и вообще была лишена возможности действовать, даже сменить форму сейчас не получалось, не то что сбежать. Как ни странно, звук голоса через сферу проходил, в то время как другие колебания в ней рассеивались без остатка. По крайней мере разговор демиургов был отлично слышен.

Надо было ответить на обвинения Регардиона, но что? Что сказать, когда сказать нечего? Она кругом была виновата и знала это. Кроме того, Герберина не была уверена, что ей оставили возможность не только слышать, но и говорить.

Приди Ругидарнел и Исхиназьер порознь, она уж придумала бы, что наболтать, язык у нее всегда был подвешен хорошо, но пытаться обработать одного в присутствии другого? Это было чересчур даже для Герберины. Она предпочла сохранить гордое молчание.

Эванесер тем временем любезно осведомился:

— Уважаемый сосед, а вам кого обещали?

Приветливость никогда не была сильной стороной темного владельца, но ссориться с Исхиназьером он тоже не собирался. Поэтому ответил резко, но исчерпывающе:

— Эта обманщица Герберина договорилась со мной, что отдаст свою внучку или правнучку, я точно не понял. Сама меня нашла, я не навязывался. Но жены у меня сейчас нет, а увеличивать общую энергию как-то надо. Вот я и согласился. А, вы хотите знать, что за девушка? Зовут Лисса, росла где-то в мирах домена, ни воспитания, ни обучения не получила, а вот силы есть. Такая ни на что претендовать не будет, поэтому я и согласился.

Парни, стоявшие за спиной отца, начали хихикать. Это Лисса-то ни на что претендовать не будет? Надо же, какой наивный! Да эта вредина любой домен на уши поставит.

Их более практически настроенный отец прекрасно понимал, что конкретно этому типу бедная Лисса ничего не сумела бы противопоставить. После того, как девушка, шантажируемая жизнью и здоровьем своего любимого, произнесла бы слова согласия и брачную клятву, для нее все было бы кончено.

У Регардиона она была бы далеко не первой женой, а слухи про него шли самый неприятные. Практически все его супруги рано или поздно сами, своей волей отказывались от физического воплощения. Вряд ли причиной этому могла быть излишне счастливая жизнь.

Положение надо было спасать. Поэтому опытный и дипломатичный Эванесер заговорил тоном искреннего сожаления:

— Вы говорите о наследнице домена Актеллион Лиссе? Думаю, это ошибка и речь идет о какой-то другой девушке. Потому что Лисса — невеста моего сына. Просто она пока слишком юная для вступления в брак, вот мы и решили отложить свадьбу.

— Сколько ей? — буркнул Регардион.

Владелец Исхиназьер ответил, демонстрируя все свои лучшие качества: доброжелательность, искренность и честность:

— Сорок семь! Пятидесяти лет нету девочке! Совсем ребенок!

И, заметив несколько опешившее выражение на физиономии собеседника, продолжил с небрежным видом:

— Согласитесь: брак — это прежде всего дети. В столь юном возрасте вряд ли у Лиссы есть силы и возможности выносить новую энергетическую сущность. Ее физическое воплощение для этого недостаточно сформировано. Поэтому мы решили подождать. Куда торопиться?

Тщательно выбранные фразы били точно в цель. Владетелю Ругидарнела было куда торопиться: энергия ему была нужна срочно. В словах Исхиназьера он не усомнился, тому незачем было врать. Становилось ясно: Герберина в каких-то своих видах собиралась его обмануть, подсунуть некачественный товар. Прощать такое он не собирался. Только вот кому предъявлять претензии?

Пока он мрачно обводил собравшихся тяжелым взглядом, из тумана выступило новое действующее лицо. Сначала показалась морда дракона, но затем она скрылась и на площадку вышла Актеллия во всем своем великолепии.

Она давно уже наблюдала за происходящим и выжидала момент, чтобы появиться с максимальным эффектом. Она бы еще потянула время, но дальше медлить было нельзя: Ругидарнел мог объявить войну и открыть военные действия, а Актеллия не была готова дать разрушить свой домен. Несмотря на то, что когда-то она сдала его без боя дочери, он был ей душевно дорог. В то время она надеялась, что девочка и впрямь имеет идеи, как сделать свой родной домен лучше и сильнее.

Много лет Актеллия не вмешивалась. Но сейчас... То, что она когда-то создавала с любовью, имело все шансы погибнуть. Заносчивая Герберина начала все рушить, а те, кого она оскорбила и обманула, имели все шансы разделить между собой то, что останется.

Древнейшую все знали, поэтому поклонились ей, выражая уважение. Она приветствовала всех присутствующих, а затем обратилась к Регардиону:

— Смотрю, уважаемый, вы чем-то недовольны.

Тот гордо вскинулся:

— Меня здесь пытались обмануть!

Древнейшая ласково ему улыбнулась:

— Простите мою несчастную дочь, уважаемый. Она внезапно потеряла разум, раз пыталась провести такого мудрого и достойного демиурга как вы.

Темный не сдавался.

— Мне не нужны ваши извинения, я хочу получить то, зачем пришел!

Актеллия продолжала хранить безмятежность. И она, и владетель Ругидарнела понимали, что предстоит торг и никто не хотел торопиться, чтобы не прогадать.

— Ну конечно, уважаемый Регардион. Вы расскажете мне, что именно вам было обещано, и я постараюсь полностью удовлетворить ваши требования. Но позвольте мне сначала узнать, зачем к нам явились господа из Исхиназьера?

Величественный Эванесер вытолкнул вперед Энцилиона и тот, запинаясь, выговорил:

— Мы просим, уважаемая, разрешить нам увидеться и побеседовать с моей невестой Лиссой. Она была мне обещана госпожой Гербериной... Я принес ей подарки...

— Подарки невесте?! Отлично, мой мальчик, — поощрила его Древнейшая и махнула рукой в сторону золотого тумана, — Иди. Если ты собрался к Лиссе со всей семьей я тем более рада. Девочке пора получше познакомиться с будущей родней. Мы с вами побеседуем потом.

Вся делегация Исхиназьеров дружно поклонилась, сделала шаг в туман и исчезла.

Актеллия протянула руку темному демиургу:

— Идемте, уважаемый Регардион. Негоже о важном разговаривать у дверей.

Приняв руку гостя, Древнейшая направилась во внутренние покои.

Герберина была готова заплакать от злости и беспомощности. Она вспомнила наконец эту сферу. Когда ее изобрела родная мамочка Актеллия, чтобы не дать доченьке разнести

домен в порыве страсти или гнева. В детстве Герберине доводилось не раз в ней сиживать и она отлично знала свойства этой бяки. Разрушить ее изнутри, сохранив физическое воплощение, было невозможно.

Сейчас мать поступила точно так же, как в далеком детстве. Засунула дочурку в эту проклятую сферу и ушла с видом полной безмятежности.

Но Герберине недолго пришлось томиться в одиночестве. Сфера замерцала, но не исчезла, а перенесла ее туда, куда удалилась Актеллия со своим незванным гостем.

* * *

Лисса и Джимми недолго наслаждались уединением и покоем. Для начала до них донеслась волна вибрации, от которой ходили ходуном плиты пола, а мебель пускалась в пляску. Они сидели на кровати, прижавшись друг к другу, и надеялись, что ничего фатального не произойдет.

Через некоторое время все стихло, но оставалось ощущения зыбкого покоя, когда землели домено трясение может в любой момент повториться, затем все снова затряслось и вдруг прекратилось как отрезали.

— Ты понимаешь, что происходит? — спросил подругу Джимми.

Лисса поспешила пояснить.

— Ну, вообще-то если демиург не сдержит эмоции, случается нечто подобное. Мы сейчас довольно далеко от центра владений Герберины, поэтому к нам все доходит не сразу и в ослабленном виде...

— Ого! Боюсь представить, что там в эпицентре. Это твоя бабушка так злится? Страшная сила. Но почему мне кажется, что больше опасности нет и это безобразие не повторится?

Лисса сделала, как учила ее Актеллия: закрыла глаза, вытянула перед собой руки и попыталась слиться с окружающим. Ей удалось почувствовать энергетические потоки, узлы, завихрения, но поначалу не удавалось понять, где тут что. Она вдохнула, выдохнула, снова вдохнула и на выдохе повторила упражнение. Затем широко раскрыла глаза:

— Джимми, я ничего не понимаю... Такое чувство, что бабушки тут больше нет. Я перестала чувствовать ее энергию.

Вопреки ее ожиданиям математик остался спокоен.

— Хорошо, бабушку ты не чувствуешь. А кого-нибудь другого? Другого знакомого можешь почувствовать?

На самом деле он просто не знал, как отвлечь Лиссу от неприятных мыслей. Подходящей темы для разговоров придумать не мог, сам был для этого слишком измотан. И тут эта трясучка и связанные с ней странности как подарок... Если возникла загадка, девушка может переключиться на ее разгадывание. Пусть не тонет в своих эмоциях, а займется делом. Хоть плакать не будет.

Джимми, как и большинство мужчин, больше всего на свете боялся женских слез.

Лисса, умница, не стала упираться, снова закрыла глаза и настроилась. Некоторое время она пребывала в странном состоянии, когда на кровати оставалось только тело, а сознание растворилось в окружающем. В эти минуты ее можно было трогать, пересаживать, делать что угодно, но она не чувствовала этого. Вернуться в себя мгновенно она могла только при

угрозе жизни, но ее не было.

Джимми охранял покинутое хозяйкой тело. Ему было не по себе: он сознавал, что Лисса жива — здорова, но сейчас она такой не выглядела. Скорее походила на человека в коме. Когда они были с ней на Земле, она время от времени тоже «уходила в астрал», но всегда сохраняла признаки нормальной жизнедеятельности. Здесь же все было иначе.

Но вот грудь ее задышала, глаза раскрылись и девушка произнесла с удивлением:

— Знаешь, бабушку я не чувствую, зато здесь прабабушка Актеллия, а еще...Здесь сейчас те, кто не принадлежит к данному домену. Мой так называемый жених, ну, тот, который розово — сиреневый, Энсиль, кажется, и его братья. Значит, наш с Бетти план сработал. Только я не уверена...

— В чем? — спросил Джимми и услышал:

— В том, что для тебя это безопасно.

Он хотел выяснить, в чем Лисса видит опасность лично для него, но не успел. Полог тумана всколыхнулся и из него вышли четверо. Красивые, яркие, необычные, они будто заполнили собой все пространство.

Вперед вышел старший, красавец- брюнет, одетый в черно — зеленой гамме. Джимми присмотрелся и увидел, что среди черных прядей в его волосах притаилось несколько изумрудных. Да и черты лица... Совершенно нечеловеческие, но так хороши, глаз не оторвешь. Похоже, именно на его помощь Лисса и рассчитывала. За ним стояли парни, яркие, как ковры на восточном базаре, весьма похожие на старшего, но сильно отличающиеся по расцветке. Трудно было понять, на чем основано их сходство: то ли родственники, то ли просто принадлежат к одной расе. Но если вспомнить рассказы Лиссы, это отец с сыновьями.

Черно — зеленый красавец не обратил на Джимми ни малейшего внимания, как будто его не было в комнате, а обратился к Лиссе:

— Прости девочка, мы тебе помешали.

Лисса вскочила на ноги:

— Ой, ну что вы... Я очень рада всех вас видеть. Хорошо, что вы зашли, а то меня отсюда не выпускают.

— Кто? — удивился красавец.

— Бабушка.

Парни на заднем плане зашумели, как лес под ветром, а их отец веско сказал:

— Думаю, в ближайшее время ей будет не до тебя и твоего приятеля, так что мы взяли на себя смелость снять с тебя этот домашний арест.

Затем добавил с дружелюбной улыбкой:

— Может, пригасишь нас перекусить? А то мы торопились и даже не позавтракали.

* * *

Если бы Лисса могла видеть и слышать, что происходило между Актеллией и владельцем Ругидарнела, то получила бы огромное удовольствие. Но хитрая Древнейшая понимала, что чем меньше существ будут присутствовать при разговоре, тем лучше и выгоднее для нее будет результат.

Поэтому она провела Регардиона в свою знаменитую пещеру и кокон с Гербериной туда

затащила. Она подозревала, что спускать глаз с дочери нельзя и простить в этот раз не получится.

Поэтому для начала она устроила кокон в дальнем углу пещеры и накрыла его специально для этого прилизанными охранными заклинаниями. Гостя же усадила в удобное кресло и попросила пару мгновений подождать: сейчас она разберется с провинившейся дочерью и будет полностью в его распоряжении.

Пока Ругидарнел ждал, нетерпеливо постукивая по подлокотнику, Актеллия живо оборудовала место для переговоров равных, но так, чтобы чувствовалось ее преимущество. Поставила такое же, как для гостя, кресло для себя любимой, зато пол в этом месте немного поднимался и в результате она сидела выше. Роскошное, украшенное драгоценными камнями платье тоже служило этой цели. Оно должно было показать богатство и влияние Древнейшей. А корона из звезд и вовсе поднимала свою хозяйку на недостижимую высоту. На ее фоне пришелец смотрелся мрачной тенью.

Переговоры начал темный демиург с требованием выдать ему обещанную невесту.

— Уважаемый Регардион, — запела Актеллия, — Хоть и не я давала вам слово, но от него не отказываюсь. Только... Для вас принципиально, кто это будет?

Тот задумался.

— У меня есть требования к невесте. Соответствующий старшему демиургу уровень силы, красота и покладистый характер. Из вашего дома, это понятно. А как ее будут звать — это не так важно.

Древнейшая расплылась в улыбке.

— Ну и отлично. Надеюсь, сможем подобрать то, что вас устроит. Все-таки у нас по преимуществу женский домен, красавицы на любой вкус. Кстати, та девушка, которую вам предлагала моя дочь, пока даже на младшего демиурга не тянет. Силу не накопила, слишком молоденькая.

Актеллия последнее время пристально наблюдала за жизнью внутри домена и знала, что несколько дам, застрявших в девичестве, готовы даже в темный домен, лишь бы замуж. Но был еще один вопрос: Герберина обещала Ругидарнелу наследницу, своего прямого потомка. Вдруг злыдень потребует соблюдения и этого условия? Пока он этого не озвучил, но может вспомнить потом...

— Еще вопрос, уважаемый. Вам нужен мой прямой потомок, или это не так важно?

Ответ расстроил Древнейшую.

— Лучше прямой. Эти, которые сбоку припеку, меня не интересуют. Но, конечно, если в приданое пойдут пара звезд с планетами, то я согласен и на побочную ветвь.

Разбрасываться звездами Актеллия не собиралась. Самой мало. Значит, надо придумать выход. Кого же ему подставить?

Делать кого-то несчастной она не желала. Если бы не было ограничивающего условия, просто позвала бы всех подходящих девиц и предложила бы жениха. Наверняка хоть одна да согласилась бы. А тут... Вариантов раз, два и обчелся. Не Герберину же ему отдавать.

Для нее бы это, конечно, стало хорошим уроком, но... Красота и сила при ней, да и детей она еще вполне способна породить, а вот характер... Покладистого в дочери ничего никогда не было. Не хотелось бы ссориться из-за этого с темным.

Да и муж у Герберины есть. Правда, она его так задолбала, что тот которое тысячелетие не кажется на глаза супруге. Ковыряется в своих мирах, молодежи советы дает, консультирует, но в центр домена ни ногой.

Вряд ли он очень расстроится, узнав, что его жену отдали другому, но воля ваша, некрасиво так поступать. Надо искать другую кандидатуру.

А кто вообще есть в хозяйстве, кроме Герберины? Эстеллина?

А что? Неплохая кандидатура! За то, чтобы выбраться из мира, в котором ее заперла любимая мамочка, красотка пойдет за кого угодно. На вид она сама кротость, а что на самом деле характер подлючий... Так не в светлое царство, в темный домен пойдет, там только так и надо.

Древнейшая, махнула рукой, создала столик с закусками и удобный диванчик, предложила Ругидарнелу угощаться и отдыхать, пока она сходит за невестой, ровно такой, какая требуется уважаемому.

Но темный демиург хотел все для себя прояснить до конца. Он сговаривался с одной дамой, та его пыталась обмануть, а тут появляется другая и все переигрывает... Пусть объяснит, что произошло, тогда он готов сидеть смиренно и ждать, особенно если недолго.

Актеллия готова была хвататься за голову, но делать было нечего. Если уважаемый сосед желает объяснений, он их получит.

— Видите ли, несколько тысячелетий тому назад я поспорила с дочерью и устранилась от руководства доменом. Дала ей возможность проявить себя. Какое-то время все шло неплохо, но... Девочка стала зарываться. Вы были свидетелем, во что это вылилось. Чуть весь домен не угрбила, негодяйка. Так что я снова беру власть в свои руки. Дочь накажу, чтобы неповадно было.

— Как накажете? — заинтересовался Регардион.

— Пока не знаю, подумаю. В детстве я ее при приступах дурного настроения сажала в энергический кокон, чтобы не было бед и разрушений. Сейчас я ее поместила в такой же. Пусть посидит, подумает тысячелетия два — три. Если не одумается... Есть и другие методы. Например, лишит способности иметь форму, превратить в чистую энергию. Жалко, конечно, все же дочь моя, но если другого выхода не будет...

Ругидарнел, практиковавший более жестокие, но менее глобальные наказания, был впечатлен. Эти так называемые добренькие светлые ничем его не лучше. Он своих детей еще ни разу не развоплощал. Они как-то всегда сами, по собственной инициативе...

В общем, он не стал спорить со столь грозной дамой и согласился подождать, пока ему подберут подходящую невесту.

Актеллия перенеслась в тронный зал и вызвала туда Эстеллину. Та, уверенная, что зовет мать и собирается отправить ее обратно, как ненужную тряпку, притащилась с унылым видом. Когда же до нее дошло, что на знакомом троне сидит не Герберина, а Древнейшая, глаза у бедняжки полезли на лоб.

Когда же она, вместо приветствия, услышала вопрос: замуж хочешь? то чуть сознание не потеряла.

Когда-то она наотрез отказалась от брака по чужому выбору и долгое время за это расплачивалась. Заточение в мире и работа Хранительницы были ей не по характеру. Поначалу любовь все скрашивала, но надолго ее не хватило. Теперь тот, ради кого она пошла на такое, очень скоро стал как жернов на шее, а потом и вовсе состарился и умер. Но с его смертью наказание не закончилось.

Только и радости было Эстеллине, когда она маменьке зачем-то понадобится и та ее на время к себе возьмет. Ради этого она была готова на все, в том числе и на любую подлость.

И тут ей предлагают то, на что она и надеяться не смела! Она больше не будет

Хранительницей! Для проформы Эстеллина поинтересовалась:

— А кто жених?

Актеллия не стала ничего срывать и наводить тень на ясный день:

— Этот темный, владетель Ругидарнела Регардион.

— Но как же?! — всплеснула руками Эстеллина, — Ему же Лиссу обещали!

В голосе Древнейшей зазвучал металл:

— Лиссу много кому обещали. А демиурги разбрасываться разноречивыми обещаниями в угоду собственным слабостям не должны. За девочкой пришли те, чей приоритет я не могу не признать. Моя дочь поставила домен на грань конфликта сразу с двумя другими!

Эстеллина перепугалась.

— Что?! Какой ужас! — подумала и добавила, — Но... Вы сумели выйти из этой ситуации с честью, я уверена. Как же вы разрулили этот конфликт, госпожа моя бабушка?

Актеллия хищно рассмеялась.

— А Ругидарнел согласился на замену. Готов взять любую девушку из моих потомков. Ни тебя, ни Лиссы он не видел, так что личность невесты ему безразлична, важно родство. Но жену он хочет с хорошим характером. У кого характер лучше твоего: столько лет терпеть мамочкины штучки не каждая сможет. Я предлагаю тебе такого жениха. Согласна?

К удивлению Актеллии Эстеллина не стала ахать и охать, пугаться и вспоминать, что Ругидарнел — темный домен. Она как-то сразу распрямила спину, подтянулась, глаза ее засверкали лучше бриллиантов и она твердо произнесла:

— Да, я согласна!

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнула Древнейшая, — Иди, приведи себя в порядок, соберись и надень свои лучшие одежды. Регардион полон решимости забрать свою невесту прямо сейчас, не мешкая.

* * *

Лисса готова была сделать для своих спасителей что угодно, но кормить? Она и сама голодная как волк, но где тут еда? Она выросла в совсем другом месте и плохо ориентируется во владениях Герберины.

Если с нее уже сняли ограничения, она может найти кухню, например... Но лучше поймать кого-нибудь из местных и потребовать, чтобы он доставил все сюда.

Исхиназьер старший усмехнулся.

— Так ты действительно ничего здесь не знаешь, девочка? Тогда миссию питания мне придется взять на себя. Пойдем, поищем столовую залу, а по пути уговорим кого-нибудь покормить гостей и молодую хозяйку.

Лисса сделала пару шагов к своим гостям, обернулась и виновато посмотрела на Джимми.

Он ее отлично понял: девушка не хочет обижать своих спасителей и навязывать им своего мужчину в качестве довеска к ней самой. Одно можно сказать определенно: как только Лисса разберется в ситуации, она доставит ему еду и поможет убраться отсюда. Ее взгляд обещал помощь и поддержку, надо только ждать.

Но владетель Исхиназьер решил по — другому.

— Да, деточка, забери с собой своего приятеля. Он наверняка тоже голодный, а я не

могу сказать, когда ты сможешь сюда вернуться. Возможно, что никогда.

Девушка вздохнула с облегчением, подбежала к Джимми и сдернула его с кровати. Он не упал только потому, что был к этому готов.

Сейчас математик стоял перед фантастически выглядящими разноцветными красавцами и стеснялся своей несвежей майки, замызганных джинсов и босых ног. До сих пор он видел созданий нечеловеческой природы, которые так или иначе воспринимались как люди. Но эти, даром что явные гуманоиды, людьми явно не были и не скрывали, наоборот, подчеркивали свою иную природу.

Первая встреча с представителями внеземных цивилизаций, можно сказать, а он к ней совершенно не готов.

Если бы перед ним были те странные, лысые, маленькие, уродливые существа, которых любят изображать в фильмах, он бы перенес встречу легче. На их фоне он достаточно хорош.

Но соревноваться с этими восхитительными красавцами было по меньшей мере бессмысленно. Если бы киношники Голливуда додумались придать своим иномирным героям такую внешность, все девчонки только о них бы и мечтали.

И ведь это не дурачки какие-нибудь, перед которыми он мог бы чувствовать превосходство ума. Вряд ли настоящие демиурги глупее своих созданий.

Когда самый главный черно — зеленый тип предложил Лиссе взять его с собой и назвал «приятелем», все обратили на него свои разноцветные взоры, так, что он почувствовал: надо что-то сказать. В голову пришло только:

— Благодарю. Буду очень рад.

Хотя рад он не был ни на минуту. Он чувствовал: если несчастья Лиссы скоро благополучно закончатся, его беды только начинаются. Пока что эти красавцы — демиурги ведут себя доброжелательно, но кто знает. Что им в голову придет в следующий момент?

Для Лиссы его слова стали знаком, что все в порядке, ей не запрещают ее дорогого Джимми. Она схватила парня за руку и потащила за собой. В душе она была благодарна Эванесеру, что тот не назвал ее любимого игрушкой в лицо. Но она не питала иллюзий: ей предложили взять с собой Джимми, как пятилетней девочке — плюшевого мишку, щенка или котенка.

В столовой, где — когда-то произошла первая встреча Лиссы с семейкой разноцветных демиургов, их уже ждал накрытый стол. Лисса на всякий случай усадила Джимми рядом с собой, остальные заняли места по своему желанию.

С другой стороны к девушке присоседился Энсиль, а Эрман сел напротив.

Лисса отметила, что стол в этом месте стал какой-то узкий: ее визави оказался необъяснимо близко, они сидели почти нос к носу. Старший брат и отец красавчиков сели подальше и снисходительно наблюдали общение молодняка со стороны, не забывая уписывать за обе щеки выставленные на столе вкусности.

Джимми молча ел, прислушиваясь к разговору. Он прекрасно понимал свое место и не собирался сейчас бороться за его изменение. Лучше послушать и понять, что ему и Лиссе грозит.

Сиренево — розовый Энсиль ковырял в тарелке как барышня на диете, и молчал, а сине — зеленый Эрман старался за себя и за брата.

Для начала извинился, что предлогом они выбрали посещение жениха и в этом качестве представили Энсиля.

— Ты же понимаешь: такая договоренность у твоей бабки была, поэтому сказать по —

другому мы не могли. Я бы сам с радостью выступил в этой роли, но... Как-нибудь в другой раз.

Речь свою он сопровождал смехом, ужимками и подмигиваниями, так что Лисса под конец рассмеялась и благосклонно приняла извинения.

Затем Эрман рассказал, в каком шоке они были, когда из портала выпал Лиссин папочка. Его не знали и не ждали. Портал зафиксировал появление неизвестного из домена Актеллион и охранная система вознамерилась спеленать незваного гостя, а затем и уничтожить. Но к счастью Эванесер в это время был ничем не занят и отправился посмотреть на нахала, который вторгся в чужой домен без приглашения.

— У тебя папаша такой странный...

— Хочешь сказать придурок — говори, не стесняйся. Здесь об этом знают все, — ответила Лисса.

Эрман и Энсиль рассмеялись: один открыто и громко, а другой зафыркал себе под нос. Затем юноша — демиург продолжил:

— Он твердил: «Лисса, Лисса в опасности, с Лиссой все плохо, умоляю, помогите». Чтс именно плохо понять было невозможно. Мы битый час не могли добиться от него толку: кто он и зачем сюда пришел. Одно было ясно — с тобой беда.

— Как вы догадались что нужно делать?

— Отпоили его вином и он стал говорить чуть более связно. Тут и всплыл Ругидарнел в качестве твоего жениха. Мы с братьями готовы были броситься к тебе на помощь в ту же минуту. Дураки, конечно. С этим темным мы бы не справились. Папа молодец: придумал ход, когда конфликт идет не между нами и Ругидарнелом, а между ним и твоей бабкой.

Лиссе с каждой минутой становилось все более интересно. Она даже забыла о Джимми. Отпустила его руку, которую держала все это время, и наклонилась к Эрману поближе.

— Ага, вы вовремя прибыли и заявили о своих правах. Герберина чуть сама себя не съела от злости. А как так получилось, что ваше появление совпало с визитом... эээ... темного?

Сине — зеленый лукаво улыбнулся:

— Девочка, неужели ты думаешь, что наши возможности хоть чем-то ограничены? Поставили на ваш портал оповещатель, и как только он засек пересечение границы энергией тьмы, мы тут же отправились следом.

Тут до сих пор тихо сидевший Джимми не выдержал:

— Простите, что перебиваю... Вы сказали: энергия тьмы. Что вы под этим словом подразумеваете?

В первую минуту молодые демиурги смотрели на него, как на домашнего зверька, который вдруг подал голос. Но, видя вполне серьезное личико Лиссы, Эрман стал отвечать и внезапно нашел в Лиссиной игрушке более чем занятого собеседника: умного и любознательного.

На другом конце стола Эванесер со старшим сыном недоумевали: мальчишки увлеченно разговаривают с ничего из себя не представляющим созданием, размахивают руками, даже рисуют схемы, пытаясь что-то ему объяснить. Научную конференцию развели.

Лисса понимала объяснения с пятого на десятое: так глубоко в тайны материи и энергии Актеллия ее пока не посвящала. Она гордилась Джимми: тот явно понимал гораздо больше и задавал вполне профессиональные вопросы. Короткоживущее создание, которое может найти общий язык со скептически к нему настроенными демиургами — это вам не

Бетти заканчивала вечерний облет Академии, когда заметила, что из портала вышли двое: девушка с иссиня — черными волосами, рассыпавшимися по плечам, и мужчина со светлой челкой, падающей на глаза. Лисса и Джимми!

Она махнула крылом Авенаре и спустилась во двор, чтобы поприветствовать друзей.

Лисса от радости чуть не прыгала. Заметив подружку, бросилась ей на шею:

— Бет, Бетти! Как я рада что снова тебя вижу! Вы с Савардом молодцы! Все сработало!

Беттина обняла Лиссу и шепнула:

— Хвала богам! У вас с Джимми все в порядке?

Лисса стрельнула синим глазом на своего друга и ответила также шепотом:

— У меня все отлично, а вот Джимми никак не определится... Видишь, какой встрепанный?

Слово она подобрала явно не то. Математик выглядел как всегда аккуратно, только вот вид при этом имел потерянный. Кажется, впечатлений за последнее время ему досталось больше, чем он смог переварить.

Бетти отклеилась от подружки, подошла к мужчине и похлопала его по плечу.

— Джимми, не берите все слишком близко к сердцу и не пытайтесь сразу все осмыслить. Пойдемте лучше ужинать. Заодно с Вером поздороваетесь, он будет рад.

Он согласно закивал и кротко потопал за девушками туда, откуда уже доносились аппетитные запахи и громкий голос Саварда, который распекал очередного недоумка.

Лисса шепнула подружке:

— Может, не надо в толпу... Нам бы отдохнуть... Мы с Джимми не такие уж голодные, только что с обеда.

Бетти на минутку задумалась, затем махнула рукой:

— Пошли. Устрою вас в рядом с нами. Покои Арнильды просторные, целых три спальни. Только... Мне на ужин надо, я же за него ответственная. А потом мы с Вером к вам придем. Винцо, пирожные... Тогда и поболтаем. Вы нам все расскажете, а мы вам.

После ужина у Беттины набежали другие дела, да и Савард никак не мог освободиться. Его по дороге от столовой к кабинету отловили беженцы и начали предъявлять претензии. Конечно, у него где сядешь, там и слезешь, но времени на вправление мозгов обнаглевшим иждивенцам ушло немало.

Затем его вызвал к себе Герулен, чтобы сообщить: завтра с утра будет совещание с Лисилианской делегацией. Матильда прислала очередное письмо.

Так что когда Бетти с Савардом собрались наконец к себе, была уже ночь.

В покоях Арнильды стояла тишина. Бетти сунула свой нос в отведенную подружке спальню и убедилась: спят, голубчики, без задних ног.

Оно и лучше: что-то обсуждать сейчас она была не в состоянии, даже слушать рассказ

было свыше сил. Беттина в любую минуту готова была провалиться в сон. Савард был много бодрее, но и он не приходил в восторг от перспективы продолжения дня сегодняшнего. Он положил тяжелые ладони на плечи жены и прошептал ей на ухо:

— Бет, они спят, давай и мы тоже...

Под словом «спать» он имел в виду не совсем сон, но Бетти так устала, что предпочла понять его буквально. Пока Савард, чертыхаясь, снимал с себя оружие и раздевался, Беттина успела выскользнуть из платья, перебраться в ночную рубашку, залезть под одеяло и отключиться.

Когда Вер наконец-то опустился на кровать рядом с женой, то понял, что опоздал. Будить сейчас Бетти было бы жестоко. На ум, как назло, пришло соображение, что он-то жену любит, а она вышла за него исключительно потому, что у нее не было выбора. Вернее, был, но такой, что смерть и то приятнее.

Грустно, что она даже не поцеловала его на сон грядущий, но он с самого начала знал: маленькую драконицу придется приручать. То, что она почти сразу откликнулась на его ласки и не пыталась выгнать из своей постели, еще ничего не значило. Бет — девочка ответственная. Раз взяла на себя обязательство, то будет выполнять. Но пока никто не сказал, что для нее это радость. Не неприятность — уже хорошо. Так что пусть спокойно отсыпается.

Было у Саварда такое смутное чувство, что завтра им понадобятся все силы.

А вот про Лиссу с ее парнем интуиция подсказывала, что, как бы ни тяжело им пришлось, на ближайшее время трудности позади. Интересно, конечно, что там случилось и как Лиссе удалось вытащить своего математика, но это может подождать до завтра.

Утро началось не с нежностей и даже не с разговоров за чашкой травяного отвара. Всех разбудил разнесшийся над территорией Академии вопль Герулена:

— А — аааа! Авенара! Ты сошла с ума! Прекрати немедленно! А — аааа!!!

Савард, весь встрепанный, вскочил и начал одеваться. Затем заметил, что Бетти открыла один глаз, потянулась, как котенок, и собирается снова нырнуть под одеяло, бросился к ней.

— Бет, Бетти! Ты поняла, что там за вопли?

Она, не открывая больше глаз, махнула рукой:

— А, это бабушка. Скорее всего облила Герулена водой, когда будила, а потом огнем над ним фуганула, чтобы просушить. Сама рано встает и своему мужчине спать не даст. Она так с бабушкой поступала. Ничего, никто не умер.

Никто действительно не умер, но после этих воплей спать уже не хотелось. Савард успел натянуть штаны и сунуть ноги в домашние туфли, так что снова раздеваться и ложиться обратно не стал. Решил проверить, как там его ученица со своим красавчиком.

Правильно сделал.

Вопли Герулена разбудили не только его, но и Джимми. Лисса, что характерно, так и осталась досыпать. Савард еще раз убедился, что студентки, а также аспирантки — особые существа. Чтобы их перепугать и заставить подняться, когда они считают, что можно еще подрыхнуть, простых воплей маловато будет. Нужно минимум землетрясение.

Но вот ее друг уже успел натянуть майку, синие штаны, которые он называл джинсами, и теперь пытался пригладить растрепавшиеся после сна волосы. Увидев Саварда, он приложил палец к губам, мол, не разбуди девушку.

Тот кивнул, сгреб парня за плечи и утащил туда, где можно было разжиться чаем и булками: на кухню. В бывших покоях корифея бытовой магии она была оборудована по

последнему слову магической техники двухсотлетней давности, что не сильно отличалось от современности.

Вер сделал это по нескольким причинам, главной из которых было желание выслушать версию Джимми до того, как Лисса озвучит свой вариант событий. Того, что она промолчит, можно было не опасаться. Но сначала ему хотелось услышать впечатления свежего человека, не мага, а главное — того, кто способен сопоставлять и анализировать происходящее.

Раз уж он влез в это дело, то хотел знать, чем все закончилось.

Джимми, кстати, прекрасно понял желание Саварда поговорить пока девушки не встали. Ему и самому требовалось все обсудить с Вером. Лисса все воспринимала через эмоции, а ему был нужен взгляд человека (или нечеловека) трезвого, рассудительного и, как Савард, немного циничного. Иначе впору с ума сойти.

Так что мужчины с первого слова поняли друг друга. Уединились на кухне и под вчерашние ватрушки со сладким чаем потекла беседа.

Джимми не пришлось сильно понукать, пара наводящих вопросов помогла ему начать рассказ, а дальше слово за слово... Получаса не прошло, как он все выложил. Строгий, логичный ум математика помог ему выстроить последовательное повествование, а потом и сформулировать основные вопросы к самому себе и ко всему окружающему миру.

Начал он с того, как его похитил Эсгейрд. Савард скорчил рожу и пообещал, что Хеддлтону понравится, как он сам разобрался с этим слизняком, но отложил свою повесть на потом.

В зал с зеркалами и призмами Джимми поместили практически сразу, как только перенесли в дом демиургов. Он признался, что поначалу бегал среди всего этого сверкающего великолепия, но очень скоро понял, что теряет рассудок. Тогда он сел на пол в первом попавшемся месте, натянул на голову майку, а сверху еще обхватил себя руками, чтобы даже случайно не увидеть никакое отражение. По его мнению это и спасло ему разум.

Савард подумал и согласился с этим выводом.

Затем он буквально в паре слов пересказал то, как его спасла Лисса. Дальше пошло изложение разговоров с семейством Исхиназьер. Он до сих пор не мог прийти в себя: демиурги, создатели миров, посадили его с собой за стол и разговаривали ну почти как с равным.

Первый вопрос, который он задал, привлек внимание всей семейки. Красавцы — братцы, жених Лиссы и второй, сине — зеленый, решили его просветить, а заодно узнать, с кем связалась девочка.

Так что говорили все наперебой. Парни отвечали на вопросы Джимми и задавали свои. Хеддлтон напрягся и выдал разговор близко к тексту. Поначалу шла научнообразная муть, которую Савард хоть и понимал, но не хотел заморачиваться: эта тема была ему не слишком интересна. А под конец математик разошелся и пересказал то, что как раз его и грызло.

— Они предостерегли меня от близости с Лиссой там, в доме демиургов. Объяснили по сотому разу что она не человек. Здесь, в мире, который не она создала, у нее нормальное тело, как у всех, а там... В общем, там она — сгусток энергии, принявший форму. Если же в момент экстаза она потеряет самоконтроль... От меня угольков и то не останется. И вообще... Эти парни ко мне отнеслись по виду хорошо, а по сути... Знаешь, моя страна, хоть и монархия, но общество у нас достаточно демократичное. Я никогда не чувствовал себя ниже кого-то, даже если этот кто-то имел власть и деньги. Но тут совсем другое. Это как стихия: наводнение, землетрясение, извержение вулкана... Перед стихией мы все не более

чем муравьи. А когда такая стихия сидит перед тобой и уплетает что-то вкусное с блюда... Оно как-то плохо в голове укладывается. Но я понял: это не слова, все так и есть. А самая жуть в том, что Лиза — тоже стихия и даже больше того. Будущий создатель миров. Странно сознавать, что рядом с тобой в постели спит сверхновая...

Савард захохотал:

— Ну ты скажешь! Авенар — отличная девчонка, умница и с характером. А что она, как ты говоришь, стихия... Не бери в голову. Лучше скажи, о чем вы договорились.

Обескураженный Джимми не сразу нашелся.

— Ну... Нас отпустили. Вместе. Даже слова не сказали против того, что мы любовники. Наоборот, велели заботиться о Лизе, глаз с нее не спускать. В представлении этих цветастых Лиза — дитя. Сине — зеленый Эрман сказал, что у нее энергетические структуры еще нестабильные и сильно зависят от настроения, и пока она не научится их контролировать, ей нечего делать среди демиургов. А это приходит только со временем. Если бы она там жила с рождения — другое дело, но раз уж так вышло. По — моему, Эрман на нее глаз положил, но никаких признаков ревности... Наоборот, он пытался меня убедить действовать в его интересах. По его мнению я, взрослый и умный, должен помочь ей вырасти. В их а Между делом эти парни пообещали мне, что теперь, побывав в доме демиургов, я проживу гораздо дольше, чем люди из моего мира.

Савард слушал, слушал, а затем выдал:

— Ты хоть понял, что они тебе хотели вталдыкать?

— Что мне надо знать свое место?

Савард недовольно скривился.

— Да нет, ничего ты не понял. Тебе поручили важную миссию: обучить твою подружку тому, что ты знаешь, и вырастить из нее взрослого разумного, чтобы в будущем она могла соответствовать месту, которое займет. Они ведь не зря столько времени убили, беседуя с тобой о науке. Проэкзаменовали и нашли, что на эту роль ты годишься. Они ведь тебе и здоровье подправили?

— Как ты догадался?

— Да я просто вижу. Раньше в тебе еле — еле угадывалась эльфийская кровь, и то под вопросом, а теперь у меня не осталось сомнений.

Парень вдруг схватился за свои уши и Савард покотился со смеху.

— Успокойся, с твоими ушами ничего не случилось. Внешность они вообще не тронули. Выглядишь как раньше, разве что помолодел слегка. Просто у тебя сейчас аура совсем другая, — тут он стал абсолютно серьезен, — Ни тени болячек и резерв жизненной силы приобрел выраженные эльфийские черты.

Джимми решил прояснить для себя терминологию.

— Резерв жизненной силы? Я тут все время слышу про магический резерв. Это не одно и то же?

— Разные вещи. Жизненная сила есть у всех, не только у магов. От нее зависит здоровье, продолжительность жизни, регенерация и всякое такое. Если хочешь, познакомлю тебя с магом Жизни, он лучше объяснит.

— Не стоит, — отклонил предложение Хеддлтон, Лучше скажи, чем мне все это грозит?

— Грозит? — усмехнулся Савард, — Я бы не стал так формулировать. Грозит, надо же... Ты теперь долго проживешь, парень, лет двести- двести пятьдесят, и всю дорогу выглядеть будешь просто отлично. Скажи спасибо этим своим разноцветным.

— Сказал уже, — буркнул Джимми, — Но вряд ли я с таким счастьем смогу вернуться на родину и жить там, не привлекая внимания.

После этих слов он подоткнул щеку кулаком, насупился и замолчал.

А ты хочешь? — удивился профессор, — Брось, парень, что ты там потерял? Оставайся со своей девчонкой. Своей математикой сможешь и здесь заниматься. Магии у тебя нет, конечно, но это и не обязательно. И так неплохо будет. А на свою Землю сможешь время от времени заявляться вместе с Лис. Они с моей Бетти тамошними товарами торгуют, ты же знаешь. Хорошее дело, между прочим, прибыльное.

* * *

Возможно, Джимми и ответил бы на речь Саварда, но тут из спален вышли девушки. Они как-то разом проснулись и потянулись на кухню завтракать. Продолжение разговора пришлось отложить до лучших времен.

Но Лис с Бетти не забыли, что собирались поговорить. Вчера не успели, так надо наверстать упущенное, желательно с самого утра.

Лисса хотела быстренько изложить свою версию развития событий в процессе принятия пищи и даже начала рассказывать, про так прабабушка уделала бабушку.

Появление Герулена сбilo ей весть настрой.

Ректор явился при полном параде поторопить: меньше, чем через час должно начаться совещание. О том, как он орал на всю Академию еще недавно, и слова не было сказано. Да и верилось с трудом, что этот идеальный господин мог так непристойно вопить.

Высказав все, за чем, собственно, пришел, он обратился к Лиссе:

— Это же вы — Лисса Авенар? Приятно познакомиться.

— Взаимно, — мурлыкнула Лисса.

Когда пришел Герулен она как раз откусила большой кусок от многослойного бутерброда и сейчас старательно его жевала, поэтому связная речь ей давалась с трудом. Ректор понял ее затруднения и взял труд ведения беседы на себя.

— Дорогая Лисса, когда кончится наше совещание, зайдите ко мне в ректорат. Вы с блеском защитили свой диплом, а вот получить его не успели. Я вам его выписал и теперь он вас дожидается уже не первый день.

Заметив, что девушка пытается что-то сказать, он, как смог, ответил на незаданный вопрос.

— Не стоит беспокоиться. Все ваши бумаги профессор Савард вернул в Академию, так что формальные основания у меня были, да. Если хотите, присоединяйтесь к нашим коллегам: такого прекрасного специалиста я хочу видеть в нашем преподавательском составе. Пока ассистентом кафедры, а там видно будет.

Он не дал Лиссе возможности ответить: произнес последние слова, развернулся и ушел. Девушка уставилась на Саварда.

Тот пожал плечами:

— А что? Мы же с самого начала так и планировали. Ты останешься при кафедре, диссертацию напишешь, будешь преподавать... Тебя что-то не устраивает?

Джеймс погладил подругу по спине.

— Все хорошо, Лиза просто растерялась. Дай ей прийти в себя. А пока расскажи, что за

совещание и что тут вообще творится.

Савард встал из-за стола.

— Совещание? А, пойдёмте со мной и Бетти. Я пройду за стол к Герулену, а вы с Бетти устроитесь среди зрителей. Сегодня должны решить, где и когда состоится встреча делегации с императрицей. Присутствовать могут все: совещание открытое. Правда, слышать будете с пятого на десятое, но финальный меморандум огласят для широкой публики, да и речь Гера послушать — отдельное удовольствие.

Бетти, промолчавшая все утро, обняла подругу и шепнула:

— Пойдем, пойдем. Заодно все мне расскажешь. Мужчины уже обменялись мнениями, а мы так и не поговорили. И мне интересно, что скажет твой Джимми.

Показала свитое из разноцветной проволоки колечко:

— Мы никому мешать не будем, посидим под пологом тишины, поболтаем. А когда будет что-то интересное, Вер подаст сигнал.

Лисса кивнула и все поднялись.

Надо было привести себя в порядок, все же будут находиться на публике. Особенно это касалось Эверарда: он никогда не любил себя утруждать официальным видом и ходил в чем попало. Чистое, удобное, и ладно.

Но Беттина не могла допустить, чтобы ее муж выглядел среди солидных магов как огородное пугало. Словами неопрятного верзилы можно пренебречь, а речь величественного красавца выслушают внимательно.

Она еще вчера нашла, вычистила и отгладила его парадную мантию, камзол, штаны и рубашку из тонкого полотна. Вер хорош собой и в этом наряде заткнет всех за пояс.

* * *

Джеймс Хеддлтон сидел рядом со своей подругой, крепко держа ее за руку, и осматривался по сторонам. Сейчас он мог гордиться пластичностью собственной психики. Всего за несколько дней его представление о мироздании перевернулось с ног на голову, ему пришлось стать свидетелем и поучаствовать в столь невероятных событиях, что у другого давно бы крышу снесло. А он сидит в очередном очень странном месте и в ус себе не дует. Может, потому, что у него нет усов?

Сейчас они с Лиссой находились в подобию огромного актового зала, где места были расположены пологим амфитеатром, а в центре находилось возвышение, на котором за большим овальным столом собирались самые главные маги. Лисса показывала ему тех, кого знала. Он уже давно усвоил, что она Лисса, а не Лиза, но продолжал ее так называть. Ему казалось, это делает ее ближе и понятнее.

На возвышение или сцену взошел человек с величественной осанкой и длинной белой бородой.

— Это глава магического совета, Маелиус Акмар, — услышал он комментарий Лиссы, — Ой, а вот и наши. Вер и Герулен.

У Джимми разбегались глаза. Все присутствующие: и те, кто собрался на сцене, и те, кто сидели в зале, были как минимум человекообразными. Гуманоидами. Две руки, две ноги, прямоходящие, разумные. Но только очень ненаблюдательный тип мог принять их за людей. Хотя некоторые несомненно ими являлись, только не совсем такими, к каким он привык на

Земле.

Джимми впервые столкнулся со сборищем существ самых разных рас и сейчас сидел, переваривая увиденное. Да, Лиза ему говорила, но он и представить себе не мог, как оно может выглядеть на самом деле. Это как вдруг увидеть воочию, что две параллельных прямых действительно пересекаются в бесконечности.

Удивительные в своей разнообразии лица, от уродливых до невообразимо прекрасных, кожа самых разных оттенков, от оранжевого до темно — лилового, глаза еще более широкой палитры со зрачками круглыми, щелевидными, квадратными и еще более экзотической формы... Это поражало, сбивало с толку, заставляло кружиться голову.

Лисса не обратила внимания состояние своего возлюбленного, потому что открывавшаяся их глазам картина была для нее привычной, но заметила, что он не очень понимает куда попал, и взяла на себя роль экскурсовода. Первый же вопрос Джимми дал ее рассказу верное направление. Он спросил:

— Почему здесь так много... разных?

— Так и должно быть! Наша Академия находится в империи, а она была создана для того, чтобы создания разных рас и их полукровки могли жить вместе. В этом мире есть и другие государства, те, где имеют преимущество представители одной расы. У драконов своя страна, у демонов, у эльфов, ну, и так далее. Там полукровок не любят и межрасовых браков не одобряют. А в империи собрались те, для кого такая нетерпимость неприемлема.

Джимми вспомнил земную генетику, которую изучал в школе, и задал следующий вопрос:

— А все расы совместимы? В смысле, могут иметь общих детей?

Лисса была страшно удивлена самой постановкой вопроса..

— Конечно! Ведь их всех создали мои предки. Даже не так. Всех, кто живет в этом мире, создала моя бабушка Герберина. Конечно они совместимы.

— А ты мне можешь сказать кто есть кто?

Лисса нахмурилась и тяжело вздохнула.

— В принципе могу. Но если я сейчас начну тыкать пальцем и сообщать, что это вот силф, а это огненный демон, это будет невежливо. Если тебе интересно, можешь почитать учебник расоведения, там все есть. И про чистые расы, и про то, как распознать предков смеска.

Математик не унимался:

— А твои друзья: Савард и его жена?

— Вер и Бетти? У Саварда столько всего понамышано, спроси у него сам. Бетти тоже не чистокровная. А вот если хочешь увидеть чистокровного эльфа, то посмотри на нашего нового ректора господина Герулена Эстальского.

Джимми уже видел сегодня Герулена, но, по его мнению, он не очень был похож на те образы, которые тиражировали книжные иллюстраторы и киношники. С другой стороны, откуда им знать? Эльф выглядел значительно красивее, изящнее и экзотичнее любых земных представлений о своей расе, и в нем чувствовалось то, о чем писали писатели, плохо себе представляя, что имеют в виду. Герулен производил впечатление действительно древнего и очень мудрого существа, которое прикидывается таким же, как все вокруг.

Вот он как раз поднялся на сцену и сел во главе стола напротив Маелиуса Акмара. Странно: стол был овальный, Акмар сидел на одном из его узких концов, Герулен сел на другом и сразу стало понятно, что именно он тут главный. Ни величественная осанка, ни

белая борода главы совета дела не меняли.

Среди разноцветных голов заседающих возвышалась темно — каштановая голова Эверарда Саварда. Бетти, видно, помагичила, когда его причесывала: вечно вихрастые пряди сегодня лежали крупными, красивыми завитками и совершенно не топорщились.

Лисса продолжала пояснения:

— Те, кто за столом — это выборные от здешних магов, руководство Академии и делегация из Лисилии.

— А Лисилия — это что?

Лисса почему-то не ожидала, что ее друг не знает, что такое Лисилия. Ей казалось, это должно быть известно во всех мирах. Она удивленно подняла брови, но стала рассказывать:

— Город — государство. Маленький, но очень — очень важный. Все маги считаются по умолчанию его подданными. В смысле, если они что-то совершили с помощью магии, судить их без представителей Лисилии нельзя. Налоги они тоже туда платят. Магическая Академия в каком-то смысле ей подчиняется. Ну там, программа обучения... Ректора оттуда назначают. Раньше был Марульф Лингеи, видишь, вон за столом сидит в зеленой мантии и с такими же как у меня черными волосами? А как начались проблемы с императрицей, Совет Магов посчитал, что он не справляется и нам прислали вместо него Герулена.

Только она назвала имя нового ректора, как тот встал и объявил, что совещание началось. Следом за ним поднялся благообразный Акмар и сообщил, что вчера поздно вечером было получено письмо от императрицы Матильды. Она готова встретиться с делегацией магов и обсудить разногласия на нейтральной территории. В качестве таковой императрица выбрала известное всем поле Нейсс.

Лиссе опять пришлось давать пояснения:

— Интересное место она выбрала. На поле Нейсс произошла знаменитая битва, в результате которой и была основана империя. Так как во время сражения было использовано какое-то невероятное количество магии, то там с тех пор никто не селится, ничего не выращивают и вообще стараются не появляться как маги, так и простые люди.

Она не успела договорить. Савард поднялся и прогромыхал недовольно:

— Ну и местечко для встречи с магами! Она сама там думает находиться? Ведь в два слова наши разногласия не уладить. Это три — четыре дня напряженной работы, не меньше. А в таком магическом котле хрен усидишь. Можно последнего здоровья лишиться. Как по — вашему, что она задумала? Или опять оттягивает встречу?

Ему ответил тягучий, ленивый голос Герулена:

— Похоже на то. Или хочет загнать нас в ловушку. Тут в письме есть добавление: если нас не устраивает поле Нейсс, можно встретиться в урочище Белар.

Савард тут же отреагировал:

— На месте древнего храма песчаных демонов? Тоже не сахар, но уже лучше. Боюсь, действительно приемлемого места нам все равно не предложат. Так что я бы согласился на этот вариант, а заодно предпринял бы некоторые меры безопасности.

Один из членов делегации дернулся:

— Уважаемый коллега, вы нам не скажете, какие именно?

— Не скажу. Меры безопасности — это не то, что обсуждают при всех. Чем меньше народа о них знают, тем они действеннее. Вы же сами нас так учили, уважаемый архимаг Глодиус.

Тут все маги загалдели наперебой. Кто-то был против того, чтобы принимать

предложение Матильды, кто-то хотел встречи в другом месте, кто-то требовал, чтобы в урочище был направлен отряд боевых магов.

Савард сел и на его лице отобразилась скука.

— Что теперь будет? — спросил Джимми у подруги.

Та пожала плечами, мол, не знает, а сидящая рядом Беттина беззаботно махнула рукой.

— А, погалдят и сделают так, как скажет Герулен. С ним тут вообще не спорят. Он — истина в последней инстанции.

— Почему? — не понял Джеймс.

— Потому что спорить с ним бесполезно. Он же специалист по магическому праву, маг — юрист. Он так тебя заговорит и запутает, что забудешь как тебя зовут. При этом все будет разумно и логично настолько, что даже стыдно с этим не соглашаться.

Джимми знал, что такое земные юристы, и побаивался их. Его математическая логика при встрече с юридической, превращалась в корабль, опутанный саргассовыми водорослями, плывущий в густом киселе тумана. А на что способен маг — юрист, он даже знать не хотел.

Но великий Герулен не торопился прерывать всеобщий галдеж. Он сидел в вольной позе во главе стола и что-то калякал на лежащем перед ним листе. Когда же выкрики магов слились в неясный гул, он резко хлопнул ладонью по столешнице. Раздался звук, похожий на выстрел, и все немедленно замолчали, а вскочившие заняли свои места.

— Так, встречу завтра в урочище Белар подтверждаем. Ждать и тянуть больше нельзя. Теперь я оглашу наш список претензий, с которым делегация пойдет на встречу. В списке отмечено, по каким пунктам мы можем пойти на уступки, а каких необходимо твердо держаться, если мы хотим сохранить в империи магическое сообщество.

Герулен вытащил откуда-то из кармана мантии длинный манускрипт, развернул его и начал чтение. Все в зале обратились в слух: от того, о чем маги договорятся с императрицей, зависело их будущее.

Лиссу не слишком интересовало содержание того, что зачитывал ректор. Девушка недолюбливала магическую юриспруденцию. Она накрыла их с Джимми пологом тишины и принялась объяснять:

— Я тебе, кажется, уже рассказывала, что эта сучка Матильда решила наехать на исконные вольности магов и сделать их своими комнатными собачками. Даже в управление Академией влезть пыталась, хотя Академия ей не подчиняется. Запретила мне, как незаконнорожденной, найденышу, поступать в аспирантуру, например. Ну, это так, семечки. Она издала кучу указов, в результате которых нормальная жизнь магов в империи стала практически невозможной.

Математик попытался применить к новым сведениям свой прежний опыт.

— У нас на Земле они бы эмигрировали. Их же немного. Уехали бы в другие страны. Или тут только империя и больше ничего?

Лисса грустно вздохнула:

— Нет, государств много. Человеческих — так даже очень. Но разве ты забыл, что я тебе рассказывала про расы? Тем, у кого кровь смешанная, было хорошо только здесь. Им бежать некуда, их нигде не примут как своих. Еще те, у кого половина крови человеческая, могут, хоть и с трудом, прижиться на людских землях. А такие как я? Как Савард? Как Бетти? В нас нет ни капли человеческой крови. Нам нигде не будут рады. Не проходишь же всю жизнь под личиной.

Тут уже вздохнул Хеддлтон. Он таких сложностей себе не представлял. На Земле только

три расы, да и то все они человеческие, но сколько проблем! А в этом непонятном, удивительном мире ситуация гораздо сложнее. Затем он подумал о том, что не представляет себе, какое место занимает в этом мире магия. Она здесь вместо технического прогресса или как? А если так, то маги имеют перед остальными жителями Ардаи преимущество и те не могут их так нагло угнетать.

Спросил об этом и получил в ответ тяжкий вздох.

— Джимми, везде во вселенной магические расы рано или поздно вырождаются и их место занимают люди. На Ардае с этим чуток получше, но процесс потихоньку идет. Вон видишь парня с синими волосами? Красивого такого? Это сильф, маг воздуха и очень сильный менталист. Наш с Бет приятель. Так вот, говорят, раньше их было пруд пруди, а сейчас почти не осталось. Чистокровных, я имею в виду. Но среди людей полно потомков сильфов. Их можно узнать по синим глазам.

— Как у тебя?

— Точно. Но люди слабее смесков магических рас, поэтому они их боятся. А раз боятся, значит защищаются как могут. Законы против таких, как мы, принимают, гонят отовсюду. Можно, конечно, бороться, только в результате остается кучи трупов и выжженная земля. Кому это нужно? Поэтому, когда была создана империя, сюда все потянулись. И государство процветало: все готовы были вкладывать свои знания и умения в его благосостояние. А теперь Матильда хочет все это порушить.

— А Лисилия?

— Лисилия существовала задолго до империи и улаживала дела магов во всех человеческих государствах. Если мага очень уж донимали там, где он жил, он мог приехать в свое магическое государство, получить помощь, отдохнуть и подыскать себе работу в другом месте. Когда появилась империя, ее хотели упразднить, но, к счастью, не тронули.

Тут Герулен, по виду, стал заканчивать свое выступление и Джимми заинтересовался, о чем пойдет речь дальше. Поэтому он поблагодарил Лиссу за лекцию.

— Спасибо, Лиза, ты так толково все мне объяснила.

Девушка рассмеялась:

— Я была отличницей и в школе, и в Академии. Так что спрашивай, отвечу.

И сняла полог тишины. Шум ударил Джимми по ушам. Пока Герулен читал свой список, все молчали, зато теперь загалдели с новой силой. К сидящим за столом присоединились те, кто сидел в зале. У каждого были свои претензии к Матильде и все спешили их озвучить.

Старый эльф со скучающей миной вновь опустился на свое кресло и дал всем возможность выговориться.

— Почему он ничего не предпринимает, чтобы их утихомирить? — спросил Джимми.

Лисса промолчала, откликнулась сидящая рядом Бетти.

— Он опытный. Сейчас это не получится. Когда они наорутся, от стукнет по столу и все будет сделано так, как он сказал. А пока ребята дерут глотки, пытаюсь свои маленькие трудности возвести в ранг мировой проблемы, он поразмыслит о чем-нибудь еще.

— Но ведь у кого-то может быть действительно важное добавление!..

Бетти скривила губы и наморщила нос.

— Ты думаешь, Герулен в своем списке чего-то не учёл? Я в отличие от вас с Лиссой внимательно слушала и могу сказать: все эти мелкие единичные случаи подпадают под какой-нибудь пункт. Не под один, так под другой.

— А что будет сейчас? — заинтересовался Хеддлтон.

— Это я тебе могу сказать, — встряла Лисса, — Когда все наконец заткнется, будут составлять список тех, кто отправится на встречу с императрицей.

Джимми решил показать, что он все понял:

— Наверняка у вашего Герулена состав делегации продуман до мельчайших подробностей.

Внезапно к нему повернулся сидящий впереди субъект в мантии здешнего студента. Увидев его оливковое лицо и ярко — желтые глаза с вертикальным зрачком, Джимми инстинктивно отшатнулся. А красавец оскалил зубы в дружелюбной улыбке и произнес с усмешкой:

— Кто бы сомневался!

* * *

Вечером всех, кто должен был отбыть на переговоры, Герулен собрал у себя в кабинете. Из тех, кто оставался в Академии, он пригласил только Авенару с внучкой. Просто так, для поддержки. Ведь поддержка золотого дракона дорогого стоит, а если сразу двух...

Бетти пришлось оставить подругу с Джимми в первый же день их пребывания в Академии и она чувствовала себя неловко. Правда, ровно до того момента, когда Лисса ей сказала:

— Не бери в голову. У нас с Джимми сегодня будет вечер просвещения. Учебники ему будем подбирать, пусть изучает реалии нашей жизни по книгам. Я Силиана позвала, чтобы вложил ему в голову наши языки и письменность, не все же амулетом пользоваться.

Так что Бет оставила друзей с легким сердцем и теперь, в святая святых Академии — ректорском кабинете, заваривала чай и следила за порядком.

Герулен принял решение и заставил всех с ним согласиться: к Матильде отправятся шестеро с ним во главе. Нет, главным номинально будет Май Акмар, но все знают, кто руководит делегацией на самом деле.

Из лисилианцев он взял с собой только троих, а к ним добавил Саварда, что было вполне ожидаемо, и Марульфа Лингеи, чего не ожидал никто.

Поначалу Вер не мог понять, по какому принципу Герулен формирует делегацию, но потом прикинул и догадался.

Сам Герулен, Марульф и Май Акмар межмировыми перемещениями не владели. А он и еще два типа из Лисилии как раз были в них специалистами. Не такими, как он сам, потому что магия пространства не была для них основной специализацией, но пойти по готовому маршруту и протащить с собой кого-нибудь еще каждый из них смог бы.

Старый хитрый эльф готовил пути отхода. Перекрыть обычный портал и повязать магов тепленькими Матильдиным прихвостням было вполне по силам, а вот с межмировыми перемещениями они ничего поделать не смогли бы.

Ну и правильно! Молодец, Гер, отлично придумал. Все равно говорить за всех будет он. Все остальные на переговорах — статисты. Ну, может, Маю даст произнести пару слов, приветствие, например. Вообще этот белобородый нужен для представительности. Марульфа Матильда знает лично, он будет играть роль узнаваемого лица. Он с лисилианцами должен стоять на заднем плане и изображать толпу. А по знаку Герулена

каждый из них схвати того, кто стоит перед ним, и переместится вслед за Савардом. Он даже уже придумал куда: на базу к девчонкам. Самое безопасное место.

Между тем эльф не торопился раскрывать карты, а старательно объяснял Акмару и другим, какие позиции они будут отстаивать на первом этапе и чем смогут пригрозить Матильде в случае, если ей вздумается упираться.

Затем, когда вроде все было переговорено, он отпустил Акмара с Лингеи и задержал Саварда и двух других путешественников между мирами.

Вер думал, что сейчас он объяснит всем свой план спасения, но Герулен сказал только:

— В случае чего повторяйте все точно за архимагом Савардом. Следуйте за ним по пятам. В этом залог нашей безопасности.

Затем выпер удивленных магов и предложил Веру:

— Присаживайся. Мне кажется, или ты уже понял мой план отхода?

Савард вкратце изложил свою версию. Эльф страшно обрадовался:

— Я всегда верил, что у тебя, в отличие от большинства, есть мозги. Все верно. И ты уже придумал, куда мы скроемся, молодец. Мы сможем там пересидеть сутки и вернуться?

— Легко. Еда там была, насколько я помню.

— Тогда можно больше не суетиться. Забирай жену и иди отдыхай. Завтра будет нелегкий день.

* * *

Утром вся Академия провожала своих героев. Они ехали не на войну, всего лишь на переговоры, но это ничего не меняло для осажденных. Добиться своего силой слова — это ли не подвиг?!

Портала до урочища Белар строить не стали: эманации старого храмового места могли легко его сбить. Ехать до этого странного места было не слишком далеко и делегация отправилась верхом.

Лисса со своим другом стояли на стене над воротами и махали платками. Бетти с бабушкой перекинулись драконами и парили в воздухе, провожая своих мужчин. Лететь за ними вплоть до урочища Герулен им запретил. Не стоит заранее пугать Матильду.

* * *

Утром вся Академия провожала своих героев. Они ехали не на войну, всего лишь на переговоры, но это ничего не меняло для осажденных. Добиться своего силой слова — это ли не подвиг?!

Портала до урочища Белар строить не стали: эманации старого храмового места могли легко его сбить. Ехать до этого странного места было не слишком далеко и делегация отправилась верхом.

Лисса со своим другом стояли на стене над воротами и махали платками. Бетти с бабушкой перекинулись драконами и парили в воздухе, провожая своих мужчин. Лететь за ними вплоть до урочища Герулен им запретил. Не стоит заранее пугать Матильду.

Когда драконицы вернулись с полпути, всем стало ясно, что дальше можно только

ждать, но делать это на стенах совершенно не обязательно. Маги — беженцы с семьями, студенты и преподаватели отхлынули от стен и разошлись по своим жилищам, временным и постоянным. Заведующие кафедрами и профессора столпились на крыльце главного корпуса и обсуждали сложившуюся ситуацию. Практически вся верхушка Академии ушла на переговоры, а вернутся они или нет — неизвестно. Пару — тройку дней можно и потерпеть, обойтись без начальства, а больше нельзя. Кто документы будет подписывать и за все отвечать?

Опустившаяся во двор Авенара прислушалась к их разговорам и сделала внучке знак рукой: подожди, я сейчас.

Затем подошла и скомандовала:

— Разошлись! Готовьтесь к занятиям! Это я сегодня такая добренькая, но уже завтра чтобы все в это время были в аудиториях! Если есть какие-то трудности — через час я буду принимать в кабинете ректора, там и решим все вопросы. Понятно?!

Ей никто не возразил, наоборот, солидные, маститые профессора стали кланяться и быстро рассосались. Наверное и впрямь пошли готовиться к занятиям. Бетти подошла к бабушке и спросила:

— Как так? Ты же, по сути, никто, никакой должности не занимаешь. Почему они тебя беспрекословно послушались?

Авенара рассмеялась.

— Они бы и тебя послушались, девочка моя. Мы же драконы, а им не перечат. Их выслушивают, благодарят за ценные указания и бегут исполнять. Одно условие — надо не забывать, кто ты есть.

Лисса, вместе с Джимми наблюдавшая всю картину, подошла познакомиться поближе с бабушкой своей лучшей подруги. Она смотрела на драконицу с восторгом, у Джимми же восхищение смешивалось с опаской. Та же церемонно поцеловала девушку в щеку и с интересом уставилась на парня.

Ей хотелось понять, что в нем особенного. Если Лисса — демиург, а это почти что дракон, то зачем она связалась с человеком? Надо сказать, драконы — мужчины достаточно часто выбирали человеческих женщин своей парой, хоть и временной, а вот драконицы считали человеческих мужчин чем-то не заслуживающим внимания. Существами слабыми, ничтожными и слишком недолго живущими, чтобы ими вообще интересоваться, а уж выбрать такого в качестве своего возлюбленного?... Такое ни одной драконице в голову бы не пришло.

Что же в этом парне такого, от чего юная дочь демиургов потеряла голову настолько, чтобы пойти против своей семьи?

Внешность у Лиссиного человека была довольно симпатичная, чуточку эльфийская. Но таких тут тринадцать на дюжину, причем большая часть из них настоящие эльфы. Значит, надо разговаривать. Авенара приветливо улыбнулась математику и пригласила их с Лиссой разделить с ней и Бетти время ожидания.

Она только быстренько со всем разберется...

Ребята согласились и Беттина быстренько увела друзей. Когда Авенара уже не могла ее видеть, она наконец выпустила наружу душивший ее смех.

Лисса не поняла его причины:

— Что ты ржешь, подруга дорогая?

Бетти, вытирая выступившие слезы, ответила:

— Ты слышала? Бабушка собирается быстренько во всем разобраться. А там... Человек сорок со своими претензиями, если не больше. И каждый считает, что его дело самое важное. А кроме того завхоз со счетами, кладовщик со списками, коменданты общежитий... Но ты знаешь? Она справится.

— Как рыкнет по — драконьему! — догадливо продолжила Лисса, — и все сразу будут знать, что делать и пойдут работать. Как наш старый ректор не догадался, что нужно завести дракона? Тогда даже Матильда не смогла бы им командовать.

— Где бы он его взял? — фыркнула Бетти и тут вспомнила про мужа, — Ой! Я тут хохочу, а Вер сейчас, может быть, уже подъезжает...

Лисса посмотрела на нее с удивлением:

— Ты думаешь, твой смех может на него как-то плохо повлиять? Разуверься. Против Саварда эффективна тяжелая дубина., и то не всегда. Вернется он, никуда не денется.

Бетти сжала кулачки и притиснула их к собственному подбородку. Весь ее вид выдавал волнение.

— Если он не вернется... Я даже не знаю, что сделаю!

— С кем? — удивилась Лисса, — С ним?

— В том числе. А еще с императрицей и с этим демоном Геруленом, который все это безобразие затеял.

Тут в разговор встрял молчавший до той поры Джимми:

— Бетти, как по — твоему, у них был другой выбор?

Девушка пожала плечами.

— Не было, наверное. Долго в осаде Академия не продержится, особенно если матильдины люди будут внушать населению, что маги и магия — зло. Так было уже не в одной стране и везде это кончилось большой кровью, изгнанием магов и запретом на магию.

— А как теперь живут эти страны?

— Как-как?! Плохо живут. Просто отвратительно. Страдают от нищеты и неурожая, но гордятся собой, мол, мы не идем на поводу у магов и им не кланяемся. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, если мне теперь придется жить в этом мире, хочется представлять себе, как тут все устроено. Я вчера увидел всю эту разноцветную компанию созданий разных рас и подумал, что должны быть существенные отличия в психологии. Оказывается, с поправкой на магию, здесь все как на родной Земле.

Бет с сомнением протянула:

— Ой, не знаю, не знаю. Но раз ты такой психолог, то скажи мне: как понять, любовь твое чувство или что-то другое.

Джимми аж оторопел.

— Ну ты и спросила. У нас об этом целые книги написаны, но до сих пор общего мнения нет. А я никогда специально этим вопросом не интересовался.

— А как ты понял, что любишь Лиссу?

— Не знаю. Просто понял, что никакая другая мне не нужна, вот и все. А почему ты спрашиваешь?

— Она все никак не может определиться, любит она своего мужа или нет, — пояснила Лисса.

Брови у Джимми поехали наверх так энергично, что даже задели челку.

— Как это? А зачем она тогда за него вышла?

Девушки обе, не сговариваясь, пожалы плечами и замолчали. Пересказывать в подробностях историю брака Саварда ни у кого желания не возникло. Кое-что Джимми, разумеется, слышал раньше. Так что может сопоставить факты и разобраться что к чему. Или он не математический гений?

Дальше Бетти надо было идти заниматься хозяйством Академии. У нее не было на это никакого желания: после ухода делегации на встречу с Матильдой юная драконица чувствовала себя не в своей тарелке. Но что бы ни случилось, а обед надо варить, полы мести, посуду — мыть. Если не самой, то приглядывать за исполнителями все равно приходится.

Лисса решила не оставлять подругу в одиночестве и присоединилась к ней, а Джимми и вовсе некуда было деваться, только таскаться за своей любимой. Он бы с удовольствием сейчас посидел за книгой, изучая здешние реалии теоретически, но никто ему этого не предложил.

Так он и шлялся за девицами, стараясь не терять времени даром. Осматривался, все запоминал и пытался в уме систематизировать. Хоть будет к чему привязать книжные знания.

* * *

Авенара, которая обещала «быстренько со всем разобраться», зависла в ректорате почти до вечера, даже обед ей отнесли в кабинет. Но перед ужином она возникла, усталая, растрепанная, но полная боевого настроения. Похоже, жалобщики ее здорово разозлили.

Она хотела успокоить расшатанные нервы разговором с Лиссиным парнем: беседа обещала быть весьма занятной, если Бетти не преувеличивает достоинства этого человека с Земли. Но сначала надо было привести себя в порядок с внешней стороны: принять ванну, переодеться и причесаться. Авенара не любила выходить на люди не в идеальной форме, а тут предстоит общение с молодым мужчиной.

Она уже закончила омовение и сидела в халате, расчесывая свои роскошные волосы, когда услышала крик со двора:

— Наших взяли! Всех повязали!

Сначала содержание криков не дошло до сознания: каких наших? кто взял? что значит "повязали"?

Но она все равно вскочила и подбежала к окну. На середине двора, окруженный студентами, стоял высокий, тоненький мальчишка. Кажется, драконица видела его раньше: один из студентов — старшекурсников, эльф.

Тут в дверь заколотили изо всех сил. Авенара не сомневалась, что это внучка с друзьями. Тоже слышали вопли и прибежали за ней. Она мигом сменила халат на платье и выбежала к друзьям, даже не дав себе труда закончить с волосами. Кажется, случилось что-то непоправимое.

Все вместе они выбежали на улицу, а там эльфик захлеб рассказывал, что случилось на переговорах. Из-за шума толпы слышно было плохо, но на зря же Герулен оставил свою возлюбленную на руководстве. Она прошла через толпу как горячий нож сквозь кусок масла, ухватила рассказчика за рукав и потащила за собой.

Бетти, Лисса и ее любимый еле — еле поспевали за взволнованной драконицей.

Студенты и кое-кто из преподавателей тоже на ними потащились, но Авенара обернулась и так на них зыркнула, что толпа мигом рассосалась.

Прекрасная дама затащила студента в ректорский кабинет, ткнула в один из стульев, приказывая сесть, сама расположилась в Геруленовом кресле и махнула рукой:

— Давай рассказывай. Первый вопрос: откуда ты взял эти известия? Тебя за делегацией вслед никто не отправлял.

Столпившиеся у входа Бетти со товарищи были поражены: в такой момент Авенара не хлопает крыльями, а зрит в корень. Паренька могли просто подослать и весь его рассказ мог оказаться ложью, выгодной только Матильде.

С другой стороны, эльф, служащий Матильде? Странно это.

Юноша понял, в чем его подозревают, но не стал возмущаться. Спокойно объяснил: он — специалист по невидимости. Сделать невидимым предмет для него достаточно легко. Вот живые существа — труднее, но себя вместе с лошадьёю он сумел прикрыть очень плотной невидимостью, такой, что даже амулеты бы не засекли за его пологом проблески жизни. Так что никакого разрешения он ни у кого не просил: выехал в ворота вместе с делегацией и никто его не засек. Зачем? Просто было очень интересно. Хотел посмотреть, что там будет, да и императрицу он никогда не видел.

И что же там было?

На его глазах делегация добралась до урочища. Там стояли развалины храма: остатки стен и колонн без крыши. У входа их ждали люди Матильды, вернее, не люди, а песчаные демоны. Затем все зашли внутрь, а он остался снаружи.

Почему?

На храме было общее заклинание, разрушающее любые другие. Причем чем более сильное заклятие на тебе, тем сильнее тебя шарахнет. Он побоялся лезть туда под невидимостью.

А дальше? Матильда приехала?

Нет, никто не приехал. Сначала были слышны тихие звуки, как будто находящиеся внутри спокойно беседовали, затем раздались крики, из всех проломов, как горох, посыпались вооруженные песчаники. Но вскоре все стихло. Бедный перепуганный эльф решил, что члены делегации сбежали через портал и хотел было убраться восвояси, но тут песчаники снова активизировались. Вошли в храм, поковырялись там, а затем вытащили троих, опутанных ловчей сетью пятого порядка.

Лисса на этих словах аж присвистнула: сеть пятого порядка — это на архимагов. Только какой же архимаг даст ей себя опутать?

Авенара спросила только:

— Кто?

Парень ее прекрасно понял и назвал имена:

— Господин ректор, господин Савард и господин Маелиус Акмар. Это их в сетке утащили.

— А остальные? — робко поинтересовалась Бетти.

— Не знаю. Когда песчаники убрались вместе с пленниками, я снял невидимость и заглянул в храм. Там никого не было. Ни живых, ни мертвых.

Авенара поднялась и наставила на парня палец, на котором вдруг отрос черный драконий коготь:

— Поклянись, что все, тобою сказанное, верно.

Юноша не замедлил выполнить ее приказ:

— Клянусь своей силой и честью предков, что не солгал вам ни единым словом и все, мною сказанное, соответствует действительности. — Хорошо, — произнесла драконица, — Можешь идти. Только не разводи в Академии панику.

— А господин ректор и...?

Она посмотрела на него, как на назойливое насекомое:

— Без сопливых разберемся. Герулен мой и всяким там Матильдам я его не отдам. Правильно?

Последнее слово она обратила не к испуганно пятящемуся к дверям эльфу, а к родной внучке.

Та уже не тряслась от страха и волнения. Стала строже, собранней, лоб прорезала суровая складка.

— Правильно, бабушка. Я не собираюсь отдавать Вера никому, даже смерти! Он мой и пусть Матильда побережется. Прежде чем протягивать лапы к чужому, ей неплохо было бы вспомнить, что драконы этого не потерпят!

Она топнула ножкой и так сверкнула глазами, что бедный эльфик вылетел из кабинета как пробка из бутылки.

Тут раздался тихий голос Джимми:

— Бетти, а на что ты готова, чтобы вернуть своего мужа?

Девушка ни на секунду не задумалась.

— На все. Он мой, он мне нужен и я не допущу, чтобы проклятая Матильда тянула к нему свои загребущие ручки. А если она нанесет Веру хоть малейший вред... Да я ей сердце вырву, гадине!

— Моя кровь, — довольно прокомментировала Авенара.

Джимми покачал головой.

— Бетти, и ты еще сомневаешься, любишь ты своего мужа или нет? Ты ведь жить без него не можешь! Вернее, не хочешь. А что это, если не любовь?!

* * *

Пока Академия не скрылась из виду, а драконы не улетели домой, члены делегации вели пустые разговоры, ничем не выдавая своей тревоги. Например, Савард объяснял Маелиусу Акмару, что город находится на значительном расстоянии от Академии в целях безопасности. Мало ли что студенты могут случайно намагичить. А огромное поле перед воротами такое пустое из-за военных действий. Обычно там полно лотков разных торговцев и шатров трактирщиков. Только вот Матильдина армия всех разогнала.

Но чем ближе было знаменитое урочище, тем медленнее ступали лошади, будто прониклись моментом. Когда же дорога с открытой местности свернула в лес, подобрались даже те, кто всегда казался воплощением безмятежности. Разговоры смолкли: маги напряженно сканировали окрестности, пытаясь определить враждебные чары или ловушки. Герулен не разьяснял больше Акмару юридическую подоплеку конфликта в доступных терминах, а внимательно водил взглядом по ветвям и листьям, опасаясь нападения стрелков.

Но все было тихо и спокойно. В кустах никто не прятался, кроме разве что белок.

Когда же делегация выбралась из леса к развалинам древнего храма, их встретила

небольшая группа Матильдиных советников. У солдат стоявших в карауле вокруг полуразрушенного здания, арбалеты были в чехлах, а мечи опечатаны в ножнах. Магов среди встречающих не было. Все это должно было убедить лисийцев в мирных намерениях императрицы.

Акмар, увидев встречающих, удовлетворенно крикнул: все соответствовало предварительным договоренностям. В Герулене то же самое обстоятельство поселило тревогу. Старый законник знал не понаслышке: если внешне все идет без сучка, без задоринки, то результат обычно далек от ожидаемого.

Савард тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Интуиция просто вопила, что это ловушка, но где она и в чем заключается, он не видел и потому злился. С удовольствием сейчас бы раздал всем этим напыщенным расфуфыренным павлином из Матильдиной свиты затрещин, только вот протокол встречи ему это запрещал.

На всякий случай Савард раскинул еще раз сканирующую сеть и приготовил заклинание портала. Мало ли что. Теперь его только активировать, а это секундное дело.

Сканирование не показало ничего опасного. На многих парнях из охраны были амулеты, но в основном защитные. Они не собирались нападать. Внутри развалин храма, где, собственно и должны были пройти переговоры, тоже не высвечивалось ничего магического. Скорее наоборот, магический фон там был снижен. Саварда это удивило, но не сильно. Древние места силы часто показывали аномальные характеристики и там, где сейчас почти нет магии, завтра энергетический фон может просто зашкаливать.

Больше всего напрягло профессора то, что среди встречающих стоял Ансар Эгелен собственной персоной. Савард не мог ему простить то, что он собирался сделать с Бетти, так что присутствие этого типа было ему глубоко неприятно и наводило на мысль о том, что для них подготовили какую-то гадость.

Тем временем советник Матильды, стоявший во главе присланных на переговоры, произносил цветистую речь. Мол, давно надо разрешить все разногласия между магами и империей, чтобы она и дальше процветала. Можно подумать, что разногласия были именно с империей, а не лично с императрицей.

Герулен произнес ответную речь в том же духе. Долго говорил что-то выпендренное о законах, наследии предков, покойном императоре и его заветах, Академии и ее роли в жизни государства...

Савард пропустил всю эту муть мимо ушей. Прислушиваться и вникать — себе дороже. От длинных периодов ушлого эльфа даже у самых стойких ум за разум заходил, а ему пока нужно было сохранить мозги в рабочем состоянии.

Затем магов пригласили внутрь развалин, сказав, что там для них накрыт обеденный стол и подготовлен стол переговоров.

Герулен вместо с Матильдиным советником шли первыми, за ними двигались двое приспешников императрицы, следом шли Савард с Акмаром. Остальные двигались, не соблюдая никакого порядка. Вер только уголком глаза успел заметить, что маг, которому он поручил при случае телепортировать двух других, держал их под руки. Значит, если что-то пойдет не так, за них можно не беспокоиться.

Стены храма оказались на удивление толстыми и хорошо сохранившимися, особенно там, где располагался центральный вход. Для того, чтобы попасть внутрь, пришлось пройти не менее шести шагов по темному проходу. Так что Савард, выйдя из темноты на свет, не сразу разобрался в происходящем.

Когда понял, толкнул шедшего за ним мага обратно в проход и крикнул: "Уходите!"

Тот не стал ничего выяснять, просто выполнил приказ. Три мага исчезли в тот же миг.

Теперь их оставалось трое против целого подразделения песчаных демонов. Но не это было самое худшее.

Они попали в простую, но очень эффективную ловушку. Внутри храма была расстелена пелена, поглощающая магию. Стоило на нее ступить и никакие магические действия совершить становилось невозможно. Оставалось только бежать со всех ног наружу. Шедший впереди эльф спокойно и уверенно сделал несколько шагов вперед раньше, чем понял, что у него под ногами, и теперь отбивался от двух здоровых амбалов из песчаников. Без магии получалось плохо. Эльфы, несмотря на кажущуюся хрупкость, отличались силой, но тягаться с прирожденными воинами в рукопашной схватке не могли.

Савард вместо отступления бросился вперед.

Он бы успел сам уйти, забрав с собой Акмара, но бросить Герулена... Этого Авенара бы ему не простила. Оставался последний шанс. Надо было вырвать из лап песчаных демонов попавшего в ловушку эльфа и изо всех сил рвануть обратно на выход. Уже в коридоре он смог бы открыть портал к девчонкам на базу.

Акмара он оттолкнул к выходу, крикнул: "Держи оборону, я сейчас!", а сам бросился вперед на помощь ректору, которого тащили к центру бывшего святилища два песчаника. Эльфу с ними не справиться, но с Савардом и без всякой магии потягаться мало кто мог. Отобьются. Главное — вернуться в тот темный коридорчик.

Ничего не вышло. Когда он дотянулся до Герулена, кто-то подставил ему подножку и Савард, громко ругаясь, упал на антимагическую пелену. Это не могло особо помочь его противникам. Опытный боец тут же перекатился и встал на ноги, собираясь продолжить начатое. Но в этот момент откуда-то сверху на них упала сетка из толстых, кручёных веревок с металлической нитью.

Савард зарычал и стал рваться изо всех сил, даже вытащил спрятанный в сапоге нож и попытался разрезать веревки, но тут кто-то ударил его по руке металлической дубинкой и выбил нож, а кто-то другой отоварил чем-то тяжелым по голове и Савард на несколько минут потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то понял, что троим магам удалось унести ноги, а троих поймали приспешники коварной, но глупой курицы.

Пока он пребывал в забытии, его скрутили и опутали сетью так, что невозможно было ни охнуть, ни вздохнуть, не то что двинуть рукой или ногой.

Спеленатый как малое дитя, рядом с ним изрыгал проклятья Герулен. Его злобное бормотание объяснило Саварду все. Эльф прекрасно понял, в чем была их ошибка, но было поздно. Проклятые прислужники этой дурищи применили редкие, но очень эффективные антимагические артефакты: пелену и сеть для ловли магов. Почему никто заранее о таком не подумал?! Были такие штучки в сокровищнице императора и он лично об этом знал! Все они хороши, опытные архимаги, краса и гордость Лисилии и Академии! Как только не догадались раньше, до того, как вошли в бывший храм! Герулен хотел постучать себя по лбу, но руки были скручены за спиной. Ведь видели сниженный фон, могли бы понять, что это может обозначать! Антимагические плетения: пелена и сеть! Увидеть их при сканировании было невозможно, но голова на что дана?

Маелиус Акмар не избежал общей участи. Он не успел соскочить с опасной тряпки и поднять все щиты. Бежавший ему навстречу из коридора песчаник огромного роста и

мощного сложения просто съел щуплого мага, уронив его прямо под опускающуюся сеть. Сейчас из-под нее торчала только белая борода. Сам маг, совершенно обессиленный, не проявлял признаков жизни.

Сам Савард чувствовал себя неплохо, если не считать того, что был самым немилосердным образом связан. Если бы удалось освободиться, то он готов был тут же ринуться в бой. Кровь драконов, хоть и сильно разбавленная, защищала его от полной потери силы.

Герулен, будучи чистокровным перворожденным, под действием ловчей сети временно утратил магию, но жизненные силы сохранил практически полностью и не потерял ясности ума. Зато Май Акмар, будучи наполовину человеком, обессилел так, что оказался на грани жизни и смерти. Если вскорости его не распутать и не освободить от действия антимагических плетений, магическое сообщество рисковало потерять своего уважаемого председателя.

Савард уже хотел крикнуть погромче, что сволочи песчаники убивают несчастного Акмара. Может, рядом есть хоть один вмняемый, который сообразит, что убийство главы Совета Магов сделает полностью невозможным договор с Матильдой и спровоцирует войну.

Но тут песчаники пришли в движение. Оказывается, они привязывали сетки, в которых, как рыбки, трепыхались маги, к палкам, чтобы было удобнее нести, а вот сейчас взвалили концы этих палок себе на плечи и потащили кульки с добычей на выход.

Сначала Савард испугался, что их собираются так тащить до самой столицы. Ведь с антимагической сетью в портал не полезешь, развалится. Придется в лучшем случае ехать на повозке. За это время Акмар успеет три раза помереть.

Но придворный маг Матильды оказался не таким уж неучем и бездарностью. Он хорошо знал свойства антимагической пелены. Скручивающую магов сетку с внешней стороны укрыли пеленой, вывернутой наизнанку.

— Демоны драные! — выругался Герулен, — Теперь мы с магической точки зрения представляем собой нечто вроде камня. Абсолютно нейтральная масса. Они легко сунут нас в портал, не замнутя.

— Думаете, нас поволокут во дворец?

— Уверен. Только не за стол переговоров, как ты уже понял, мой мальчик.

— Ясен пень, они отправят нас в темницу. Но не в этом дело. Я беспокоюсь об Акмаре. Он может не выдержать и помереть...

Герулен заскрежетал зубами от злости.

— Надеюсь, они сообразят, что это не в их интересах. За Мая Акмара Лисилии обязательно вступится. Ее поддержат государства огненных и ледяных демонов, драконьи кланы, возможно, даже эльфы, хотя за наших зануд не поручусь.

— Ну, будем надеяться. Но все равно. После такого бедняга Май еще долго не сможет пользоваться магией. Как бы вообще силу не потерял.

Пока они так переговаривались, отряд песчаных демонов бодрой рысцой тащил их по лесной дороге все дальше от развалин храма, немилосердно тряся. Видно, кто-то знающий объяснил, что рядом с ними портал открывать опасно.

Но когда Герулен решил ответить своему товарищу по несчастью, тряска прекратилась. Раздались странные звуки: щелчки, звон, непонятные крики... Затем все стихло и чья-то рука сдернула пелену. Савард огляделся и увидел мощные каменные своды, шары — светильники в держателях в виде руки, вырезанную в камне пентаграмму стационарного

перехода. Они прошли портал и находились теперь в подвалах императорского замка.

А где же еще?

Появившийся как по заказу Ансар Эгелен приказал развязать седого мага, не подававшего признаков жизни, и вызвать к нему целителя. Наблюдавший за ним Савард сразу догадался, что парень не сам это придумал: такая гуманность Эгелену была явно не свойственна. Скорее это приказ Матильдиного мага.

Акмара распеленали и куда-то утащили. Профессор отметил, что это очень плохо. Если выпадет шанс бежать, то придется сначала разыскивать бедолагу, а на это уйдет время.

Когда шаги солдат, унесших Маелиуса, затихли, Эгелен занялся остальными пленниками. Их оттащили в камеру, которую тоже можно было считать антимагической, и стали распутывать сеть. Савард уже готов был рвануться изо всех сил и раскидать гадов, но они были настороже и наготове. Выпутав одну ногу или руку, сразу надевали на нее кандалы с очень вредным свойством: запирают магию внутри тела. Кандалы были соединены между собой цепями, которые Эгелен присобачил к крюку на стене и закрепил замком.

С Геруленом поступили практически так же, только не стали приковывать. Видно, эльфа боялись меньше. Но все же опасались, так как, не успев снять с него сеть, все песчаники дружно выбежали из камеры и поспешили запереть двери.

— Ну вот, — равнодушно произнес великий маг — юрист, — наконец мы с тобой одни. Со стороны этих идиотов было весьма легкомысленно сажать нас вместе.

Он вытянул закованную в кандалы руку и пошарил в собственной прическе. Вытащил оттуда красивую шпильку с золотой головкой, украшенной россыпью мелких рубинов. Но острая часть у этого предмета была отнюдь не золотая. Синяя гномья сталь отличалась тем, что ни сломать, ни согнуть ее было нельзя: она всегда возвращала себе первоначальную форму, ту, которую ей придал мастер — изготовитель.

Герулен, с трудом волоча скованные ноги, подошел к стене, к которой подвесили Саварда, осмотрел его кандалы и сообщил:

— Замок я открою и от стены тебя отцеплю. Это не проблема. А вот кандалы наши снять просто так не получится: у них нет замка. — Да знаю, — буркнул Вер, — Ничего. Песчаники всяко не маги. Ты хоть от стены меня отковыряй. А там... Если такими железяками просто, без всякой магии кому-нибудь по шее засветить, то лекарь уже не понадобится.

Думаешь, мы сможем выбраться? — заинтересованно спросил старый эльф, ковыряя шпилькой в замке.

— Не уверен, но попробовать никто не мешает, — отозвался Вер.

Герулен помолчал, затем произнес так, что было ясно: это его окончательное решение и Саварду лучше не спорить.

— Мы должны дождаться, когда нам скажут, зачем нас похитили. Я хочу понимать, что происходит, и контролировать процесс. Так что будем ждать.

Как ни странно, Саварду даже не захотелось с ним спорить. Он сказал только:

— Согласен. Будем ждать. Но я не уверен, что с этой точкой зрения согласится твоя Авенара. Она дама горячая и ждать не любит. Да и моя Бетти, хоть кажется кроткой, но все же дракон.

Эльф наконец-то справился с замком и Савард смог расправить плечи и размять заведенные за спину руки. Пока он приходил в себя, Герулен вдруг искренне расхохотался:

— Не завидую я Матильде! Угораздило же нас с тобой связаться с драконами! Даже

если твоя жена тебя не любит, то все равно свою собственность не отдаст никому. Это у них в крови. Не знаю, что наша венценосная курица сможет выставить против парочки разъяренных золотых драконов!

* * *

Несмотря на коварное похищение ректора, даже скорее благодаря этому, жизнь в Академии кипела, переливаясь через край. Все рвались спасти похищенных, начиная от студентов с преподавателями и заканчивая последним сторожем на воротах.

За свое короткое ректорство древний эльф заслужил всеобщее уважение. Он каким-то образом ввел в берега местную жизнь, которая при Марульфе была бестолковой и хаотичной. Студенты могли сколько угодно бухтеть, что раньше было лучше, а профессора возмущаться надменностью и язвительностью ректора, но все видели положительные результаты работы нового начальства.

Теперь учебные планы проверялись и утверждались с невиданной быстротой, расписание, которое у Лингеи менялось чуть не каждый месяц и утрясалось в конечном виде в лучшем случае к середине года, уже висело в холле нижнего этажа и всех устраивало. В столовой стали значительно лучше кормить, белье кастелянша выдавала белое и не рваное.

И все это при наплыве магов — беженцев, которые заняли своими палатками весь полигон, из-за чего большая часть практических занятий боевого факультета была отложена до лучших времен.

Маги были благодарны Герулену за то, что он их приютил и всем обеспечил. Правда, на Саварда злились: этот нахальный тип заставил-таки их всех работать и приносить пользу не только себе. Но в душе каждый понимал, что архимаг прав, поэтому когда все узнали, что он среди похищенных, начали жалеть и готовы были бежать его выручать.

То, что Матильдины посланные утащили как ректора, так и его заместителя, возмутило всех, но при этом не отразилось на внутренней жизни Академии. Все шло по начертанному ими плану и без них. Беженцы благоустраивали свой лагерь и работали на благо Академии, студенты занимались, преподаватели учили...

Без всяких ссор и споров кресло Герулена заняла Авенара. Она просто села в него и стала отдавать распоряжения, а все кинулись их выполнять. Авторитет золотого дракона был так высок, что никому и в голову не пришло выяснять, по какому праву она берет на себя чужие функции.

Бетти продолжила заниматься хозяйством Академии. Все должны были быть сыты, обуты, одеты и содержаться в тепле и уюте несмотря ни на что.

Но в первый же вечер после похищения потемневшая с лица от горя Авенара позвала внучку на совещание, куда больше никого не пригласила.

Начала без предисловий:

— Мы должны вытащить наших мужчин и наказать эту дрянь поганую. Я имею в виду Матильду.

Бетти согласно кивнула. Она и сама была того же мнения. Авенара продолжила:

— Не знаю, рассказывал ли тебе твой муж подробности, но Герулен со мной советовался... Вернее, обкатывал на мне свои умопостроения. Из них я вынесла одну важную мысль. Матильду можно ликвидировать, но на трон кого-то надо будет посадить.

Кого-то, чьи права не вызывают сомнений. У империи должен быть император, иначе может случиться такое, о чем даже думать страшно.

Девушку настрой Авенары несколько удивил. Драконица, выросшая в горах, а в империи познавшая только горе и муки, вряд ли может быть ее патриоткой. Поэтому ей было интересно услышать, как бабушка объясняет свою позицию.

— У драконов нет государств, они живут кланами, и мне было не очень понятно, почему вы все тут держитесь за империю. Но Гер мне объяснил и я прониклась. Если бы все шло так, как при императоре Юстине, это была бы благословенная страна для создания любой расы. И ты, и твой муж смески, где еще вам было бы так комфортно? Поэтому не удивляйся. Я защищаю права своих потомков, настоящих и будущих.

Бетти бросилась бабушке на шею. Та похлопала ее по спине.

— Ну, девочка, успокойся. Будет тебе. Лучше давай поговорим о делах насущных. Где по — твоему сейчас твой и мой мужчины?

Ответ мог быть только один:

— Где-нибудь во дворце императрицы. В казематах, если сказать точнее.

Авенара вздохнула.

— Я тоже так думаю. Если бы не это, уже летела бы туда и сравняла бы проклятое кубло этой ведьмы с землей. Но при этом могут погибнуть наши.

Беттина всплеснула руками:

— Бабушка! Ты можешь в одиночку разрушить императорский дворец? Но он же огромный и там полно народу. Солдаты, маги... Тебя могут поймать или убить. Да там на стенах, небось, защитный плетений как на Академии, если не больше.

Драконица рассмеялась.

— Сразу видно, что ты воспитывалась не в нашем клане и не знаешь наших возможностей. Даже ты, юное существо, можешь такое, что уж говорить обо мне.

— Но драконы не такие уж сильные, их нельзя выставить против целой армии. Так в "Расоведении" написано, а я привыкла верить учебникам.

— А что там написано про золотых драконов?

Бетти задумалась, вызывая в памяти страницу учебника.

— Там про них мало. Практически только то, что они — воплощенная магия. Только что это значит не расшифровывается.

— Все правильно. Понимаешь, солнышко мое, воплощенная магия — это именно оно и есть. Это только на вид мы с тобой состоим из плоти и крови. При желании каждая частица нашего тела может быть преобразована в магическую энергию, а затем собрана обратно. Знаешь, почему дракону нужно летать? Почему я тебя каждый день гоняю на облеты Академии? Потому что в полете мы впитываем потоки магии, разлитые в воздухе, крепнем и растем за их счет. Поэтому для нас разнести по камешку один дворец — это просто тьфу! Для начала впитываешь всю магию из плетений и из магов, а потом шарахаешь заклинанием посильнее, и все!

Слова Авенары привели Беттину в ужас.

— Бабушка, там же люди!

— Вот и я о том же. Не просто люди, а наши возлюбленные. Они, кстати, не люди никаким боком. Но не в этом суть. Надо пробраться внутрь и их вызволить, а уж потом...

Она хищно сощурила золотые глаза и стало ясно, что Матильда уже может начинать копать себе могилу и заказывать венки. Бетти задумалась:

— Но как мы туда попадем? Нападение — не лучшая идея, надо, чтобы нас туда пустили добровольно.

— Поэтому я и не тороплюсь, — задумчиво ответила Авенара. Пусть пригласят на переговоры. Сейчас у Матильды есть ценные заложники. Зачем они ей, если она не собирается торговаться?

— А они там..., — прошептала Бет побелевшими от страха губами.

— Ничего, — успокаивающе похлопала ее по спине бабушка, — Им ничего не сделают, если хотят договориться. Матильде что-то от нас нужно, иначе их убили бы еще в урочище. Ты боишься, что им там плохо? Ну что ж, чем тяжелее плен, тем слаще потом свобода.

Продемонстрированное Авенарой восхитительное бездушие драконов, вошедшее в пословицы и поговорки, рассердило Бетти, но в то же время привело ее в более конструктивное умонастроение.

— Что будем делать, бабушка? — спросила она.

— Ждать. Ждать и готовиться. Матильда от нас не уйдет, даже не сомневайся. А пока надо подобрать ей хорошую замену. Хорошую — это значит ту, которая будет нас устраивать.

— В смысле целиком и полностью поддерживать политику императора Юстина? — догадалась девушка.

— В точку, — подтвердила Авенара, — так что садись и займись.

Она вытащила из стола ректора две толстенные папки и выдала их внучке.

— Тут досье на двух претендентов, принцев Валера и Винсента. Гер не смог выбрать лучшего. Валер на два года старше, но права на трон у него несколько подмоченные из-за сомнительной женитьбы. Но что я тебе говорю?! Прочти, разберись и выбери. Как скажешь, так и будет. Герулен не успел, а я такую прорву бумаг прочесть не в состоянии. Это же не роман!

Беттина вздохнула, взяла папки и расположилась тут же, в кабинете, потому что выносить материалы Авенара не разрешила. Если это хоть как-то может помочь и приблизить возвращение Вера, она будет корпеть над ними хоть круглосуточно.

Авенара покрутилась рядом с внучкой, убедилась, что та полностью ушла в работу, махнула рукой, создав у стенки застеленную чистым бельем кровать на случай, если Бет захочет отдохнуть, и исчезла.

* * *

На следующий день на закате у ворот Академии появился герольд в цветах императрицы и унылый клерк из ее канцелярии. Они принесли послание, на котором значилось "руководству Магической Академии".

Но до этого в Академии произошло много интересного.

Во время обеда вернулись лисилийские маги вместе с Марульфом Лингеи. Они отсиделись в каком-то странном мире, где всего было мало: населения, растительности, животных и магии. Поэтому, собственно, и не вернулись раньше: слишком долго восстанавливали потраченные силы. Авенара отправила их отдыхать, хотя Лингеи рвался в бой. Вся эта борьба с Матильдой пошла ему на пользу: он будто проснулся от долгого сна и теперь жаждал деятельности. Чтобы отправить его спать пришлось пообещать, что скоро он

сможет приложить свои силы к великим делам.

Часа через три после возвращения магов Бетти вызвала бабушку в кабинет ректора и продемонстрировала результаты своей работы. К выбору будущего императора она подошла добросовестно. Выписала для каждого в два столбика плюсы и минусы, при этом учла отдельно и этапы биографии, и личные качества: черты характера, привычки, знания и умения. Отдельно для каждого были сформулированы политические убеждения, насколько Бет смогла об этом судить по предоставленным материалам. Сам Герулен не сделал бы лучше.

Авенара глянула на усыпанные бисерным почерком внучки листы и не стала их читать.

— Скажи мне кратко: Винсент или Валер?

— Винсент.

— А почему? Можешь пояснить в двух словах?

Беттина вздохнула. У нее была готова целая система доказательств, почему нужно выбрать именно этого претендента, но если в двух словах...

— Из этих бумаг Винсент представляется весьма приличным человеком. А Валер... Он какой-то мутный.

Драконница кивнула. Ее устроил выбор внучки. Он полностью совпадал с Геруленовым, но великий юрист не смог так кратко и внятно сформулировать причину, по какой Винсент предпочтительнее. Зато теперь было ясно, что делать.

— Надо послать к Винсенту парочку наших магов и транспортировать его сюда. Пусть посидит в безопасности пока вся эта заварушка не закончилась.

— Бабушка, это к Гранту. Скажи ему, он пошлет кого-нибудь из преподавателей. И пусть посланные найдут меня, прежде чем телепортироваться. Оба претендента сейчас скрываются от Матильды за границей, но в досье есть то, как их найти.

Когда два боевых мага и один специалист по иллюзиям отправились в Лисилию, чтобы оттуда переправиться к горным эльфам, где скрывался Винсент (у него мама оказалась эльфийкой — полукровкой), перед воротами и возникли посланники Матильды.

Вышедшая на площадку над воротами Авенара предложила подсунуть письмо под створки, потому что доверия к императрице больше нет и никто не собирается пускать ее людей внутрь.

Герольд был очень возмущен таким отношением и долго вопил, пытаясь оскорбить сидящих внутри огады и вызвать хоть кого-нибудь на поединок. Никто, естественно, не откликнулся: мало чести для мага победить обычного человека. Клерк же оказался более разумным. Он кротко сделал то, что было предложено: опустил на корточки и пропихнул конверт под воротами.

Секретарь ректора поднял его и передал Авенаре. Та на глазах у всех разорвала конверт и пробежала послание глазами. Все ждали, что она огласит слова Матильды, но драконница вдруг переменилась в лице и сунула бумагу в карман.

— Передай, что мы подумаем! — крикнула она бедному чиновнику, — Можете прийти за ответом завтра в это же время.

— Что она хочет? — бросился к Авенаре Марульф во главе с несколькими профессорами.

— Ничего особенного. Просто ее требования вас абсолютно не касаются.

— Как? — возмутился Лингеи, — Как это может нам не касаться? Требования к Академии...

— Нет, дорогой. — перебила его драконица, — Это требования ко мне лично. Ко мне и моей семье. Так что Академия тут ни при чем и решения буду принимать я. Можете быть свободны.

Лингеи пару раз хлопнул ртом, желая высказать наглой дамочке все, что он о ней думает, но не нашел слов. Остальные вообще не решались противоречить золотому дракону, а то мало ли что. В конце концов, она берет всю ответственность на себя.

Авенара же быстрым шагом устремилась в кабинет Герулена. Бетти бежала за ней, понимая, что раз речь зашла о семье, то значит все дело в ней. Другой семьи у Авенары не наблюдалось.

В кабинете прекрасная дама плюхнулась в кресло и вытерла со лба капельки пота.

— Ой, давненько я так не волновалась. Девочка моя, эта сучка требует тебя. Пишет, что отпустит всех наших и пойдет на переговоры с магами, если ты явишься во дворец и отдашь себя в ее руки. Ты понимаешь, что происходит?

Бетти на минуту задумалась, затем вскинула голову:

— Выходит, это тянется все та же старая история с Ансаром Эгеленом и браслетами, блокирующими магию.

Авенара живо заинтересовалась.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи. Гер что-то такое говорил, но я то ли прослушала, то ли забыла...

Пришлось Беттине излагать в подробностях историю сватовства Эгелена и их с Лиссой бегства с защиты диплома. Не обошла молчанием и то, что браслеты, которыми ей грозил жених, он получил из сокровищницы императоров по приказу Матильды.

Авенара внимательно слушала, накручивая прядь волос на палец и снова распуская. У нее это было признаком напряженной работы мысли.

Когда Бетти замолчала, драконица резюмировала:

— Выходит, с самого начала ей нужна была ты и никто иной. Ну как же я не сообразила! Артефактор! Дракон — артефактор! Уникальное существо. Эта гадина не так глупа, как я думала. Весь сыр — бор с Академией был всего лишь прикрытием, дымовой завесой... Ей нужно перенастроить под себя и ребенка артефакты власти, вот и все. Их создавали маги древности. Это сейчас в артефакторы идут слабые маги, а тогда не существовало узкой специализации. Самые мощные маги вкладывали свои силы в материальные носители, это было в порядке вещей. Пожалуй, Матильда или кто там ее консультирует по таким вопросам, права. Только ты способна выполнить то, что ей требуется. Сила дракона это позволяет.

Авенара откинулась на спинку кресла и зловеще захохотала.

Бетти была полностью согласна с ее выводами, ее смущало только то, что Эгелен сватался к ней тогда, когда она не владела всей своей силой. Ведь для работы с императорскими знаками власти того, что ей оставлял обряд песчаников, было явно недостаточно.

Потом до нее дошло: Эгелен собирался на ней жениться, а значит взять контроль над ее силой на себя. Он нашел бы, как заставить Бет сделать то, что нужно Матильде, а потом мог и убить, с него стало бы избавиться от ненужного и опасного свидетеля. Только он плохо представлял себе, что такое золотой дракон. Да и откуда ему знать, если Беттина сама пока не разобралась толком?

— Ты все правильно понимаешь, дорогая моя девочка. Тебе придется туда пойти и

отдаться в руки Матильды. Это должно быть ужасно, но придется тебе потерпеть. Я бы сама отправилась, но она ждет тебя. Так что если ты хочешь спасти наших мальчиков...

Бетти захихикала. Ладно Вер, но назвать мальчиком Герулена, который был много старше Авенары... Драконицу же ничто не смущало. Она рвалась в бой, но понимала, что прямым ударом ничего не достигнет, поэтому приготовилась использовать обычную тактику драконов: приманивание. Так охотятся драконы: помещают нечто привлекательное для их жертвы на видное место, садятся в засаду и терпеливо ждут. И не важно, что приманкой в этой ситуации будет служить ее родная внучка. Зато когда подойдет момент действовать, она точно не промахнется. Драконы выжидают удобного момента с фантастическим терпением и пользуются им с невероятной быстротой.

Поэтому Авенара сказала внучке:

— У нас на подготовку сутки. Сейчас разработаем план... Не знаю, стоит ли звать кого-то со стороны...

— Лиссу с Джимми надо позвать обязательно, у них свежий взгляд со стороны, да и в выдумке им не откажешь, — Авенара согласно кивнула на слова внучки, — Еще Марульфа Лингеи, — предложила Беттина, — Он — друг моего Вера, к тому же был вхож во дворец и может знать расположение основных помещений и служб.

Драконица махнула рукой:

— А, зови своего Марульфа. Он приличный малый и не вовсе дурак, пусть Герулен и считает по — другому. Но нам он может быть полезен.

* * *

Марульф действительно принес пользу. Он первым пришел на зов Авенары и тут же нарисовал примерный план дворца, указав, где могут располагаться казематы. Бывший ректор неплохо знал это строение, так как большая часть охранных плетений императорской резиденции принадлежала его авторству. Лингеи еще до того, как стать ректором Академии, работал вместе с архитектором, перестраивавшим дворец в середине правления Юстина при императрице Аделаиде, так что основа магической охраны здания была ему отлично известна.

Ее он тоже на всякий случай нарисовал для Беттины. Вдруг понадобится.

Еще он рвался сопровождать юную драконицу в логово Матильды. Ему очень хотелось посмотреть гадине в глаза и сказать все, что он о ней думает. За годы ректорства слов в ее адрес у него накопилось немало.

Авенара фыркнула и отмела эту идею. Матильда хочет видеть Бетти? Вот пусть ее она и увидит. Не надо злить и отвлекать императрицу до того, как Герулен с Савардом будут на свободе. А вот потом...

Она не стала пояснять, что никакого потом не планируется. Если Матильда выживет и спасется после нападения на дворец золотых драконов, ей очень повезет. Но тогда крики Марульфа будут уже бессмысленны. Если только не считать того, что он наконец выпустит пар.

Пришедшие во время того, как Лингеи рисовал план, Лисса с Джимми устроились в креслах. Лисса стала тихонько приставать к Бет, выясняя, что все-таки понадобилось Матильде от Академии, а ее мужчина завис над работой Марульфа, да так, что на какое-то

время выпал из жизни.

Он сидел так тихо, что даже Марульф, который терпеть не мог, когда ему заглядывали через плечо, не обратил на него внимания и не стал отгонять. Он обратил внимание на Джимми только тогда, когда Лисса, недовольная тем, что ее парень отвлекся, спросила:

— Ну и что ты там высмотрел?

Лингеи повернулся к математику и тоже спросил:

— С вашей точки зрения это так интересно?

— Что? — отозвался парень. Затем затряс головой, будто прогоняя наваждение, — А, да, очень интересно. Станный он какой то, этот ваш дворец.

И снова замолк.

Все остальные присутствующие, не сговариваясь, пожали плечами: они не находили в императорском дворце ничего странного. Но на то и иномирца, чтобы удивляться самому обыкновенному. Вдруг увидит свежим глазом то, что до него никому не бросалось в глаза?

Кажется, до Джимми дошло, что его поведение всех смущает, поэтому вдруг смутился сам. Опустил очи долу и робко спросил у Авенары:

— Когда надо будет принимать решение?

Она бросила на него лукавый взгляд:

— До завтра время есть. Даже до послезавтра. На закате сюда придут за ответом на ультиматум Матильды. Если тебя до сих пор не поставили в известность, сообщаю: она требует, чтобы к ней явилась Беттина. — И вы решили согласиться?

Драконница кивнула.

— Думаю, у нас нет другого выхода. Если атаковать дворец снаружи и разрушить, наши мужчины погибнут под завалами. Пока мы докопаемся до казематов, где их держат, пройдет много времени. Пусть они маги, пусть очень сильные и умелые маги, но без воздуха никто долго жить не может.

Джимми понимающе кивнул и Авенара продолжила:

— Мы решили брать укрепление изнутри. Для этого туда пойдет Беттина. А у тебя есть другое предложение?

Парень замотал головой.

— Пока нет. Но какая-то идея бьется на поверхности, осталось уцепить ее за хвост и вытащить...

Он распрямил спину и с радостной улыбкой посмотрел на всех.

— А можно, я заберу с собой этот рисунок? Мы же все равно сейчас ничего не решим.

Авенара хотела что-то сказать, но тут вмешалась Бетти.

— Конечно бери! Сейчас уже поздно, мы все идем отдыхать, а к утру, глядишь, ты ее поймашь, свою идею.

Драконнице ничего не оставалось как согласиться. Она отдала листок с рисунком Марульфа Джимми и назначила следующую встречу на время после завтрака.

Математик показал, что понял и тут же вцепился в Лингеи, требуя пояснить, где что нарисовано. Стал отмахиваться, когда Лисса позвала его в спальню, и в результате потащился за Марульфом в его кабинет, где мужчины просидели еще битых два часа за закрытой дверью.

К Лиссе он вернулся довольный донельзя. Под руководством Марульфа ему удалось перерисовать план дворца на новый лист вдвое крупнее, каждая линия и размер теперь были подписаны, а магические потоки обозначены разными цветами.

Джимми радостно потирал руки:

— Кажется, у меня действительно есть идея.

Лисса сморщила носик:

— Ты прямо сейчас собираешься претворять ее в жизнь?

Джимми виновато потупился:

— Нет, я ее сейчас запишу. Еще полчаса, дорогая?

Но прошло полчаса, а он все черкал что-то на бумаге, досадливо морщась. Дочь демиургов так и заснула, впервые, кажется, пожалев о том, что выбрала себе чересчур умного мужчину.

* * *

Герулен с Савардом сутки просидели в камере прежде чем кто-то додумался принести им еды. То, с каким опасением тюремщик просовывал в крошечное окошко на двери куски хлеба и бутылку с водой, показывало, насколько страшны ему заключённые.

Окошечко было смотровое, в него в лучшем случае проходил кулак. Для кормления пленников полагалось открыть другое, побольше, в которое проходили миски с кашей или похлебкой, но на такой риск никто идти не собирался. Магов тут, видно, боялись до дрожи. Савард исследовал стены и констатировал: заклинания тут не сработают. Камень особым образом обработан и призван поглощать любую магию.

Но хорошо, что хоть вспомнили и покормили.

Кроме ломтей серой ковриги им еще закатали по два сваренных вкрутую яйца. На этом щедрость Матильды заканчивалась.

Вообще обстановка оказалась на редкость убогой.

Кроме крюков, к которым поначалу подцеплялись их оковы, да дыры в полу для отправления естественных надобностей другой мебели предусмотрено не было. Спать полагалось на наваленной в углах соломе, к счастью свежей и чистой. Савард был уверен, что команду сменить подстилку дал кто угодно, только не императрица. Скорее всего это была инициатива какого-нибудь мелкого начальника, который жаждал выслужиться и распорядительностью привлечь внимание вышестоящих. А так как главная тут была женщина, то он счел важнейшим фактором для этого чистоту и порядок.

Все это Савард в присущем ему грубоватом стиле выложил Герулену. Тот согласился с сокамерником: если бы все зависело от императрицы, им бы и соломы не досталось.

Еще сутки они провели на более чем скудном пайке и никто даже не пытался с ними говорить. Мнение Герулена, что они заложники, подтверждалось.

Наконец, когда потерявшие представление о времени мужчины забылись сном, в коридоре за дверью раздался топот множества ног и голоса. Они разбудили Саварда, Герулен же продолжал спать и видеть сны.

Вер приподнялся на локте, чтобы выяснить, что случилось, и увидел как маленькое окошечко открылось. В его заглянули ясные голубые глаза молодой и красивой женщины. Послышался голос:

— Вам видно, ваше императорское величество?

Глаза хлопнули два раза ресницами, затем носик под ними недовольно сморщился.

— Что тут может быть видно? Внутри темно!

Действительно, сейчас Саварду было гораздо лучше видно императрицу, чем императрице Савард. На ее кукольное личико падало достаточно света, чтобы никогда ее не увидевший вблизи маг мог рассмотреть то, что возникло в крошечном окошке.

Он чуть не плюнул. Таких красивых куриц он избегал всю жизнь, считая, что они опаснее ядовитых змей. Куда смотрел Юстин? Как он мог жениться на этом ничтожестве? Ведь невооруженным взглядом видно, что эта цыпочка из себя представляет. Отнюдь не светоч мысли, зато бестолкового эгоцентризма хоть отбавляй. И из-за такого пустого места страдает целая империя? Мрак.

Тут он услышал знакомый голос:

— Что вы хотите увидеть, ваше величество? Заключённых? Имеет ли это смысл? Сообщите им свою волю, этого достаточно.

Эти ленивые интонации, гнусавые гласные, которые он тянет как тянучку... Дейрел, чтоб ему пусто было! Везде растёт, где его не сеют!

— Свою волю? — переспросила Матильда, — Ах, да! Слушайте меня! Вы — заложники! Я выставила вашей дурацкой Академии ультиматум и если они его не примут, то вы умрёте!

Савард снова опустил на солому и прикрыл глаза. Никакой новой информации императрица не сообщила. Он и так отлично понимал, что происходит. Хотелось подробностей: в чём состоит ультиматум. Но дамочка явно не собиралась удовлетворять его интерес.

Матильда же, не получив отклика, заволновалась:

— А они там вообще живы? Молчат и даже не шевелятся.

Дейрел постарался ее успокоить:

— Вам просто не видно, ваше величество. Они живы и все слышат.

На эти слова Савард откликнулся:

— Иди в задницу Дейрел. Не мешай спать. А то сейчас Гер проснется и ты узнаешь о себе много нового. Вот только оно вряд ли будет интересным.

— Такое проявление пренебрежения оскорбило императрицу до глубины души. Ее проигнорировали! Затеяли перебранку, как будто они тут одни!

Но так как до узников было не дотянуться, она накинулась на мага и обвинила его во всём, что сумела сходу придумать. Звучало это не как гнев могущественной властительницы, а как жалобы маленькой девочки: никто меня не любит, не жалеет, не уважает...

Савард искренне рассмеялся, услышав, как императрица распекает своего придворного мага. Затем раздался другой голос и у Вера волосы на затылке встали дыбом. Он узнал Ансара Эгелена, которого поклялся в порошок стереть за то, что он хотел сделать с Бетти!

— Ваше Величество, успокойтесь. Ваши враги в темнице. Пусть себе ругаются, это знак их слабости. Все равно вы победите, а им не жить.

А парень не полный идиот. Успокоил курицу на раз. Матильда перестала визжать, как резаная и страстно задышала. Даже в камере было слышно, как она пыхтит.

Вероятно, песчаник прибег к обычному средству успокоения для не очень умных женщин: стал ласкать императрицу прямо в тюремном коридоре. Затем снова зазвучал его голос:

— Ваше Величество, вы им сказали всё, что хотели? Так идемте же отсюда! Здесь не место для прекрасных дам, тем более для вас, Ваше Величество.

Он так выделял голосом слова "Ваше Величество", что невольно закрадывалась мысль: это замена другим, более ласковым и интимным. Императрица тут же растеклась сладкой

лужицей и позволила себя увести. Топот ее каблучков перекрывал грохот от сапог стражников.

Наконец все ушли. Все, кроме Дейрела. Тот сунул нос в окошко и сказал:

— Эй, Савард, скажи этой скотине Герулену, что он зря меня недооценивал. Он здесь так и сдохнет, а я буду править от лица этой милой дурочки. Осталось дожидаться, пока Беттина Комин наладит нам трон и корону, чтобы мальчишку можно было считать наследником, а там...

— Ты не боишься мне это сообщать? — удивился Вер.

— Не боюсь. Ты отсюда не выйдешь, а значит, не сможешь никому рассказать.

Он еще что-то говорил, упиваясь властью над теми, кто еще недавно был для него недостижимой вершиной. А Савард тем временем обрабатывал информацию.

Дейрел сказал: Беттина Комин. Выходит, он еще не знает, что она теперь Савард? А может он не в курсе, что она дракон? Нет, не может быть. Ансар Эгелен должен был это знать, а значит, Дейрел тоже поставлен в известность. Или он не понимает, что такое золотой дракон?

А ведь не понимает!

Эгелен — чистокровный песчаник, у Дейрела тоже в предках только люди, эльфы и те же песчаные демоны. Расоведение — не тот предмет, которым студенты особо увлекаются. Научаются различать приметы разной крови и на этом останавливаются. Откуда им знать про драконов, особенно золотых?

Помимо воли на губах у Вера заиграла хищная улыбка. Пусть Дейрел разоряется и дальше. Посмотрим, что будет, когда тут появится Беттина!

* * *

Утро выдалось серым и дождливым. Мелкий дождичек сеялся из низких обложных туч, делая все вокруг мокрым и противным. Такая погода пришлась драконице не по нраву. Бетти с трудом уговорила бабушку хоть один раз до завтрака совершить облёт Академии и удостовериться, что все в порядке.

Авенара согласилась, но настроение ее, и так унылое, от этого только еще больше испортилось.

Так что военный совет, объявленный драконицей, начался в обстановке общей подавленности. Авенара завела речь о том, что не уверена, живы ли до сих пор Герулен, Эверард и Маелис. Ей, видите ли, страшный сон приснился, а у драконов они бывают вещими. После чего она изложила то, что ей привиделось: там были темные казематы, груды мертвых тел и реки крови.

Обсуждать вещие сны ни у кого желания не было, но сказать Авенаре в лицо, что это просто выражение ее страхов, никто не решился. Так все и мялись, не рискуя столкнуть беседу с нежелательной колеи.

Первым не выдержал Марульф. Стоило секретарю сунуть нос в кабинет и намекнуть, что надо подписывать бумаги, как он вскочил, извинился, и вышел. Как ни странно, его уход подействовал на остальных положительно. Авенара отвлеклась и вспомнила, что вчера у Джимми была какая-то идея.

Пока дамы обсасывали тему вещих снов, математик сидел тихо. Но когда драконица

сказала, что готова его выслушать, он тут же взбодрился, встал и вытащил на свет давешний рисунок. Со вчерашнего дня он дополнительно покрылся прямыми линиями и разноцветной шпrikовкой, которые были призваны выделить некие части дворца.

Впрочем, от сгрудившихся вокруг Джимми женщин смысл этих дополнений ускользал. Так что все с интересом слушали, когда он начал свои объяснения.

— У нас, как я понял, задача проникнуть во дворец и вывести оттуда наших друзей живыми и здоровыми.

Все дружно закивали, подтверждая его мнение.

— Отлично! Проникать будешь ты, Беттина, под видом очередной пленницы. Это я тоже правильно понял?

— Более чем, — отрезала Авенара.

— Кроме того, массовая гибель тех, кто живет во дворце, не планируется. Нам нужно спасти людей, а не губить их. Верно?

Тут ему даже отвечать никто не стал: вопрос был риторическим. Джимми ткнул пальцем в свою картинку:

— Смотрите: вот дворец. Здесь парадная часть: тронный зал и всякие гостиные и прочие залы для восхищенных посетителей. Как я понимаю, Бетти, тебя поначалу приведут туда. Здесь жилая часть: личные покои императрицы и ее придворных, а также комнаты прислуги. А между ними административно — хозяйственная часть: кабинеты, приемные, разные помещения служебного назначения. По крайней мере мне так Марульф объяснил. Все три части достаточно автономны, а жилая отделена от парадной и отнесена так далеко специально, чтобы те, кто не живет во дворце постоянно, не имели доступа в частые покои императора и его семьи.

— И что это нам дает? — заинтересовалась Лисса.

— То, что теперь мне ясно, где можно будет нанести удар так, что пострадает меньше всего народу. Полностью жертв избежать не удастся...

На этих словах на него замахали руками. Женщины меньше всего были обеспокоены количеством жертв во дворце. Если удастся спасти своих мужчин, уже здорово. О чужих они не беспокоились.

Джимми продолжал.

— Я долго думал... У нас на Земле дворцы строятся и функционируют по — другому, так что я не сразу разобрался. Но сейчас мне все ясно.

Он взял со стола ректора пишушую палочку и снова ткнул в рисунок.

— Казематы расположены здесь, под тронным залом. А вход в них из административной части. В нее легко можно войти с улицы, правда, на входе стоит охрана из песчаных демонов. Но есть и вход для прислуги. А где вход, там и выход. Если Бетти убедит императрицу, что ничего не станет делать, пока не удостоверится, что ее муж жив и здоров, то ее проведут к нему. Под конвоем, естественно. Дальше все зависит от нее: сумеет ли она обезвредить стражу и вытащить наших друзей?

Бетти чувствовала себя не в своей тарелке: о ней говорили в третьем лице и спрашивали о ее возможностях у бабушки, как будто она сама не могла за себя ответить. Но стоило Джимми замолкнуть, как Авенара обратилась к внучке:

— Детка, ты слышала, какая перед тобой стоит задача? Справишься?

— Постараюсь, — ответила девушка, — Сделаю все возможное и невозможное. Я не позволю никому измываться над моим мужем и держать его в темнице ни за что, ни про что.

— Отлично! — поддержал ее Джимми, — А вы, уважаемая Авенара, в это время должны будете проводить отвлекающий маневр. Как я понял, в дни, когда нет балов и больших приемов, в парадной части дворца нет никого, кроме охраны. Вот на нее и должен быть направлен ваш удар.

— Тронный зал..., — задумалась Авенара, — нет! Там трон, а с ним я ничего не сделаю. Я легко вытяну всю магию из охранных систем и сделаю здание полностью беззащитным, но на трон посягать — это самоубийство!

— Зачем трон? — удивленно поднял брови Джимми, — там полно других помещений. Да и не нужно ничего разрушать. Здание старинное. С историческими интерьерами. Жалко его. Главное — отвлечь внимание. А вот когда наши выберутся наружу, тут-то и стоит кое-что разрушить. Ту часть административного корпуса, где находится вход в казематы.

Он снова показал это место на рисунке, и даже обвел в кружочек.

— Зачем? — изумилась Бетти.

— Чтобы вас не искали. Скажи, твой Вер после темницы будет в силах открыть портал для всех сразу?

Бетти помотала головой.

— Если его держали в антимагических кандалах или даже просто посадили в камеру, вытягивающую магию, то ему нужно будет время, чтобы восстановиться. Да и не нужно никаких порталов. Мы с бабушкой вполне можем вывезти оттуда сразу всех. А если она будет занята... ну что ж. Я и одна унесу троих.

Драокница же заинтересовалась, как именно она должна будет действовать, после чего они с Джимми на некоторое время выпали из жизни. Только и слышались слова: сектор, биссектриса, гипотенуза, луч, конус, объемный угол...

Джимми увлеченно тыкал в рисунок и что-то пояснял, Авенара спрашивала.

Наконец она с довольным видом отвалилась от стола и, постукивая по подлокотнику острыми коготками, произнесла:

— Вот теперь я верю, что все обойдется без моря крови и горы костей. Если все так, как ты говоришь, мы получим наших мужчин живыми и здоровыми.

Затем обратилась к недовольно сопевшей в углу Лиссе:

— Поздравляю, дорогая. Ты подцепила действительно стоящего мужчину. Понимаешь, когда я была молода, я наивно думала, что главное — это чтобы он был красив, щедр и влюблён. Но за долгие годы убедилась: в мужчине должен быть ум, все остальное не имеет особого значения. А у твоего Джимми голова не хуже Геруленовой, хоть и совсем в другом роде. Надеюсь, — обратилась она к внучке, — твой Савард хоть вполовину так же умён.

Тут к Лиссе вернулось хорошее настроение. Она весело засмеялась:

— Не беспокойтесь о Беттине. Ее Савард тоже очень умный. У нас тут клуб умных мужчин и их счастливых женщин.

— Да, — подтвердил Джимми слова своей любимой, — Вер на редкость умён. Просто, как вы правильно заметили, у него ум лежит несколько в другой плоскости.

Реплику о своем собственном уме он скромно проигнорировал.

— В общем план мне понятен, — резюмировала драконица, — Мы отправляем Бетти к Матильде, а я скрытно, под невидимостью, лечу за ней. Нет, не так. Я перемещаюсь поближе к дворцу и там жду. Девочку заводят внутрь, она беседует с Матильдой и для вида соглашается ей помочь, но настаивает, чтобы ее отвели в подземелье. Пока она не убедилась, что ее Вер жив и здоров, работать отказывается. Как я узнаю, что она уже в казематах?

Тут выступила Лисса:

— Следилку я вам обеспечу, меня Актеллия научила. Это не будет ювелирное украшение, просто элемент костюма. Бантик, там, или ленточка прямо на лифе. Такое наши маги не засекут. Никому и в голову не придет, что надо снять с Бетти платье.

— Отлично! — обрадовалась драконица, — затем, когда Бет спустится к своему мужу, я нападу на парадный вход дворца. Опалю колонны, развалю портик, а под шумок слопаю всю охранную систему. Если Марульф правильно нарисовал главные узлы, то придется потрудиться, но для золотых драконов ничего невозможного нет! А когда ты, дорогая, выведешь мальчиков наверх, я сменю фронт...

Бетти задумчиво кивала головой, но упорно молчала, а тут вдруг подала голос:

— Мы все слышали, что будешь делать ты, но я так и не знаю, как придется действовать мне. Песчаники, на которых не действует магия, антимагические браслеты, камеры... Там столько всяких ловушек, а я не представляю, методов борьбы с ними...

Авенара гордо обвела всех взглядом, затем подошла к внучке, обняла ее за плечи и задушевно произнесла:

— Дорогая, давай распустим наш совет и поговорим без свидетелей. Ты пока еще далеко не все знаешь о своих возможностях. Я тебя кое — чему научу и кое-что объясню. Думаю, тебе понравится, моя девочка.

* * *

Лисса, не скрывая удовольствия, увела Джимми в отведенную им комнату. Ее страшно раздражало, когда любимый общался не с ней, а с другими, и чем дальше, тем больше. Но кроме вполне понятного желания полностью завладеть вниманием своего мужчины, она хотела прояснить для себя и другие вопросы. Ей хотелось знать, как он видит их вклад в спасение Саварда и остальных. Так что, оставшись с Джимми наедине, она приступила к расспросам.

Да, Бетти дракон и ее возможности велики. Но она-то демиург! Ей стыдно отсиживаться в кустах, когда остальные воюют. С Джимми вообще спроса нет, он человек, существо хрупкое. Но и то от него есть польза: он что-то придумывает и, судя по реакции Авенары, его идеи полезны, в то время как от нее, Лиссы, нет никакого толка. А должен быть!

Математик не стал ее уговаривать отказаться от своей затеи. Потёр лоб и предложил:

— Ты могла бы в нужный момент переместиться во дворец на помощь Беттине. Как я заметил, вы хорошо друг друга понимаете и отлично взаимодействуете. Представь себе: одна в защите, другая в нападении... От вас вся дворцовая стража побежит без оглядки.

Мысль Лиссе понравилась. Осталось придумать, как ее осуществить. С одной стороны перемещаться она могла абсолютно в любую точку вселенной, ограничений не существовало. Но вот с другой...

Прийти на помощь Бетти надо вовремя и ровно туда, где она будет в этот момент находиться. Чтобы оказаться в нужном месте в нужный момент, надо было очень точно представлять себе и то, и другое.

Возникал вопрос: а как это сделать?

Услышав от своей подруги такое рассуждение, Хеддлтон задумался так крепко, что его

высокий, гладкий лоб перерезали две вертикальные складки. Лисса не сводила с него глаз. Она уже знала, что когда решение в голове парня созреет, сладки сами собой разойдутся.

Но он заговорил раньше:

— Если бы мы были в нашем мире, я бы предложил Бетти навесить на себя мини — камеру слежения с микрофоном. Тогда ты, сидя в засаде, видела бы всё, что творится вокруг твоей подружки и могла бы сориентироваться. Ты, кажется, собиралась дать ей что-то подобное из вашего магического арсенала. Но я не знаю, можно ли настроить так, чтобы сразу два пользователя видели картинку. Как я понял, вы с Авенарой будете находиться в разных местах. Или в одном?

Лисса, проигнорировав последний вопрос, бросилась ему на шею.

— Джимми, ты гений! Действительно, я же могу проследить за Бет. Приду к ней на помощь сразу, как увижу, что она во мне нуждается. Картинка послужит отличным ориентиром для перемещения. Как я сразу об этом не подумала? Это же так просто!

Она расцеловала парня и на радостях повалила на кровать, чему Джеймс только обрадовался. С недавних пор он очень боялся, что потеряет свою возлюбленную и готов был каждую свободную минуту, не занятую наукой, проводить с ней. Правда, пожертвовать ради Лиссы математикой он не был готов. Хорошо, что она этого не требовала: юной дочери демиургов нравилось, что ее мужчина — не пустое место. Как ни ревновала она его ко всем без исключения женщинам, но то, что даже Авенара смотрела ему в рот, наполняло Лиссу гордостью за своего избранника.

* * *

Драконца какое-то время разговаривала с внучкой в кабинете, а затем вызвала Гранта и затребовала большое защищенное помещение для отработки некоторых навыков. Каких, она не уточняла. Но секретарь отлично понял, что требуется и предложил золотым драконам занять подземную аудиторию боевого факультета. Там стены поглощали любые воздействия, чтобы маги могли на практике отрабатывать самые опасные заклинания. Не все, некоторые приходилось изучать на открытом полигоне. Но такие Бетти были без надобности: она собиралась действовать в здании.

Преподавателя боевиков временно попросили занять другую аудиторию и провести теоретическое занятие. Он хотел было возразить, что его предмет отнюдь не теоретический, а практический, но заглянул в глаза драконца и кротко согласился.

— Что ты с ним сделала? — шепотом спросила Бетти.

— Отдала приказ, — пояснила бабушка, — Не вслух, конечно, а про себя. Заглянула ему в глаза и приказала освободить помещение. Вот тебе мой первый урок. Никто не может противостоять ментальному приказу золотого дракона.

Уроков оказалось много, настолько много, что пришлось посвятить им весь день без остатка. Они даже не пошли обедать, обед Авенара приказала подать прямо в аудиторию. Вопиющее нарушение правил, но золотой дракон с такой ерундой не считался.

Когда ближе к вечеру довольные друг другом дамы вышли из подземной аудитории, то увидели караулящего их Гранта.

— Посланные от императрицы прибыли за ответом.

— Отлично, — бодро воскликнула Авенара, — Ответ у меня готов, сейчас заберу из

кабинета и отдам... Кого там Матильда прислала?

— Давешнего клерка и двух стражников. Герольда с ними нет.

Почему-то это обстоятельство развеселило прекрасную даму.

— Ага, испугался! Небось наотрез отказался сюда идти! И правильно! С его умственными способностями один путь — от кровати до горшка!

За этим разговором они поднялись на этаж администрации. Ответ Аверана действительно написала заранее. Конверт лежал посередине стола ректора и дожидался своего часа. Драконица похлопала внучку по руке.

— Ну вот, девочка моя, завтра все разрешится. Я написала, чтобы ровно в полдень за тобой прислали транспорт. Думаю, это будет портал. Не боишься?

— Боюсь? — удивилась Беттина, — Нет, с чего бы? Скорее это им надо бояться. За Веря эту сучку в ключья порву.

Услышавший эти слова Грант уставился на Бетти в глубоком изумлении. Он знал, что Савард не просто не чурается крепкого словца, а является ругателем — виртуозом, но его жена представлялась ему мягкой, тихой, хорошо воспитанной девушкой, от которой худого слова не услышишь. Но сейчас ее прищуренные глаза, крепко сжатые губы и то, как она не просто высказала, а выплюнула свою угрозу в адрес Матильды, показали ее секретарю в совершенно другом ракурсе. Это был настоящий дракон в гневе, причем в самой опасной его разновидности — ледяной.

До этого Грант не был уверен, что все получится, все вернутся домой и Матильда будет посрамлена, но сейчас, глядя на Беттину, понял, что его сомнения рваной бумажки не стоят. Эта женщина идет биться за своё и обязательно вернется победительницей.

Он схватил конверт и побежал к воротам, где его дожидались посланные императрицы. Он просунул его в ту же щель, что и вчера, а кроме того устно повторил слова Авенары. Завтра в полдень Беттина Комин будет готова проследовать во дворец для встречи с императрицей. Доставка — на встречающей стороне.

* * *

Собираясь во дворец, Бетти не стала надевать свое самое красивое платье. Незачем. Они с Лиссой покопались в ее гардеробе и отыскали то, что нужно: платье с лифом, украшенным лентами и мережками. Оно было скорее повседневным, но это никого не смутило. Главное: в нём была возможность заменить обычные вставки на заговоренные, чем девушки и занялись.

Лисса намекнула подруге, что собирается прийти ей на помощь, но для этого тоже должна получить доступ к информации.

Бетти, растрогавшись, обняла подругу и чуть не заплакала. Затем они приняли решение украсить лиф с обеих сторон: слева будет следилка для Авенары, справа — для Лиссы.

Они еле — еле успели всё закончить к полудню, так что даже на прическу времени не осталось. Бетти просто расчесала волосы и заплела их в простую косу. Нарочно не воткнула в прическу шпильки, чтобы показать Матильде, что она безоружна. В результате девушка, которая в полдень вышла из ворот Академии, выглядела скромной и беззащитной.

Ее бабушка, стоя над воротами, вздыхала и вытирала платочком уголки глаз:

— Ах, что за прелесть, ну просто бедная овечка, которую ведут на заклание! Как

трогательно! Просто до слёз!

И, повернувшись к оторопевшему верному Гранту и взволнованному Джимми, добавила совершенно другим тоном:

— Отлично сработано! Просто великолепно! У девочки талант!

За воротами Беттину ждали десяток дворцовых стражников, давешний клерк, офицер императорской гвардии в парадном мундире и маг в мантии бронзового цвета, присвоенного тем, кто поступал на службу в императорский дворец. Все они выглядели очень нарядно и внушительно, особенно по сравнению со скромной девушкой.

Бетти в уме похвалила себя и Лиссу за правильный выбор образа. Теперь, как бы ни пыжились, а конвоировать слабое, незащищенное создание им будет очень неудобно.

— Беттина Комин? — для проформы спросил маг.

— Она самая, — подтвердила Бет.

— Вы знаете, зачем вас хочет видеть императрица?

— Понятия не имею, — пожала плечами девушка, — Но вы ведь мне скажете?

Она держалась спокойно и естественно, чем очень смутила мага. Правда, на остальных ее манера впечатления не произвела. Вымуштрованные солдаты делали вид, что вообще ее не видят, а просто выполняют некое построение. Клерк смотрел на Бетти с грустным сожалением: он понимал, что ничем хорошим визит во дворец для нее не закончится. Офицер же сверкал глазами и всем телом выражал готовность лечь костью за императрицу, хотя этого от него никто не требовал.

Чтобы прекратить бессмысленный разговор, маг сделал несколько шагов в сторону и быстро выстроил портал. Бетти отметила, что делает он это довольно уверенно, но, видимо, строительство порталов не является его специальностью. У того же Саварда переход всегда получался в разы быстрее и никогда не дёргался. А этот маг потратил больше минуты, чтобы стабилизировать его на одном месте.

— Прощу, — великосветским жестом пригасил он Беттину, — Вас ждут.

Если целью было проявить галантность, то маг поступил глупо: в любом случае вперед надо было отправить клерка и хоть парочку солдат. Это доказало бы, что переход не таит опасности. А если он хотел напугать девушку, то напрасно: этим дракона не напугать.

Бетти уверенно шагнула в синеватый туман и оказалась в самом центре круглого зала с колоннами по периметру, между которыми располагались двери. У каждой колонны стояли по два стражника с заряженными арбалетами. Хотя они и не целились в девушку, но было видно: при малейшей оплошности с ее стороны они готовы пустить оружие в дело. Выходит, ее боятся.

Она, как положено, сделала пару шагов в сторону от портала, чтобы не мешать тем, кто идет следом. Все стражники проводили ее взглядами. Б — rrr... Ощущение не из приятных.

За Беттиной вышли клерк и офицер с солдатами, последним появился маг и сияние схлопнулось. Все посланные вместе с новой пленницей были на месте, во дворце.

Стоило portalу погаснуть, как одна из дверей распахнулась и в зал вошел еще один маг. По его расшитой золотом мантии Беттина сразу определила: он тут главный. Как бы не сам Дейрел, личный придворный маг императрицы. Он по широкой дуге осторожно обошел Беттину, оглядел ее со всех сторон и поманил к себе:

— Подойди, Беттина Комин. Дай я на тебя погляжу.

Бетти хотела его поправить, мол, она теперь не Комин, а Савард, а потом подумала и промолчала. Сделала пару шагов вперед и застыла. Пусть думает, что она его боится.

Кажется маг так и воспринял ее телодвижения. Гордо улыбнулся, расправил плечи и вообще вся его фигура вместо осторожности стала выражать уверенность в себе. Значит Бетти все сделала правильно.

Тут магу надоела затянувшаяся пауза и он снова заговорил:

— Так вот ты какая! Милая, скромная малышка... — он явно хотел сказать "глупышка", — А мне говорили, что тебе нет равных в работе с артефактами.

— Это моя специальность, — подтвердила Бетти и наивно поинтересовалась, — А вы придворный маг господин Дейрел?

— Ты обо мне знаешь? — неискренне удивился мужчина.

— Кто же о вас не знает?! — широко улыбнулась Бетти, — У нас в Академии вашим именем все ругаются.

Довольное и гордое собой выражение исчезло с лица мага и он сердито потребовал, чтобы Бетти шла за ним. Ее хочет видеть Матильда.

Идти пришлось довольно далеко. Сначала они поднялись на два этажа, из чего Бетти заключила, что круглый зал находился глубоко в подвале, затем прошли по длинному коридору вдоль целого ряда запертых дверей и вышли в огромный двусветный зал, стены, пол и все украшения которого были из белого мрамора. По обрамлявшим простенки колоннам вилась искусная резьба, изображавшая растения, между колоннами располагались высокие, от пола до потолка, окна, либо имитирующие их зеркала, либо были устроены ниши, в которых стояли статуи из того же белого мрамора. Вся эта красота явно эльфийской работы, ибо другие расы Ардаи искусством резьбы по камню и скульптурой не баловались.

В торце зала на возвышении Беттина увидела трон: широкое, вполне способное вместить двоих кресло из того же мрамора с пышной бархатной подушкой на сидении. Спинка, как и всё в этом зале, была покрыта искусной резьбой, изображавшей букет цветов. В резной узор были вделаны в кажущемся произвольном порядке двенадцать разных драгоценных и полудрагоценных камней, из-за чего декор трона представлялся недостаточно гармоничным для эльфийской работы. Но намётанный глаз Бетти сразу уловил, что камни тут не просто так, они образуют узлы плетения древнего артефакта.

В зале кроме стражников, стоявших вдоль стен и прикидывавшихся восковыми фигурами, никого не было.

Дейрел подвёл Беттину поближе к трону и указал на него:

— Видишь этот трон наших властителей? Что можешь о нём сказать?

Девушка пожала плечами:

— А что тут скажешь? Трон — он трон и есть. Один из символов императорской власти. Призван охранять престол от узурпаторов и хранить преемственность законной власти... Древний артефакт эльфийской работы, но магия в нем использована не только эльфийская, но еще и магия крови огненных демонов, магия признания родства чёрных пещерных драконов и магия духа сильфов. Все они вплетены в покрывающий трон узор, а драгоценные камни являются узлами плетений и дают закланиям разных школ возможность работать совместно. Вам достаточно, или хотите узнать от меня что-то ещё?

Пока девушка говорила, Дейрел смотрел на неё со все возрастающим удивлением. Кажется, он сам не верил, что услышит от Бетти столь квалифицированный ответ, тем более что магию духа сильфов вообще мог увидеть далеко не каждый. Но когда Беттина замолчала, он довольно потёр руки.

— Отличный ответ! Возможно, твой учитель прав: ты сможешь разобраться и сделать

то, что нам надо.

После этих слов дверь в глубине зала за подиумом, на котором стоял трон, отворилась и вошли двое. Впереди — изумительно одетая дама, молодая, стройная, изящная, с роскошными очень светлыми волосами, убранными в высокую причёску. Издалека она показалась Бетти похожей на восковую куклу эльфийской работы. Когда дама приблизилась, это сходство только усилилось: красивое лицо с точёными чертами имело именно то выражение, которое кукольники придают своим изделиям. Большие голубые глаза казались нарисованными: за ними не стояло ни мысли, ни чувства более глубокого, чем бывает у капризной девочки трёх лет.

В кукольной красавице нельзя было не узнать императрицу Матильду.

В полушаге за нею и чуть справа шел Ансар Эгелен в форме начальника дворцовой стражи. На лице его играла улыбка победителя. Он торжествовал.

Матильда подошла к Дейрелу и спросила его, капризно выгибая бровь:

— Ну, как по — твоему, она справится?

Маг развёл руками:

— Если всё, что мы о ней знаем, правда, и она действительно дракон, то могу сказать: если она не справится, то это не получится ни у кого в нашем мире.

Императрица обиженно вздохнула и обратила свой взор на Беттину. Тут же её глаза превратились в льдинки: что-то в артефакторше ей не понравилось. Неужели Бетти плохо сыграла простодушную покорность?

Когда Матильда заговорила, всё стало ясно.

— Ты понимаешь, что я могу казнить тебя как изменницу? — произнесла она, не сделав никакого вступления.

Бетти удивилась:

— Нет, Ваше Величество, не понимаю. В чём моя измена?

Вместо ответа Матильда крикнула:

— Ты смеешь перечить своей императрице?!

Бетти очень хотелось сказать, что императрица — жена императора, а такового она здесь не видит. Но вместо этого промолчала и поклонилась.

Матильда махнула рукой Эгелену и тот, подскочив к Бетти с мерзкой ухмылкой застегнул у нее на руках антимагические браслеты.

— Да, — сказала довольным голосом глупая кукла, — Так будет гораздо лучше. Безопасней.

Беттина наконец поняла, что вся ее игра не достигла своей цели. Тянуть и прикидываться дурочкой и дальше не имело смысла. Она выпрямилась и взглянула Матильде в глаза, отчего той явно стало не по себе. Она попятилась и попыталась спрятаться за Эгелена, а когда тот ловко увернулся, за мага. Но и это ей не помогло.

Беттина же решила говорить напрямую:

— Ваше Величество, что вам от меня надо? Вы желаете переделать под себя древние артефакты?

— Да, — ответила перепуганная блондинка, — И что? Ты скажешь, что не станешь этого делать?

— Не скажу, — ответила Бетти, — Всё зависит от цены.

Ансар Эгелен просто засиял, а Дейрел стукнул ладонью по кулаку, как бы говоря: "дело в шляпе". Матильда же удивлённо протянула:

— И что же ты за это хочешь?

— Много, — твердо произнесла Беттина, — Очень много. Но и ваш выигрыш тоже велик — жизнь вашего сына и власть над империей.

— Много — это что? Что ты имеешь в виду? — спросил уже Дейрел.

Он отгеснил императрицу, решив взять дело в свои руки. Матильда не возражала. Она сделала знак рукой и неизвестно откуда взявшийся слуга принёс ей уютное креслице. Красотка уселась в него и приготовилась слушать. По её лицу Беттина поняла, что императрица готова на многое, если не на всё, ради спасения сына и сохранения власти. Но вряд ли на то же самое согласится Дейрел.

Ну что ж. Пришло время сыграть в новую игру. Она уже хотела раскрыть рот, но Дейрел ее опередил.

— Ты, наверное, потребуешь возвращения Академии всех прав, свобод и привилегий?

— Естественно, — подтвердила Беттина, — Но этим дело не исчерпывается. А начать я хочу с другого вопроса. Вы похитили моего мужа архимага Эверарда Саварда и держите его в темнице. Так вот: пока я своими глазами не смогу убедиться, что он жив, здоров и благополучен, я не шевельну и пальцем. Мне по большому счёту плевать на Академию, магов и всё такое. Но вы похитили то, что принадлежит мне и пока вы не вернете моего мужа, больше ни о чём мы разговаривать не будем.

— Мы похитили не только Саварда, — осторожно намекнул Дейрел.

— Вам в любом случае придется отпустить всех. Только на таких условиях я соглашусь работать. Но это потом, а своего мужа я хочу видеть сейчас!

Вдруг вперед выступил Эгелен и развязно щелкнул Беттину по носу:

— А ты не обнаглела, моя милая? Подумай, мы сейчас что хотим, то с тобой и сделаем. С тобой и с твоим нахалом — мужем. В этих браслетиках ты колдовать не сможешь и поверь: он тоже не в лучшем положении. Так что сбавь тон. Тебе пристало молить о пощаде, а не торговаться.

Бетти посмотрела на него, как на таракана, которого застала на своей кухне. Ансар внезапно побледнел, поперхнулся и отступил за кресло Матильды. Дейрел сделал вид, что не заметил демарша своего глупого союзника. Он-то прекрасно понимал: браслеты вопроса лояльности Беттины не решают. Им нужно ее добровольное сотрудничество, ведь для работы их придется снять. Поэтому он сделал вид, что глубоко задумался, а затем произнёс:

— Хорошо. Если я предоставлю тебе возможность увидеться с Савардом и перекинуться с ним парой слов в моём присутствии, ты согласна будешь начать работу?

— Я согласна буду ее обсудить, — уточнила Бетти.

Она рассчитала верно: Матильде артефакты власти были нужны, а Беттине Матильда — нет, и все, кроме самой императрицы, это отлично понимали. Поэтому Дейрел сказал:

— Раз уж ты так настаиваешь... Это будет с нашей стороны жест доброй воли. Я дам тебе увидеться с мужем, а затем мы вернемся и продолжим переговоры.

Он сделал широкий жест и указал на одну из дверей: "Пойдем". Беттина кивнула, бросила взгляд на императрицу и потопала вслед за магом.

* * *

За пределами тронного зала их ожидала стража. Маг сделал знак и тотчас же двое

возглавили их колонну, а четверо встали за спиной Беттины, чем весьма ее раздражили. Она не сомневалась, что со стражей придется разбираться, но считала, что чем меньше жертв, тем лучше, а песчаники были известны тем, что с ними не договоришься и сдаваться они не умеют. Значит, придётся убивать.

Сознание этого было неприятным, но Беттина была к этому морально готова.

Конечно, ей было бы легче, если бы ее сопровождал не Дейрел, а Ансар Эгелен. Когда придется применить силу, в чём она не сомневалась, то песчаника ей нисколечко не будет жалко.

Но противный красавчик остался со своей царственной курицей, а компанию Бетти составил коварный маг. Хотя чем это он так коварен, если тому же Герулену удалось его просчитать? Конечно, старый эльф мог в этом отношении дать фору кому угодно, но тот, кто претендует на первенство в магическом сообществе, должен по уму хотя бы к нему приближаться.

Плюс Дейрела в том, что он не песчаный демон. Если он увидит, что гибель неизбежна, то скорее всего сбежит или сдастся. Хорошо бы ещё догадался стражникам скомандовать то же самое.

Успокоив себя тем, что Дейрел — не храбрец и не ума палата, следовательно, справиться с ним будет не так уж сложно, Бетти довольно бодро двигалась за придворным магом по переходам дворца. Скоро богато украшенные комнаты и галереи сменились узкими коридорами с одинаковыми дверями: они перешли в административную часть дворца.

Несмотря на то, что окон не было, Бетти смогла сориентироваться. Судя по тому, что коридор был сплошной и только в торцах снабжен ведущими вверх и вниз лестницами, они на втором этаже, а выход на улицу этажом ниже по левой стороне.

Проигнорировав первую лестницу, Дейрел провел Беттину через весь длиннющий коридор и предложил ей спуститься по второй. Там, где должен был быть выход на первый этаж, красовалась сплошная стенка.

Умно, — подумала Бет, — войдя с улицы нельзя сразу спуститься в подвал, где томятся заключённые. А догадаться, что сначала надо подняться на этаж, не каждый сможет.

Тем временем лестница из обычной превратилась в винтовую и спускалась всё ниже и ниже. Впереди шли два стражника, за ними Дейрел, за Дейрелом Беттина, а замыкали шествие ещё четыре песчаных демона. Бетти волновало, сколько ещё стражников придётся убить? Ведь должен же кто-то караулить заключённых?

Когда они достигли самого низа, стало ясно, что ее опасения беспочвенны. Заключённых сторожили с помощью магии и только магии.

Для начала Дейрел выдал всем и Бетти в том числе небольшой шарик на веревочке и велел надеть его на шею, а затем велел идущему первым стражнику открыть массивную дубовую дверь.

В круглом зале, предназначенном для тюремщиков, никого не было, зато стены, пол и потолок были опутаны вязью охранных плетений невероятной сложности. Не стоило и говорить, что вся эта красота была древней, как сами подвалы дворца: тот же Дейрел ни за что на свете не сумел бы создать нечто подобное. Беттина даже сумела разобрать некоторые функции: паучья сеть, мёртвая стена, огненный ветер... Сильные заклинания, но далеко не единственные. Войди в этот зал чужой и ему не выйти. Вероятно амулеты им на шею повесили для того, чтобы охранная система принимала их за своих.

Бетти прикинула, что проще: разрядить ловушку или снять с солдат амулеты и надеть на

своих друзей? Раньше она целиком и полностью была бы за амулеты, но после того, чему научила бабушка, первый вариант казался проще и надёжней. Надо только сделать это так, чтобы Дейрел сразу не заметил, а значит, в последний момент, когда они будут покидать этот зал. Тому, что она собиралась сделать, браслеты совершенно не мешали.

А вот когда они доберутся до Вера, она их снимет и полюбуется на лицо Дейрела. Рожа Эгелена в этом случае доставила бы ей больше удовольствия, но нельзя получить всё и сразу.

Маг тем временем остановился и обернулся к девушке:

— Беттина, давай с тобой договоримся...

Она прекрасно всё поняла: хитрый маг хочет связать её клятвой. Обезопасить себя. Не на ту напал! Хотя любая клятва становится недействительной, если тот, кому ее дали, мёртв. Так что этот тип нарывается.

— Мы будем договариваться не раньше, чем я увижу мужа!

Но Дейрел не отставал:

— Бетти, поклянись, что ты выполнишь всё, что я от тебя потребую, и мы немедленно пройдем к твоему Саварду. А иначе тебе его тут не найти!

Беттина обвела зал глазами и согласилась с правотой Дейрела. Она сейчас с трудом могла определить ту дверь, из которой пришла, а кроме неё в зале были ещё восемь и все одинаковые. Правда, в магическом зрении у них были различия, но всё равно определить по ним за какой дверью скрывается Вер, не получалось. Можно было только запомнить: пришли они из двери, закрытой заклинанием "смертельный ветер". А где Вер, за огненной ли стеной или за паучьей сетью, не догадаться.

Но если она сейчас поклянётся сделать всё, что прикажет Дейрел, то его придется убить, потому что идти на поводу и императрицы и ее мага она не собиралась. На всякий случай спросила громко:

— Вы хотите, чтобы я поклялась делать всё по вашей указке, а не по Матильдиной?

Все стражники тут же обернулись и уставились на Дейрела. Они-то хранили верность императрице, а не какому-то магу, которого терпеть не могли. Под их взорами он тут же стух.

— Ладно, пойдем, чего уж там. Полюбуешься на своего муженька, потом поговорим.

Затем он направился к одной из дверей, вокруг которой вилось заклинание ледяной стены. Очень неприятное: каждого, кто попытался бы здесь пройти без разрешения, заморозило бы в лёд.

Дейрел вынул из кармана еще один амулет и приложил к узлу плетения. Ключ сработал, разомкнув охранную сеть, и дверь открылась.

Два стражника, которые до сих пор шли впереди, вошли внутрь и встали с двух сторон от двери. За ними прошёл Дейрел, чем Бетти очень обрадовалась. Он не сможет увидеть то, что она собирается делать.

Изобразив, что она наступила на подол и споткнулась, Беттина на мгновение застряла у двери с внешней стороны. Этого ей хватило на то, чтобы выпить энергию из трёх близлежащих заклинаний, а также из вязи пола.

Вставая, она подняла руки вверх, якобы чтобы поправить причёску, и втянула в себя силу из плетения потолка.

Песчаники ничего не заметили: им было не дано видеть силовые потоки.

Совершив эту диверсию, Бетти вошла в тюремный коридор. Он был не похож на те, что она видела наверху. Вместо того, чтобы тянуться прямо, как стрела, он вихлялся и извивался

подобно червяку. Увидеть от входа что там в конце не представлялось возможным.

Бетти оглядела стены: тут тоже присутствовали охранные заклинания, но скорее следящие, чем боевые. Зато на двери первой же встреченной камеры она увидела вязь, которая должна была вытягивать магию из того, кто сидит внутри. Для ее сбора под глазком был приделан ящичек. Очевидно, в нем должен был находиться накопитель. Но сейчас эта камера была пуста, а заклинание неактивно. Саварда явно держали в другом месте.

Тем временем Дейрел двинулся вперед по проходу. Беттина поспешила за ним и быстро сообразила, зачем коридор вихляется, как пьяная змея. Это было сделано специально чтобы уменьшить для узников шанс на побег. Здесь от одной двери нельзя было увидеть другую, а на изгибах скрытно располагались заклинания — стражи. Они призваны были обездвижить того, кто смог бы выбраться из камеры, и поднять тревогу.

Двигаясь следом за Дейрелом, Бетти выпивала энергию из всех этих магических стражей и потихоньку разрушала браслеты подчинения. Они были призваны запереть магию в её теле, но не были рассчитаны на золотого дракона — существо с почти бездонным резервом. Наоборот, как только Бетти собрала в себе побольше энергии, они отказали и стали потихоньку осыпаться. На это она и рассчитывала: если давление в герметично закрытом чане будет больше расчётного, чан просто разорвёт. Оставалось только сдерживать это разрушение до того момента, когда она наконец найдет Вера.

Долго ждать не пришлось. После шестой или седьмой ловушки Дейрел наконец-то затормозил у одной из дверей. Плетение на ней сияло, накопитель исправно собирал магию. Это говорило о том, что внутри заключён маг. Судя по яркости охранных заклинаний, маг неслабый. Сердце Бетти на миг замерло, а затем забило быстро — быстро. Там Вер!

Дейрел остановился у камеры и снисходительным тоном предложил Беттине заглянуть в глазок. Она хотела видеть мужа? Ну так пусть смотрит! Что-то большее сможет получить когда выполнит приказы.

Бетти хотела выпить и это заклинание, но подумала, что Вер там совсем без сил. Полный магии накопитель ему сейчас не повредит. Придется открывать дверь не дурацкой силой, а применить ум и знания. А значит Дейрел и стражники ей могут помешать.

Она не хотела никого убивать, поэтому заговорила дружелюбно:

— Господин Дейрел, отойдите и не мешайте, и стражникам вашим прикажите то же самое, тогда с вами всё будет в порядке.

Он ответил с радостным изумлением:

— Ты собираешься освободить Саварда? И как ты это сделаешь, хотел бы я знать?

Бетти протянула руки вперед и браслеты осыпались на пол мелкой трухой.

— Очень просто, господин Дейрел. Возьму, и освобожу.

Радость на лице Дейрела сменилась ужасом:

— Но как?

Беттина зашипела как вскипевший чайник:

— А вот так! Расоведение надо было лучше учить! Я — золотой дракон, воплощённая магия! Вы бы еще демиурга в ограничивающие браслеты нарядили! Вот бы я полюбовалась!

Но маг не желал принять свое поражение и крикнул стражникам:

— Взять её!

Беттина развернулась ударила в протянувших к ней руки стражников стеной огня, надеясь, что у них хватит ума не лезть в пекло. Хватило не у всех. Двое сгорели мгновенно. Остальные двое спрятались за поворотом. Зато Дейрел, к которому Бетти оказалась спиной,

попытался ее схватить сзади. Ему это почти удалось. Почти, потому что Беттина, спасаясь от созданного собственноручно пламени, мигом перекинулась в дракона. Вот только места для трансформации оказалось маловато. Она почти без остатка заполнила коридор драконьим телом, а задом просто расплющила мага об стену. Он завопил, но воздух быстро кончился. Когда Бетти вернулась к своему обычному виду, Дейрел без сознания лежал у стены с переломанными рёбрами и даже не стонал.

Девушка пожалала плечами: ей некогда было заниматься глупыми магами, лезущими под руку, и сосредоточилась на двери. Тут в коридоре темницы возник кто-то ещё. Появился прямо из воздуха. Беттина испугалась и уже приготовилась давать отпор, но услышала знакомый голос:

— Бет, это я. Давай доставай своего Саварда, а я покараулю. Ты ещё не всех песчаников поджарила. Зато как здорово приготовила отбивную из мага! Я просто любовалась!

Бетти выдохнула с облегчением:

— Лис, это ты! Какое счастье!

— Давай, давай, трудись, — поощрила ее Лисса, — Болтать потом будем. Я так поняла, ты хочешь открыть дверь и отключить охранку, не забирая себе магию из плетения?! Ищи силовой узел, а я покараулю. Кстати, если открыть глазок, ты сможешь позвать Саварда и воспользоваться его знаниями. Лишним не будет, точно тебе говорю.

Беттина только после слов подруги сообразила, что может поговорить с мужем до того, как откроет камеру. Но для того, чтобы открыть глазок, нужен ключ, который непременно должен быть у Дейрела. А если у него есть ключ от глазка, то почему бы не быть и ключу от камеры? И вообще, зачем ломать, когда можно открыть?! Она встала на колени и быстро обыскала карманы мага. Там ничего толкового, кроме табакерки и горсти амулетов разного назначения не нашлось. Связка ключей висела у него на поясе под мантией. Хорошо, что не на груди, а то Бетти бы её покорёжила вместе с грудной клеткой мага.

Лисса наблюдала за этим представлением с неослабевающим интересом. Затем спросила:

— До тебя только сейчас дошло, что камеру можно открыть ключом?

Беттина не ответила. Она уже возилась с замками. Надо было не только отпереть камеру, но и добыть из ящичка полный накопитель.

Пока она ковырялась два оставшихся стражника успели сбегать ко входу и позвали тех, кого Дейрел оставил этот самый вход охранять. После чего уже четверо стали осторожно подбираться к девушкам.

Бедняги не знали, с кем связываются. Против золотого дракона и демиурга бесполезна даже заговоренная сеть. Лисса вовремя их заметила и, будучи особой доброй и сострадательной, погрузила всех в глубокий сон.

Тем временем Бетти наконец справилась с замками. Возиться с кристаллом — накопителем не стала, просто толкнула дверь и ворвалась туда, где ее давно ждали. Влетев из светлого коридора в темноту, она не успела сориентироваться, как уже болтала ногами в воздухе. Савард подхватил ее на руки и прижал к себе, чтобы удостовериться, что перед ним его любимая жена. Он целовал ее куда попало и счастливо порывкивал:

— Рыбка моя! Радость! Моя Бетти! Пришла! Моя родная!

Тут раздался тягучий, как патока, голос Герулена:

— Думаю, ты уже убедил свою жену, что физические силы при тебе. А как насчёт магических?

— Ой, — выскользнула из рук Саварда Бетти, — Накопитель! Но... Вас тут двое, а накопитель один.

— Брось, девочка, — ответил эльф, — Одного хватит. Потрать его чтобы восстановить своего мужа, я и без магии пока обойдусь. Побуду иждивенцем. Ты не против?

Бетти хотела ответить, но тут в камеру вошла Лисса. Увидела Герулена и обрадовалась:

— Господин ректор, и вы здесь! Как удачно! Искать не надо. А где этот, из Лисилии? Он тоже с вами?

— Маелиус Акмар! — воскликнул Савард, — Действительно, куда его дели? Надо его найти, без него нам не стоит возвращаться.

Бетти уже хотела срываться с места и бежать вызволять Акмара, но Лисса её остановила:

— Бет, не валяй дурака. Давай сюда ключи. Сейчас я пройду по камерам и поищу бедолагу, а ты займись мужем.

— А если не найдешь? — заволновалась Беттина.

— Вот если не найду, тогда будем думать. Но мне кажется, он здесь. Где ему ещё быть?

Бетти хотела возразить, что в этой подземной темнице не один коридор, но промолчала. Вместо этого метнулась к ящичку, достала из него накопитель и вручила Веру. Меньше, чем через полминуты он был пуст, а Савард снова ощутил свою силу, правда, не в полном объеме.

Тут Беттину осенило: она же переполнена магией! Отдать её напрямую сложно, но через накопитель... Она схватила кристалл, наполнила его силой до отказа и протянула мужу.

Тот хотел отказаться в пользу Герулена, но Бет его остановила:

— Восстанови сначала свой резерв. А для господина ректора я наполню еще один. Всё равно мне магию некуда девать. Эх, был бы у меня мой фирменный накопитель, дело пошло бы гораздо быстрее.

— У меня есть, — вспомнил Савард, — в кармане штанов завалялся. Я только сейчас вспомнил.

И он протянул Бетти знакомый кристалл.

Смотревший на всё это с интересом Герулен заметил:

— Я всегда говорил, что любовь плохо влияет на мозги, но не думал, что настолько.

Не прошло и минуты, как ему тоже вручили накопитель, чтобы восстановить силу. Пока он сидел, сжимая его в руке, прибежала Лисса:

— Там, там... Я нашла Акмара, но, как мне кажется, он умирает.

Савард тут же рванулся на помощь другу, даже не спросив, где тот находится и этим подтвердил слова Герулена о влиянии чувств на мозги. Лисса с трудом сумела поймать учителя и направить в нужную сторону.

За нею побежала и Беттина. Эльф вышел из камеры последним и спокойным, размеренным шагом отправился вслед за товарищами.

Маелиуса они нашли в отдельной камере, которая даже не была толком заперта. Маг лежал без сознания и, казалось, умирал. Лисса схватила накопитель из рук Герулена, наполнила его силой из ближайшей ловушки и сунула в руку главы Совета Магов. Но тот даже не попытался сжать пальцы, чтобы забрать энергию.

Тогда Лисса оглядела стоящих рядом, упрямо набычилась и пробормотала:

— Только не говорите Джимми!

Затем опустилась на колени перед лежанкой, прижала губы ко рту умирающего и выдохнула ему в рот частицу живой силы. Бетти стояла рядом и прекрасно видела, что она делает. Сейчас до неё дошла разница между демиургом и золотым драконом: ей такое было недоступно. Вернуть к жизни того, кто уже встал на тропу смерти никто из созданий был не способен. Только создатель.

Ресницы Маелиуса задрожали и он сжал в руке накопитель.

Лисса отшатнулась от него, поднялась и сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Жить будет, но чтобы восстановиться ему потребуется время. Оставим здесь, потом заберём, или?...

Савард, ни слова не говоря, взвалил так и не пришедшего в себя приятеля на плечо. Затем спросил жену:

— Бетти, ты обратную дорогу знаешь? Нам бы выбраться отсюда...

Та в ответ быстро — быстро закивала:

— Знаю, знаю. Нас уже ждут. Пойдемте.

— Я буду прикрывать, — сказала Лисса.

Никто и не подумал с ней спорить.

Они преодолели тюремный коридор, выбрались в круглый зал, где Бетти вытянула энергию из всех попавшихся ей на пути ловушек, и поднялись по лестнице на второй этаж административной части дворца.

А там...

Когда Беттина шла вызволять своего мужа, коридор был пустым и безмолвным. Сейчас же по нему с криками носились служащие и вопили:

— Дракон! Дракон! Спасайся кто может!

* * *

Беттина недовольно сморщила нос. Пройти через охваченную паникой толпу сложнее, чем через организованный отряд гвардейцев. Тем более что против силы она бы не задумалась применить силу, а убивать несчастных, ни в чем не повинных перепуганных людей ей категорически не хотелось.

Выручил Савард. Рывкнул своим зычным голосом:

— Стоять!

Его ор перекрыл все остальные шумы и подействовал магически: все застыли там, где услышали команду. Вер удовлетворённо хмыкнул, затем скомандовал снова:

— Вдоль стенки стройсь!

Еще минуту назад паниковавшие люди стали расходиться к стенам и быстро образовали две неровные шеренги. Увидев, как старательно служащие выполняют его приказ, Савард добавил:

— И быстренько — быстренько по лестнице в подвал! Там дракон не достанет!

Для убедительности он рукой указал куда надо двигаться. Дверь на лестницу оставалась широко открытой и сейчас манила своим зевом, приглашая в безопасное место.

Дворцовые служители кротко двинулись указанную им сторону. Только какой-то низенький толстячок вдруг остановился около Саварда и спросил:

— А кто вы такой, господин хороший? Почему командуете?

Ну надо же, какая у дяденьки крепкая психика, — подумал Вер и ласково пояснил: — Я тоже дракон. Если не хотите в укрытие, могу съесть прямо сейчас.

Бетти за его спиной нервно хохотнула. Надо же так напугать человека. Драконом в их компании была только она, но люди в её рацион не входили.

Толстячок ойкнул и шустро нырнул в темнеющий дверной проём, ловко ввинтившись в общую очередь. Те, кому удалось услышать этот разговор, тоже ускорились.

Не прошло и трёх минут, как коридор перед ними был девственно чист и пуст.

— Отлично! — резюмировал результат воплощения в жизнь своей идеи Савард, — За мной! На выход!

Им без помех удалось спуститься на первый этаж, но дорогу к выходу преграждали сбившиеся в кучу люди из тех, что работали на первом этаже: курьеры, секретари, администраторы и клерки. Они боялись беснующегося дракона, но и в здании не хотели оставаться, вот и толпились бестолково, ни туда, ни сюда. Пришлось ворваться в какой-то пустой кабинет и расположиться там. Савард снял защиту с внешней стены и распахнул окна, чтобы увидеть, что происходит.

Видно было немного, но одно оставалось ясным: административное крыло пока не пострадало. Авенару в окно тоже видно не было, вероятно, она сейчас действовала где-то с другой стороны дворца.

Беттина поспешила связаться с бабушкой. Она так перенервничала, что на её ментальный призыв Авенара отозвалась недовольным:

— Потихе! Не ори! Я и так тебя отлично слышу. Ну как?

Бетти отчиталась:

— Всё нормально. Вер и Герулен живы — здоровы, они идут со мной. Маелис Акмар без сознания, но тоже жив. Его нужно срочно эвакуировать в Академию и лечить.

Тут со стороны главного входа раздался жуткий рёв дракона, окрестности осветились ярким пламенем, загрохотало так, будто обрушилось всё на свете, а затем в небо поднялся столб чёрного дыма.

Сразу после этого в поле зрения бывших пленников появился золотой дракон. Тут же в голове у каждого зазвучал голос Авенары:

— Ребята, я пока отвлекла гвардию, они там парадный вход от завалов разбирают. А вы быстро на крышу! Я вас подберу и домой!

— Э, нет, — вдруг воспротивился Савард, — Мы сюда шли на переговоры, надо это дело завершить. Я не привык за собой оставлять недоделанное.

— Не валяй дурака! — шикнул на него Герулен, — Сперва мы должны отправить Мая к лекарям. А переговоры от нас не уйдут, тем более мы не знаем, есть ли там ещё с кем переговариваться.

— Быстро на крышу! — сердито зарычала Авенара, — А то сейчас как огнем шарахну и будете у меня все поджаренные!

Бетти полностью разделяла позицию бабушки: надо сначала удалиться на безопасное расстояние, разобраться с больными и ранеными, а затем решать, что и как делать дальше. Поэтому она молча дёрнул мужа за рукав и потащила за собой на лестницу, ведущую наверх.

Добравшись до третьего этажа, на котором располагались кабинеты министров, зал заседаний и переговорные, они остановились. С лестницы выхода на крышу не было. Вспомнив, как это устроено внизу, Савард уверенно повёл всех на другую сторону здания. Здесь не было одного длинного коридора, вернее, он причудливо изгибался, формируя холлы

и делая петли вокруг больших помещений. Когда же Бетти и компания добрались до того места. Где должна была располагаться нужная лестница, их ждало разочарование: хода наверх не было и здесь. Зато их встречали. Отряд отлично вооруженных гвардейцев во главе с Ансаром Эгеленом перешел в административную часть из парадной. Они сгрудились вокруг полумёртвого от страха Матильды, прижимающей к себе симпатичного мальчишку лет семи. Паренёк как раз ничего не боялся: всё время пытался вылезти из материнских объятий и посмотреть, что происходит.

Для Бетти, да и для Герулена его родство с Эгеленом было явно. И внешне похож, и такой же как все песчанники прирождённый воин, не знающий страха.

Увидев врага, которого они считали уничтоженным или хотя бы обезвреженным, песчаные демоны, стоявшие впереди, обнажили сабли, а те, что скрывались за ними, вытащили заряженные арбалеты.

Понятно, собираются драться. Будут защищать свою императрицу до последней капли крови.

И что с ними делать? Магия на песчанников не действует, а в обычной драке Савард может расправиться с любым из них, но не с двумя десятками сразу. Герулен не боец, Акмар вообще еле дышит...

Бетти сразу приняла единственно разумное решение, но прекрасно понимала, что её муж в данном случае станет возражать. Поэтому она ничего не сказала Веру, а просто поднырнула под его руку и быстро выбежала вперёд, одновременно трансформируясь.

При виде золотого дракона передние воины подняли сабли, а задние выстрелили. Они плохо себе представляли, с кем связались. Дракна можно победить, но надо знать как и застать его врасплох. Тут же нападение было неожиданным для них самих.

Беттина коротко выдохнула. Она была ещё неопытным драконом и плохо регулировала свой огонь, но тут ей удалось выбросить короткий, но очень горячий язык пламени, который почти долетел до первых рядом охраны Матильды.

Болты сгорели в драконьем огне на подлёте. Пламя было столь мощным, что сабли оплавилась. Мужчины бросали их, пытаясь прикрыть лицо от нестерпимого жара.

Хуже всего пришлось Ансару Эгелену: его опалило не на шутку: одежда сгорела, оружие и драгоценности расплавились, кожа покрылась огромными волдырями. Красивое лицо песчанника обгорело и покрылось копотью.

Бетти ужаснулась результатам своего нападения: она не стремилась сохранить Эгелену жизнь, но не хотела ему столь мучительной гибели. Поэтому сделала ещё два шага вперёд и ударила лапой с крепкими когтями. Бывший любовник Матильды упал на пол мёртвым. Драконий коготь перебил ему шею.

Стоило Бетти обернуться драконом, как императрица упала на пол, прикрыв телом сына, и дико завизжала. После огненной атаки она на мгновение замолчала, чтобы набрать в лёгкие воздуха, и тут увидела обезглавленное тело любовника. Вместо визга раздался дикий вой раненой волчицы.

От этого жуткого вопля у Беттины заложило уши и она самопроизвольно вновь превратилась в человека. Савард, опустив бесчувственного Акмара на пол, рванулся к ней, чтобы прикрыть от атаки оставшихся в строю песчаных демонов.

Бетти оглянулась на мужа и краем глаза за его спиной заметила движение, в котором прочитала угрозу. Снова перекидываться драконом было некогда да и опасно. Вер подбежал к ней слишком близко. К тому же огненная атака прошла бы над головами друзей и вполне

могла их уничтожить с врагом за компанию.

Но тут в голове Бетти как молния сверкнула: у них за спиной не песчаник, а значит, она может применить магию и в то же мгновение кинула в нападавшего оцепенением.

В ту же секунду она его узнала: это был неизвестно как выбравшийся из подвала Дейрел. Наскоро залечив повреждения, маг, вероятно, пошёл искать помощи, а наткнулся на бой и решил напасть с тыла. Он, видимо, не ожидал от Беттины такой прыти, потому что не подготовил эффективного щита. Заклинание сработало, пробив все защитные чары, и Дейрел застыл статуей. Одновременно с этим внезапно замолчала Матильда.

Теперь какое-то время бывший придворный маг был не опасен и Беттина снова обратила своё внимание на гвардейцев и императрицу. Было на что посмотреть. Лисса, которая не сразу сориентировалась, а потом ждала, когда подруга вернется в свой привычный облик и откроет ей обзор, наконец опомнилась и сделала то, что ей в голову пришло.

Так как на песчаных демонов не действовала даже магия демиургов, она разобралась с ними по — другому. Вырастила из пола и потолка железные штыри и заключила каждого в прочную клетку. При это превратила их оружие в лианы, которые связали воинов лучше любых веревок. Матильду же с сыном заключила в прозрачный шар, который не пропускал звуки. Видно было, что женщина всё ещё кричит, и только. Снаружи не было слышно ничего. Ребенок же отталкивал навалившуюся на него мать и пытался зажать ей рот. Ему сейчас приходилось туго.

Лисса подумала немного и поместила парнишку в отдельный шар, забрав его от матери. Теперь они могли видеть друг друга, но ор Матильды не ранил ушей ребенка.

— Всё, — выдала Лисса, — Можно уходить. Эй, ты, — обратилась она к одному из наименее пострадавших гвардейцев, — Как отсюда перебраться на крышу? Где выход?

Мужчина злобно таращился на неё и молчал. Лисса уже хотела послать поисковое заклинание, но тут из-за угла коридора вышла Авенара.

— Где вы застряли? Долго я ещё должна ждать? — воскликнула она, но вдруг узрела полностью всю картину и сменила гнев на милость, — Гляжу, вы Матильду поймали?! Ой, молодцы! А есть идея как её отсюда забрать?

Лисса ответила с гордостью:

— Легко! Сейчас привяжу к их вместилищам веревочки, зацеплю за пуговицу и они полетят за нами как воздушные шарики за детьми на ярмарке. Вы даже не заметите.

Драконца прищурилась и, видимо, нашла этот способ приемлемым. Конечно, воздушные шарики будут мешать полёту, но тащить на себе целую толпу она просто не в состоянии. А Бетти... Ей бы одного мужа на себе увезти. Савард не производил впечатления замороженного тяжелой неволей, но сейчас заставлять его открывать сложный портал на такую кучу народа было бы неосмотрительно. Так что способ Лиссы перемещать пленных можно было считать почти идеальным. О том, что юная дочь демиургов могла сама открыть портал любой конфигурации, Беттина бабушка не вспомнила.

— И Дейрела заberi, — скомандовала Авенара.

Тут же замерший маг оказался в таком же прозрачном коконе, что и императрица. От каждого шара к Лиссе протянулись видимые глазу тонкие силовые нити. Теперь они вынуждены были двигаться за ней следом куда бы она ни пошла.

Савард подобрал с пола Акмара и спросил Авенару:

— Вы знаете, как выбраться на крышу?

— Конечно. Ровно так, как я к вам сюда добралась. Пойдём!

Тут Савард пожалел, что не изучил заранее план дворца. Третий этаж имел свою автономную лестницу прямо с улицы, но надо было знать, где она проходит. Именно она заканчивалась на плоской крыше, где для высших сановников было устроено место для отдыха. Под большим полотняным навесом стояли удобные диванчики, столики, кресла... даже шкафчики с напитками.

Но никто не прельстился на эту роскошь. Все торопились вернуться домой с победой.

Авенара обернулась драконом, походя снеся чуть не половину диванчиков, и махнула головой, приглашая Герулена и Лиссу садиться и взять с собой Маелиуса, всё еще пребывавшего без сознания. Трех пассажиров она вполне могла везти.

Беттина тоже обернулась, довершив тем самым разгром. Савард живо забрался на загрибок любимой жены и забрал у Лиссы один их воздушных коконов, тот самый, в котором злобно скалился пришедший в себя Дейрел. Сделать он ничего не мог: магия демиурга полностью перекрывала его собственную. К тому же ушлая магичка заставила его воздушную тюрьму вытягивать из пленника силу на своё поддержание. Пусть сам попробует то, чем потчевал других.

Себе Лисса оставила императрицу с сыном. У той магии не было и её кокон нуждался в постоянной поддержке.

Когда драконы взлетели, все, кто мог, вытянули шеи, пытаясь рассмотреть нанесенный Авенарой ущерб. Он был значителен. Весь главный фасад дворца покрылся копотью, портик, через который входили внутрь, обрушился. Окна верхнего этажа были выбиты и из них вырывались клубы дыма и языки пламени: внутри бушевал пожар.

Лиссе подумалось, что дворец разрушать не стоит. Она щёлкнула пальцами и огонь погас. Тут же в её голове раздался довольный голос Авенары:

— Молодец, девочка, соображаешь. Новому императору понадобится место, где жить.

Ой, ещё новый император! Кто же им будет? Действительно, ему дворец пригодится, только придётся его восстановить. Ну да он не будет в обиде. В конце концов драконы действовали в его интересах.

* * *

Полёт продолжался недолго. Бетти с бабушкой воспользовались способностью драконов пронзать пространство и, как только удалились от столицы так, чтобы их не было видно, тут же перенеслись в окрестности Академии вместе со своим грузом. Правда, при этом коконы опасно истончились, но Лисса вовремя поправила дело. Вскоре они уже садились на верхнюю площадку главной башни. Она была просторной и достаточно крепкой, чтобы выдержать вес двух драконов одновременно.

Дейрела оставили в коконе, а Матильду с сыном выпустили. Здесь уже бывшая императрица никому не могла нанести вред. Поняв, что для неё всё кончено, она плюхнулась на пол, закрыла лицо руками и зарыдала, не обращая внимания на собственного ребенка.

Мальчишка оказался шустрым. Он не стал утешать плачущую мать, а подскочил к ещё не трансформировавшейся Беттине и попытался отковырять пару чешуек, за что получил добродушный подзатыльник от Саварда. Затем профессор обратился к нему:

— Послушай, парень, ты понял, что случилось? — мальчишка поднял на него полные опасения глаза, — Нет?

— Я понял, — вдруг отозвался паренёк, — Мы теперь будем жить в другом месте? Да?

— Молодец, — подключилась уже принявшая привычный вид Беттина, — Соображаешь. Иди утешь и успокой маму. Она женщина, она слабая и потому испугалась. А ты мужчина, ты главный.

Она надеялась, что мальчик поступит так, как она ему сказала, но у того оставались еще вопросы:

— А этот гад Ансар Эгелен умер? Ты его убила, да?

Бетти была в шоке. Она надеялась, что малец не видел, как она оторвала голову его отцу, но, кажется, её надежды не оправдались. Но реакция на это ребенка поражала. Выходит, родной папочка был сыну ненавистен? Хотя... Принц явно не знал, кто его отец, а Ансара не переносил по другой причине. Наверняка основательной.

Савард прикрыл жену, продолжив уговаривать мальчишку, который ему понравился:

— Да, Бетти уничтожила этого мерзавца. Ты ведь не расстроился?

— Расстроился? С чего бы? — буркнул малец, — Он был гадом каких поискать и маму обижал. Даже бил иногда. Вёл себя как будто он тут император. А она его терпела, глупая. Ты правильно сказал: я мужчина и я главный. Теперь я никому не дам маму в обиду. А где мы будем жить? — мгновенно перешел он от глобальных вопросов к насущным.

На это ответил присоединившийся к их компании Герулен:

— Мы поселим вас с мамой в особом месте. тебе понравится. Там всего вдоволь, есть где гулять, играть... Приставим к вас служанок...

Интересно, где мы их возьмём, — подумал Савард. Он всё ещё полагал, что Герулен имеет в виду какое-то место на территории Академии, — Хотя, среди жён магов есть лишённые дара, их можно попросить. Конечно, они очень злы на Матильду, но вряд ли нанесут вред ребёнку. Всё же о каком особом месте говорил Герулен?

Ректор тем временем обратился к всё ещё рыдавшей Матильде:

— Мы временно перенесём вас в замок Слёз, уважаемая. Сбежать оттуда невозможно, но там вы будете в безопасности и ваш сын тоже. Не волнуйтесь, нуждаться вы ни в чём не будете. Вашу дальнейшую судьбу решит новый император.

Матильда было вскинула голову и обожгла Герулена ненавидящим взглядом, но затем снова устремила глаза в пол и прошептала:

— Делайте что хотите, только бы мой мальчик был жив и здоров.

Пока шли эти разговоры, Маелиуса Акмара уже утащили целители, а на башню поднялись маги из Лисилии. Выслушав, куда Герулен собрался отправить Матильду, двое из них подхватили её и ребенка и исчезли в мареве портала.

Замок Слёз был древней крепостью на неприступном острове в море недалеко от берега. Эта крепость издревле использовалась как тюрьма для высокопоставленных узников, ибо добраться туда на лодке никому бы не удалось. Отвесные скалы, рифы и буруны делали высадку недоступной. Попасть на остров можно было только используя портал.

Там было всё, что могла пожелать фантазия существа, привыкшего к комфорту и роскоши, всё, кроме свободы. Чтобы выбраться с острова надо было быть сильным магом и вдобавок иметь особый амулет, разрешающий телепортацию. Ничего такого у Матильды не было, так что замок Слёз был для неё надёжным местом заточения. А мальчишке должно было там понравиться, хотя на первых порах. Настоящая древняя крепость это то, о чём

Как выяснилось, посланные за будущим императором уже вернулись. Винсент дожидался Герулена и остальных в кабинете ректора. Сидел за столом, закинув ногу на ногу, потягивал лёгкое белое вино из бокала, закусывал крохотными печеньями с морскими водорослями, которые обожала Беттина, и выглядел как существо, вполне довольное собой и окружающим.

На вид будущий император казался молодым, как все эльфы, но опытному глазу было заметно, что на самом деле он уже достаточно пожил на этом свете. Но до Герулена ему было далеко как по годам, так и по уму. Да и то сказать, куда долгоживущему полукровке до бессмертного эльфа. Хотя внешность у этих двоих была очень и очень сходная: один рост, одна комплекция, один цвет волос, да и черты лица типичные для эльфийской расы.

Увидев Винсента, Савард хмыкнул и постарался отвернуться, хотя бы временно, чтобы Винсент не увидел, как он смеется. Уж больно похож был красавец на Герулена не только эльфийской внешностью и статью, но и выражением непререкаемого превосходства. Это были не гордость и не надменность, а именно чувство, что данная личность априори лучше всех окружающих, но готова до них снисходить по той причине, что других, более достойных, всё равно нет.

Смотреть как этот совершенно чужой мужик присвоил не только кресло, но и любимое выражение лица ректора, было нестерпимо смешно. Остальным тоже было весело, но они лучше умели сдерживаться. Один Герулен оставался холодно спокоен. Себя со стороны он не видел, а то, что претендент на корону захватил его любимое кресло, не вызывало в нем восторга. Винсент сразу понял, что пришел хозяин кресла и вообще кабинета, легко поднялся и довольно приятно улыбнулся.

Представляться Герулену не пришлось, его и так знали все в империи. Поэтому эльф сдержанно поздоровался с Винсентом, познакомил его со своими спутниками и спросил, знает ли тот, зачем его сюда пригласили.

Тот пожал плечами, причем этот простой жест вышел у него на редкость величественным.

— Я полагаю, позвали меня сюда вы, так что вы мне об этом и расскажете.

Герулен на мгновение замялся.

— Видите ли, пригласили вас сюда госпожа Авенара и её внучка Беттина, супруга нашего проректора профессора Саварда. Я как раз в это время родился в плену у Матильды. А вот зачем позвали я могу вам сказать: мы предлагаем вам, как законному наследнику трона, занять его.

— А сын Юстина и Матильды? — спросил Винсент.

Он не торопился радоваться новым возможностям, из чего присутствующие заключили, что Беттина не ошиблась с выбором.

— Сын её не то, чтобы законный..., — ответил Герулен, — По крайней мере проверки артефактами императорской власти он бы не выдержал, а я не люблю мучить и убивать детей. Поэтому нашей стране нужен настоящий император, тот, кто воссядет на трон по закону и восстановит порядок. Надеюсь, то, что Матильда короновалась, не имея на это

никаких прав, не вызывает у вас сомнений.

— Не вызывает, — подтвердил Винсент, — Но я не понимаю, почему выбрали именно меня. Мой единокровный брат Валер имеет те же права...

Беттина потупилась. Выбор принадлежал ей, в своё время Герулен его так и не сделал. Она устала и не хотела говорить перед Винсентом, объясняя, как из двух братьев выбрала именно его. Делать будущего императора своим должником ей казалось неблагоприятным.

Выручила внучку Авенара. Она подарила всем свою лучшую улыбку и вступила в разговор:

— Вы же понимаете, что женщины выбирают сердцем?! Да, у вас с братом практически равные права, поэтому решение вопроса, кого из вас короновать, когда Матильда падёт, откладывался до последнего. Законнику, как вы понимаете, в этом случае было особенно трудно. Но когда Герулен Эстальский был в плену, нам срочно надо было определить, кто сядет на трон. Тогда мы с внучкой внимательно изучили ваши биографии и обе пришли к выводу, что вы нам нравитесь больше. Валер — он какой-то мутный. А тот, кто понравился сразу двум золотым драконам, не может не привести в восторг и всех остальных. Я правильно говорю? — вдруг обратилась она к Герулену.

Тот только глазами захлопал. С лица Винсента вдруг пропало выражение превосходства и он тепло улыбнулся всем присутствующим.

— Я понял, что на трон меня возводит выбор женщин, а они не могут быть неправы. Значит так тому и быть.

Дальше шло обсуждение деталей, от которых Савард решительно уклонился и увёл обеих девиц. Ему достаточно было знать, что Винсент согласился на коронацию. А все необходимые условия из него вытрясет Герулен. Зачем иначе он великий юрист?

За пределами ректорского кабинета их ждал совершенно ошалевший от волнения и долгого ожидания Джимми. Увидев Лиссу, он бросился вперед, обхватил девушку за талию и прижал к себе.

— Ни за что тебя больше не отпущу. Лучше пойду с тобой. Я, пока вас дождался, поседел весь.

Это было преувеличением: в очень светлой шевелюре Джеймса Хеддлстона седина в любом случае была незаметна.

Польщенная таким отношением Лисса расцеловала своего друга и поспешила перевести разговор.

— А ты уже решил, чем будешь заниматься?

— Как ни странно, да, — ответил Джимми, — Я хотел бы заняться теоретической магией, если её практический аспект мне недоступен. Тут нашлось несколько интересных тем...

Незаметно от мужчин девушки соединили ладони. Есть! На ближайшие сто лет Джимми обеспечен интересным занятием, а там он сам придумает что-нибудь другое. Пока математик не скучает, их союзу ничто не грозит. К счастью, этот парень умеет сам себя занять, а значит счастье им обеспечено.

Саварду меж тем надоело смотреть, как его ученица обнимается со своим мужчиной, а вернее стало завидно. Он по — быстрому распрощался с Джимми, и потянул жену в сторону покоев Арнильды. Ему хотелось наконец остаться с Бетти наедине и сказать ей, как ему было без неё плохо.

Когда двери комнаты за ними закрылись, Бетти неожиданно обернулась к мужу, обвила

руками его могучую шею и прошептала:

— Вер, мой Вер. Знаешь, я забыла тебе сказать: я тебя люблю.

Савард от неожиданности чуть не сел на пол там, где стоял. Он был готов годами доказывать Беттине свою любовь и ждать, что она когда-нибудь почувствует к нему нечто подобное. Но вот так... Об этом он даже не смел мечтать.

Опешив в первую минуту, во вторую он уже нашёлся. Подхватил жену на руки и закружил по комнате.

— Девочка моя! Ты знаешь, что я теперь самый счастливый мужчина на Ардайе? Да что там на Ардайе?! Во всём мироздании!

* * *

На полянке перед домом Сарториуса стоял раскладной столик, на котором было выставлено угощение к чаю. Счастливый хозяин сидел в обществе двух очаровательных девушек, одна из которых была высокой, худенькой и черноволосой, а вторая так и светилась золотом волос, глаз и кожи. Брюнетка спрашивала:

— Магистр, а что здесь было, пока нас не было?

— Да ничего особенного, — пожимал плечами пожилой маг, — если не считать, что ко мне в гости теперь часто заходит госпожа Актеллия. Ей очень нравится мой сад, она говорит, что здесь отдыхает душой. Ну что у меня, старика, может быть интересного? Вы лучше расскажите, как ваши дела.

Златоволосая потупилась, а тёмненькая оживилась:

— Ой, у нас всё отлично. Прабабушка Актеллия наконец разобралась с Гербериной и отправила её на исправительные работы: назначила Хранительницей мира Ходеш. Говорят, из всех миров, созданных Гербериной, там самый жуткий ужас: психованные на всю голову кровавые демоны, плотоядные монстры, тролли и каменные грифоны. Её задача сделать из этого нечто приемлемое.

Сарториус рассмеялся.

— Что госпожа Актеллия разберётся с дочерью я не сомневался. Ты-то чем занимаешься?

— Всё замечательно. Меня тоже назначили хранительницей одного из миров Герберины. Той самой Ардаи, на которой я выросла. Это не наказание, не думайте, скорее обучение. Мне нравится. Преподаю на кафедре Бетиного мужа, брожу по мирам и делаю их описания, приглядываю, чтобы в моём подопечном мире ничего особо вредного не случилось.

— А твой Джимми? — спросил Сарториус, — Лисса, как он прижился в твоём мире? Не тоскует?

Девушка отхлебнула чай и взяла с тарелки пирожное.

— Как можно! Он занят с утра до вечера. Преподаёт, пишет диссертацию и что-то там считает с утра до вечера. Занят так, что я иногда думаю: а нужна ли я ему?

Златовласка ткнула подругу в бок:

— Не стоит так о Джимми, ты знаешь, что во всём мироздании ему нужна только ты одна.

— Да даже твой дундук Савард уделяет тебе больше внимание чем мне мой

математик! — вдруг обиделась Лисса.

Сарториус взял обеих за руки и соединил прямо над столом.

— Бетти, Лисса, не ссорьтесь, девочки. Вы обе такие чудесные и я рад, что у вас всё хорошо. Кстати, Бетти, как твоя лавка? Торгуешь?

Та пожала плечами:

— А что ей сделается? Я время от времени посещаю Кариану, проверяю, как идут дела, собираю заказы, привожу товар... Но жить там... Это сонный, скучный мир, даром что там живут драконы. Никакой динамики. Вот когда соберусь рожать детей, тогда застряну там на какое-то время, как Алесса. Та боится увозить дочурку в другие миры, все они кажутся ей недостаточно безопасными и она права. Для малышни на Кариане рай. А вот уже учить их придётся где-то в другом месте.

— А мой друг Эверард Савард, как у него дела? — лукаво спросил старый маг.

Бетти вдруг встрепелась:

— А это вы сейчас у него самого спросите. Чует моё сердце, ещё минутка и они и с Джимми будут здесь.

Она оказалась права. Стоило прозвучать последнему слову, как на полянке в мареве портала возникли двое мужчин. Один высокий, широкоплечий, темноволосый богатырь, второй пониже ростом, стройный, белокурый, изящный как эльф.

Лисса и Бетти вскочили со своих мест и повисли каждая на шее своего мужчины. Затем оба сердечно поздоровались с Сарториусом и присоединились к чаепитию.

Пошел общий разговор. Каждый по — очереди вспоминал былое и рассказывал о своих делах. Последнее время друзья были так плотно заняты, что у них не оставалось времени на общение и в результате никто не знал, как обстоят дела у другого. А уж о том, чтобы следить за общей ситуацией и вовсе речь не шла.

Только такие редкие посиделки у общего друга и давали им возможность полноценно поговорить и узнать много нового и интересного.

Сарториус же, даром что так до сих пор и не побывал на Ардае, живо интересовался тамошними делами. Например тем, что бунт песчаных демонов наконец окончательно подавлен.

После того, как Винсент пришел к власти, он принял тронное имя Юстин III, отменил все указы Матильды как неправомочные, подтвердил свою приверженность законности и порядку и урезал наконец права песчаников. Теперь они должны были подчиняться не своим родовым правилам, а общим законам империи. Это стало возможным потому, что поддерживающие Матильду кланы проиграли и, как побеждённые, вынуждены были принять условия победителя.

Они с этим не смирились и неоднократно пытались вернуть былые вольности, но их выступления жестко подавлялись и с каждым разом бунт был всё слабее. Наконец недавно их главный шаман принёс присягу императору и Своду Законов на крови, после чего песчаные демоны потеряли возможность бунтовать. Теперь это было для них равно самоуничтожению.

Сама Матильда после смерти Ансара Эгелена и казни Дейрела потеряла интерес к жизни. Её какое-то время держали в замке Слэз, а затем отправили в дальнее поместье, принадлежащее императорскому дому с условием, что она не будет его покидать. Сын должен был оставаться с нею до двенадцатилетия, а затем поступить в обучение в военное училище. Потомок песчаного демона обещал вырасти смелым и сообразительным воином.

Герулен остался ректором и не так давно в гостях у своего зятя Авессалома познакомился с Сарториусом. Как ни странно, старый эльф и человеческий маг нашли общий язык и теперь общались, передавая письма через Лиссу или Бетти.

Авенара нашла своё счастье в Академии. Оно заключалось не только в личности ректора, но и в преподавательской деятельности. Она учила студентов особенностям драконьей магии и получала от этого ни с чем не сравнимое удовольствие. Драконицу долго мучил вопрос, почему её имя практически совпадает с фамилией Лиссы. Не родственники ли они? Когда же выяснилось, что они обе получили прозвания от одного и того же места, горы Авенар, и вопрос о родстве был снят, то она почему-то прониклась к девушке ещё более тёплыми чувствами и полюбила почти как родную внучку. Наверное ей нравилось, что Лисса ни при каких обстоятельствах не назовет ее бабушкой.

Кстати о родственниках. Лисса поинтересовалась, не был ли кто на базе и не видел ли кто её папашу. При этом она имела в виду Саварда, который прилачился там проводить свои эксперименты.

Вер её успокоил: на базе был, Эсгейрда видел, оставил тому кучу еды. Бедный младший демиург до сих пор боится появляться в родном домене, зато завел приятельские отношения с ребятами Исхиназьер и беззастенчиво их эксплуатирует. Те прониклись дружескими чувствами к Лиссе и её друзьям, Джимми и Саварду с Бетти, с которыми она их познакомила как раз на той самой базе, а потому терпят и Эсгейрда. Кормят его, содержат, приглашают в гости и даже не пытаются поставить его на место, как это привыкла делать родная дочь.

Всё хорошее имеет неприятную привычку заканчиваться. Наконец кончился и этот во всех смыслах прекрасный вечер. Сарториус извинился и ушёл спать первым: старик просто устал от обилия впечатлений.

Обе пары остались ночевать в его доме. Мужчины, вооружившись бутылкой вина, устроились у камина в гостиной, а их любимые всё ещё сидели в саду. Там было по — летнему тепло, сияла золотая луна, от цветов шёл густой волнующий аромат, и девушкам совершенно не хотелось променять эту красоту на сидение в комнатах. Тем более что им было о чём поболтать без свидетелей.

— Помнишь, как мы первый раз попали к Сарториусу? — вспомнила вдруг Беттина.

— Да, такое не забудешь, откликнулась Лисса, — Вроде столько времени прошло, столько всего случилось, а не забывается. Только тогда мы были глупыми девчонками и не знали сами себя.

— Можно подумать, мы теперь стали солидными дамами, — фыркнула Бетти.

— Бет, ну ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду, — надулась Лисса.

Прекрасная драконица потянулась и зевнула.

— Да понимаю я всё. Тогда ты не знала, что твои предки демиурги и ты унаследовала их силу. А я даже надеяться не могла, что обрету ипостась и способности золотого дракона. Но мы мечтали и надеялись.

— Да, — подтвердила её подруга, — Мечтали, надеялись и при этом не сидели сиднем, боролись за свои мечты, трудились и верили. И смотри: все наши мечты сбылись. Не так, как мы это себе представляли, но сбылись же!

Беттина снова зевнула, а за ней зевнула и Лисса. После чего золотая драконица подвела итог:

— Лис, пойдём-ка мы спать. День был непростой. И ты абсолютно права: всё случилось не так, как нам это представлялось, когда мы были зелёными девчонками. Но мы получили

то, что хотели и чего были достойны именно потому, что не ждали, когда счастье само свалится нам на голову. Так я буду и детей своих учить.

Тут до Лиссы дошло:

— Бет, ты беременна!

Беттина потупилась и покраснела, затем утвердительно кивнула.

— А Савард знает?

— Я ещё не говорила ему, сама только сегодня поняла.

Лисса расцеловала подругу. Как хорошо! Им с Джимми в ближайшее время потомство не светило, как демиург девушка была слишком юной и не могла пока выносить ребенка, так что она сразу приготовилась стать для Беттиноного малыша доброй тётёй Лиссой.

Вот и новый этап жизни подошёл. А что? Главное верить, что все еще впереди, всё только начинается, и действовать, чтобы это будущее было прекрасным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net